

Материалы международной
научной конференции

Этнолингвистика
Ономастика
Этимология

Екатеринбург
7–11 сентября 2022 г.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт славяноведения РАН

ЭТНОЛИНГВИСТИКА. ОНОМАСТИКА. ЭТИМОЛОГИЯ

Материалы
V Международной научной конференции
Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

Редакционная коллегия:

Е. Л. Березович (отв. ред.), О. Д. Сурикова (отв. ред.),
Е. О. Борисова (отв. секр.), С. О. Горяев, Н. В. Кабинина,
К. В. Осипова, М. Э. Рут

Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы
Э91 V Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. /
Уральский федеральный университет, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН ;
[редкол.: Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова (отв. ред.) и др.]. —
Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — 292 с. — ISBN 978-
5-7996-3508-4 — Текст: электронный.

ISBN 978-5-7996-3508-4

DOI 10.15826/B978-5-7996-3508-4

В работах исследователей из России, стран ближнего и дальнего зарубежья рассматривается широкий спектр актуальных проблем этнолингвистики, ономастики, этимологии как общего, так и частного порядка. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия указанных областей языкознания — лингвокультурологическим аспектам ономастики, диалектологии и контактологии, этимологизации и семантической реконструкции нарицательных и собственных имен с опорой на этнолингвистическую информацию и др. Материалом для докладов послужили факты различных языков — в первую очередь русского и других славянских, а также романских, германских, финно-угорских, тюркских и др.

ББК Ш100.04

Содержание

<i>Аникин А. Е.</i> Из истории русских омонимов: <i>жупан</i>	6
<i>Антропов Н. П.</i> Таинственный гапакс новгородской грамоты № 330 и его окружение	12
<i>Березович Е. Л., Иванова Е. Э.</i> К реконструкции системы горной мифонимии Урала: общий обзор.....	18
<i>Бобунова М. А.</i> Наименования сторон света в русском фольклоре.....	26
<i>Борисова Е. О.</i> Отгопонимическая номинативная модель в ювелирной терминологии (на примере наименований огранок).....	31
<i>Бунчук Т. Н.</i> <i>Кур пестреть</i> : этнолингвистический потенциал устойчивого выражения	39
<i>Валенцова М. М.</i> Славянская демонимия: типология и ареалогия	45
<i>Варбот Ж. Ж.</i> К этимологии праслав. * <i>rana</i>	51
<i>Варникова Е. Н.</i> К вопросу об «императивных» конструкциях в славянской ономастике.....	55
<i>Васильева Н. В.</i> Метаязык литературной ономастики в лексикографическом представлении.....	63
<i>Володина Т. В.</i> <i>Ідзіце, пералогі, чорту пад ногі</i> : этимология и мифопоэтика этномедицинского наименования.....	67
<i>Гайдамашко Р. В.</i> О названиях жимолости в русских говорах Верхнего Прикамья, коми языках и шире	72
<i>Галицына Е. Г.</i> Манжетка обыкновенная (<i>Alchemilla Vulgaris L.</i>) в народной номенклатуре германских и финно-пермских языков.....	78
<i>Гура А. В.</i> Названия щекотки в славянских языках и диалектах	84
<i>Дамбуев И. А.</i> Телескопия во французской хоронимии.....	93
<i>Дзищойты Ю. А.</i> К этимологии эпического имени <i>Zerassæ</i>	98
<i>Дмитриева Т. Н.</i> Диалектологические исследования А. К. Матвеева на Северном Урале (по полевым материалам 1950-х гг.).....	102
<i>Добровольская В. Е.</i> <i>Хам</i> и <i>Калёные зубы</i> : имена персонажей сказки сюжетного типа СУС-480В*	108
<i>Дьёни Г.</i> Ловушки языкознания: тюркология, история и идеология в исследовании ранней истории мадьяр	112
<i>Кабинина Н. В.</i> К вопросу об этимологии основы <i>Анд-</i> в гидронимии Европейского Севера России.....	117

<i>Комлева Н. В.</i> Текстобразующая роль имени в рассказах В. И. Белова «Вовка-сапюк» и «Тезки».....	123
<i>Кондратенко М. М.</i> Особенности номинации времени в северо-западных белорусских говорах	129
<i>Королёва С. Ю.</i> Антропонимы в фольклорных преданиях о первопоселенцах (на материале Северного Прикамья)	134
<i>Красовская Н. А.</i> Некоторые особенности языка региональной периодики военного времени	140
<i>Куркина Л. В.</i> Из наблюдений над семантикой и этимологией рус. диал. <i>хвоить</i>	144
<i>Кучко В. С.</i> История освоения реалии как мотив номинации (на примере минералонимии).....	151
<i>Лань Лин, Голомидова М. В.</i> Специфика семантического ореола ойконима Чэнду по данным текстов китайской художественной литературы	157
<i>Леонтьева М. О.</i> К реконструкции системной метафоры в севернорусской соматической лексике	163
<i>Малькова Я. В.</i> К этимологии рус. диал. <i>хárмовать</i> ‘брезговать’	169
<i>Мокиенко В. М.</i> <i>Стыд</i> и <i>срам</i> в восточнославянской паремиологии.....	174
<i>Моргунова О. В.</i> Составление словаря русской народной хронимии для иностранцев: особенности и проблемы.....	181
<i>Мызников С. А.</i> Следы валдайского диалекта карельского языка в говорах Новгородской и Тверской областей	186
<i>Осипова К. В.</i> К этимологии сев.-рус. <i>луда</i> ‘похлебка, каша из толокна’.....	190
<i>Подюков И. А.</i> Отыменные профессионализмы в промышленной речи Прикамья	196
<i>Попов С. А.</i> Ойконимы с «космическими» названиями в постсоветском топонимическом пространстве.....	201
<i>Разумов Р. В.</i> Эволюция меморативов в русской урбанонимии XIX–XXI вв.	205
<i>Ристий С. С., Лазий-Коцьк И. В.</i> Анализа анкетне листе вредносних концепата према старосној доби испитаника	211
<i>Рогалева Е. И., Никитина Т. Г.</i> Этимологическая парафраза в учебном фразеологическом словаре	218
<i>Романова Т. П.</i> Ценностные маркеры самарской идентичности в онимическом пространстве города	223
<i>Рут М. Э.</i> Легко ли назвать улицу.....	228
<i>Супрун В. И.</i> <i>Рдяный, русый</i> и <i>рыжий</i> : этимологическое родство колоронимов.....	233

<i>Сурикова О. Д.</i> Мир войны и мир горницы в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова	238
<i>Теуш О. А.</i> Региональная топонимия в «Отчете об экскурсиях в окрестностях Лальска» М. Прянишникова в этимолого-ономазиологическом аспекте	246
<i>Толстая С. М.</i> Фольклорный текст как лингвистический источник.....	249
<i>Толстик С. А.</i> Русский национальный образ внешности: к истории и этимологии диал. <i>гойный</i>	256
<i>Феоктистова Л. А.</i> О проекте этимолого-мотивационного словаря деантропонимов в севернорусских говорах.....	262
<i>Хисамитдинова Ф. Г.</i> Личные имена мифологических персонажей в тюркской мифонимии.....	270
<i>Черных А. В.</i> Святочное ряженье в народной терминологии русских Урала	276
<i>Шалаева Т. В.</i> К этимологии русской диалектной лексемы <i>посák</i> 'вор, мошенник'	282
Сокращения	287

А. Е. Аникин

Институт филологии СО РАН

Новосибирск, Россия

alexandr_anikin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Из истории русских омонимов: *жупан*

В статье с этимологических позиций рассматриваются диалектные омонимы, отмеченные в русском языке для слова *жупан*. Главное внимание уделяется лексемам, засвидетельствованным в говорах Камчатки и Колымы, где рус. *жупан* ‘мужчина, отождествляющий себя с женщиной’ может быть заимствованием из ительм. *shoponach* ‘входная дверь зимней хижины камчадалов’. Однако автору представляется более вероятным, что *жупан* возникло еще до прихода русских в Сибирь — как исконно русское прозвище человека с большим или иначе «отмеченным» задом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лексикология; русская диалектная лексика; омонимы; этимология; лексема *жупан*

Помимо омонимичных *жупán* ‘род властителя у славян’ и *жупán* ‘род верхней одежды’, в источниках по русской лексике известны еще два диалектных омонима, оба относятся к редким и давно вышедшим из употребления. Первый из них — камч. *жупán* ‘другой, не через дымоход, выход из юрты’, ‘труба для впуска воздуха во время топки’ [Аникин, 2000, 207], объясняемое из ительменского источника типа *shoponach* ‘входная дверь зимней хижины камчадалов (ительменов)’ [Богораз, 1939, 134]. Последнее расценено В. Г. Богоразом [Там же] и как источник второго из рассматриваемых омонимов — рус. *жупан*

© Аникин А. Е., 2022

в качестве засвидетельствованного в XVIII–XIX вв. на Колыме и Камчатке названия мужчины, считающего себя женщиной и выполняющего женские работы и прочие обязанности. В описании Г. Ф. Миллера: «На Камчатке имеются также лица мужского пола, которые, вопреки природе, разрешают использовать себя для разврата с задней позиции¹. Их называют на языке этой страны *Tschupan'ами*. <...> Они живут среди женщин, выполняют все женские работы и одеваются по-женски» [Миллер, 2009, 151]. Для женщин и «превращенных» мужчин имелся особый вход, для «обычных» мужчин был вход на крыше, через дымоход. Если принять, что название человека измененного пола происходит от ительменского названия «женского» входа в юрту, то рус. *жупан* в качестве подобного названия пришло на Колыму с Камчатки.

Из других сведений о *жупанах*: «Среди русских поселенцев на Нижней Колыме, которые ничем не отличаются от обрусевших юкагиров, <...> я встретил старика, который имел бороду и мужские детородные органы. Несмотря на это, он всю жизнь прожил как женщина. Он носил женскую одежду, исполнял женские работы и даже в разговоре говорил о себе в женском роде. Соседи называли его “Жупан”. Это имя представляет местное русское название человека измененного пола и применяется также и по отношению к превращенным туземцам» [Богораз, 1939, 134]; *жупаны* — «мужики, женскую должность отправляющие, из которых иные собственных мужей имели, а иные переменных» [Крашенинников, 1949, 695]. По сообщению Г. В. Стеллера, у ительменов, помимо жен, могли быть и *жупаны* (нередко юнцы в женском одеянии), причем жены-женщины не проявляли по отношению к женам-*жупанам* никакой ревности и дружили с ними [Стеллер, 2011]. Аналогии *жупанов* были известны, например, у чукчей: чук. *ȳéucǵicǵe(η)* ‘превращенный шаман (считающий себя женщиной и ведущий женский образ жизни)’, букв. «женоподобный» (также *ȳrkā-laul*, букв. «мягкий человек») [ЛРС, II].

Оценивая приведенное выше объяснение *жупан* у В. Г. Богораза, следует принять во внимание обоснованное А. А. Зализняком

¹ Г. Ф. Миллер составил подробные инструкции, использовавшиеся при работе на Камчатке С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером. Инструкции Миллера предполагали и сбор сведений о «позитурах» соития у коренных народов Сибири. «Заднюю позицию», о которой говорится у Миллера, Стеллер в своем описании Камчатки и камчадалов обозначает латинским *per anum* ‘через анус’, говоря о юнцах-*жупанах* [Стеллер, 2011].

происхождение рус. *жѡпа* из более раннего *жу́па*, сохранившегося в словаре Спарвенфельда XVII в. и ряде диалектизмов. Форма *жу́па* восходит к праслав. **djupa* < и.-е. **dheup-ā* [Зализняк, 2013, 36–40], ср. близкородственные формы с **o*-вокализмом: рус. диал. *ду́па*, белорус., укр. *ду́па* ‘задница’, чеш. устар. *doupa* ‘дупло, нора’, словц. *dúpa* ‘нора, пещера, дупло’, польск. *dupa* ‘задница’ < праслав. **dupa* ‘яма, дупло’, ‘нора, пещера’ < и.-е. **dhou-p-* ‘глубокий, пустой’ [РЭС, 15, 127–128, с дальнейшей литературой].

Если камчатско-колымское *жупáн*, как писал В. Г. Богораз, происходит из ительм. *shoponach*, оно вполне могло подвергнуться влиянию *жу́па* и его дериватов. Более вероятным представляется, однако, возникновение еще до прихода русских в Сибирь слова *жупáн* как исконно русского прозвища человека с большим или иначе «отмеченным» задом (= *жонáн*), поначалу, возможно, бранного и лишь вторично ассоциированного на Камчатке с ительменским названием части жилища². Представляется, что сказанному не противоречат следующие соображения Г. В. Стеллера: перечисляя названия дымохода в ительменских диалектах (но не упоминая об особом «женском» входе в жилище), он пишет, что на р. Камчатка дымовое отверстие называется *пван*. Русские «казацкие филологи» (так у Стеллера) в шутку образовали из него слово *жупан*, закрепившееся в качестве названия этой части жилища [Стеллер, 2011].

Нетрудно заметить сходство между рассматриваемым *жупан* и ст.-рус. *жу́пикъ* (*жю́пикъ*) ‘человек, не достигший зрелого возраста’, ‘ругательство’: «Будучи онъ Иванъ <...> пьянь и меня сироту <...> всякою скаредною неподобною бранию бранил и жюпикомъ называлъ и тайны уды тряель» (1688) [СлРЯ XI–XVII, 5, 125]. Бранное употребление слова и в целом цитированный контекст делают весьма вероятным образование *жу́пикъ* (*жю́пикъ*) от *жу́па* = *жѡпа*, с которым связаны также диал. *жу́почка* ‘гусиное перо в качестве украшения шляпы’ наряду с тул. *жѡпки* мн. ‘утиные перышки, воткнутые в серьги около уха для красоты’, смол. *жу́пла* ‘небольшого роста полная женщина’ — наряду с влад. *жѡпанья* ‘толстая женщина’ [Зализняк, 2013, 38], арх. *жѡпиха* ‘прозвище’ [АОС, 14, 303], ср. влад. *жѡпáн* ‘толстый ребенок’ [СРНГ,

² Ср. анекдот о бегстве из окружения Чапаева, Петьки и Анки-пулеметчицы, у которой в дымоходе застрял *таз*.

9, 215]. Последнее обнаруживает тот же исход слова (суффикс *ан-*), что и *жупán*. Помимо *жупла* (производное с суффиксом **-ьла*), уместно привести мужской коррелят — смол. *жупел* ‘полненый, небольшого роста человек’ [СРНГ, 9, 227], исходно с суффиксом **-ьль*, как в *козёл* < **козьль* ‘самец козы’ от **koza*.

Возможно также сравнение рассматриваемых слов с новг. *жупник* ‘крестьянское прозвище’ [СРНГ, 9, 227], арх. *жупник* ‘прозвище’, фамилией *Жупников* [АОС, 14, 337]. Эти слова лучше отделить от праслав. (в основном зап., юж.) **županь* ‘начальник округа’ (иначе [Васильев, 2012, 291]), с которым опосредованно связано и упомянутое рус. *жупán* ‘род властителя у славян’, у Даля *жупán* ‘род губернатора, правитель жупанства или округа, в разных славянских землях’ [Даль, 1, 547], ср. рус. ц.-слав. *жупань* ‘правитель округа (в Сербии); титул’ (XVI в.) [СлРЯ XI–XVII, 5, 124], об этимологии см. [Фасмер, 2, 66].

В отношении указанных сравнений недостаточно ясны древне-новгородское имя собственное *Жюпанко* в берестяной грамоте № 218 (XIII в.) [Зализняк, 2004, 487–488] и название средневековой деревни в Шелонской пятине *Жупаново* (1498) от предполагаемого имени *Жупань* или *Жюпань* [Васильев, 2012, 291] (здесь и другие данные). Институт жупанства на великорусских землях не был распространен. Продолжения **županь* в живой восточнославянской апеллятивной лексике неизвестны (за исключением укр. (< ? польск.) зап. *жупán* ‘глава жупы’ [ЕСУМ, 2, 209]), но могли сохраниться в антропонимии и топонимии.

Уместно коснуться еще некоторых слов, принадлежащих, по всей вероятности, к рассматриваемому лексическому гнезду: ср. вулгаризмы *жобить* и *жобиться* ‘жадничать’ [Викисловарь]. Производство от *жоба* предполагает исходное значение ‘закрыть что-л. задом, закрывая доступ к этому предмету’, ср. *зажобить* ‘утаить’, ‘пожадничать’ (= ‘закрыть задом, жопой’), также ‘застать, схватить на месте преступления’³, букв. «схватить за жопу». Диал. *жобиться* ‘плакать, куситься’: «Мальчик-то всё жопится» (тамб.) [СРНГ, 9, 215] < (?) ‘плакать, лишившись (не имея) чего-л.’. Более ранний корневой вокализм,

³ Однажды, весной 1992 г., на Ленинском проспекте у площади Гагарина в Москве «москвич» попытался проскочить на красный свет, но был остановлен свистком милиционера, что спешивший на работу Е. А. Хелимский с удовлетворением описал словами «Хорошо зажопил!».

возможно, представлен в арх. *жу́ниться* ‘проявлять жадность, скупиться’ [АОС, 14, 337].

Из префиксальных образований ср. также груб., прост. *поджо́пить* ‘сделать подлость, гадость’, *прижо́пить* ‘захватить на месте преступления’. Сущ. *поджо́пник* ‘удар по заду (чаще ногой)’ образовано от словосочетания *под жо́пу* (ударить), ср. *подзаты́льник*. Узкоспециальное *нажо́пник* ‘накладка к задней части штанов’ — от *на жо́пу* (надеть).

Выражение *лизать жо́пу* находит аналогию в нем. *Arsch lecken* (ср. *жополіз* и нем. *Arschlecker* ‘подлый лъстец, угодник’, замечание И. А. Бодуэна де Куртенэ в [Даль₃, 1, 1361]), возможна калька немецкого выражения.

Представление о противоестественности однополого соития *через жо́пу* (ср. выше *per anum* у Г. В. Стеллера) могло стать мотивировкой для нередкого функционирования этого выражения в значении ‘не так, как следует; нелепым образом, по-дурацки’: *делать (всё) через жо́пу* и т. п.

В заключение два коротких комментария к словам, относящимся к тому же семантическому полю, что и *жупан*.

Рус. ц.-слав. *женыривьи* ‘евнух’ (XIV в.) [Срезневский, 1, 859], *женырии* ‘женоподобный’ (XIV в.) [СДРЯ, 3, 248] предполагает производящее **женырь* ‘женоподобный мужчина’, производное с суффиксом *-*урь* от *жена*, ср. укр. *тупірь* ‘тупой человек’ от *тупій* ‘тупой’ и под.

Словник [РЭС] стоило бы дополнить редким, но интересным словом *бугр* ‘гомосексуалист’ (XIX в.) [НКРЯ] < фр. *bougre* устар. ‘то же’ (< ‘еретик’), совр. (вульг.) ‘человек, малый, плут’, ‘презренный, странный человек’ < позднелат. *bulgarus* ‘болгарин’ < слав. **bylgarь*. Речь идет, собственно, о происходящей из Болгарии секте еретиков-богомиллов, проникавших в X–XI вв. в Италию и Южную Францию [см. подробнее: РЭС, 3, 332].

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр., доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М. : Изд-во МГУ, 1980—. Вып. 1—.

Богораз В. Г. Чукчи: Религия. Т. 2. Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Викисловарь — *Жопить* // Викисловарь : многоязычный открытый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/жопить> (дата обращения: 11.05.2022).

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

Даль₃ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и значительно доп. / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. ; М. : Тов-во М. О. Вольф, 1903–1909.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк А. А. К истории слов // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею С. М. Толстой / ред. А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович. М. : Индрик, 2013. С. 31–41.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. 4-е изд. М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949.

ЛРС — *Богораз В. Г.* Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М. ; Л. : Госучпедгиз, 1937.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М. : Памятники исторической мысли, 2009.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.05.2022).

РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак : ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН : Нестор-История, 2007—. Вып. 1—.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улукханов, В. Б. Крысько. М. : Русский язык : Азбуковник, 1988—. Т. 1—.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. С. Г. Бархударов, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько, Р. Н. Кривко. М. : Наука, 1975—. Вып. 1—.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. АН, 1893–1903.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43—). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.

Стеллер Г.-В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/steller_g_w/text_1774_opisanie_zemli_kamchatki.shtml (дата обращения: 05.05.2022).

Н. П. Антропов

Институт языкознания им. Я. Коласа НАН Беларуси

Минск, Беларусь

antropov50@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6966-572X>

Таинственный гапак новгородской грамоты № 330 и его окружение

В статье рассматриваются значение и этимология лексемы **СОЛОГАА**, засвидетельствованной в новгородской берестяной грамоте № 330 в синтаксически неделимом словосочетании **ГҮСКА СОЛОГАА**. Показано, что основа этой лексемы является продолжением праслав. **selz-* ‘селезень’.

К л ю ч е в ы е с л о в а: древнерусский язык; славянские языки; новгородская берестяная грамота № 330; этимология; лексема **СОЛОГАА**

В тексте откровенно обценного характера новгородской берестяной грамоты № 330 (его основная часть — простое двусоставное предложение: **ГҮСКА СОЛОГАА ГҮСКА // ГОЗҮ КҮБАЄ**¹) понятное внимание интерпретаторов привлекло словосочетание **ГҮСКА СОЛОГАА**, а специально — прилагательное («наиболее загадочно слово **СОЛОГАА**» — А. А. Зализняк). Выдвинутые версии его этимологии, а именно связь с семантикой ‘сладкий’ (В. Орел и А. Кулик) или реконструкция **сулогыи* / **сьлогыи* (< **сь-лог-ь* / **сь-лог-ь*), откуда др.-рус. **СҮЛОЖЬ** / **СЬЛОЖЬ** ‘супруг, супруга’ (А. А. Зализняк), удовлетворить все-таки не могут как по формальным (словообразовательным), так и по семантическим основаниям.

Представляется очевидным, что сказуемое этого мини-текста со значением ‘future; coire’ требует маскулинного субъекта действия, и таким субъектом может быть только синтаксически неделимое

¹ Показаны пробелы между словами, отсутствующие в тексте грамоты.

словосочетание **г҃҃ска сологаа** в функции подлежащего, несмотря на его формальный женский род, причем первая часть имеет прямое отношение к домашнему птичьему миру, т. е. к гусям и/или уткам. Но в этом случае как раз адъективная часть **сологаа** должна содержать семантику активной маскулинности. Таковую единственно возможную семантическую характеристику — в прямой связи с совершенно семантически прозрачным сказуемым — может иметь исключительно самец водоплавающей птицы, т. е. селезень. И если признать за рассматриваемым словосочетанием значение ‘селезень’, притом что основную нагрузку несет здесь адъектив, то общая семантика предложения из грамоты № 330 в целом прояснится: «Селезень [futuít] **гозү**». В последнем наименовании А. А. Зализняк видит вин. п. ед. ч. «от неизвестного слова *гоза*» и продолжает: «Если допустить колебание между безударным *о* и *у*, можно предположить здесь слово *гузá* — исходное для хорошо известного уменьшительного *гузка* ‘задняя часть’ (особенно у птицы), ‘зад’» [Зализняк, 2000, 99], что может быть подтверждено еще рядом соображений [подробнее см.: Антропов, 2021, 417–418].

Нельзя не обратить внимания на полногласное сочетание *-оло-* в корне *солог-* адъектива **сологаа**. Элементарная реконструктивная процедура приводит вначале к адъективному корреляту м. р. ⁺*сологий* < ^{*}*solog(ъj)* и далее к двум возможным для восточнославянского сочетания модели *tolot* производящим основам ^{*}*solg-* и ^{*}*selg-*, общими номинативными продолжениями которых в восточнославянских языках были бы существительные ^{*}*sologъ* / ^{*}*sologa* : ^{*}*сологъ* / ^{*}*солога* (а также их *elo-*варианты ^{*}*selogъ* / ^{*}*seloga* : ^{*}*селогъ* / ^{*}*селога*) ‘селезень’. Но если рефлексы ^{*}*solg-* с соответствующей либо близкой семантикой в южно- и западнославянских языках, т. е. лексемы с основами ^{*}*slag-* и ^{*}*slog-* (исключая, разумеется, континуанты с позднейшим диалектным развитием вокала), не обнаружены, то аналогичные корреляты для ^{*}*selg-* с переходом по второй палатализации заднеязычного взрывного в свистящий, а именно ^{*}*selz-* со значениями ‘селезенка у человека и животных’ (особенно частыми), ‘мальва’ и, наконец, ‘селезень’ хорошо известны и широко распространены. Об этом, в частности, свидетельствуют национальные индексы по вопросу «*selzena* || *solzena* селезенка — *slezina*, *slezena* — *śledziona*» для карты № 67 в [ОЛА ФГ, 164–165].

К развившемуся полногласному *-оло-* из **s-el-z-* следует отнести белорусские диалектные гапаксы *салóзица*, *салóзаўка* 'селезенка': «У каня <...> салозаўка грае», т. е. как раз номинации, на нереальность которых указывал А. Вайан в статье, посвященной славянским названиям селезенки: «...что касается **selz-*, то оно должно было бы в восточнославянской группе дать **soloz-* с сочетанием *-оло-*, как в *молоть* из **melti* и под.» [Вайан, 1960, 66]. Эти лексемы, зафиксированные только в одном источнике, а именно в [Ластоўскі, 1924, 645], белорусский этимологический словарь не вполне корректно возводит к этимону с иным суффиксом, именно **selzena* [ЭСБМ, 12, 52], естественным продолжением которого было бы **салóзіна* с заударной трансформацией суффиксального *-e-*. Но важно отметить, что здесь фактически реконструируется, хотя и не акцентированно, восточнославянский переход **selz-* > *солоз-* > белорус. *салóз-* (с аканьем). В любом случае, возможность типологического схождения с новг. **СОЛОГАА** очевидна.

Как раз **selg-* в отрицательном смысле, т. е. также в качестве нереализуемой возможности развития неполногласного сочетания модели *telt* в восточнославянских языках, упоминает М. Фасмер в словарной статье «*Сéлезень*» своего этимологического словаря: «Неудовлетворительна реконструкция **selg-*, потому что из последнего получилось бы **солог*» [Фасмер, 3, 595], т. е. именно словоформа, реконструированная выше из **СОЛОГАА**.

Впервые на это обратил внимание А. Е. Супрун в статье «*Зілязэнь*» белорусского этимологического словаря с апелляцией к новгородской грамоте № 330: «Форма з званчэннем першага зычнага ўзыходзіць да ўсх.-слав. *селезень* < *selzěнь* < *selg-*. Прасл. *selg-* на суперак Фасмеру [3, 595] цалкам рэальна давала і ўсх.-слав. *солог-* у злучэнні *гуска сологая* ў Наўг. грамаце на бяросце № 330. Пачатковае з- магло ўзнікнуць пад уздзеяннем наступнага *-з-* у выніку дыстантнай асіміляцыі» [ЭСБМ, 3, 332–333]. Кажется, именно тем, что критический взгляд на этимологию М. Фасмера был предложен А. Е. Супруном в словарной статье на лексему, представляющую собой диалектный вариант «основной», т. е. с начальным *с-*, он остался не учтенным в соответствующих томах академических этимологических словарей белорусского и украинского языков, опубликованных позже.

Любопытно, что именно такую производящую основу (и тоже незамеченную этимологами следующих поколений) еще в первом «Опыте

сравнительного этимологического словаря» 1892 г. (а затем и в первом полном издании 1896 г. с украинскими и польскими коррелятами, а также с литовским сопоставительным материалом) проницательно предположил Н. В. Горяев: «Селез-ен-ь, обл. *selex-ъ* — от корня **selg-*» [Горяев, 1892, 160]. Независимо от предтечи русской научной этимологии, фактически то же самое и также в 1892 г. предложил один из пионеров чешской этимологии конца XIX в. А. Матценауэр, однако несколько иначе, а именно как реконструкцию праформы украинских названий типа *selex* через также реконструируемую старославянскую лексему, ср.: «*Сѣлезень* <...> mrus. také *selexъ* káčer na místě *seleh ze selegъ*. jehož tvar stslav. byl by **slъgъ ze selgъ* ...» [Matzenauer, 1892, 249]. Наконец, еще несколько ранее, а именно в 1886 г. корневую праформу с финалью на *-z* (надо думать, с осознанием ее фонетической производности — в прямом соответствии с привлеченным материалом) для наименований селезня по русским и украинским отражениям и также с привлечением литовских параллелей вывел Ф. Миклошич: «*selz-* 2.: г. *selezenь, selechъ* entrich. klr. *selezeń, selech, sełyk*» [Miklosich, 1886, 291].

Представленного (по необходимости кратко) материала достаточно, чтобы констатировать очевидную принадлежность адъектива **СОЛОГА** к словообразовательному гнезду **selg-*. Вместе с тем столь же очевидно, что в этом гнезде не может не быть номинативов, т. е. реконструированных выше продолжений **selg-* с развитием *-olo-* (*-elo-*). В прямом значении 'селезень' такие номинации пока не зафиксированы ни в памятниках письменности, ни в диалектах, но небезосновательным представляется, что к ним возможно отнести некоторые имена собственные этой же словообразовательной структуры, которые в заявленном аспекте пока не были предметом интереса исследователей.

Имя собственное от **солога*, т. е. коррелят **selg-* с флексией *-a*, известно с первой трети XIV в. По нашему мнению, есть все основания предполагать, что это псковский посадник Иван по прозвищу *Солога*, известный как миротворец, заключивший мир с Иваном Калитой в 1327 г., а также как строитель на новом месте — «на горѣ на Жеравии» — Изборска в 1330 г. В псковских летописях он упоминается несколько раз в период с 1327 по 1337 гг. (последняя запись — в связи с кончиной, последовавшей 7 сентября 1337 г.). Весьма примечательна

и вариативность прозвища посадника по разным спискам, которая также может свидетельствовать в пользу возведения к корню *selg-: *Солога*, но не менее часто *Селога*, а также «шепелявые» варианты *Шелога* / *Шолога*. Тремя веками позднее и значительно восточнее от Новгородско-Псковского региона, а именно во Владимирской губернии, зафиксирована также фамилия на -ин: «*Шологин* Степан, посадский человек, 1623 г., Гороховец» [Веселовский, 1974, 364]. Однако дальнейшую отсылку «ср. *Шельга*», приведенную [Там же], следует отвести по формальным (но и не только) соображениям.

Более гипотетичным является имя собственное от *solog(ь). Тем не менее зафиксированное также С. Б. Веселовским *Солох* с примечательной территориальной локализацией: «крестьянин, конец XV в., Новгород» [Веселовский, 1974, 296] — как будто бы может быть с ним соотнесено в связи с естественным после падения редуцированных оглушением конечного взрывного, т. е. *sologь* > *solog* > *sолох*. Этому не противоречит и дальнейшая, причем, естественно, позднейшая, трансформация прозвища в фамилию, отмеченная [Там же]: «Иван *Солохов*, стрелецкий сотник, 1640 г.». Но вот принять в качестве апеллятива для имени собственного предложенное автором словаря *солоха* ‘русалка, неряха’ (Даль) здесь вряд ли возможно, несмотря на территориальную близость фиксаций в словаре В. И. Даля (пск., твер.): во-первых, из-за весьма сомнительной маскулинизации феминитива, а во-вторых, по соображениям семантики.

В аспекте типологическом семантика имен собственных *Солог* / *Солога* как прозвищ, которые восходят к реконструированным апеллятивам со значением ‘селезень’, безусловно, укладывается в общую модель подобного рода, ср., например, зафиксированные во многих источниках прозвища *Селезень*, *Селех* и под., а также их широко распространенные суффиксальные продолжения, т. е. собственно фамилии, преимущественно на -ов.

Несмотря на вполне осознаваемую автором гипотетичность связи представленных выше имен собственных и реконструированных континуантов корня *selg- с полногласным развитием *sologь / *selogь, их в любом случае следует решительно отделить от восточнославянских имен собственных типа *Соло́ха* ж. р. с богатой вариативностью, которые разными путями, но в основном через церковнославянский язык восходят к греч. Σαλώμη ‘Саломея’.

Антропов Н. П. «Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний модели **telt* // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности : сб. ст. к 70-летию акад. А. М. Молдована / ред. А. А. Пичхадзе и др. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 413–431.

Вайан А. Славянское название селезенки // Вопросы языкознания. 1960. № 6. С. 66–67.

Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.

Горяев Н. В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис : Тип. Канц. главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1892.

Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Т. 10. М. : Русские словари, 2000. С. 82–122.

Ластоўскі В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна : Друкарня А. Бака, 1924.

ОЛА ФГ — *Slovanský jazykový atlas. Foneticko-gramatická série. Sv. 9. Reflexy *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt* / odp. red. M. Ireinová, P. Pěadková. Praha : Akademie, 2019.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. Г. А. Цыхун. Мінск : Навука і тэхніка, 1978–. Т. 1–.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykospytu // Listy filologické. 1892. Vol. 19. Seš. 4. S. 241–256.

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien : Wilhelm Braumüller, 1886.

Е. Л. Березович*

Е. Э. Иванова**

*Уральский федеральный университет
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Екатеринбург – Пермь, Россия
berezovich@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
paklina.len@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-3265>

К реконструкции системы горной мифонимии Урала: общий обзор*

В статье приводится обзор горной мифонимии Урала, включающей в себя обозначения сверхъестественных антропоморфных и зооморфных существ, хранящих богатства недр. Материал, собранный в полевых условиях, а также извлеченный из фольклорных текстов, подается по производящим основам, которые делятся на два блока: лексика природы и социальная лексика.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская диалектная лексика; мифонимия; семантическая реконструкция; этимология; этнолингвистика

Горная мифонимия — обозначения сверхъестественных существ (антропоморфных и зооморфных), которые, по народным верованиям, хранят богатства недр (минералы и металлы) и способствуют / препятствуют их обнаружению, добыче и обработке. Русская горная мифология изучалась фольклористами (пусть не так активно, как, к примеру, лесная или водная), но лингвистический аспект затрагивался крайне редко, в то время как о перспективности его разработки говорит хотя бы обзор Л. Раденковича, посвященный названиям славянских духов-властителей земных недр [Раденкович, 2007, 258–260]. Представляется логичным выбрать в качестве объекта изучения горную мифонимию Урала, знаменитого на весь мир своими минералами и металлами,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).
© Березович Е. Л., Иванова Е. Э., 2022

а также традициями их разработки. Используются главным образом среднеуральские данные, реже южноуральские; для полноты картины в ряде случаев привлекаются и факты, записанные на территории соседней Башкирии; для сравнения иногда берется материал иных зон, связанных с Уралом географически или исторически. Материал собран в полевых условиях (в ходе опроса горщиков — лиц, ведущих любительский сбор драгоценных и цветных камней, камнерезов, ювелиров и др.), а также извлечен из словарей, фольклорных текстов, авторской литературы.

В докладе будет представлен общий обзор уральской мифонимической лексики. Важно отметить, что рассматриваемые нами лексические единицы обладают различной номинативной выделенностью. В большинстве случаев перед нами узуальные факты, реализующие специфические модели, характерные для мифонимической номинации (*горный батюшка*, *малахитница* и пр.), но есть и такие ситуации, когда мы имеем дело, по существу, с вербализованными верованиями, не оформленными номинативно: сюда относятся в основном зоонимические лексемы (*бурундучок*, *ящерица* и др.), называющие животных (иногда способных к оборотничеству, приносящему им антропоморфный облик), которым приписываются свойства духов-хранителей камня. Привлечение этого материала диктуется задачами интерпретации горной мифологии и мифонимии в духе широкой этнолингвистики.

Материал приводится по тематическим группам, к которым принадлежит производящая лексика. Их можно разделить на два больших блока: первый связан с лексикой природы, а второй — со словами, имеющими социальную семантику. Если лексический факт отмечен в живой речи или же, помимо нее, в фольклорном / литературном тексте, то он дается с территориальной пометой; для тех лексических единиц, которые зафиксированы только или преимущественно в фольклоре или авторской литературе, используются пометы «фольк.» или «книжн.»; эти пометы имеют несколько условный характер, поскольку верификация мифонимов, отраженных, к примеру, в сказах П. Бажова или С. Власовой, весьма затруднена: сказы широко известны, что может мешать определению направления миграции мифонима (из авторского сказа в народную речь или наоборот). Некоторые лексические факты повторяются в двух различных разделах, поскольку образующие их слова относятся к разным группам производящих основ.

1. Мифонимы, в основе которых лежит лексика природы

1.1. Стихии, метеорологические явления

О г о н ь: юж.-урал. *огневица*, юж.-урал. *матка-огневица*, ср.-урал. *горная matka-огневица*, *хозяйка-огневица*, книжн. *огневушка-поскакушка*, *огневка*.

(Синий) **т у м а н:** ср.-урал. (*старушка*) *синюшка*, книжн., фольк. (*бабка*, *девка*) *синюшка*; ср. *синюха*, *синюшка* ‘болотный газ, дающий при испарении туман’. Интересно также ср.-урал. *синий паучок* ‘синий туман в виде паучка, лапки которого указывают на залежи ископаемых’.

К этой же группе примыкает сиб., ср.-урал. *синильга*, книжн. *синильга* (от эвенк. *сиуилгэн* ‘снег’). В наивном языковом сознании может происходить сближение *синюшки* и *синильги*: «Синюшка — это синильга. Синильга — это иностранное имя, вот и переделали в синюшку. У них много общего. Она тоже хранительница богатств. Помогает простым людям, тем, кто старается для народа» (Свердловская обл., г. Полевской) [ЛТЭК].

1.2. Элементы ландшафта, географические локусы

З е м л я: ср.-урал. *земляная кошка*, урал., арх. *подземный царь*, *подземельный царь*.

Н е д р а: книжн. *хозяйка недр*.

Г о р а: урал., сиб. *горный*, *горный дед* (*старец*), *горный батюшка*, юж.-урал. *горный хозяин*, урал. *горная девка*, *горная matka*, юж.-урал. фольк. *семигор*, *горный полоз*.

К а м е н ь: урал. *каменная девка*, книжн. *каменный богатырь Де-нежскин*, *каменная сорока*, зап.-урал. *камневичок*.

Особая группа — локусы, обозначенные оронимами: гора Азов (ср.-урал. *Азовка*, *девка Азовка*), гора Таганай (юж.-урал. фольк. *старик Таганай*), Урал (фольк., книжн. *богатырь Урал*, ср. также башк. *Урал-батыр*), Медная гора (книжн. *хозяйка Медной горы*), Каменный пояс (книжн. *хозяйка Каменного пояса*). Есть и более сложные случаи, когда ороним изначально мотивирован обозначением человека или антропоморфного существа, а затем, вследствие функционирования имен соответствующих персонажей как названий горы, последние получали роль хранителей сокровищ: гора *Полюд* // *богатырь Полюд*, ср. также гора *Нёройка* (от манс. *нёройка* ‘старик, хозяин’) // *старик*

Нёройка. Здесь же назовем вымышленные оронимы вроде **Яшимовой горы*, отраженные в книжных мифонимах *хозяйка Яшимовой горы* и т. п.

1.3. Металлы, минералы

З о л о т о: ср.-урал. *атаман Золотой, золотая девка*, юж.-урал. *хозяин золота, царица золота, золотой волос*, книжн. *златовласка*. От основы *золото* (как и от других основ этой тематической группы) образуются также зооимфонимы: юж.-урал. *золотая ящерица, золотая утка*, урал. *козёл золотые рога, зверь (лось) золотые рога*. Отметим также, что «знаком» золота может служить указание на рыжий цвет (которое используется иногда и для эвфемизации слова *золото*, ср. прост. *рыжьё*), что проявляется в уральском зооимфониме *рыжая собака*, а также в среднеуральском имени мифического атамана *Рыжанко*. Показательны также южноуральские верования о *буланом жеребце* как предвестнике золота и башкирские легенды о превращении золота в *лису* и наоборот.

С е р е б р о: урал. *серебряный олень, козёл-серебряное копытце*, книжн. *серебряное копытце*.

П л а т и н а: урал. *хозяйка золота и платины*.

М е д ь: ср.-урал., юж.-урал. *медянка, медяница* ‘змея, охраняющая самоцветы и металлы’.

М а л а х и т: ср.-урал. *малахитница*.

1.4. Животные

В группе зооимфонимов наиболее специфичны обозначения *п р е - с м ы к а ю щ и х с я и з е м н о в о д н ы х*, чьи образы (в ипостаси хранителей недр), вероятно, наиболее архаичны: *змей (змея, змейка)*, *полоз* (ср.-урал. *полоз*, книжн. *великий полоз, змей-полоз*, фольк. *змеёвки* ‘дочери полоза’, юж.-урал. фольк. *белая змея*, книжн. *голубая змейка*, юж.-урал. фольк. *змей Кахкаха (Шахмер)*, книжн. *царь змей Дайко*), *ящерица* (урал. *ящерица*, юж.-урал. *золотая ящерица*, книжн. *царица ящериц*), *лягушка* (урал. *лягуха, лягушка*).

Вариативно представлены также обозначения *к о п ы т н ы х ж и - в о т н ы х*: *лошадь* (ср.-урал. *рогатая лошадь* (с чугунными копытами), ср. также сиб. *лошадь*), *козел* (урал. *козел-золотые рога*, урал. *козел-серебряное копытце*, книжн. *серебряное копытце*), *олень* (урал. *серебряный олень*), *лось* (урал. *лось (зверь)-золотые рога*).

Из образов мелких млекопитающих выделяются кошка (ср.-урал. *земляная кошка*, юж.-урал. *белая подземная кошка*), крыса (башк. *черная крыса*), заяц (сиб. *куян*, ср. также донбас. *синий заяц* ‘скачущий по выработке синий огонек горящего метана, который указывает на горного духа’), бурундук (юж.-урал. *бурундучок*). Птицы паритетны: сорока (книжн. *каменная сорока*).

2. Мифонимы, в основе которых лежит социальная лексика

2.1. Человек, семья

Женщина, баба: юж.-урал. *белая женщина*, сев.-урал., сиб. *золотая баба*. В башкирских по происхождению легендах фигурирует также *голая апайка* — мифоним, образованный от *апайка* ‘замужняя женщина’.

Девка: урал. *золотая девка, каменная девка, горная девка*, книжн. *мраморная девка*.

Пацан: ср.-урал. *пацанчик*.

Дед, старец: урал. *горный дед, горный старец*.

Матка: урал. *матка, горная матка, царь-матка*.

Батюшка: урал. *горный батюшка*.

Сюда примыкают и производящие основы, представленные антропонимами, которые имеют условное значение ‘имярек’. В качестве примера следует привести мифоним *Шубин*, который является «фамилией» духа в человеческом обличье, обитающего на шахтах (сначала Донбасса, а затем Урала и Сибири).

2.2. Народы

Чудь (мифический народ, которому в верованиях русских Урала, а также Европейского Севера и Сибири приписываются свойства инородцев, антагонистов-нехристей, мифических предков): урал., сев.-рус., сиб. *чудь, чудь белоглазая, чудаки*. Возможно, народно-этимологической трансформацией слова *чудь* является ср.-урал. *дивий народ*. Указания на связь чуди с богатствами недр сохранились и в топонимах, называющих места, где чудь добывала / хранила / погребала минералы и металлы: *Чудская копь* на р. Каменка и *Чудская копь* в окрестностях г. Пласт Челябинской обл., *Чудская копь* и *Яма Чуды*

белоглазой в окрестностях г. Полевской Свердловской обл., *Чудакова горка* в Троицком у. Челябинской губ.; ср. также сочетание *чудской курган*, ставшее на Урале по сути географическим термином.

Ч у л ю г д е и. Мифический народ *чюлюгдеи*, упоминаемый в «Отписке Енисейского воеводы кн. К. О. Щербатого в Сибирский приказ — о диких людях чюлюгдеях» (1685) [см.: Гоздаво-Голембиевский, 1888], близок по многим признакам *чуди*; для нас особенно важна связь этих персонажей с железом: они живут в ямах «в камне» — и «дух смрадной с того места с камени невозможно человеку терпети, а тот де дух таков, как железо горит» [Там же, 5].

С т а р ы е л ю д и: ср.-урал., юж.-урал. *стары люди*.

Ш у т ы: юж.-урал. *шуты*.

Здесь же приведем название мифического народа *суксуны*, встречающееся в башкирских легендах (очевидно, от башк. *соксоу* ‘копаться, рыться’).

2.3. Социальная иерархия (роль, статус)

Х о з ь я к а: ср.-урал., юж.-урал. *хозяйка, горная хозяйка, хозяйка горы*, ср.-урал. *хозяйка золота и платины*, ср.-урал. *хозяйка-огневица*, книжн. *хозяйка Медной горы, хозяйка Яшмовой горы, хозяйка Каменного пояса, Хозяйка яшмы. Хозяйка* — это, несомненно, самый распространенный на Урале горный мифоним, запечатленный также в среднеуральской фразеологии: *хозяйка в помощь* ‘благопожелание старателю’, *пустить славу на хозяйку* ‘объяснить происшествие чудесным содействием хозяйки’, *хозяйка водит* ‘о ситуации, когда горщики не могут найти место добычи камня’, *хозяйка зеркало разбила* ‘о сдвиге горных пород, который привел к образованию зеркала скольжения’; ср. также номинативные сочетания: ср.-урал. *слезы хозяйки (хозяйкины слезы)* ‘шетка диоптаза’, ‘родник, пробивающийся в разрабатываемом шурфе’, *коса хозяйки* ‘нарост, похожий на косу, на деревянных опорах в шахте’, *золотые волосы хозяйки* ‘жилки золота’, *камень хозяйки* ‘малахит’, *мастер от хозяйки* ‘старый мастер, знающий секреты обработки камня’.

Х о з ь я и н: урал., сиб. *хозяин*, ср.-урал., юж.-урал. *хозяин недр*, юж.-урал. *хозяин шахты, хозяин золота*.

С а м а: ср.-урал. *сама* (эвфемистическое обозначение, заменяющее имена *хозяйки* и *огневицы*).

Ц а р и ц а, ц а р е в н а: урал. *царица*, юж.-урал. *царица золота*, книжн. *царица ящериц*, *царевна золотого (серебряного, медного) царства*.

Ц а р ь: урал. *царь-матка*, книжн. *царь (змея) Дайко*, урал., арх. *подземный (подземельный) царь*.

Б а р ы н я: юж.-урал., ср.-урал. *белая барыня*.

А т а м а н: ср.-урал. *атаман Золотой*.

2.4. Материальное благополучие

Д е н ь г и: книжн. *каменный богатырь Денежкин*. Этот мифоним не связан с североуральским оронимом *Денежкин камень* (от имени манси *Денга Ондрюшин*), но ороним предсказуемо получает «денежные» вторичные переосмысления.

*Д а й - к о (заклинание в адрес того, кто может «дать»): книжн. *царь (змея) Дайко*. В основе этого имени, фигурирующего в сказе Бажова «Золотые дайки», вероятно, лежит геологический термин *дайка* (от англ. *dike, dyke* ‘стена из камня’), но для поэтики сказа и для его героев принципиально переосмысление этого слова, становящегося заклинанием, направленным на «подачу» сокровищ: «Кто-то сказывал, что *дайки* — чужестранное слово. Столбик будто по-нашему обозначает. Может, оно так и сходится, только наши березовские старики смехом смеялись, как такое услышали. — Какое же, — говорят, — чужестранное, коли чисто по-нашему говорится, и у здешних стариков раньше в словинку входило. Вроде заклятья его берегли. Не всякому из своих сказывали. Как дойдут до настоящей породы, так кто-нибудь в этом сведущий и бормочет ту словинку» [Бажов, 2019, 530].

2.5. Профессия, род занятий

С т а р а т е л ь: ср.-урал. *старатель*.

Т о т, к т о к о п а е т: ср.-урал. *копатель*.

2.6. Владение «особым» знанием

Здесь показательно слово в е д ь м а, выступающее в среднеуральском геммониме *ведьмин камень* ‘шерл (черный турмалин)’: «Там же, где солнечники, там я находил и шерл — ведьмин камень. У нас есть несколько заказчиц-ведьм, которые занимаются колдовством. Они заказывают шерл и украшения с зеркалом <имеется в виду зеркало

скольжения. — *Е. Б., Е. И.*>, чтобы отражать негатив клиентов, которые приходят» (Свердловская обл., с. Мурзинка) [ЛТЭК].

Представленный обзор не включает подробного рассмотрения мотивации мифонимической лексики. Мотивационный анализ нередко требует учета нескольких мотивировок, а также рассмотрения условий появления номинаций. К примеру, анализируя слова *огневица*, *огневка* и др. ‘мифическое существо, охраняющее золото и самоцветы’, можно заключить, что образы, соотносящие золото и самоцветы с огнем, возникают как у металлургов, наблюдающих за плавкой металлов, так и у старателей, разыскивающих золото и минералы. Причина появления метафоры огня — цвето-световая ассоциация, связывающая его с золотом, реже — с игрой самоцветов (которая может обозначаться глаголом *гореть*), а также признак вихревого движения, метафорически уподобляемого «траектории» залегания золота: этот образ объяснял П. П. Бажов, комментируя сказ «Огневушка-поскакушка», где «изображается открытие золота, которое, так сказать, “сидит редькой”, то есть сверху более или менее широкие гнезда, а потом суживаются, сходят на нет» [Блажес, 2007, 279]. Анализ подобных мотивационных возможностей будет произведен авторами в дальнейших публикациях.

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка : науч. изд. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019.

Блажес В. В. Огневушка-поскакушка : сказ // Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург : Сократ, 2007. С. 279.

Гоздаво-Голембиевский А. А. Из Сибирских актов: о диких людях чюлюгдях // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1888. Кн. 1 (144). С. 1–6.

ЛТЭК — картотека «Лексика, топонимия этнография камня» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Раденкович Л. «Беркман» и другие духи-властители земных недр у славян // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова / ред. Т. Н. Свешникова, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М. : Индрик, 2007. С. 258–265.

М. А. Бобунова

Курский государственный университет

Курск, Россия

bobunova61@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5809-1548>

Наименования сторон света в русском фольклоре

В статье проводится сопоставительный анализ наименований сторон света в русском фольклоре. Выявляются общефольклорные, межжанровые и специфически жанровые конструкции. Материалом исследования стали былины, лирические и исторические песни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: язык фольклора; наименования сторон света; жанровая дифференциация

Принцип четырехсторонней ориентации (север — восток — юг — запад), определяющий восприятие человеком окружающего пространства, отражен в национальных традициях и религиозных обрядах разных народов. Это объясняет интерес исследователей к обозначениям сторон света в разных языках, диалектах, культурах и литературных жанрах, в том числе в сопоставительном аспекте [см., например: Ван Хуа, Бабенко, 2021; Тимченко, 2015].

Предметом нашего анализа стали наименования сторон света в русском фольклоре. Материалом для исследования выбраны необрядовые лирические песни из свода А. И. Соболевского, записанные в XIX в. в разных регионах России [Соб.], онежские [Гильф.], архангельские [Григорьев], беломорские [Марков, 1901] былины и исторические песни XVII, XVIII и XIX вв. [ИП-17; ИП-18; ИП-19] как переходный от эпоса к лирике жанр.

Путем сплошной выборки с опорой на подготовленные нами лексикографические комплексы [Бобунова, 2016] были составлены списки исходных и производных наименований. Представим полученные данные в таблице.

Обратим внимание на то, что в анализируемых текстах не были выявлены существительные *север* и *юг*. Прилагательное *северный* зафиксировано в онежских и беломорских былинах, а также в исторических песнях в сочетаниях с существительными *сторона*, *сторонушка*,

страна: *Из-под той ли из-под северной сторонюшки / Ехал тут через эту быстру реченку, / Ехал Батыга Батыгович* [Гильф., 1, № 22]; *Со страны указ пришел, с страны северной* [ИП-18, № 469].

Лексемы, обозначающие стороны света, в русском фольклоре

Былины	Необрядовые лирические песни	Исторические песни
<i>восток восточный подвосточный</i>	<i>восток восточный подвосточный</i>	<i>восток восточный</i>
<i>запад западный</i>		<i>запад западный</i>
<i>северный</i>		<i>северный</i>
<i>южный полуденный¹ летний</i>	<i>полуденный</i>	<i>полуденный полуденничек</i>

Прилагательное *южный* встретилось один раз в беломорских былинах: *Шьто со южную-то было со стороночку, / Что не шум шумит, да там не гам гамит...* [Марков, 1901, № 63].

Однако для разных жанров русского фольклора характерно использование слова *полуденный* в значении ‘южный’, которое вписывается в один ряд с другими прилагательными: *В восточную сторону походом пошли — / Они вырубили чудь белоглазую / И ту сорочину долгополую; / В полуденную сторону походом пошли — / Прекротили черкас пятигорских, / А немного дралися, скоро сами сдались — / Еще ноне тут Малороссия; / А на северну сторону походом пошли — / Прирубили калмык со башкирцами; / А на западну сторону и в ночь пошли — / Прирубили чукиши с олюторами* [ИП-17, № 32].

Хотя прилагательное *полуденный* встречается в разных жанрах фольклора, его синтагматические связи отличаются. В необрядовой лирике оно используется для характеристики ветра: *Подуй, ветер, ветерочек, / Подуй, ветер полуденный, / Во мой сад зеленый!* [Соб., 5, № 563]; в эпосе — стороны (онежские былины) и девицы (архангельские былины): *Выскакивал из бела шатра / На тую ль на площадь*

¹Мы учитывали только те случаи, когда прилагательные *полуденный* и *летний* использовались в значении ‘южный’.

дуброву зелёную, / Глядит-смотрит в сторону полуденную, / А й едет царицо Кощерицо [Гильф., 2, № 188]; *Во шатри девица полуденная, / По имени Марфа Петровна-свет* [Григорьев, 1, № 148]; в исторических песнях — стороны и ветра: *Потянули буйны ветры / Со полуденной сторонки* [ИП-17, № 124]; *Вы подуйте-ка, ветры, ветры буйные, / Ветры буйные, полуденные* [ИП-18, № 547]. Наличие данного значения подтверждают материалы диалектного словаря: *полуденный* ‘южный по происхождению’, ‘южный (о ветре)’ [СРНГ, 29, 143].

В исторических песнях встретилось и существительное *полуденничек* как уменьшительно-ласкательная форма слова *полуденник* ‘южный ветер’ [СРНГ, 29, 142]: *Как по морю-моряшку по синему, / По синему морю по Балтийскому, / Тут и плыл-воспывал черной корабль, / Он не ветриком бежит полуденничком* [ИП-18, № 210].

Значение ‘южный’ в беломорских былинах реализует и прилагательное *летний* ‘южный’ [СРНГ, 17, 18]: *Ай ведь пали-потянули ветры буйныя, / Он со вси пал со чотыре со вси стороны: / Со востосьню-ту пал ведь он, со западну, / Он со северну-ту пал, ведь он со летнюю* [Марков, 1901, № 50].

К общефольклорным наименованиям можно отнести слова *восток* и *восточный*, причем производное прилагательное используется в народно-песенной речи значительно чаще. Общей для разных фольклорных жанров является атрибутивная пара *восточная сторона* (*сторонка, стороночка, сторонушка*). Другие сочетания в былинах не обнаружены, в то время как в вологодских песнях зафиксировано сочетание *восточная речка*, а в исторических песнях единично *восточная заря* и часто, особенно в песнях XVIII в., *восточная звезда*: *Ты звезда моя восточная, / Восточная, полуночная! / Высоко звезда восходила, / Далеко звезда просветила* [ИП-18, № 359].

В сибирских песнях и онежских былинах встретилось прилагательное *подвосточный* ‘восточный’ [СРНГ, 27, 369], однако в составе разных атрибутивных пар: *подвосточная заря* — в лирике, *подвосточная сторона* — в эпосе: *Ты, заря ли моя, зоренька, / Подвосточная заря, / Не давала ты мне, зорюшка, / С поля съехати домой!* [Соб., 5, № 211]; *А в той ли стороны да подвосточныя / А увидает в поли там белой шатёр* [Гильф., 1, № 57].

Для русской культуры значима оппозиция «восток — запад». В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» говорится,

что *восток* и *запад*, а также прилагательные *восточный* и *западный* «входят в ряд других оппозиций типа “верх — низ”, “правый — левый”, “мужской — женский”, “хороший — плохой” и т. д. Соотношение “хороший — плохой” определяет смысловую символику *востока* (святость, праведность, справедливость, благополучие и изобилие, жизненность, изначальность) и *запада* (нечистота, неправедность, бедствие, смертность, завершенность)» [СД, 1, 445]. Согласно представлениям русских, «восток был жилищем Бога, запад — сатаны, поэтому на восток следовало обращаться с молитвой» [Там же]. Это подтверждают тексты былин: *Да как ставился Олеша на восток лицём, / Да он молится тут господу святителю* [Гильф., 2, № 99]; *Он молилсэ на востошьну съвяту сторону* [Марков, 1901, № 42].

В анализируемых необрядовых песнях концепт «запад» не представлен, в то время как в эпосе существительное *запад* и прилагательное *западный* используются неоднократно. Высокая частотность существительного *запад* в былинном тексте обусловлена тем, что данное слово входит в состав устойчивых конструкций. Для онежских и архангельских былин характерна фразеомодель *от востока* <...> *до запада*: *А побил змею да он проклятую, / Попустила кровь свою змеиную, / От востока кровь она да вниз до запада* [Гильф., 1, № 6]; *Перва-та застава великое — / Стоят, стоят леса высокие, / От сырой земли да леса до неба, / От восток леса до запада* [Григорьев, 1, № 168].

Разные вариации устойчивой конструкции *солнце* <идет, катится> *ко западу* используются чаще всего при описании пира: *Да долог день иде ко вечеру, / Почестной пир иде ко веселу, / А красно солнышко ко западу* [Гильф., 3, № 228]; *Ииша солнышко катицсе ко западу, / А ко западу катицсе ко закату; / А и день-то идёт, браццы, ко вечеру, / А почесьён-от пир идёт навесели* [Григорьев, 3, № 5 (309)]; *Красно солнышко идет ко западу, / Ко западу, ко закату, — / Почесен пир да под конец идет* [Марков, 1901, № 78].

Наиболее частотна эта модель в архангельских былинах, где она используется и в других фрагментах для временной характеристики событий: *Соходили-де плотным боём — да рукопашкою, — / А-й водились они вёшной день до вечора. / А-й солнышко катицсе ко западу, / А ко западу катицсе — ко закату* [Григорьев, 2, № 284]; *Они первой день ходили-боролись до вечора / И другой день боролись до вечора: /*

Солнышко катилосе ко западу, / Ко западу катилосе, ко закату [Григорьев, 3, № 47 (351)].

В исторических песнях слова *запад* и *западный* низкочастотны: *Что не ветры, не туманы / Идут в западных краях* [ИП-19, № 353]. Заметим, что здесь наблюдаются отдельные сходные мотивы с эпосом, например: *Ах, белый день ко вечеру, / Ах, солнышко катится к западу, / До полусыта бояре наедалися, / До полупьяна напивалися* [ИП-17, № 34].

Таким образом, проведенное исследование показало значимость в русском фольклоре наименований сторон света, особенно концепта «восток». Это подтверждается и его общефольклорным статусом, и частотностью номинирующих концепт лексем. Сопоставительный анализ позволяет говорить о жанровой дифференциации языка фольклора, о чем свидетельствуют межжанровые и специфически жанровые лексемы и сочетания. Больше соответствий было выявлено между эпосом и историческими песнями. Полагаем, что расширение материала исследования поможет выявить территориально-временные особенности использования лексем данной группы в русском устном народном творчестве и этническую маркированность наименований сторон света в сопоставлении с иноязычным фольклором.

Бобунова М. А. Лексикографический комплекс как источник изучения языка фольклора // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 3 (22). С. 13–18.

Ван Хуа, Бабенко И. И. Номинации сторон света в китайской и русской лингвокультурах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (215). С. 49–57.

Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : в 3 т. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. АН, 1894–1900.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : в 3 т. М. ; Прага : Изд. Имп. АН., 1904–1939.

ИП-17 — Исторические песни XVII века / сост. О. Б. Алексева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов и др. М. ; Л. : Наука, 1966.

ИП-18 — Исторические песни XVIII века / сост. О. Б. Алексева, Л. И. Емельянов. Л. : Наука, 1971.

ИП-19 — Исторические песни XIX века / отв. ред. В. Г. Базанов. Л. : Наука, 1973.

Марков, 1901 — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М. : Т-во А. А. Левенсон, 1901.

СД — Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012.

Соб. — Великорусские народные песни : в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб. : Гос. типография, 1895–1902.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Тимченко А. Г. Вербализация сторон света в русских говорах Красноярского края (бинарные оппозиции «восток–запад», «юг–север») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–4 (62). С. 175–178.

Е. О. Борисова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия
joborisowa@ya.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

Оттопонимическая номинативная модель в ювелирной терминологии (на примере наименований огранок)*

В статье рассматриваются наименования огранок, образованные с использованием оттопонимических прилагательных. Особое внимание уделяется обозначениям, функционировавшим в речи уральских мастеров в конце XIX — начале XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а : модель номинации; оттопонимические прилагательные; художественная обработка камня; Уральский регион

Оттопонимическая модель широко представлена в наименованиях минералов, драгоценных и поделочных камней. Обычно таким способом обозначаются разновидности какого-л. камня, добытые в разных месторождениях, ср. *горноцитский, становский, кособродский мрамор*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

(по названиям рудников). Оттопонимические обозначения продуктивны в торговых и обиходных наименованиях минералов, образованных по модели родовой замены, т. е. в тех случаях, когда в обозначении одного минерала (камня) используется название другого (подробно о таких номинациях см. [Березович, Кучко, 2020]): *сибирский рубин* ‘турмалин розового цвета’, *уральский алмаз* ‘фенокит’, *уральский изумруд* ‘демантоид’ [ЛТЭК] и мн. др. Близки к этим случаям варианты обозначений имитаций редких и ценных камней. Так, например, *сибирским гагатом* называют гагатоподобные сапропелитовые угли [Корнилов, Солодова, 1983, 212], хотя вопрос об их принадлежности к гагатам окончательно не решен; *французским и парижским гагатом* — черное стекло, используемое в ювелирных украшениях [Буканов, 2008, 333].

В докладе мы рассмотрим оттопонимическую модель в наименованиях техник обработки камня на примере видов огранок. Поскольку нас интересует функционирование слов в речи ювелиров, огранщиков и любителей камня преимущественно на территории Уральского региона, при выборе материала мы ориентировались на работы, фиксирующие рассказы уральских горщиков конца XIX — начала XX в. [Бирюков, 1936; Ратушный, 1959], а также картотеку [ЛТЭК], которая создается сотрудниками кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета на основе полевых сборов, и данные интернет-форумов, организованных любителями камня.

1. Греческая грань

В статистическом отчете «Гранильный промысел на Урале» (1887) П. Н. Зверев отмечает два способа огранки, применяющихся уральскими мастерами: «Бускам дают различную огранку: грань, имеющая форму ромба, называется *простою*, такую огранку делают почти все гранильщицы. Немногие же, наиболее искусные, дают шарик *греческую*¹, или бриллиантовую, грань, имеющую вид трехугольной плоскости. По величине и числу граней шарики огранивают в пять граней, средние — в семь и т. п.» [Зверев, 1887, 11].

¹ Курсив П. Н. Зверева.

В. П. Бирюков, основываясь на свидетельствах «старых гранильщиков», подтверждает, что именно этот вид огранки использовался для бус, и приводит синонимическое обозначение: «Греческая грань. Вид огранки камня-самоцвета маленькими трехугольными плоскостями, сходящимися основаниями с вершинами соседних плоскостей; второе название — “двойные клинья”; “Есть фаски: ставится в виде как в ёлку; только греческую грань не всякий гранит; шарики для бус раньше гранили греческой гранью” (В. В. Шахмин)» [Бирюков, 1953, 85]. Очевидно, что при огранке *простой гранью* «клинья» наносятся на камень в один ряд (ср.: «простая грань с одними клиньями; внизу располагаются грани — восемь граней, восемь клиньев» [Бирюков, 1936, 331, 333]), при греческой — в два.

Более распространенным является другое его название — огранка *роза*, которое также отмечено В. П. Бирюковым: «Вскоре они ознакомились с новой гранью — “греческой”, или “розой”. Она редко применяется на Урале, но мастера ее знают хорошо. Один старый гранильщик, Ковалёв Валериан Александрович, говорит о ней: “Греческую, или розу, надо уметь делать. При этой грани низ у камня вроде яблока или грецкого ореха — выпуклый. А верх делается так: сперва шесть клиньев, под ними еще шесть, дальше по двенадцати. И, выходит, весь камень в клинышках”» [Бирюков, 1953, 95].

Огранка *роза* активно применялась в Голландии и также называется *голландской розой* (см. рис. 1, на котором представлена огранка *роза* — 12 граней в нижнем ряду — и *полуголландская роза* — соответственно, шесть граней).

М. И. Пыляев, например, приводит названия *голландская* и *брабантская роза*²: «В продаже известно два сорта алмазных роз, именно: брабантская и голландская роза. Первая отличается от последней более тупую коронкою» [Пыляев, 1990, 344]. Герцогство Брабант — это исторический регион Нидерландов, включающий в себя территорию трех современных провинций Бельгии — Фламандский Брабант, Валлонский Брабант и Антверпен.

² Голландскую и брабантскую огранки называет наряду с индийской также П. И. Раушный [1959, 36].

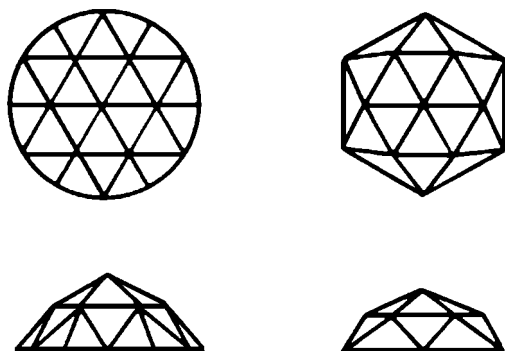

Рис. 1. Огранка роза и полуголландская роза
[Шуман, 1986, 56]

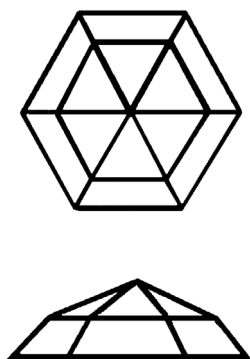

Рис. 2. Огранка
брабантская,
или антверпенская, роза
[Корнилов, Солодова,
1983, 51]

В этот период Голландия была европейским лидером ограночного искусства: «с середины XVII в. и до настоящего времени центры обработки бриллиантов — города Антверпен и Амстердам» [Корнилов, Солодова, 1983, 50]³. Показательно, что при обсуждении создания на Урале центра добычи и обработки камня искусство огранки было названо *делом амстердамским*: «По документам видно, что каменных дел мастер Рейнер должен был обучить русских не только “каменному искусству”, то есть “сыскивать и ломать камня разных видов”, но и “шлифовальному делу наподобие амстердамскому»» [Ратушный, 1959, 30].

Отметим, наконец, что огранка *брабантская роза* в других источниках называется *антверпенской розой* (см. рис. 2).

³Как видно из контекста, в Европе огранка *роза* использовалась для обработки алмазов, поэтому на Урале она также называется *бриллиантовой* (см. приведенную выше цитату П. Н. Зверева и «Словарик камнереза» в книге В. П. Бирюкова [1953, 84]). Таким образом, *греческая грань*, *бриллиантовая грань*, *голландская огранка*, *двойные клинья* и *роза* на Урале обозначают один вид огранки (рис. 1).

Интересно, что как *греческая грань* этот способ обработки камня известен, кажется, только на Урале. До конца не ясно, почему на Урале закрепилось именно это название в качестве основного. В Греции искусство обработки камня было развито очень высоко, но именно огранка не получила широкого распространения (если вообще существовала). Зато эталонными считаются камнерезные работы, на них ориентируются в том числе и уральские мастера: «Обращается Екатеринбургская гранильная фабрика и к искусству глиптики. Это вполне закономерное явление <...> оно обусловлено вниманием классицизма к античности, ее архитектуре, искусству, литературе» [Павловский, 1953, 91]. Можно предположить, что *греческая грань* противопоставлялась *простой* как более искусная, сложная, красивая.

2. Екатеринбургская грань

Сочетание *екатеринбургская грань* периодически возникает в работах, описывающих искусство обработки камня на Урале. В. П. Бирюков определяет его как «особое сочетание граней, применявшееся только екатеринбургскими кустарями-гранильщиками» [Бирюков, 1953, 85]. Мастера-огранщики затрудняются описать, как выглядит эта огранка (ср. подробные описания *клиньев* и *розы*), однако отмечают ее высокое качество: «Итальянцы научили мужиков гранить, а они превзошли итальянцев, даже изобрели знаменитую екатеринбургскую грань, когда камень играл лучше, чем у них в Европе» (с. Кайгородское, Свердловская обл.) [ЛТЭК].

Вероятно, имеется в виду не конкретный вид огранки, а в целом манера исполнения, характерная для екатеринбургских мастеров: «Огранка драгоценных камней не ремесло, не сумма только каких-то навыков, безразличных к личности гранильщика, но искусство. И от этого самоцветы, ограненные большими мастерами Урала, всегда несут в себе черты того стиля, который принято среди ювелиров называть екатеринбургской гранью» [Ратушный, 1959, 50].

В российском секторе торговли драгоценными и поделочными камнями существует представление, что на мировом рынке известна и *русская огранка*, также обозначающая изделия, выдерживающие жесткие требования к огранке и полировке, а не конкретную форму и расположение граней: «...именно благодаря смоленскому заводу

в мировой англоязычной классификации бриллиантов укоренился термин *russian cut* — “русская огранка”, подразумевающий высшее качество» [Воликов, 2007, 17]⁴; «На американском рынке “русская огранка” противопоставлялась “коммерческой огранке”, то есть имеющей худшее качество. Это привело к тому, что многие дилеры стали позиционировать как ограненные в России и другие камни, которые к России никакого отношения не имели. Любой хорошо ограненный камень могли назвать “Russian cut”» [Шелементьев, 2017, 118].

3. Иные оттопонимические наименования

В работе М. И. Пыляева упоминается *индейская огранка* [Пыляев, 1990, 65], но, по всей видимости, речь идет об *индийской огранке*. Именно Индия после открытия морского пути становится основным поставщиком алмазов и других драгоценных камней в Европу. Так, согласно данным португальской статистики, с 1568 по 1632 гг. из Индии было вывезено почти 2 млн карат алмазов (без учета контрабанды) [Хромова, 2019, 17]. Тот вариант обработки камня, который сейчас называется *индийской огранкой* («правильные ряды треугольных граней, преломленные под малым углом, что позволяло при сохранении излюбленной на востоке формы кабошона резко увеличить блеск камня» [Там же]), появился еще до выхода Индии на внешний рынок и сохраняет свою популярность в течение нескольких веков. Индийскую огранку называет П. П. Ратушный в ряду «издавна существовавших огранок» [Ратушный, 1959, 36–37]. Кроме того, приведенное М. И. Пыляевым *indische Schnitt* («форма употребляется единственно для дурных алмазов и теперь редко встречается; ее также называют индейской гранью (*indische Schnitt*)» [Пыляев, 1990, 65]) может переводиться с немецкого как «индийская (нарезка, огранка)» [БНРС, 1, 662].

⁴ В данном случае журналист приводит слова Дмитрия Кунцева, начальника отдела маркетинга смоленского ОАО ПО «Кристалл», который отмечает также технологическую особенность огранки «своих» бриллиантов: «У нашей продукции есть особенность: все круглые бриллианты имеют матовый рундист. Поскольку больше никто так не делает, это гарантирует, что камень огранен в России. Большинство компаний с целью повышения характеристик бриллианта делает рундист фацетируемым. Посредством этого может быть улучшен цвет, а цвет, например, при переходе от третьей группы к четвертой — это плюс 25 % в цене! “Кристалловцы” же, строго выдерживая технологию, фацетируют рундисты только у камней фантазийных форм» [Воликов, 2007, 17].

Словосочетание *индийская огранка* используется и в прямом значении — ‘камень, ограненный в Индии’. В кругах современных любителей камня существует представление, что камни индийской огранки не отличаются высоким качеством («индийская огранка (если то, что там продают, можно назвать огранкой), по сути, стоит копейки» [МФ]), поэтому *индийской огранкой* могут назвать любой плохо обработанный камень. В сходном значении используется выражение *азиатская огранка*: «Азиатская огранка ничего не обозначает во всех странах, кроме РФ. Здесь сформировалось устойчивое заблуждение о том, что азиатская огранка — это кривая огранка» [ГФ].

После появления в конце XIX — начале XX в. технологий автоматизированной огранки камня, обеспечивших возможность нанесения большого количества симметричных граней, количество видов и форм огранок стремительно увеличивается. А в результате формирования общего информационного пространства, обеспечивающего доступность литературы на разных языках (или в переводе), возникает стремление мастеров к единству терминологии. В речи, как следствие, появляется большое количество заимствованных и калькированных наименований, а также иноязычных вкраплений. Часто, например, мастера, рассказывая о типах и способах огранки, ссылаются напрямую на иноязычных авторов.

Перечислим несколько «современных» наименований огранок, построенных по оттопонимической модели и попавших в русскоязычный «каменный» дискурс: «Сейчас *португальской огранкой* в тусовке РФ называют любую огранку с мелкими гранями павильона. При покачивании или вращении такой огранки глазу не удастся различить отдельные грани павильона. Это и следует считать российским определением португальской огранки»; «*Шотландская огранка* позволяет выиграть вес без потери игры павильона напротив площадки. Для этого выпуклый павильон делается ступенчатой огранкой, а нижняя часть павильона делается по канонам бриллиантовой круглой огранки»⁵ [ГФ].

⁵ В этом посте автор дает ссылку на справочник [Vagras & Vagras, 1975], в котором описана огранка *Scotch cut*.

Отметим, что мы рассмотрели только некоторые оттопонимические наименования огранок — те, которые фигурируют в наиболее ранних источниках, посвященных обработке камня (конец XIX — начало XX в.); многие (например, *французское каре*, *цейлонская огранка*, *лиссабонская огранка* и т. д.) остались за пределами нашего внимания и будут проанализированы в дальнейшем.

Березович Е. Л., Кучко В. С. Явление видовой замены в номинациях минералов и металлов (на примере названий, включающих лексему «золото») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. Вып. 4. С. 5–15.

Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск : Свердл. обл. изд-во, 1936.

Бирюков, 1953 — Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор / сост. В. П. Бирюков. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1953.

БНРС — Большой немецко-русский словарь : в 3 т. / под ред. О. И. Москальской. М. : Советская энциклопедия, 1969.

Буканов В. В. Цветные камни : энцикл. СПб. : [б. и.], 2008.

Воликов Е. О русской огранке // Навигатор ювелирной торговли. 2007. № 12. С. 16–21.

ГФ — Геммологический форум // Редкие камни. Антиквариат будущего [Электронный ресурс]. URL: <https://redkiekamni.ru/forum/> (дата обращения: 25.06.2022).

Зверев П. Н. Гранильный промысел на Урале. Екатеринбург : Екатеринбург. уездн. земство, 1887.

Корнилов Н. И., Солодова Ю. П. Ювелирные камни. М. : Недра, 1983.

ЛТЭК — картотека «Лексика, топонимия этнография камня» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

МФ — Минералогический форум : Форум о камнях и минералах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mineralforum.ru/index.php/> (дата обращения: 20.03.2022).

Павловский Б. П. Камнерезное искусство Урала. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1953.

Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. М. : Х. Г. С., 1990.

Ратушный П. И. Счастливые камни. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1959.

Хромова Н. Г. Алмазно-бриллиантовый комплекс Индии на мировом алмазном рынке // Азия и Африка сегодня. 2019. № 11. С. 16–21.

Шелементьев Ю. Русская огранка — миф или реальность? // Драгоценные металлы. Драгоценные камни. 2017. № 2 (278). С. 118–120.

Шуман В. Мир камня. Т. 2 : Драгоценные и поделочные камни / пер. с нем. М. : Мир, 1986.

Vagras G., Vagras M. Diagrams for Faceting Volume. Thermal, CA : [s. n.], 1975.

Т. Н. Бунчук

Сыктывкарский государственный университет

им. Питирима Сорокина

Сыктывкар, Россия

tnbunchuk@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7597-2726>

Кур пестрить: этнолингвистический потенциал устойчивого выражения

В докладе рассмотрена лексическая и культурная семантика диалектного выражения *кур пестрить*. Особое внимание уделено компоненту *пестрить*: комментируются этимологические связи этого слова, анализируется контекст славянской обрядовой символики.

К л ю ч е в ы е с л о в а : диалектная лексика; этимология; этнокультурная семантика; ритуал

В говоре с. Лойма Прилузского района Республики Коми в 1977 г. было записано выражение *кур пестрить* в значении ‘о последней ночи перед свадьбой’: «Сегодня будут кур пестрить». Выражение было употреблено в контексте рассказа о посещении молодыми людьми девичника, которое сопровождалось весельем и весьма вольным поведением участников. Этот устойчивый оборот имеет единичную фиксацию и, похоже, является гапаксом, поскольку больше не отмечался ни в лемских записях, ни в имеющихся в нашем распоряжении диалектных словарях. Еще одна запись обнаружена А. В. Гурой во владимирских говорах: выражение *куру пестрить* приводится в одном из выпусков «Этнографического обозрения» 1914 г. в значении ‘*futuere*’ [Гура, 2012, 315, 632]. Тем не менее, как известно, гапаксы нельзя сбрасывать

со счетов: они могут становиться ключом к пониманию языковых процессов, восстанавливать утраченные лексико-семантические звенья словообразовательной цепи или проливать свет на мотивационные модели в номинации предмета или явления действительности.

О лингвистической «реальности» фразеологизма *кур / куру нестрить* свидетельствует ряд языковых и культурных фактов. Более того, выражение наталкивает на этнолингвистические размышления о семантике праслав. **pьstr-* (< **pьsr*), продолжающего и.-е. **peik-*, **pik-* ‘раскрашивать, писать, вырезать узоры’ [Багриновский, 2020, 709]. Как указано в ряде этимологических источников, *пестрый* связано чередованием гласных с *писать* (< **pisati*): праслав. **pisati* < **peis-* < и.-е. **peik-*, **peig-* ‘раскрашивать, писать, вырезать узоры’ [Там же, 717].

Выражение *кур(у) нестрить* в свадебном дискурсе, на первый взгляд, имеет весьма прозрачную этнокультурную семантику. Курица в славянских лингвокультурных традициях — значимый женский и эротический символ (и в современном употреблении это слово используется как именование девушки / женщины с выраженными стереотипными гендерными признаками: женщина как объект полового влечения, не говоря уже о диалектном значении ‘vulva’ у слов *кура* и *курица* [Гура, 2012, 315, 632]). Появление символа курицы в обрядовом дискурсе Лоймы тоже вполне закономерно: славянский свадебный обряд широко использовал этот образ — известны и выпечка в виде курицы, и предметы, называемые *курицей* (имитация фаллоса), и подношения в виде приготовленной курицы молодым в первую брачную ночь [см. подробнее: СД, 3, 60–68; Гура, 2012, 308–314].

На мой взгляд, здесь важнее остановиться на глагольном компоненте выражения *кур / куру нестрить*. А. В. Гура видит в этом выражении реализацию цветового кода, связывая значение глагола *пестрить* с прилагательным *пестрый*, а также с глаголом *нежить* ‘coitus’ от ‘делать пегим, т. е. пестрым, пятнистым’ [Гура, 2012, 632]. Автор исходит из современного значения прил. *пестрый* ‘разноцветный; покрытый разноцветными пятнами’ и семантику *пестрить* ‘futuerе’ рассматривает как метонимическую — на основе значения ‘покрывать пятнами (крови) брачную постель’. Заметим, однако, что речь идет о народной архаической культуре — и современное значение слова *пестрый* ‘с окраской полосами, пятнами разных цветов; состоящий или составленный из чего-л., окрашенного в разные

цвета; не одного цвета, разноцветный' может и не соответствовать его исходной семантике.

Исторические данные и данные русских говоров помогают уточнить семантику изучаемого выражения. Их анализ наталкивает на мысль, что слова *пестрый* и *пестрить* не связаны напрямую с различением хроматических (цветовых) качеств предметов. В диалектах корневая группа *пестрый* выражает общее значение 'неоднородный; с пятнами, отметинами'. Многозначный глагол *пестрить* в говоре Лоймы имеет одно из значений 'отмечать, метить, ставить метки'. В близком значении глагол *пестрить* известен в древнерусском языке: *пѣстрити* 'украшать узорами, расписывать, вышивать' [СДР, 2, 1777], в русских говорах отмечены значения 'наносить рисунок; вышивать' [СРНГ, 26, 317], 'оставлять следы на чем-л.' [НОС, 813].

Известно, что народная архаическая культура — это культура, которая с помощью средств разных кодовых систем транслирует идею символического устройства мира с установлением границ своего и чужого. Вследствие этого рисунок (орнамент), узоры, вышивка и другие визуальные знаки — это не столько украшения, сколько один из ритуальных «текстов», выражающих культурные смыслы и являющихся средством «установления контакта между представителями своего и чужого» [Байбурин, 1993, 183]. В связи с этим наглядным является этимологическое родство слов *пестрить* и *писать* с древним близким значением — 'наносить на поверхность знаки, метки', а также употребление в русских говорах лексемы *писать* в значении 'украшать узорным плетением, вязкой, резьбой' [СРНГ, 27, 45].

Попробую предположить протосемантику глагольного корня *писать* / *пестрить*. Нанесение знаков можно рассматривать как процесс создания / преодоления границы между своим и чужим; знаки нужны как метки места и принадлежности месту. Косвенным подтверждением может быть персонаж в одном из южных свадебных обрядов — *писар*, человек, который отмечал чертой на потолке, что молодые получили в дар птицу [СРНГ, 27, 45], т. е. письменно / знаково закреплял перемену в бытии.

Ставить знак — значит предназначать, посредством знакообразования совершать действие продуцирующего свойства — поставив знак, утвердить: так будет. Отсюда, как кажется, такое употребление слова *писать* 'предопределять': «И смерть тебе на том бою не писана»;

«Или вилами на воде писано, или так тебе на роду написано» [СРНГ, 27, 45], в котором, разумеется, отражено народное понимание знакообразования, а не создания текста книжно-письменной культуры. Здесь можно вспомнить и о таких словоупотреблениях, как *писать картину, живописец*: рисовать — это наносить узоры, цветковые пятна, контуры человека, и изначально такие изображения выполняли магическую, а не художественную функцию.

Написанное представляло как отмеченное — то, на чем написали, становилось пестрым, т. е. несущим знак, отметину: пестрым / пестрой могли быть ткань (*пестрядь*), одежда, рукавицы и пасхальное яйцо (*пеструшки, писанки* и т. д. — предметы с нанесенными на них рисунками и узорами становились не обыденными, а знаково отмеченными, предназначенными для ритуальных целей), постные дни (*пестрые дни, неделя* — отмеченные знаково как особые дни [СРНГ, 26, 319], когда мясное едят через день [Невская, 1992, 96], *пестрый год* — голодный год [Там же] — по соотношению с *пестрыми* постными неделями); рыжий и/или веснушчатый человек; человек, покрытый оспинами (*пестрый человек с пестринами* [Там же, 317, 319] — как правило, эти отмеченные люди и воспринимались как наделенные особыми свойствами).

В русской культуре широко распространены клички домашних животных, преимущественно коров и куриц: *пеструха, пеструшка, пестрявка* и масса других производных. Можно предположить, что причиной таких наименований ранее могло быть не только восприятие их как разноцветных, покрытых пятнами: в этом выражалось и особое отношение к домашним животным как к своим, которых надо отметить как своих, поставить знак, тавро. Вполне допустимо, что и слово *пес* отразило это понимание домашних животных: известно, что, по одной из версий, оно того же корня, что и слова *писать* и *пестрый* (см. «фонетически наиболее безукоризненно» сравнение с со слав. **рьstrъ*, авест. *raēsa-* ‘прокаженный’ (первоначально ‘пятнистый’), греч. *ποικίλος* ‘пестрый’, лит. *raišas* ‘грязное пятно’ [Фасмер, 3, 248]). По наблюдениям Л. Г. Невской, собака и кошка в ряде балто-славянских языков определяются как «пестрые» [Невская, 1992, 90].

Тем не менее пестрота в древней народной культуре является амбивалентным признаком, поэтому *писать* (наименование действия как процесса создания визуальных знаков), *пестрить* (наименование

действия по приданию признака «пестрый, с пятном») могли выражать не только идею присвоения (знак своего), но и идею отчуждения (знак чужого). Поэтому признаком «пестрый» наделялись не только домашние животные или реалии «своего» мира, но и дикие или враждебные человеку звери, птицы, гады или потусторонние явления [см. об этом подробно: Невская, 1992]. Однако важно, что все эти животные или потусторонние явления были значимы в традиционной культуре, а значит, должны были быть отмечены, маркированы для определения их статуса и в целом для установления границ и конфигураций мира и антимира.

Таким образом, можно предположить, что *писать* и *пестрить* — ставить знаки, маркировать для того, чтобы выразить особый смысл — обозначить границы места и времени в обрядовом дискурсе; преобразовать с помощью знаков действительность и создать культурный континуум, определив свое место и чужое пространство.

В свадебном контексте выражение *кур пестрить* может быть интерпретировано как наименование одного из действий по символическому маркированию меняющихся реалий мира. Действие *кур пестрить* в лоемской народной культуре происходило на начальном этапе собственно свадьбы, в ночь перед приездом жениха. Свадьба — это кульминация обряда, поэтому время, непосредственно предшествовавшее ей, было особо символически нагружено, а значит, и особо благоприятно для действий продуцирующей магии (см., например, тащить скатерть со свадебного стола для того, чтобы сестры и подруги невесты вышли замуж, и т. п.). Действие *кур пестрить* совершалось молодыми людьми на девичнике, сопровождалось весельем и весьма вольным поведением участников: парни выбирали девушек, «метили» их своим вниманием, тем самым устанавливая, с одной стороны, начало преобразования молодых, прежде всего невесты, и в целом знакового изменения мира общины, а с другой — продуцируя будущие брачные отношения между девушками и молодыми людьми для последующих социальных изменений. Здесь обнаруживается некоторое пересечение лоемского выражения *кур пестрить* с севернорусской диалектной лексемой *пестриковать* в значении ‘флиртовать, заигрывать с кем-л.’ [СРГКСО, 4, 486].

Владимирское выражение *куру пестрить*, отмеченное А. В. Гурой, отражает более поздний этап свадьбы — первую брачную ночь и лишение девушки девственности. Тем не менее лексема *пестрить*,

как кажется, здесь наиболее выразительна в актуализации значения ‘поставить отметину как знак преобразования, установления новых границ’: это и оставить отпечаток / пятно на сорочке невесты, и одновременно создать символический (в данном случае также визуальный) знак, свидетельствующий о том, что невеста после этого стала молодой.

Багриновский Г. Ю. Большой этимологический словарь русского языка. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2020.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М. : Индрик, 2012.

Невская Л. Г. *Пестрое* в балто-славянском: семантика и типология // Фольклор и этнографическая действительность / отв. ред. А. К. Байбурин. СПб. : Наука, 1992. С. 88–100.

НОС — Новгородский областной словарь / подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.

СД — Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2014.

СДР — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. АН, 1893–1912.

СРГКСО — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд.-во СПбГУ, 1994–2004.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс, 1986–1987.

М. М. Валенцова

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

mvalent@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6541-4269>

Славянская демононимия: типология и ареалогия

Анализируются славянские демононимиконы с точки зрения их состава, структуры, генезиса. Они демонстрируют значительное единство, обогащенное заимствованиями из соседних инославянских традиций и вариативными номинациями в соответствии с развитием отдельных славянских языковых систем.

Ключевые слова: этнолингвистика; славянская демонология; демононимия; типология; ареалогия

1. Изучение славянской низшей мифологии имеет длительную историю. Накоплены значительные сведения, выполнены разнообразные исследования всех славянских традиций: собраны и изданы мифологические, фольклорные и лингвистические материалы, включая мифологические словари и этимологические исследования демононимов отдельных славянских языков.

Следующим этапом становится сравнительно-сопоставительное, типологическое и ареальное исследование славянских демонологических систем и их терминологии. Такое масштабное и полное привлечение материала всех славянских традиций (по оценке Л. Раденковича, славянских мифологических персонажей (далее — МП) «несколько сотен» [Раденковић, 2013, 14]) способно продемонстрировать типологию мифонимов, высветить архаический слой общеславянской мифологии; позволяет сопоставить реликты, сохранившиеся на периферии в существенно отдаленных друг от друга регионах; оценить долю собственных мифонимов в каждой из традиций и вес влияний и заимствований из соседних неславянских традиций; указать на возможные маршруты культурных и этнических миграций и т. п. Очевидно, что подобные исследования невозможны без этимологической интерпретации мифологической лексики.

В этой небольшой статье приводятся лишь некоторые положения и предварительные выводы, сделанные на основе анализа общеславянского демононимикона.

2. Изучение демононимов немыслимо в отрыве от их денотата — системы МП. Славянские традиции демонстрируют в целом очень сходную систему представлений о демонических существах и сверхъестественном. Такая инвариантная система включает персонифицированных или неперсонифицированных духов природного (лес, вода, воздух, поле, земля, горы и подземелье) и домашнего пространства (дом, двор, баня, гумно, хлев и т. п.), духов времени (полдень, полночь, дни недели, праздники), персонификацию состояний (страх, болезнь, смерть, судьба / доля), чертей и бесов, души умерших («чистых» родителей и «нечистых», преждевременно погибших), полудемонов, т. е. людей, обладающих сверхъестественными способностями (ведьмы и колдуны, знахари и лекари, оборотни, облакопрогонники, предсказатели), мифических великанов и гномов, мифических и мифологизированных животных и птиц (василиск, единорог; змея, жаба, волк, медведь, аист, кукушка и др.).

Этим группам соответствуют лексико-семантические группы демононимов, представленных, хоть и с разным удельным весом, во всех славянских традициях.

В основе славянской мифологической терминологии — генетически единое ядро общих праславянских демононимов. Среди них *яга / зья, змей, дед, род / рожаница, веда / ведьма, ночь / ночница* и др., в том числе слова, восходящие к индоевропейской древности: *буба, бес, вила, дива, мара, юда* и некоторые другие, многочисленные варианты которых появились уже в период развития национальных языков и диалектов.

Например, в слове *buba* ‘персонаж для устрашения детей’ выделяют звукоподражательный корень **bu-* (< и.-е. **b(e)u-*) [Дукова, 2015, 15–19]. Слав. *бес* (**běsъ* < **béd-sъ*) имеет точные соответствия в лит. *baĩsas* ‘ужасный призрак, ужасное видение’, лтш. *baiss* ‘страх, ужас’ (< **baid-sa-*), восходящие к и.-е. **bhoid-so-* [Там же, 22].

Имя *бабы яги / язи* известно всем славянам, но в восточнославянских языках оно обозначает лесную колдунью, повелительницу зверей и похитительницу детей, лишь изредка помогающую героям сказки,

в западнославянских традициях это чаще всего ведьма, а в южнославянских слова с этим корнем обозначают болезнь, слабость, страдание. Однако корень **ęga* / **ęza* имеет праславянскую и, возможно, индоевропейскую древность, если считать его древним названием змеи, ср. сопоставление с лит. *angis* ‘уж’ < и.-е. **ang^his* ‘змея’ [ЭССЯ, 40, 123] или с и.-е. **egh(i)* ‘змея’ — той же основы, что и **ežь*, первоначально ‘змеиный’ [ЭССЯ, 6, 37].

Помимо лексико-семантического и генетического, славянский демононимикон обладает структурным *д е р и в а ц и о н н ы м* единством.

Во-первых, это одинаковые принципы семантической (метонимической) мотивации, в основе которых лежат названия:

- действий: *юда* (реконструируемые значения ‘двигаться, стремительно нестись’ [см.: Валенцова, 2021]), *вила* (‘вить, веять, дуть’ [см.: Дукова, 2015, 29]);

- названия чувств: *бес* (в основе значение ‘страх, испуг’), *страх* (самостоятельный карпато-украинский персонаж);

- состояний: *мора* (‘морок, обман’ [см.: Валенцова, 2013, 53–55]), *навь* (‘умерший’ [см.: ЭССЯ, 24, 49–52]);

- природных явлений: *перун* (‘гром’), *ветер*;

- животных: *змей*, *ласка*, *жаба*

и т. п.

Хотя основной пласт современной мифологической лексики сформировался, как показывает материал, уже в национальных языках или языковых зонах (типа полесской), велика доля сходных аффиксальных производных от праславянских корней. Например, среди названий водяного популярны прилагательные с суффиксом *ан-/ен-*: рус. *водяной* (*дедушка*), белорус. *вадзяны* (*дзед*), укр. полес. *водяный*, серб. *водени човек*, хорв. *vodeni muž*, словн. *vodeni muž*. Также повторяются демононимы с иными аффиксами: белорус. *вадзянык*, укр. *водяник*, чеш. *vodník*, словц. *vodník*, *vodnák*, *vodnár*, польск. *wodnik*, серб. *водац*, *водењак*, хорв. *vodenjak*, *vodnik*, словн. *povodnjak*, *vodovnik*, *vodnar* и под.

Названия демона ночи демонстрируют значительное деривационное единство: рус. *нощница*, *полунощница*, белорус. *начніца*, укр. *ночница*, *нічница*, *полунощница*, польск. *nocznica*, *pospnica*, чеш. *půlnočnice*, словц. *počnica*, с.-луж. *pospnica*, болг. *пулонишница* (< *полунощница*), серб. *ноћница*, хорв. *poćpnica*, но и здесь встречаются альтернативные

образования: чеш. *posula*, *pošní poluda*, словц. *poslica*, болг. *ношно*, слвн. *pošnina*, *pošna baba* и под.

3. При идентичном в целом составе МП структура демонологических систем и, соответственно, их терминология в отдельных славянских традициях различается. Это происходит, во-первых, за счет отсутствия тематических групп (например, гномы и горные духи неактуальны для русской традиции, погодные демоны — для восточнославянской, леший — для южных славян), во-вторых, за счет заимствования новых персонажей и понятий (например, чеш. *divoká honba* ‘дикая охота’, с.-луж. *fajerman* ‘огненный человек’) или только имен, влияющих тем не менее на свойства «своего» персонажа (болг. *сайбия*, *таласъм* ‘домовой’, чеш. *hastrman*, *vaserman* ‘водяной’). Различаются традиции весом и значимостью отдельных групп персонажей, наиболее популярные из которых обычно имеют разветвленную систему имен. Например, великаны в восточнославянских традициях находятся на периферии системы с немногочисленными номинациями: рус. *волоты*, *осилки*, *чудь*, белорус. *валоты*, *асілкі*, *шведы*, укр. *вельтнн*, *волоты*. Больше легенд о великанах и, соответственно, их имен известно южнославянским народам (болг. *елени*, *латини*, серб. *ajd*, *див*, *дивљан*, *исполин*, *горостас*, *орпјаиш*, *иин*, хорв. *gorostas*, *orijaš*, *hajd*, слвн. *velikán*, *orják*, *orjáš*, *oger*, *hrust*, *dovjež*, *stramór*, *ajd*, *hajd*, *ajdovska dekllica*, *Dardaj*, *Dardak*, *grk*, *rimska dèklica*, *lah*). Наименований гномов у восточных и южных славян практически нет (за исключением словенцев: *palček*, *palečnjak*, *ninek*, *nendljek*, *malič*, *škrat*, *šetek*, *kápič*), но в западнославянских традициях гномы являются полноценным членом мифологической системы (чеш. *trpaslík*, *trpaslíček*, *trpaslice*, *pididuch*, *pidihoch*, *pidimužik*, *pidiženka*, морав. (pl.) *luckové*, *luček*, словц. *trpaslík*, *piadimužik*, *permoňik*, *matiašek*, *ľudík*, *zakerpatelec*, польск. (pl.) *krasnoludki*, *podziomki*, *krosnalci*, *karzelci*, *koboldowe*, кашуб. *drebné*, с.-луж. (pl.) *palčiki*, *lutki* (*ludki*), *lužki*, *paljački*, *nócne žědkí*), что, очевидно, связано с влиянием немецкой традиции.

Различаться по традициям могут также отдельные элементы образа МП, известного всем славянам: внешний вид, функции, свойства. Например, домовый дух, «хозяин», «дед» известен всем славянам в виде антропоморфного духа-предка (рус. *домовой*, *домовик*, *хозяинушко*, *дед(ко)*, белорус. *домавік*, *дававой*, *гаспадар*, *хатнік*, укр. *домовик*,

хозяин, болг. *дядото*, стопан на къща, слвн. *gospodarček, šetek, dedek*, чеш. *šetek / šotek, skřítek*, слвц. *dedko, bôžik, škratek*, польск. *dziad, uboże, skrzat*) и в виде домашней змеи (рус. *домашний вуж, дворовая гадюка*, белорус. *вуж-домовы, смок, хазяін*, полес. *домовык, вуж-домовы, хозяин*, серб. *змија-чуваркућа, кућна змија, чуварица*, болг. *стопан(ин), сайбия*, макед. *домашир, сажбија*, чеш. *had domovníček, hospodářček*, слвц. *domáci had, starý dedo, domový gazda*, польск. *gospodarz-wąż*, с.-луж. *huž, wuž-góspodař*). Но в восточнославянских традициях тип антропоморфного домового является основным, а в западно- и южнославянских такой божок-«дедок» лишь упоминается (практически нет образа), оказавшись вытесненным образом домашней змеи. Кроме того, к домашним демонам (домашним чертям) у западных славян стали относить и демона-обогапителя, которого можно приобрести, найти или вывести из яйца и который будет носить хозяину блага (в других традициях аналогичные персонажи к домашним демонам не относятся). Ареальная картина распространения у славян поверий о демоне-обогапителе (в центральных частях Балкан представления о духе-обогапителе из яйца почти не известны [Раденковић, 2013, 18]) позволяет говорить о западноевропейском источнике их иррадиации.

Эти и другие различия (например, формирование у южных славян более дробного состава класса «демоны локусов») дают право исследователям говорить о том, что «народная демонология славянских народов очень разнородна», что в ней отражены «культурно-исторические условия, в которых жили отдельные славянские народы», языковые и диалектные различия, заметные также «в рамках одной культурной зоны, что показывает картографирование» [Раденковић, 2013, 19–20].

Действительно, карты и атласы показывают разноуровневые различия в номинациях демонов (фонетические, словообразовательные, лексические и семантические), которые в рамках общеславянской демонологической системы можно считать диалектными и макродиалектными. Все они — результат самостоятельного развития славянских языков и диалектов начиная с самого раннего времени, с периода великого расселения славян, положившего начало формированию трех групп языков.

Наиболее показательную картину различий в демонологической лексике, создающую эффект отдельности, специфичности традиции, формируют заимствования:

▪ германские в западнославянских и словенской (чеш. *skřítek*, слвц. *škriatok*, польск. *skrzat(ek)*, слвн. *škrateljč* < нем. *Schrat* ‘черт, лесной дух’; чеш., морав., з.-слвц. *hastrman*, *bastrman* < нем. *Wassermann* < *Wazzerman*; морав. *perkmaniček*, *permonik*, слвц. *permonik*, польск. *bergajst*, слвн. *berkmandelc*, *perkmandelj* < нем. *Berggeist* или *Bergmann*; слвц., слвн. *tatrman* < нем. *taterman* ‘чертенок’; чеш. *Rýbrcoul*, *Librcoun*, слвн. *Libercun* < нем. *Rubezahl* ‘дух исполинских гор’; польск. *chobold*, *kobold* < нем. *Kobold* ‘домовой, гном’ и др.);

▪ венгерские и румынские в карпатских (слвц., морав. *bosorka*, карп.-укр. *босорка*, *босор(кош)*, польск. *baśorka*, *basorka* < венг. *boszorkány* ‘привидение, дух’ < тюрк. *basyrkan* ‘мора’; слвц., морав. *šarkan*, карп.-укр. *шаркань*, польск. *siarkań*, с.-х. *шаркань*, болг. *шаркань* (Банат) < венг. *sárkány* ‘дракон’; слвц. *striga*, польск. *strzyga*, лемк. *striga*, с.-х. диал. *striga*, слвн. *štrija* < рум. *strigă* < ит. *strega* < лат. *strīx* < греч. στρίγγλα ‘сова’);

▪ финно-угорские в севернорусской (сев.-рус. *лембой* < фин. *lembo* ‘лесной черт’; *мардуй* < эст. *tardus* ‘привидение’; *вергой* < фин. *verkanen* ‘черт’; сев.-рус. *шуйко* < мар. *шеике*, фин. *sisko* ‘сноха’ и др.);

▪ литовские в белорусской, польской и севернорусской (белорус. *лаума*, польск. *lawtu* < лит. *Laūmė* ‘ведьма’; польск. *ajtwaras*, *atwor* < лит. *aitvaras* ‘огненный змей’; польск. *kautki* < лит. *kaiškas* ‘домовой’; рус. *кикимора* < лит. *kaiškas* + *mara*);

▪ тюркские, иранские, греческие в южнославянских (болг. *аждарха* < н.-перс. *aždar(hā)* ‘дракон’; болг. *джин*, *жин*, серб. *џин* < тур. *cin* < ар. *ǧinn*; болг. *караконджо(л)*, с.-х. *караконцола* < тур. *karakoncolos*; болг. *ламья*, серб. *ламња* < н.-греч. *λάμια* и др.).

Выявление в дальнейшем изоглосс и изодокс в славянской демонологии может свидетельствовать либо о сохранившихся в разных частях славянского мира архаизмах, либо о сходствах типологического характера.

Валенцова М. М. Этнолингвистический комментарий к этимологии слов *мара* и *упырь* // Etymology: An old discipline in new contexts / ed. by В. Вукыпѣл, V. Воѣчек. Brno : Lidové noviny, 2013. P. 85–99.

Валенцова М. М. Еще раз о демониме *юда* // Балто-славянские исследования XXI / отв. ред. В. А. Дыбо. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 427–445.

Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке / отв. ред. И. А. Седакова. М. : Индрик, 2015.

Раденковић Љ. Словенска народна демонологија на синхроним и дијахроним плану // Зборник Матице српке за славистику. 2013. № 83. С. 9–23.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

zhannavarbot@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9783-4292>

К этимологии праслав. *rana

Семантика др.-рус. *рана* ‘побой, наказание, поражение’ и чешских фразеологизмов с участием *rána* — обозначений движения, стремления, достижения, ущерба — является основанием для предположения об образовании праслав. *rana от праслав. *roniti ‘ронять (вызывать падение), терять’ → ‘потеря, разрушение, ущерб’ (ср. рус. *урон*), с реконструкцией первичного значения праслав. *rana *‘результат (на)падения’ → ‘напасть, ущерб’. Значение чеш. *rána* ‘множество’ (во фразеологизмах) позволяет допустить также другое семантическое развитие от ‘ронять’: *‘результат (на)падения’ → ‘накопление (= что напáдало)’ — и, соответственно, амбивалентность первичной семантики праслав. *rana *‘результат (на)падения’ = *‘множество’ / ‘ущерб’.

К л ю ч е в ы е с л о в а: праславянская этимология; семантическая реконструкция; диалектная лексика

В толковании происхождения праслав. *rana преобладает мнение об исходном и.-е. **uronā* от и.-е. **uer-* ‘раздирать, царапать’, родственном **urono-* > др.-инд. *vraná* ‘рана, трещина, царапина’ [Pokorný, 1, 1163]. При этом принимается утрата в праславянском языке *u* перед *r*. Другие существующие версии — от и.-е. *(*e*)*re* ‘раздирать’ (др.-инд. *irna* ‘рана’, лит. *irti* ‘разорваться’), родство с авест. *rāna*

‘воин’ — признаются менее убедительными [Фасмер, 3, 441–442; ESJS, 12, 748; БЕР, 6, 320–322].

Побуждением к попытке поисков иного толкования происхождения праслав. **rana* послужило замечание В. Махека о том, что «родственная связь праславянского слова с др.-инд. *vraṇá* “не прямая”, так как долгота славянского корневого *ā* оправдана только в фактитиве *rāṇiti*, производным от которого и является *rana*» [Machek, 1997, 508]. Соответственно, встает вопрос о происхождении праслав. **raniti*, хотя наиболее существенным в замечании Махека представляется указание на отсутствие структурного тождества праславянского и древнеиндийского имен, что, при учете проблематичности для праславянского языка исконного начального *ur*, позволяет ставить под сомнение указанное индоевропейское происхождение праслав. **rana*.

Праславянская глагольная *-i/-j-* основа с корневым вокализмом *a* может быть производной от корня с исходным **a* (ср. **maniti*) или **o* (ср. **plovǫ* → **plaviti*). Этимологическое гнездо и.-е. **uer-* не дает свидетельств глагольных форм с *ā*, кроме слав. **rāṇiti*. Это позволяет обратиться к славянскому глаголу с корневым **o* — **roniti*.

Структурно-словообразовательные отношения **roniti* и **rana* сопоставимы с **voditi* → **vada* ‘канавка’, **krojiti* → **krajь*, **(s)kolti* → **skala*, а глагол **raniti* может быть вторичным имперфективом от **roniti* → **ran’ati* → **raniti* или отыменным от **rana*.

Обратимся к вопросу о степени вероятности семантической связи **roniti* и **rana*. Праслав. **roniti* восходит к индоевропейской основе **re-n-* от широко разветвленного индоевропейского этимологического гнезда **er-/*ere-* ‘двигаться’ при ближайшем родстве славянского глагола с др.-в.-нем. *rennen* ‘бежать’ [Роконгу, 1, 329]. В славянских языках **roniti* развило семантику ‘ронять (= вызывать падение), терять’, с детализацией падения созревших плодов, листвы, отделения зерен и жидкости, особенно дробного (о слезах и дожде), и развитием семантики разрушения, повреждения — ср. в литературных языках: болг. *рoня* ‘осыпать, обмолачивать, вылущивать; лить слезы, сеять (о дожде)’, *подрoня* ‘подрыть’, с.-х. *рoнити* ‘лить, проливать (слезы); размывать, разрушать’, чеш. *roniti* ‘лить; плакать’, словц. *ronit’* ‘лить (слезы)’, польск. *ronić* ‘терять, сбрасывать (перья, кожу); губить’.

Составляющие падения, обрушения и течения дают в соединении семантику результата — упадка, ущерба: рус. литер. *урoн* ‘убыток,

ущерб' и диал. 'спад, убыль' (мурм., влг.), 'неполноценный по физическим качествам человек' (Низ. Печора) [СРНГ, 47, 349–350]; см. особенно рус. диал. олон. *сронить* 'убить, зарезать (скотину)' [СРНГ, 40, 322]. Очевидно, это сближает семантику **roniti* и **rana*.

Весьма серьезный повод для размышлений о возможности семантической близости **roniti* и **rana* дает рус. *прорán* литер. 'суженная часть русла, проход, промоина', диал. 'залив, далеко вдающийся в сушу' (астрах., касп., кубан.), 'проток или рукав в русле, устье реки' (волж., урал.), 'глубокий овраг с крутыми склонами, обрыв' (волгогр., дон.), 'отверстие под стеной бани для выхода воды в яму' (урал.) [СРНГ, 32, 215]. Это слово считается связанным с *rana* [Фасмер, 3, 376], что подсказывается формой, но его семантика явно амбивалентна: составляющая прорыва более тяготеет к *rana* (с общим для всех языков значением этого слова 'повреждение кожного покрова'), но см. выше *ронити* 'размывать, разрушать', а также «водную» составляющую слова *прорán*. Более вероятно образование *проран* от *ронити* также в отношении словообразовательной модели: бессуффиксные префиксальные имена, как правило, являются отглагольными (ср. *проток* / *протока* от *протечь* — при *пролесок* от *лес*).

Семантика продолжений праслав. **rana* во всех славянских языках тождественна в значении 'повреждение кожного покрова', со считающимися переносными 'вред, ущерб'. Следует, однако, рассмотреть и другие значения (= употребления). В древнерусском языке для *rana* отмечаются также значения 'удар, побои; болезнь; страдание, мучение; наказание, кара'; словосочетание *раноу възприяти (прияти)* означает 'потерпеть поражение' (последнее — в Лаврентьевской летописи) [см.: СДРЯ, 10, 333–337]. Очевидна исходная семантика действия / состояния, близкая к **roniti* 'ронять, терять': ср. др.-рус. *rana* 'поражение' и рус. *урон*; чеш. *rana* также значит 'удар; звук удара' [Trávníček, 1952, 1307].

Особенно интересна с точки зрения предполагаемого образования **rana* от **roniti* чешская народная фразеология со словом *rána*. С одной стороны, ряд фразеологизмов, несомненно, опирается семантически на *rána* как обозначение повреждения / ущерба: *zasadit někomu, něčemu poslední ránu* 'добить, забить', *udělat někde ránu* и *dat někomu ránu* 'украсть, обокрасть', *to mu dalo ránu* 'это ему повредило'. Ближе к этому оценочное употребление: *nedat ani ránu* 'ничего

не делать'. С другой стороны, во многих фразеологизмах слово *rána* обнаруживает семантику движения, энергии, стремления: *to je rána do vody* (= *do peřiny, do větru*) 'погоня за ветром', *byť od rány* 'быть быстрым, стремительным', *od své rány něco udělat* 'без принуждения' (= 'по своей воле, настроению'). Семантика результата движения, достижения, конечной точки свидетельствуется употреблением *rána* в *padnout* (= *přijít*) *někomu do rány* 'приблизиться, встретиться', *byť na ráně* 'быть на расстоянии руки, легко достижимым'; ср. еще семантику момента движения: *v tu ránu* (= *na ránu, v té ráně*) *udělat* 'сейчас, сразу' [Trávniček, 1952, 1307–1308; Zaorálek, 2000, 297].

Отмеченная в производных от **roniti* именах семантика повреждения / ущерба / прорыва и семантические составляющие различных характеристик движения в сочетании с составляющими повреждения, ущерба в употреблениях **rana* свидетельствуют о возможности их исконной семантической связи и вкпе с указанными выше возможностями словообразовательной связи могут рассматриваться как аргументы в пользу гипотезы об образовании праслав. **rana* от **roniti*. Первичная мотивация праслав. **rana* при этом реконструируется как 'действие и результат (на)падения', первичное значение — 'напасть, ущерб'.

Наконец, возможно, свидетельством первичной семантической связи с **roniti* являются значения чеш. *je ho rána* 'он толстый' и *je toho rána* 'этого много' [Zaorálek, 2000, 297], если 'много' ← **'(все), что напáдало, накопилось'*. В таком случае приходится допускать для **rana* амбивалентность первичной семантики: 'результат (на)падения' = 'ущерб' / 'множество' — ср. рус. *прóпасть*.

БЕР — Български етимологичен речник / съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, Т. Тодоров и др. София : БАН, 1971–. Т. 1–.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / под ред. Р. И. Аванесова, И. С. Улуканова, В. Б. Крысько. М. : Русский язык, 1988–. Т. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Praha : Academia, 1988—. Zesz. 1–.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2 vyd. Praha : Lidové noviny, 1997.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. 1–2. Bern : A. Francke, 1949–1959.
- Trávníček Fr.* Slovník jazyka českého. 4 vyd. Praha : Slovanské nakladatelství, 1952.
- Zaorálek J.* Lidová rčení. 4 vyd. Český Těšín : Academia, 2000.

Е. Н. Варникова

Вологодский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Вологда, Россия
e-varnikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7612-1306>

К вопросу об «императивных» конструкциях в славянской ономастике

В статье анализируется семантика «императивных» образований в сфере русских собственных имен и апеллятивов, устанавливаются механизмы, определяющие их экспрессивность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «императивные» конструкции; славянская ономастика; антропонимы; мифонимы; топонимы; микротопонимы; зоонимы; русские и украинские фамилии

Конструкции с опорным компонентом – существительным и предшествующей частью, омонимичной форме повелительного наклонения глагола, отмечены в разных классах славянской ономастики. Такие структуры встречаются в русских, украинских, польских, болгарских названиях населенных мест, в русских названиях рек и озер, в русской исторической и современной микротопонимии, в именах героев восточнославянского сказочного эпоса, в древнерусской антропонимии, в современных русских и украинских фамилиях, в сказочной и исторической русской зоонимии. В нашей статье анализируется семантика «глагольных» образований в сфере русских собственных

имен и апеллятивов, устанавливаются механизмы, определяющие их экспрессивность.

Как отмечает В. А. Никонов, в ойконимии «таких названий, по-видимому, не больше сотни, но они очень своеобразны и уходят корнями еще к временам славянской общности (как модель, а не отдельные названия, конечно). Кроме подмосковного *Звенигорода*, есть несколько его тезок на Украине, был *Звенигород* и в Польше XI в. <...> На Украине, кроме двух *Гуляй-поле*, есть *Гуляй-городок* и *Гуляй-балка*, *Копай-город*, *Стремигород*, был *Деригород*, с. *Урвиживот* и др., в Польше — *Жмигруд*, было с. *Урвиховост* и др. Исключительность этой формы в нашей топонимии, не теряющей глаголов, настораживает. Как и почему из императива смогли возникать топонимы и что они означали? Может быть, они выражали пожелания, заклинанья? Но тогда почему *Копай-город*, *Деригород*? Еще менее оправданы с. *Залейвода* в Харьковской обл., г. *Згориград* в Болгарии» [Никонов, 1965, 95]. Обращая внимание на древность рассматриваемых ойконимов, В. А. Никонов приводит также «поздние образования XIX в. и современные: <...> тульская деревня *Кинь грусть*, пос. *Стучи машина*» [Там же]. По-видимому, к поздним относится и название деревни *Проснись Бедняк* [Витушкина, 1970, 29].

Подобные структуры встречаются и в гидронимии. Так, на территории Костромской области зафиксированы реки *Вздериножка*, *Деринога* / *Задеринога* (варианты одного названия), *Дериножка*, оз. *Дериглазка* [Цветкова, 2016, 289]. Эти наименования отражают «особенности географических объектов (маленькая речка, которую можно перешагнуть, задрать ноги; очень холодная вода, от которой ноги “дерет”»» [Там же, 290]. Название р. *Сдериножка* отмечено на Русском Севере [Витушкина, 1970, 28], *Задеринога* — в Московской области. Повторяемость таких гидронимов на разных территориях позволяет предполагать их терминологичность.

Конструкции «императивного» типа отмечаются в исторической и современной севернорусской микропонимии: пок. *Ознобикобыла*¹, наволоки *Болисердцо*, *Вздериножки*, *Разломиноги*, бол. *Трясинога* [Витушкина, 1970, 27]. В костромской микропонимии

¹ Это название встретилось нам в одной из писцовых книг Тотемского уезда XVII в. Возможно, топоним отражает особенность данного урочища — незащищенность перед заморозками: ср. карел. (рус.) *зяблѹха* ‘поляна, на которой часто вымерзает хлеб’ [СРНГ, 12, 47].

неоднократно фиксируются названия покосов *Гуляй-поле / Гуляйполе*: «Гуляйполе очень широкое» [Цветкова, 2016, 290]. Подобные конструкции встречаются в описании топографии Запорожья у известного историка и этнографа Д. И. Эварницкого: ур. *Нерубайлес, Недайводы, Карай-Тебень* [Эварницкий, 1, 31, 39, 152].

Сложные имена с императивом в первом компоненте нередко носят герои восточнославянского сказочного эпоса, ср. у русских: *Валигора, Вернидуб, Вернигор, Вернигора, Вырвидуб, Спехни-гор, Рознигор, Катайгора, Пересыти-Гора, Переверни-Гора*; у украинцев: *Верни<ы>дуб, Щавидуб, Кривихаца, Ломи-лі<е>с, Зітри-лі<е>с, Верни<ы>гор, Верни<ы>гора, Переверни-Гора, Рассунь-Гора, Разверни-Гора, Рознигор, Прокати-Гора, Товчикамінь, Сучикамінь, Сучимотузка, Крутивус, Запри-вода, Заверни-вода, Верни-вода, Затини<ы>-вода, Застаї-вода*; у белорусов: *Вярні-Дуб, Вярні-Камень, Вярні-Гора, Запры-вода* и др. [Журавлев, 2005, 382]. Многие мифонимы символизируют силу сказочных богатырей, их власть над природой. По свидетельству А. Ф. Журавлева, «эти образы находят многочисленные параллели в мифологии и эпосе других индоевропейских народов», имена персонажей словацких, литовских и латышских сказок «близки славянским вплоть до полного структурно-смыслового соответствия» [Там же]. Сопоставляя имена эпических богатырей с нарицательными названиями лиц, образованными по той же модели и выражающими негативную оценку (*вертиголова* ‘легкомысленный, ветреный человек’, *вертихвост(ка)*, *вырвиглаз, перекасти-поле* и под., укр. *пройдисвіт* ‘бродяга, проходимец’, *шибайголова, паливода, урви-пола* ‘буян’, *дурилюд* ‘обманщик’, *підмийвода* ‘лицемер’, *давижменька* ‘скупердяй’, *дурибаб* ‘бабник’, *деригуз* ‘оборванец’ и т. д.), автор делает следующий вывод: «Производство имен сказочных персонажей по таким моделям, вероятно, косвенным образом указывает на их отрицательно оцениваемую принадлежность хтоническому (“низовому”) слою, в противоположность “верховой” природе персонажей вроде громовержца» [Там же, 383].

Отрицательной оценочностью характеризуются и многие старорусские антропонимы, образованные по «императивным» моделям: *Варивода, Взвернигуба, Горихвост, Держикрай, Дериглазь, Ключивода, Колибаба, Обернибес, Ожигибес, Падинога, Перебейнос, Подсекикорова, Прожгибокь, Пролейбрага, Раздуйхвост, Разуйнога,*

Трясисолома, Убийкобыла, Урвухвост, Чапинога, Чипыштань [Тупиков, 2004; Селищев, 1968, 112–113]. Неслучайно А. М. Селищев помещает их в группу «Насмешливые клички», отграничивая от более древних образований «со второй частью *-бог, -бор, -волод, -гнев, -гость; -жир, -мер* или *-мир, -мил, -мысл, -ѣг, -полк (-пѣлк), -свѣт, -слав*» [Селищев, 1968, 112–113].

О внутренней форме таких именовании можно судить лишь предположительно. Так, имя *Горихвост* могло обозначать человека, склонного к щегольству, любителя ярких одежд (ср.: *горихвостка, горицвет*); *Дериглазь* — слишком любопытного человека (нельзя исключать и отражение в имени физической особенности человека — обладателя больших глаз); *Клюйвода* — человека с длинным носом (ср. олон. *клюй* ‘о человеке с длинным орлиным носом’, тул. *клюй носатый* ‘бран. дразнят того, у кого длинный нос’ [СРНГ, 13, 318]); *Обернибес* — ловкого, оборотистого человека; *Падинога* — человека, припадающего на одну ногу, хромого человека или человека с необычной (например, шаркающей или переваливающейся) походкой (ср. современное прозвище хромого человека *Танцуя-нога*); *Перебейнос* — буйного, вспыльчивого человека, задиру или человека со сломанным носом; *Раздуйхвост* — хвастуна и бахвала; *Разуинога* — неряшливого, растрепанного человека (ср. вят. *разуй* ‘неряшливый, растрепанный человек’ [СРНГ, 34, 70]) и др. На базе этих имен образовались русские фамилии *Вариводин, Вертиглазов, Горихвостов, Дериглазов, Обернибесов, Падиногин, Пролейбрагин, Раздуйхвостовъ* и др. [Тупиков, 2004].

В украинских фамилиях сохранилась исходная форма «императивных» именовании: *Варивода* (1552), *Омочихвост* (1654), *Перебейнос* (1669), *Положихвост* (1563), *Убейкобыла* (1563) [Селищев, 1968, 113]. Этой модели соответствуют и многие современные фамилии: *Быймалых, Варибрус, Верныволя, Выставнога, Гнибеда, Давикоза, Дейрош, Забыйворота, Задерживист, Загныбеда, Заплюйвичка, Засядьовок, Лупынос, Неберкутя, Неварихатка, Недайхлеб, Неудиветер, Незовибатько, Неижмак, Неижсало, Непийтиво, Обижисвит, Перечепи-дорога, Печиборщ, Пивторыпавло, Пидкуймуха, Покиньюборода, Пробыйголова, Пройдисвит, Свербыгуз, Скачистрибайло², Товчиречка,*

² Второй компонент, *стрибайло*, также имеет глагольное происхождение: это суффиксальное производное от глагола *стрибати* ‘прыгать, скакать’: значение императивной основы «усиливает» смысл опорного компонента.

Тягнрядно, Убийбатько, Убийвовк, Убийконь, Четинога и др. [Какие фамилии носят потомки...]. Появление таких именованний Д. И. Эварницкий объясняет следующим образом: «Принятый в число запорожских козаков прежде всего записывался в один из 38 сичевых куреней <...> и тут же, при записи в курень, переменял свою родовую фамилию на какое-нибудь новое прозвище, часто весьма метко характеризующее его с внешней или внутренней стороны; эта перемена фамилии делалась ввиду того, чтобы скрыть прошлое новопоступившего в Сечу...» [Эварницкий, 1, 187].

По свидетельству А. М. Селищева, сложные имена с императивом в первой части приобрели в славянских языках широкое применение для называния лиц и населенных пунктов. Кроме русских и украинских антропонимов такой структуры, автор приводит также сербские личные именованья: *Газивода, Курикучя, Ломигора, Млатишума, Мутибара, Мутивода, Пушибрк, Пециреп, Пожрикобила, Прдикобыла, Чешибаба* и др. [Селищев, 1968, 118].

Отмечены императивные образования и в русской зоононии, реальной и сказочной: кобыла *Подтилигуз*³ (скорее всего, кличка связана с особенностями телосложения — размером задней части тела животного: данная семантическая модель представлена в старорусской гиппонимии номинациями *Крутогуз, Толстоиздрои*) [Варникова, 2020, 61], лисята *Мети-шесток / Подмети-шесток, Огня-Вздувай, Пеки-пирого, Подай-челнок, Трубу-закрывай* [Варникова, 2018, 85, 88].

Рассмотрение онимических «императивных» структур невозможно без обращения к нарицательным их соответствиям. В литературном языке подобные наименования составляют обособленную группу: *сорвиголова, скопидом, держиморда, грабьярмия, вырвиглаз, воруи-городок, гуляй-город, держидерево, перекаати-поле, горицвет, вертиголовка, вертишейка, коси-сено*. В диалектах отмечаются в основном названия растений, птиц и людей: ряз. *болиголов* ‘багульник’, *болиголовá* ряз. ‘болиголов крапчатый’, пск., курск. ‘калужница болотная’, *болиголовник* без указ. м. ‘болиголов крапчатый’, оренб. ‘таволга’ [СРНГ, 3, 75]; *горихвóстка* без указ. м. ‘птица, род малиновки’, пск., твер. ‘о девушке, которая беспрестанно смотрит в окно’ [СРНГ, 7, 37]; орл. *горицвёт* ‘девясил иволистный’ [Там же]; *держи-травá* амур.

³ Ср. современную фамилию *Пилигузов*.

‘леспедца двуцветная’, урал. ‘вязель’, ‘пырей’ [СРНГ, 8, 23]; вят. *разоридóмка* ‘расточительная, не умеющая вести хозяйство женщина’ [СРНГ, 34, 54] и др.

Образованные по одной модели, «императивные» онимы и апеллятивы разных групп различаются, однако, своими компонентами. Так, в группе ойконимов в качестве опорных компонентов выступают географические термины *-город* (чаще всего), *-городок*, *-балка*, *-поле*, отмечаются соматизмы *-груд*, *-живот*, *-хвост* (два последних — с одинаковым «определителем» *урви*⁴); в группах гидронимов и микропонимов чаще всего фиксируется компонент *-нога* (или его дериват *-ножка*), что, возможно, выражает идею затрудненного передвижения в пространстве (наволоч *Разломиноги*, бол. *Трясинога*)⁵. В группе мифонимов опорными компонентами являются *-гора*, *-вода*, *-дуб*, *-камень*, символизирующие силы природы; начальные компоненты *Вали-*, *Верни-* / *Переверни-*, *Запри-* и др. выражают способность сказочных богатырей повелевать этими силами.

Наибольшим разнообразием характеризуется компонентный состав антропонимов и агентивов. Хотя в силу высокой идиоматичности собственных и нарицательных имен лиц в ряде случаев возникает вопрос о возможности / целесообразности выделения этих компонентов, все же рассмотрим их состав. В роли опорных компонентов в антропонимах чаще всего выступают соматизмы: *-бок*, *-борода*, *-глаз*, *-голова*, *-губа*, *-гуз*, *-нога*, *-нос*. Начальными компонентами обычно являются глагольные основы со значениями ‘драть’, ‘бить’: *Вздери-* / *Дери-*, *Перебей-* / *Пробый-*, *Луны-* и др. На втором месте стоят названия различных веществ, чаще продуктов питания и напитков: *-бориц*, *-брага*, *-вода*, *-мак*, *-пиво*, *-сало*, *-хлеб*. С ними сочетаются компоненты, выражающие запрет на употребление этих продуктов или называющие действия, неосуществимые по отношению к ним: *Недай-*, *Неиж-*, *Непий-*; *Вари-*, *Клюй-*, *Печи-*. Отметим также антропонимы с названиями животных в опорных компонентах: *-волк*, *-кобыла*, *-коза*, *-конь*, *-корова*; обычно им предшествуют начальные части *Дави-*,

⁴ Учитывая древность анатомической модели в топонимии, выскажем предположение о возможном отражении в таких топонимах изменения границ земельных владений.

⁵ Аналогичный пример с компонентом *-голова* рассматривает А. К. Матвеев: «труднодоступную вершину русские называют не “Гора, где можно сломить голову”, а *Сломиголова*» [Матвеев, 2001, 87].

Убий- (возможно, таким образом выражается идея физической силы номинируемого лица, ср. в сказках: *семерых одним ударом*). Реже в основе рассматриваемых антропонимов лежат названия конкретных предметов: *-ворота, -колесо, -свечка, -хата* и др.; действия, связанные с ними, обычно имеют деструктивный характер: *Забый-, Загубы-, Заплуй-*. Отдельные антропонимы образованы на базе названий отвлеченных понятий: *-беда, -воля*; с ними сочетаются глагольные основы *Гни-, Верни-*. В антропонимах, как и в мифонимах, встречаются образования с опорным компонентом *-гора*, но начальные компоненты иные — *Верши-* и *Подопри-* (на наш взгляд, так могли назвать человека высокого роста). Нельзя не отметить антропоним с личным именем в основе *Пивторыпавло* (единичный случай).

Таким образом, опорные компоненты географических названий так или иначе связаны с семантическим полем «пространство», личных именований — с семантическим полем «человек».

Анализ смысловых отношений компонентов «императивных» конструкций позволяет установить некоторые механизмы создания в них экспрессии:

- высокая степень или чрезмерность проявления номинируемого признака: *Валигора, Вернидуб, Вернигор, Вернигора, Вершигора, Вырвидуб, Гуляйполе, Спехни-гор, Пересыти-Гора, Переверни-Гора, Пидопригора, Подпилигуз, Разломиноги, Сломиголова, вырвиглаз, сорвиголова* и др.;

- казуальность действия как отличительного свойства лица: *Загубы-колесо, Омочихвост, Прожгибокъ, Пролейбрага* и др.;

- агрессивность действия: *Лупынос, Перебейнос, Пробыйголова*;

- несоответствие объекта и относящегося к нему действия: *Варибрус, Варивода, Клуйвода, паливода, Печиборц, Пидкуймуха, Товчиречка, Федька Умойся Грязью* и др.;

- заведомая невозможность запрета на действие: *Недуйветер, Неижмак, Неижсало, Непийтиво* и др.

Очевидно, благодаря образности, экспрессивности «императивные» конструкции приобрели широкое распространение в ономастике, в определенной мере компенсируя свою ограниченность в нарицательной лексике. Дальнейшее изучение таких структур в славянских языках не только позволит выявить их интегральные и дифференциальные признаки в разных системах, но и даст

возможность рассмотреть этот материал с точки зрения парадигмы ценностей славянского мира.

Варникова Е. Н. Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации // Русский язык в школе. 2018. № 7. С. 83–89.

Варникова Е. Н. Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в.) // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 47–83.

Витушкина Л. А. «Глагольные» конструкции в русской ономастике // Вопросы топонимастики. 1970. № 4. С. 25–29.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М. : Индрик, 2005.

Какие фамилии носят потомки запорожских казаков [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/media/curillitsa.ru/kakie-familii-nosiat-potomki-zaporojskih-kazakov-5bd4704d50707d00aa8a9d64> (дата обращения: 20.12.2021).

Матвеев А. К. Апология имени // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 21. С. 86–92.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965.

Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды. М. : Просвещение, 1968. С. 97–128.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Русский путь, 2004.

Цветкова Е. В. «Глагольные» конструкции в костромской микротопонимии // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л. А. Климовой, В. И. Супруна. Арзамас ; Саров : Интерконтакт, 2016. С. 288–291.

Эварницкий Д. И. История запорожских козаков : в 3 т. СПб. : Тип. И. Н. Скоорохова, 1892–1897.

Н. В. Васильева

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

vasileva-natalia@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8481-1438>

Метаязык литературной ономастики в лексикографическом представлении

Обсуждается метаязыковая особенность литературной ономастики, обозначаемая как мультифилологизм, и предлагается модель терминографического описания этой дисциплины, основанная на выделении отдельных тематических кластеров.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литературная ономастика; мультифилологизм; терминология; терминографическое представление

Определение литературной ономастики (ЛО) как стыковой, пограничной, междисциплинарной области сопровождает ее самого начала ее существования как самостоятельной дисциплины. При этом суть этого «стыка» (в частности, между лингвистическими и литературоведческими подходами), по справедливому замечанию А. А. Фомина, не совсем ясна: «...идет ли речь о составной части лингвистики, которая в своих целях использует аппарат литературоведения, или о специфической области литературоведения, где наряду с традиционными литературоведческими применяются лингвистические методы, или же, наконец, об “общей территории” лингвистики и литературоведения, в пределах которой в равной мере допустимы как лингвистические, так и литературоведческие подходы» [Фомин, 2009, 271].

Сложность определения терминологических границ литературной ономастики состоит в множественности способов рассмотрения одного объекта — имени собственного (ИС) в художественном (фикциональном) тексте (ХТ). Эти способы являются производными от многих филологических дисциплин и направлений. Оказавшись под «зонтиком» литературной ономастики, способы и приемы анализа не теряют связи с дисциплинами-источниками (стилистикой, лингвистикой текста, литературоведением, переводоведением и др.),

и задача собрать воедино терминологический аппарат ЛО и при этом сохранить ее «мультифилологизм» представляется не совсем простой. Терминологический парадокс ЛО состоит в том, что «собственных» терминов у этой дисциплины крайне мало. Если мы обратимся к тексту классической работы О. И. Фоняковой «Имя собственное в художественном тексте» [Фонякова, 1990], в которой ЛО представлена именно как отдельная дисциплина — с названием, предметом, задачами и методологией, то получим следующий список, который можно считать базовым для ЛО: *литературная ономастика; литературный антропоним, топоним и пр.; ономастическая парадигма текста; ономастическое пространство текста (= ономастикон текста); коннотация; говорящие имена; имя как текстовая скрепа; индивидуально-художественное значение имени собственного; онимизация; апеллятивизация; вторичная номинация; семантическая конденсация; три ступени семантической конденсации ИС в ХТ: индивидуализация, типизация и символизация; суггестивность семантики ИС; авторское преобразование ИС в художественной речи (типы имен); имя как ключевое (тематическое, доминантное) слово текста; приемы имяупотребления; паронимическая аттракция; ономастическое словотворчество; стилистический потенциал ИС.* Этот список содержит термины, которые имеют разную структуру и различную степень терминологичности. Список, бесспорно, имеет потенциал к развертыванию и детализации. Лексикографам хорошо известен способ пополнения словника с помощью ключевых слов к статьям на заданную тему. Наблюдения над списками ключевых слов к статьям по литературной ономастике показали, что авторы выносят в него, как правило, только термины базового уровня, а именно сам термин *литературная ономастика* (и/или его синонимы), а также *литературный оним, имя в художественном тексте*. Прочие же употребляемые авторами терминологические обозначения остаются в пространстве текста. Ключевые слова служат, таким образом, указанием на область знания (что, собственно, и требуется), но не являются для лексикографа источником легкого добывания терминов субординатного уровня. Последние ему/ей приходится для словника извлекать из текстов — при отсутствии, как правило, строгих дефиниций. Высказанное замечание о таком контекстном способе пополнения словника связано, как представляется,

еще с одной особенностью ЛО, а именно с взаимовлиянием языка описания (метаязыка) и языка-объекта, что возможно при высокой степени вовлеченности исследователя в мир исследуемого текста и, если можно так сказать, его «сотворчестве». В дидактических текстах такое свойство ЛО не может быть отражено, поэтому учебные пособия по ЛО [ср.: Васильева, Ворошилова, 2009] оперируют, как показывает опыт, лишь базовыми терминами.

Можно предложить следующую модель лексикографического представления метаязыка ЛО в виде терминологического словаря кластерного типа, с выделением тематических областей и дальнейшим описанием терминов внутри каждого кластера и с использованием тезаурусного подхода. Примерами терминологических кластеров являются следующие.

1. Облик имени — термины, характеризующие облики (типы) имен в фикциональном тексте: *коннотоним, реминисцентное имя, криптоним, онимоид, антропонимическая маска, антономасия, ономатодея, говорящее имя, гетероним* и пр.

2. Микротекстология имени — термины, описывающие ближнее контекстное окружение ИС: *проприальные сигналы, формула имени, апеллятивный конвой* и др.

3. Макротекстология имени — термины, относящиеся к функционированию имени в целом тексте: *функции ИС в ХТ, интродукция имени*.

4. Ономастические процессы — термины, обозначающие ономастические и деономастические процессы и их результаты в фикциональном тексте: *онимизация, апеллятивация, апеллятивно-проприальный маятник, безымянность, травестия имен, двуименность, гетеронимия* и пр.

5. Ономастическая нарратология — термины из теории нарратива, необходимые для описания ИС [ср.: Шмид, 2008]: *диегесис, экзегесис, перспективизация, персонажный текст, ключи нарратива* [ср.: Николаева 2012] и пр.

6. «Технолекты» литературной ономастики — термины школ и направлений, по которым эти школы распознаются. Ср. *поэтонимология* и весь ее терминологический аппарат [Калинкин, 1999; 2016]; воронежская ономастическая школа — ср. *автобиографизм, ономастический хронотоп* [Ковалев, 2020; Скуридина, 2020]; когнитивистская и психоаналитическая ЛО [ср.: Kohlheim, 2019].

Количество кластеров может быть умножено. Так, в отдельный кластер могут быть выделены авторские термины. Подробнее, с дальнейшей детализацией описания внутри кластеров см. [Васильева, 2020].

Предложенный терминографический принцип позволит, на наш взгляд, наметить дисциплинарные границы ЛО, а также выявить системные связи терминов и междисциплинарные корреляции.

Васильева Н. В. О терминологических границах литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2020. № 2 (13). С. 44–55.

Васильева С. П., Ворошилова Е. В. Литературная ономастика : учеб. пособие для студентов филол. специальностей. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2009.

Калинкин В. М. Поэтика онима. Донецк : Юго-Восток, 1999.

Калинкин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Филологические науки и культурология». 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 18–27.

Ковалев Г. Ф. О терминологии литературной ономастики // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 34 : К 200-летию со дня рождения А. С. Тургенева и к 75-летию профессора Г. Ф. Ковалева / гл. ред. Г. Ф. Ковалев. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 192–202.

Николаева Т. М. Введение // Ключи нарратива / отв. ред. Т. М. Николаева. М. : Индрик, 2012. С. 7–56.

Скуридина С. А. Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 105–117.

Фомин А. А. О различии лингвистического и литературоведческого подходов в исследованиях по литературной ономастике // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сентября 2009 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 271–273.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л. : ЛГУ, 1990.

Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2008.

Kohlheim V. Der Name in der Literatur. Heidelberg : Winter, 2019.

Т. В. Володина

Национальная академия наук Беларуси
Минск, Беларусь
tanja.valodzina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9800-2199>

***Ідзіце, пералогі, чорту пад ногі:*
ЭТИМОЛОГИЯ И МИФОПОЭТИКА
ЭТНОМЕДИЦИНСКОГО НАИМЕНОВАНИЯ**

В центре внимания — *перелогі* как один из элементов народной медицинской номенклатуры восточных славян и соответствующая функциональная группа заговоров. Предполагается проследить, как основные симптомы заболевания обусловили этимологию его наименования, связанные с ним заговорные мотивы и ритуальные практики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: народная медицинская номенклатура; заговор; этимология; мотив; белорусский и украинский фольклор

Лексема *перелогі* как обозначение болезни относится к числу довольно рано зафиксированных. В «Словаре старославянского языка» выражение *водънии прѣлосу* ‘дизентерия’ в качестве источника имеет отсылку к Синайскому евхологию (требнику) XI в. [Гораздь]. Мотивационная сторона наименования связана с характерным поведением человека или, чаще, животного вследствие судорог — белорус. *пырілогэ*: «Колэ скотэнэ шось зробіца і вона качейіца, то кажуть, пырілогэ напалэ» [Живые слова, III]. Вынужденное падение животного на землю, вероятно, обусловило параллельное наименование *падница*, *западница*, известное, впрочем, только в заговорных текстах: «Возьмита вы семдесят ножовь, выражтя семдесят прutowь, и выгоняйтя зь моё скотины, рыжія шарстины, чемярь, паралогі и падниці, сь косьтей, зь можджей» [Романов, 1891, 128]. Судороги у животного могут быть вызваны острой болью в животе, и заговоры поддерживают такую локализацию болезни: «Сунимавь Богъ воду и зямлю, суними зь вороного коня лихо — паралогі зь живота» [Там же].

Относительно человека акцентируются те же проблемы с органами брюшной полости (ст.-слав. *прѣлогъ* ‘дизентерия’ [Гораздь]; рус. влг. *перелогі* ‘запор у детей’ [СРНГ, 26, 147]; укр. *перелогі*: «... замовляють

ведьми желудка. Людині й хочеться їсти, але її тако підпірає» [Шкарбан, 1999, 222]), а также конвульсии, часто отождествляемые с эпилептическими либо же лихорадочными. Связь катания / перекатывания и боли в животе акцентируется и в заговорах («Бывъ сабѣ Самсонъ, мѣвъ сабѣ семь жонъ; вотъ ёнь зъ ими не качався, не валявся, хорошо обходився. Такъ и вы, пералогі, етъя скотины, гнѣдья шарстины, не качайта, не валяйтя, и выходътя» [Романов, 1891, 127]) и фиксируется на уровне этиологических конструкций: «Вступиш в котовило, то будут' перелогі» [Аркушин, 2, 38] при *котовило* 'место, где катался конь' [Аркушин, 1, 214].

В системе народномедицинской номенклатуры к числу самых устойчивых семантических переходов относится развитие у лексемы, обозначающей болезнь, оценочных значений и коннотаций: этим словом начинает выражаться осуждение, недовольство поведением человека, ср. *пералога* 'негодяй' [ТС, 4, 35]. В семантическом поле этой лексемы наблюдается устойчивый переход 'болезнь' → 'нечистый, зло, беда': *Перэлогі ўзелі корову! На перэлогу вона мне! Перэлога іх знае!* [Там же], что часто реализуется в формулах проклятий: *Каб цябе пералогі ўзялі! Шоб тебе перэлогі з'ели!* [Там же].

В «Этимологическом словаре белорусского языка» слово перелогі сопоставляется с *пералаягаць*, *пералаягае* 'вредить', *далаягаць* 'болеть, цепляться' и возводится к праслав. **per-logъ* [ЭСБМ, 9, 59], связанному с **legt'i*, в семантическом багаже которого закономерно отыскиваются значения, соотносимые с вынужденным лежанием, болезнью и даже смертью [ЭССЯ, 14, 99]: **loga* > с.-х. *lōga* 'лежание в постели из-за болезни, болезнь' [ЭССЯ, 15, 245], белорус. *логі*: «Логі — хвароба ног», «У полі крыніца, у той крыніцы чорт і чарціца. Яны нічога не робяць, толькі ў (мянушка каровы) логі гавораць. Забярцьце ад гэтай каровы логі ў свае ногі» [Замовы, 505], ср. также парное наименование с корневой и приставочной формами — *логі-перелогі*: белорус. «Лог-пералог, не хадзі на мой двор, на маём дварэ нічога няма: ні цацак, ні лялек, ні пуховых падушак» [АИИЭФ], укр. «Провеі ветре буйный изжени з сѣго быдла логы и перелогы ветряны» [Ефименко, 1874, 22], рус. «Ой, вы, логи, вы, перелогі, и вы, чемера, пейте, ѣшьте и гуляйте, доколи я къ вамъ не приду и молитвы не сотворю» [Виноградов, 1907, 63–64].

В записях Е. Романова встречаем сочетание *пот и паралогі*: «Умовляю и выговараваю потъ и паралогі съ сорока жиль, съ сорока пажиль: вамъ тутъ, поты и паралогі, ня стояти» [Романов, 1891, 125].

Конструкция *поты и паралоги*, заменяющая более частую *потницы и перелог*, поддерживает тенденцию к сокращению первой части дублетного наименования — *логи-перелог*.

Существование краткой формы обращает внимание на обширное гнездо наименований болезней с приставкой *пере-/пера-*: белорус. *пералом, перекрыш, перанос, пераход / перэход, перачос*; рус. *перелой, перемыт, перегляд, переход* и др. В равной степени распространены как приставочные, так и бесприставочные обозначения испуга: *ляк* и *пераляк(i)*, *сполах* и *перпалох*, *пуг* и *перпуг(i)*, *пуд* и *перпуд*. Можно предположить, что использование приставки *пере-* призвано усилить мотивирующую основу, называющую основной симптом заболевания, т. е. это чрезмерно интенсивное проявление какого-л. действия с неприятным итогом в виде болезни. Как дефинирует И. И. Носович: *перепуг* ‘испуг сильный’ [Носович, 1870, 407]. В случае с *перелог* таким образом может обозначаться болезнь, возникающая вследствие судорог, падений и лежаний (катаний по земле), с акцентом именно на ее чрезмерность, избыточность.

Лексема *перелог(и)* имеет и другое значение: ‘поле, покинутое для отдыха; земля под паром’. Вспашка отдохнувшей, перележавшей земли в ряде областей России передается лексемой *перелом* ‘вторичная вспашка поля’. На неслучайность пересечения двух наименований (*перелог* и *перелом*) указывает и их совмещение в одном терминологическом обозначении процесса выговаривания болезни — белорус. *пералогі пераламываць* [АИИЭФ].

Во многих заговорах *перелог* идут в одном ряду еще с двумя болезнями — *чемером* и *потницами*, иногда создается впечатление, что эти термины или дублируют друг друга, или описывают похожее состояние животного. Вероятно, каждое из наименований акцентирует свой симптом, особенно заметное и опасное для субъекта состояние, на которое и должно быть направлено соответствующее магическое акциональное и вербальное лечение. Номенклатурная триада *чемер — потница — перелог* обобщает состояние животного с острой болью в области брюшной полости, сопровождающейся обильным потоотделением и судорогами, которые и приводят к падению животного и перекатыванию по поверхности.

Заговоры от *перелогов* распространены в восточных частях Белоруссии и Украины. На фоне закономерных в группе заговоров сферы

животноводства мотивов последовательного перемещения недуга из частей тела («Ишли пералогі по широкой дороги да коню у ноги, а зь ногъ у морду, а зь морды у ноздры, а зь ноздзѣрь у вочи, а зь вочой да въ вуши, а зь вушей у голову, у мозки, и у жилы, и у суставы и у кровь; а съ криви да у косьци, а съ косьцей да ў скуру, а съ скуры да ў гриву, а зь гривы да ў хвостъ, а съ хвоста доловъ») [Романов, 1891, 129]) или обратного отсчета («Было у цара лева дванатцать жон; было ў етаго коня вороного дванатцать пералог, тринацатая потница: а з дванатцати на ‘динатцать» [Там же, 124–125]) выделяется яркая группа текстов с образами трех путников и их находок.

Эти — по большей части короткие, даже формульные — заговоры укладываются в сюжет, в котором представлен путь (или встреча) трех (двух) персонажей — мужика, войта, атамана, попа, судьи с помощниками, дьяка, диакона, жида, третьим к этим героям обязательно добавляется черт, даже если прямо и не упоминается среди путешествующих: «Іду я дарогаю, сустрѣчаю трох друзей: папа, войта, чорта. Попу дала штаны, войту рукава, а чорту пералогі» [Барташэвіч, 1992, № 133].

При всем кажущемся разнообразии персонажи представляют собой образ чужого для крестьянского социума — социально (войт, атаман и судья), конфессионально (поп и дьяк), этнически (еврей). В дороге герои получают / находят разные вещи: рукавицы, реже сумку, хлеб, шапку, в том числе и болезни. В итоге они делят между собою «аксесуары», болезнь же регулярно отправляется к черту: укр. «Йшов піп з дяком, найшов піп шапку, а дяк рукавиці і стали ділитися. Попові шапка, дякові рукавиці, а нечистому перелогі надівать на роги!» [Новицкий, 1913, 36]; «Судьи шапочка, а судейскому чулочки, а чортові перелогі» [Ястребов, 1894, 16].

Еще одна регулярная заговорная «компания» — Петр и Павел, которым уготовано встретиться либо с Господом, либо с дьяволом, но делят они все те же атрибуты: «На моры на ісіяни стоявъ дубъ, на дубу корватка, а па той корватцы Пятро и Павяль, третій дзяволь. Пятру мольничка, Павлу рукавички, а чаразь коньскія ноги чорту паралогі» [Романов, 1891, 127]. Реже упоминается еще один святой — Николай, причем снова с акцентом на ноги — стоящим на воротах в красных сапогах: «Ішли пералогі чэраз тры дарогі, а Міколка папераду. І сеў на варотах у чырвоных чаботах, чобаты спалі, з імі пералогі прапалі» [Барташэвіч, 1992, № 214].

Самым регулярным персонажем заговоров от *перелогов* является черт, их несомненный обладатель и неизменный адресат отсыланий. Даже его рога могут стать в руках Бога надежным инструментом для изгнания болезни: «Сядзіць Бог на куце, а чорт пад кутом. Ізняў з чорта рожки, праганяў пераложкі» [Барташэвіч, 1992, № 278].

Заговорный акцент на ногах больного может исходить из симптомов подкосившихся, «не своих» ног. Настойчивое отправление *перелогов* в ноги, регулярное поддерживаемое на уровне рифмованных формул, находит продолжение и в ритуальных практиках: заговор произносится с поглаживанием ног, хлестанием по ним, протягиванием предмета между ногами и т. д.

Заговоры от *перелогов* открывают для нас удивительный сказочный мир, где вокруг заболевшего животного хлопочут персонажи самых разных уровней. На помощь спешат *Господь з нябёс, выломив лозинку, святую вярбинку; святые Хрол, Ягорий и Лаврый; три сестры-рукодельницы*. Здесь фигурирует многоженец *царь Лев / Ев*, а святые Петр и Павел с дьяволом в одной компании располагаются *в кроватке на дубе на море на кияне; три пса на мори выбрехують зори и разгоняют болезь* или *угрызають усё непадобнае, рыжый рыжия, гнядый гнядое*. Распорядителем болезни предстает необычная лошадь, с большой головой и рыжегривая, «дающая» на весь мир перелогии, но и способная их к себе принимать. Открытым остается вопрос о соотносимости мотива с анамнезом болезни, в том числе мифологическим.

АИИЭФ — архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси (Минск, Беларусь).

Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок : у 2 т. Луцьк : Вежа, 2000.

Барташэвіч, 1992 — Замовы / уклад. Г. І. Барташэвіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1992.

Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина. 1907. Т 16. Вып. 1. С. 63–64.

ГОРАЗДЪ: Цифровой портал старославянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://gorazd.org/?q=ru/node/22> (дата обращения: 20.04.2022).

Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний. М. : Унив. тип., 1874.

Жывое слова / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, І. Я. Яшкін. Мінск : Навука і тэхніка, 1978.

Замовы / уклад. У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей ; уступ. арт. Л. М. Салавей. Мінск : Беларусь, 2009.

Новицкий Я. Малорусские народные заговоры, заклинания, молитвы и рецепты, собранные в Екатеринославщине. Екатеринослав : [б. и.], 1913.

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб. : Отделение рус. яз. и словесности АН, 1870.

Романов Е. Белорусский сборник. Вып. 5 : Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск : Типо-лит. Г. А. Малкина, 1891.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ТС — Тураўскі слоўнік : у 5 т. / уклад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–1987.

Шкарбан А. Матеріали з народної медицини Житомирського Полісся // Полісся України : матеріали історико-етнографічного дослідження. Вип. 2 : Овруччина / відп. ред. С. Павлюк. Львів : Ін-т народознавства НАН України, 1999. С. 211–224.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. Г. А. Цыхун. Мінск : Навука і тэхніка, 1978–. Т. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Ястребов В. Н. Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губернии. Одесса : Тип. Окр. штаба, 1894.

Р. В. Гайдамашко

Институт лингвистических исследований РАН
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Институт системного программирования
им. В. П. Иванникова РАН
Санкт-Петербург — Москва, Россия
gaidamashko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1676-3363>

О названиях жимолости в русских говорах Верхнего Прикамья, коми языках и шире

В статье рассматриваются названия растения жимолость голубая (*Lonicera caerulea*) в русских говорах Верхнего Прикамья и сходные слова в коми языках. Приводятся примеры номинаций с внутренней формой «овечий сосок»,

© Гайдамашко Р. В., 2022

а также — на более широком языковом материале — примеры модели, включающей название животного в сочетании с лексемами «грудь», «вымя», «соски́ (*mamma, papilla*)», «яйца (*testiculae*)».

Ключевые слова: Верхнее Прикамье; русские говоры; коми языки; лексикология; этимология; названия жимолости; *Lonicera caerulea*

1. Одну из своих последних работ А. А. Бурькин посвятил названиям жимолости в русских говорах: в ней он представил более сотни диалектных наименований этого растения, поделился наблюдениями над их мотивировкой, для некоторых предложил этимологические решения [Бурькин, 2019]. В частности, им приведен длинный ряд русских слов с метатезой согласных л и м (*жиломость, жиломусть, жилом* и т. п.); отмечено, что «названия жимолости в русских говорах в значительной степени подвержены паронимической аттракции, выражающейся в проявлении ложной этимологической мотивации»; процитированы версии о происхождении рус. общенар. *жимолость* П. Я. Черных и М. Фасмера и небезосновательно выдвинута гипотеза о происхождении слова из источника болгарского типа (из языка этого типа происходит и венг. *gyümölcs*, при общетюрк. **jemiš* ‘фрукт, плод’) [Там же, 175–186].

При большом богатстве русской диалектной лексики, обозначающей жимолость, и запутанных связях со сходными словами других языков представляется продуктивным ареально-этимологический и структурно-семантический анализ с привлечением этнолингвистических данных отдельных историко-культурных зон. В настоящей статье рассмотрены два гнезда названий растения (как самого кустарника, так и его плодов) жимолость голубая (*Lonicera caerulea*) в русских говорах Верхнего Прикамья, а также сходный лексический материал в коми и других языках. Отдельно приводятся примеры модели «овечий сосок» и модели, в которой к названию животного добавляются лексемы «грудь», «вымя», «соски́ (*mamma, papilla*)», «яйца (*testiculae*)».

Лексические данные для написания работы почерпнуты из почти 40 лексикографических и иных источников; ввиду такой многочисленности источников ссылки на них в тексте статьи и библиографическом списке не даются.

2. Рус. *балебáн* (Тиуново, Гайн.), *балева́н* (Усть-Чикурья, Гайн.) < коми [Зверева, 2007, 478; 2008, 496; 2012, 104–105], ср. коми-перм. сев. *бала́нянь* (букв. «овечий хлеб»), левич., пукс. *бала́няня* (букв. «овечий сосок»).

Мена инлаутного *-н-* на *-б-/-в-* объясняется прогрессивной ассимиляцией. Коми-пермяцкие слова считаются инновацией северного наречия [Федосеева, 2002, 432; 2015, 56–57].

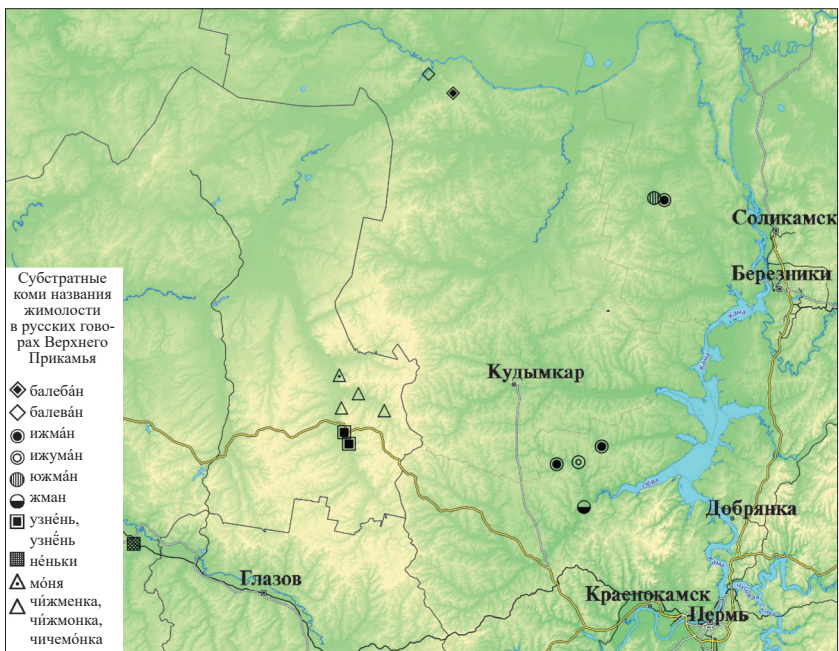
На наш взгляд, коми-перм. *баляняня* может, в свою очередь, представлять собой кальку с рус. диал. *овечьи титьки*. Этот и подобные лексические факты, реализующие метафору сходства ягод разных видов жимолости с сосками или семенниками домашних парнокопытных, широко распространены в севернорусских и дочерних по отношению к ним говорах (арх., влг., вят., мурм., перм., свердл.), ср., например: *барáньи (бы́чы) я́йца*, *барáнья мудь*, *кобы́льи (коро́вьи) тит(ь)ки*, *кобыличные ягоды*, *сýсошник*, *соски́*, *сóсошник* и др. Особо ср. в говорах Верхнего Прикамья, в ареале пермяцкого субстрата: *барáньи муди* (Гадья, Черд.), *барáньи мудé* (Юм, Юрл.), *овéчы ягоды* (Мысы, Гайн.).

3. Рус. *ижма́н* (Каргино, Ил.; Посад, Нердв.; Илаб, Соликам.), *ижумáн* (Зориново, Кар.), *у́жман* (Коми-Перм.), *южма́н* (Илаб, Соликам.), *жман* (Рождественское, Кар.) < коми [Матвеев, 1964, 292–293; Зверева, 2008, 496; 2012, 104–105; Бурькин, 2019, 179; Мызников, 2019, 209], ср. коми-перм. *ыжма́н*, *ыжба́н*, ошиб. *ижма́н*, нердв., оньк. *жбан*, вк. уз 'н'он', коми-язьв. *өжма́л'а*, *рөжма́л'а*, коми-зыр. вв., лл., печ., скр., сс. *ыжнёнь*, сс. *ужнёнь*, вв., вым., иж., нв., уд. *ыжман*, вс. *ыжмаль*, нв. *ныжман*, вс. *ыжмол'*.

Предполагалось, что русское слово может быть калькой коми-зыр. *ыжнёнь* (букв. «овечий сосок») [Матвеев, 1964, 293], и наоборот: «формы типа *ыжнёнь* получились в результате народной этимологии» [Лыткин, Гуляев, 1970, 329] (при этом «происхождение названия жимолости в коми языке остается невыясненным» [Лыткин, Гуляев, 1975, 44]).

На наш взгляд, приведенная выше русская лексика Верхнего Прикамья явно имеет истоки в коми-пермяцком языке, что подтверждается ее характерным ареалом (см. рис.) и широким распространением вариантов в большинстве коми диалектов.

На сопредельных территориях коми лексика послужила также источником рус. диал. *мо́ня* (Бисерово, Афан.), *нёньки* (Фалён.), *узнёнь*, *узнёнь* (Афан.; Аверины, Афан.), *чи́жменка* (Афан.; Савинцы, Афан.), *чи́жмонка*, *чичемо́нка* (Боринская, Афан.) и удм. *ыжноны*.

Субстратные коми названия зимолости
в русских говорах Верхнего Прикамья

В доступных источниках по удмуртским диалектам такой модели номинации зимолости не обнаружено (обычное ее название в удмуртском — *гузэмпу*, букв. «летнее дерево»), а коми лексика по причине богатого фонетического варьирования (*ыжман* ~ *ижман* ~ *ныжман* ~ *ыжбан* ~ *жбан* ~ *ыжнёнъ* ~ *ужнёнъ* ~ *узнёнъ* ~ *ыжмоль* ~ *ужмаль* ~ *ожмалья* ~ *рөжмалья* и др.) сама, возможно, является заимствованием из третьего источника, ср. мар. *ош-киза* ‘зимолость’ (букв. «белая рученька»), чув. *вйш* ‘зимолость’, *уш(ä)* ‘боярышник’ (чувашские данные могут указывать на то, что в прошлом существовало какое-то поволжское субстратное название зимолости типа **иш* <сообщение А. В. Савельева>).

4. Приведенная коми модель («овечий сосок») может быть встроена в длинный ряд финно-угорских наименований разных видов

жимолости, включающих в свою внутреннюю форму название животного (в обско-угорском ареале также название лесного духа) и, возможно, указывающих на непригодность употребления ягод в пищу: карел. *koiranvarba* «собачий прут»; мокш. *офтонь ксты* «медвежья ягода»; эрз. *vérgistj* «волчья земляника (клубника)» и *vérgiz-Íejks* «волчья лутошка (палка, прут из стебля липы, очищенные от коры)»; коми *понсэтӧр* «собачья смородина»; удм. *кионмульы* «волчья ягода», *кионнин мульы* «волчье лыко-ягода», *кионльӧм* «волчья черемуха», *пуньльӧм*, *пуньльӧмпу* «собачья черемуха», «собачьей черемухи дерево», *пуньмульы* «собачья ягода», *пуньсутэр*, *пуньсутэрпу* «собачья смородина», «собачьей смородины дерево»; манс. вл. *мёукепил* «лесного духа ягоды»; хант. *мек йӱх рых* «человекообразного сказочного существа ягоды», *кӱль рых* «черта, злого духа ягоды», *ин икев воцтӧт* «стариком (медведем) собираемое», *ин икен йӱм рых* «старика хорошие ягоды».

Ср. также внутреннюю форму названий жимолости в индоевропейских и тюркских языках: нем. *Hundsbeeres* «собачья ягода», *Hundskirsch(en)* «собачья вишня», *Mausholz* «мышинное дерево», *Lausbaum* «вшивое дерево», *Fliegenkirsche* «мушиная вишня», *Fliegenheckenkirsche* «мушиная кустовая вишня», нем. швейц. *Chrotte(n)-Beeri* «жабья ягода», *Geiß-Leitere(n)*, *Gaiselaiterli* «козья лестница»; болг. *орлови нокти* «орлиные когти»; башк. *айыу баланы* «медвежья калина»; хакас. *аба ноңныгы* «медвежья черника», *адай ызыргазы* «собачьи серьги», *пӱӱр хады* «волчья ягода».

5. Как оказывается, модель с участием названия животного (+ «грудь», «вымя», «сосок», «яйца») достаточно продуктивна и в русских говорах, и в различных языках Евразии при номинации не только жимолости, но и других растений, ср.: рус. диал. *кошачьи мудки* «травилат прибрежный» (Никол. Влг.), *сучье вымя* «пикульник, жабрей» (Вят.); эст. *koeramunnid* «травилат речной», букв. «собачьи яйца», *lambanisa*, *lambanis(s)ad*, *lammanisad*, *lambatiss*, *lambatissid* «хвощ полевой», букв. «овечий сосок», *lambanänn*, *lambanännid* «камнеломка зернистая», «хвощ полевой», букв. «овечий сосок», *lehmanisa* «хвощ полевой», букв. «коровий сосок»; горн. *вӱлӱ мыны* «тыква», букв. «кобыльи яйца»; удм. *пуньноны* «жимолость обыкновенная, волчьи ягоды», букв. «собачий сосок»; н.-нем. *Kotitten* «жимолость вьющаяся», букв. «кошачьи титьки»; хакас. *хозан имцегі* «малина», «жимолость», букв. «заячье вымя»;

як. *обус сымыыта* ‘жимолость’, букв. «бычьи яйца» (ср. также англ. амер. *boob-berry* ‘*Lonicera conjugialis*’, букв. «титька-ягода») и др.

6. В настоящей статье представлены лишь предварительные наблюдения, касающиеся названий жимолости в русских говорах Верхнего Прикамья и коми языках. Для разработки этнолингвистического аспекта следует привлечь большее количество примеров на более широком языковом фоне («включение зоологического кода в номинацию этой ягоды требует дополнительного внимания») [Бурыкин, 2019, 174].

Возможно, некоторые из приведенных наименований являются эвфемистическими, обусловленными табуированностью.

Номинации жимолости имеют сходство с коми-пермяцкими названиями других ягод, которые часто также являются сложными наименованиями, включающими в качестве компонентов названия птиц и животных, частей их тела, ср. коми-перм. *бичуль* ‘клубника’, букв. «огненный птичий zob»; *ошсэтөр* ‘красная бузина’, букв. «медвежья смородина»; *сьёла оз* ‘поленика, княженика’, букв. «рябчиковая земляника»; *туримоль* ‘клюква’, букв. «журавлиная ягода» и др. [см. подробнее: Гайдамашко, 2019; Пономарева, Гайдамашко, 2021].

Бурыкин А. А. Названия жимолости в русских народных говорах и этимология лексемы *жимолость* // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) — 2019 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2019. С. 172–186.

Гайдамашко Р. В. Материалы к этимологии коми-пермяцкого слова *бичуль* ‘клубника’ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. № 3. С. 19–26.

Зверева Ю. В. Лексика, заимствованная из коми-пермяцкого языка, в пермских говорах (на материале тематической группы «Человек») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) — 2007 / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : Наука, 2007. С. 477–482.

Зверева Ю. В. Аппелятивы коми-пермяцкого происхождения в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) — 2008 / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : Наука, 2008. С. 491–497.

Зверева Ю. В. Лексика коми-пермяцкого происхождения в «Словаре русских говоров севера Пермского края» // Проблемы социо- и психоллингвистики. 2012. Вып. 16. С. 103–110.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. В. И. Лыткина. М. : Наука, 1970.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка // Вопросы коми филологии / отв. ред. Г. Г. Бараксанов. Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1975. С. 3–45.

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1964. Т. 14. Fasc. 3–4. О. 285–315.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

Пономарева Л. Г., Гайдамашко Р. В. Названия ягод в коми-пермяцком языке конца XVIII в. (на материале рукописей Антония Попова) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 2. С. 228–249.

Федосеева Е. Н. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // Пермистика-9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии / сост. и отв. ред. И. В. Тараканов. Ижевск : Удмуртский университет, 2002. С. 426–434.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015.

Е. Г. Галицына

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

helen25-00@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0812-123X>

Манжетка обыкновенная (*Alchemilla vulgaris* L.)

в народной номенклатуре германских и финно-пермских языков

В статье рассматриваются народные фитонимы, обозначающие растение манжетку обыкновенную (*Alchemilla vulgaris* L.) в двух германских и двух финно-пермских языках: английском, немецком; финском (включая ингерманландские говоры) и коми.

К л ю ч е в ы е с л о в а : фитонимия; английский язык; немецкий язык; финский язык; карельский язык; коми язык

Данная статья посвящена названиям манжетки обыкновенной (*Alchemilla vulgaris* L.) в двух группах языков: германской (английский, немецкий) и финно-пермской (финский, включая ингерманландские говоры, и коми). Выявленные фитонимы распределены по выраженным в них признакам номинации. Особое внимание уделяется лексико-семантической структуре наименований.

Германские языки

1. Форма части растения. Древнеанглийское название манжетки обыкновенной — *lēon-fōt* (букв. «львиная лапа»); оно является калькой лат. *pēs leōnis* или *leontopodium*. Фитоним мотивирован формой листьев растения, которые состоят из нескольких больших складок, напоминающих лапу животного. Возможно, ассоциация со львом подкрепляется также желтым оттенком цветков манжетки [Krischke, 2013, 349–350]. В среднеанглийском языке растение обозначается словом *pede-līðun*, имеющим ту же внутреннюю форму, что и в древнеанглийском; в настоящее время название имеет вид *padelion* и также обозначает манжетку, хотя используется редко. Наряду с этим отмечен современный английский фитоним *lion's foot* [МЕС; DEPN, 565]. Надо думать, что последнее наименование восходит к др.-англ. *lēon-fōt* и исторически является калькой латинского названия. В среднеанглийский же период слово *pede-līðun* (> совр. англ. *padelion*) было заимствовано самостоятельно; возможно, это произошло через посредство французского языка (ср. совр. фр. *ped de lion*) [Анненков, 1878, 20].

Большинство современных народных английских названий манжетки обыкновенной мотивировано формой листьев и основано на сравнении с лапой какого-либо животного, ср., например: *bear's-foot* (букв. «медвежья лапа») и *duck's-foot* (букв. «утиная лапа») [DEPN, 565]. На признаке формы листьев основано и наиболее распространенное название растения *lady's mantle* (букв. «накидка леди»), которое является сокращением от *Our Lady's mantle* (букв. «накидка Богородицы»). Лист манжетки сравнивается с накидкой на основе общей формы и зубчатых краев, напоминающих кружева [DEPN, 295; Prior, 1863, 131].

Общепринятое немецкое наименование манжетки — *der Frauenmantel* (букв. «женский плащ») [DWDS]; этот фитоним, как и англ. *lady's mantle*, мотивирован формой листьев. Сходство двух названий,

вероятно, свидетельствует об их общем происхождении: возможно, как в английском, так и в немецком языках произошло заимствование из французского — ср. фр. *manteau des dames* [Анненков, 1878, 20]. Подобно английскому фитониму, немецкое название следует понимать скорее как «плащ Богородицы», поскольку существуют разнообразные более «полные» или уточняющие номинации. К таковым относятся, например, *der unser (lieben) Frauen Mantel* (букв. «плащ Богородицы») и *der Marienmantel* (букв. «плащ Марии»). Указание на форму листьев также лежит в основе фитонимов, которые образованы по модели «лапа животного»: *der Gänsefuss* (букв. «гусиная лапа»), *der Löwenfuss* (букв. «львиная лапа») [Pritzel, Jessen, 1882, 15].

2. Особенности поверхности и структуры (+ форма). Два английских наименования манжетки — *dewcup* (букв. «роса-чашка») и *sundaw* — содержат компонент ‘роса’. Первое из них объясняется следующим образом: на листьях растения часто лежат капли росы или дождя; благодаря тому что листья покрыты волосками, они не промокают насквозь, а капли с них не исчезают [DEPN, 150].

Фитоним *sundaw* родственен названию росянка *sundew* (букв. «солнце-роса»): росянка, как и манжетка, сохраняет на листьях капли — правда, в случае хищного растения это не роса, а похожая на нее клейкая жидкость [ИО, 343]. Вероятно, фитоним был перенесен на манжетку из-за этой общей особенности растений. Спорными являются происхождение и внутренняя форма данных названий: обычно слово *sundew* связывается с тем, что на листьях растения даже в солнечный день сохраняется «роса» (ср. лат. *ros solis* ‘росянка’, букв. «солнечная роса»). Однако согласно другому мнению, слова *sundaw* и *sundew* произошли от нем. (вероятно, др.-в.-нем.) *sindau* ‘постоянная роса’ [DEPN, 458; Prior, 1863, 223]. Вторая версия может подкрепляться тем, что в названии *sundaw* солнце не упоминается [DEPN, 458]; с другой стороны, могло произойти искажение слова *sundew*, в результате которого образовался рассматриваемый фитоним. Таким образом, существует два варианта толкования названия *sundaw*: «солнце-роса» и «постоянно росистое [растение]»; в обоих случаях номинация указывает на особенности поверхности манжетки обыкновенной.

На свойстве листьев манжетки сохранять капли росы и дождя основано довольно много немецких фитонимов. Один из них — *der Sinau* и его различные фонетические варианты (*Sinnau*, *Sindaw*, *Sondaw* и др.).

Этимологический словарь фитонимов немецкого языка возводит *Sinau* к слову *Sin-tau* (букв. «постоянная роса»); отмечается также, что первый компонент входит в состав названий некоторых других растений (*Singrün* ‘барвинок’, букв. «постоянно зеленый, вечнозеленый») [Pritzel, Jessen, 1882, 15; Kanngiesser, 1909, 9]. Таким образом, *der Sinau* буквально означает «постоянно росистое [растение]» и является родственным англ. *syndaw*; сведения немецкого языка подтверждают вторую версию происхождения английского фитонима.

Указание на ту же особенность поверхности лежит в основе немецких наименований *das Thaublatt* (букв. «роса-лист») и *die Tauschüssel* (букв. «роса-миска»). Фитоним *das Regenschirmchen* (букв. «дождь-зонтик»), скорее всего, мотивирован к тому же формой листьев манжетки: они напоминают раскрытый зонт, на котором остаются капли дождя [Pritzel, Jessen, 1882, 15; Kanngiesser, 1909, 9].

Финно-пермские языки

1. Форма части растения. Данный признак чаще всего отмечается в финских названиях манжетки: лист растения может напоминать юбку или блузку со складками и оборками. Эту мотивацию имеют фитонимы *hiirenhame* (букв. «мышьяная юбка»), *körttiheinä* (букв. «юбка-трава») и, возможно, *röjyheinä* (букв. «кофта-трава», «блуза-трава») [Lönnrot, Saelan, 1866, 381].

На характерную форму листьев манжетки указывают и многие ингерманландские фитонимы, например *nyöryheinä* (букв. «складка-трава») и *röllöheinä* (от *röllit* ‘рюши, оборки’ и *heinä* ‘трава’). К данной группе можно отнести и название *pyöräheinä* (букв. «колесо-трава») [Коппалева, 2007, 63, 175]: лист растения образует неполную окружность, а линии складок могут сравниваться со спицами колеса. В коми языке очертания листьев манжетки описываются иным образом: фитонимы *понкок* и *понлапа* (букв. «собачья лапа») [Ракин, 1989, 63] можно сравнить с англ. *bear's-foot*, нем. *Löwenfuss* и некоторыми другими германскими названиями.

2. Особенности поверхности и структуры (+ форма). Финская номинация *hopealehti* (букв. «серебро-лист») [Бродский, 2014, 214] связана со свойством листьев манжетки удерживать капли, отчего они выглядят усыпанными серебряными точками. Несмотря

на упоминание цвета, этот фитоним мотивирован особенностями поверхности (ср. англ. *dewcup*, нем. *Sinau* и т. п.). К данной группе относится и коми фитоним *лысва турун* (букв. «роса-трава»), который может обозначать также росянку [Ракин, 1989, 49]. Ингерманландское название *sont'ikkaheinä* (букв. «зонтик-трава») [Коппалева, 2007, 175], вероятно, аналогично нем. *Regenschirmchen* и, помимо поверхности листа, описывает его форму.

3. Использование в народной медицине. В ингерманландских говорах отмечен фитоним, мотивированный лекарственным применением манжетки, — *ruanileht'* (букв. «нарыв (панариций) – лист») [Коппалева, 2007, 72]. В других рассмотренных языках номинации растения по этому признаку отсутствуют.

4. Неясная мотивация. В финских говорах на территории Финляндии и России отмечен фитоним *kiuruheinä* (букв. «жаворонок-трава») [Бродский, 2006, 180; Коппалева, 2007, 176], мотивация которого неясна и требует отдельного изучения.

Лексико-семантическая структура фитонимов

Общим для германских и финно-пермских наименований манжетки является уподобление ее листьев лапе животного (в первой языковой группе такие фитонимы более распространены). В финно-пермских названиях лист манжетки довольно часто уподобляется предметам одежды, например юбке. Такие номинации в некотором смысле близки англ. *lady's mantle*, нем. *Frauenmantel* и т. п., но английский и немецкий материал отличается библейскими отсылками, которые отсутствуют в финском и коми языках.

Особенность поверхности манжетки в германских фитонимах практически всегда описывается с помощью компонента 'роса'; в финно-пермском материале такой пример всего один (коми *лысва турун*), хотя причиной этого может быть меньшее количество собранных названий. Среди английских и немецких номинаций нет аналогов фин. *hopealehti*, в котором поверхность характеризуется через цвет. Очень близки по внутренней форме нем. *Regenschirmchen* и фин. ингерм. *sont'ikkaheinä*, что свидетельствует об универсальности восприятия растения разными народами.

-
- Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб. : Тип. Имп. АН, 1878.
- Бродский И. В.* Названия растений в финно-угорских языках : дис. ... канд. филол. наук / ИЛИ РАН. СПб., 2006.
- Бродский И. В.* Детерминанты сложных (составных) названий растений в финно-пермских языках // Севернорусские говоры. Вып. 13 / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 199–222.
- ИО — Иллюстрированный определитель растений Средней России : в 3 т. Т. 2 : Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные) / сост. И. А. Губанов, К. В. Киселева, В. С. Новиков, В. Н. Тихомиров. М. : Т-во научных изданий КМК : Ин-т технологических исследований, 2003.
- Копналева Ю. Э.* Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007.
- Ракин А. Н.* Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1989.
- DEPN — Dictionary of English Plant Names / ed. by J. Britten, R. Holland. London : Trübner & Company, 1886.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 28.04.2022).
- Kanngiesser F.* Die Etymologie der Phanerogamennomenklatur. Eine Erklärung der wissenschaftlicher, der deutschen, französischen, englischen und holländischen Pflanzennamen. Leipzig : Ramm & Seemann, 1909.
- Krischke U.* The Old English Complex Plant Names: a Linguistic Survey and a Catalogue. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2013.
- Lönnrot E., Saelan Th.* Flora Fennica. Suomen Kasvio. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainossa, 1866.
- MEC — Middle English Compendium [Электронный ресурс]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary> (дата обращения: 24.04.2022).
- Prior R. C. A.* On the Popular Names of British Plants, Being an Explanation of the Origin and Meaning of the Names of Our Indigenous and Most Commonly Cultivated Species. London : Williams and Norgate, 1863.
- Pritzel G., Jessen C.* Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen. Hannover : Verlag von Philipp Cohen, 1882.

А. В. Гура

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

avgura@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0985-8639>

Названия щекотки в славянских языках и диалектах

Большую долю наименований щекотки составляет архаическая звуко-символическая лексика, характерная для детской речи и игрового общения с детьми. Благодаря своему примитивизму она носит универсальный характер, подчиняясь прежде всего законам нейропсихологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: щекотка; этимология; звуковой символизм

Щекотка представляет собой воздействие на кожу человека — резкое, интенсивное или, наоборот, легкое, деликатное — и ощущение от такого воздействия. Это ощущение может возникать не только в результате целенаправленного действия человека, но и произвольно — как рефлекторная реакция кожи на случайные внешние раздражители.

Такая щекотка может напоминать зуд и першение, ср. влг. *гомозѣтъ* ‘щекотать, першить’, польск. *gietzić* ‘зудеть, свербить, щекотать’, в.-луж. *laskotać* ‘щекотать, зудеть’ [СРНГ, 6, 126; Аникин, 10, 46; ЭССЯ, 14, 41]; она вызывает ощущение ползающих по телу насекомых, подобно *мурашкам*, которые *бегают по телу*. Отсюда родство названий щекотки с множеством чего-л. (горьк. *гмы́за*, влад. *гомоз*, *гóмоза* [СРНГ, 6, 233, 353–354]), скоплением мелких насекомых, паразитов и ползающих «гадов» (слвц. *hmyz*, слвн. *gomáz*, *gomíz* ‘насекомые, паразиты, гады’, с.-х. *гмѣз* ‘пресмыкающиеся’, ‘вши’ [ЭССЯ, 7, 195; Pleteršnik, 2014]) и их суетливым движением (курск. *гомозитъся* ‘кишеть; копошиться во множестве’, *гамазитъ* ‘суетиться’; слвн. *gomázeti* ‘кишеть, копошиться’, ‘безл. о мурашках по телу’ [СРНГ, 6, 126–127; Kotnik, 1967, 82; ЭССЯ, 7, 193, 194]).

К щекотанию в языке близки также следующие действия:

▪ *царапать, чесать, скрести, драть*: сев.-рус. *кабайтатъ* ‘царапать, щекотать’, смол. *щекотать* ‘скрести’, вят. *скарáпать* ‘щекотать’, ‘ковыряя, отдирать что-л.’ [СРНГ, 12, 279; 39, 332; 37, 390];

© Гура А. В., 2022

▪ кусать, щипать: том. *pochínáť* ‘пощипать, пощекотать’, курск. *оццекотать* ‘обклевать, объесть (о птицах)’, чеш. *oštěchtati* ‘обклевать, обкусать’ [СРНГ, 31, 15; 25, 101; ЭССЯ, 30, 146];

▪ колоть, жалить: слвн. *žigljati* ‘кусать, жалить (о блохе)’ и в.-крайн. *žigljati* ‘щекотать’ [Gregorič, 2015; Bezljaj, 4, 454]. Частично с глагольными действиями ‘колоть, жалить’ пересекаются глаголы со значением ‘вызывать жгучую боль, обжигать’: арх. *стрекáть* ‘трогать, тыкать, щекотать пальцем (пальцами) кого-л.’ и твер., брян. ‘колоть, жалить, обжигать чем-л. колющим, жгучим’ [СРНГ, 41, 308]; блр. гомел. *стрыкотáты* ‘щекотать’ [НДП, 684] и укр. *стрекотáти*, *стрекотíти* ‘жалить подобно крапиве’ [Білецький-Носенко, 1966, 342]. Семантика укулов, колючести лежит в основе слвн. *jéžati* ‘щекотать (бородой)’ (от *jéz* ‘еж’) [SSKJ]. Укусами овода (уколами жалом) мотивированы названия щекотки у гуцулов, использующих при щекотании возглас *rzir!* («гзѣг») ‘междометие, изображающее щекотание’, а щекотание передается производным глаголом *ržíтати* («гзѣгати»), а также *tídziráти*, *tédзати* и т. п. [Головацкий, 1982, 502; Закревська, 1997, 50, 52, 171; Негрич, 2008, 56]. Они сходны с производными от *tedз(ь)* (< *gъзь) ‘овод, слепень’, имеющими значение ‘бегать от укусов оводов (о скоте)’: укр. *tédзитися*, *tédзкатися*, *ržíтися* и т. п. [Головацкий, 1982, 502; Гринченко, 1, 347, 348; Дуда, 2011, 100; ЕСУМ, 1, 489; ЭССЯ, 7, 215, 224]. Последняя глагольная группа и первая, гуцульская, так или иначе связаны с укусами оводов (*стрекáться* ‘кусаться (о насекомом)’, *стрек* ‘овод, слепень’ [СРНГ, 41, 306, 309]) и семантически уподобляют щекотание уколам жалом или колючками (например, крапивы) — *стрекáвки*, *стрекíвы* [Там же, 307, 309–310];

▪ бить, ударять, долбить, лягать: олон. *копáть* ‘щекотать под мышками большим пальцем’ [СРНГ, 14, 286] и печор. *копáть* ‘долбить, изготавливать долблением’ [СРНП, 1, 331], польск. *кора́с*, чеш. *кopaти* ‘бить ногой’ и т. д.;

▪ ласкать, гладить: распространенные у западных и восточных славян названия щекотания **laskotati* и **loskotati* — оба [Фасмер, 2, 521; ЕСУМ, 3, 291] или только первое — ставят в прямое родство с *ласкать* [ЭССЯ, 14, 41; ЭСБМ, 5, 244–245]; ср. также кашуб. *lekśc* ‘щекотать; гладить, ласкать’ [Sychta, 3, 16]. С учетом подвижности консонантизма в анлауте звукоизобразительной лексики слав. **loskotati*

сближается с созвучными словами с начальным *k-* или *g-*, например с польск. *glaskać* ‘гладить, ласкать’ [ЭССЯ, 16, 82];

▪ **тискать, давить, душить**: наименования щекотания, нередко сопровождающегося тисканьем, прижиманием и т. п., сближаются с такими действиями, как давить, мять, месить, душить: вят. *пéкорчить* ‘давить, душить’, ‘шутя, мять, щекотать’ [ОСВГ, 7, 217], иркут. *пéтошить* ‘тискать, щекотать’ [СРНГ, 26, 329], пск., твер. *гнестí* ‘сдавливать, чесать, щекотать’ [СРНГ, 6, 239];

▪ **бодать**: ср. мотивированные шутливым «боданием» ребенка двумя пальцами-рожками названия щекотания, связанные с барашком (оренб. *барашки-курашки*) и козой, козлом. Одна такая лексическая группа сосредоточена в зоне белорусско-польского пограничья: подляс. *kozytać, kozyktać, kozykàć*, гродн. *казычыць, казытаць, слуц. казытаць* [Karłowicz, 2, 459; Federowski, 1897, 76; Цыхун, 1993, 64; ЭСБМ, 4, 92; Даль, 2, 132; Siatkowski, 2021, 173–174]. Другая группа, в южной и частично западной России, включает производные от названия козы *козюкать, козякать, кузюкать* и т. п. [СРНГ, 14, 79; 16, 24, 27, 28] и междометий, которыми подзывают или отгоняют коз, а также от слов из языка детей или взрослых при общении с детьми: курск. *кизюкать*, орл. *кизикаться*, тул., брян., орл., ворон. *кызыкать* [СРНГ, 13, 203; 16, 200; Якушевич, 2021, 5–6]. На восточной периферии распространения этой лексики, в говоре уральских казаков, с оренб. *кызыкать* ‘щекотать’ «встречается» созвучный тюркизм *кызык* ‘смех, потеха’ [Малеча, 2, 334] (ср. тат. *кызык* ‘смешной, потешный’), между которыми возникает семантическое притяжение.

Распространена словообразовательная модель наименования щекотки от междометий, возгласов щекочущего (см. выше гуцул. *gítati* от *giri!*). Это звукосимволическая лексика — с редупликацией, неустойчивостью и чередованием гласных, с варьированием опорных согласных по глухости / звонкости и их метатезой.

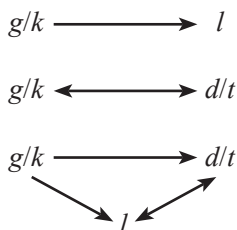
1. g/k — l, например: серб. *гили-гили!* > косов. *гилигичка* ‘щекотка’ и *голицати, галицати* ‘щекотать’ [РСJ, 193; Skok, 1, 561], кашуб. *gili-gili!, gil-gil!* > *gilac, gilgac, gil kac, kilac, gël-gël!* > *gëlžec* [Sychta, 1, 318; 2, 155; Karłowicz, 2, 51, 77]; сходные глаголы в том же значении: польск. диал. *giglać* [Колева-Златева, 2011, 16], силез. *kilać* [Szołtysek]; волын. *гільгати, гількати, телькати, гільготати, гольготати*, ровен. *гільгать*, житом. *гільгат, гильготат(ь)* [НДП, 771; Аркушин, 2000, 99,

119; Лисенко, 1974, 63]; брест. *гольготать* [ПА]; болг. пловд. *глузът* ‘щекотка’ [ЭССЯ, 6, 136], ср. сходный возглас при щекотании нем. *kille, kille!*;

2. *g/k — d/t, d/t — g/k*: болг. *гъди-гъди!* > болг. *гъдичкам*, хаск. *гъдгъдичкам* и макед. *годичкам, гудичкам* ‘щекотать’ [БЕР, 1, 299]; хорв. истр. *godičkati se, kadičkati, degečkati* [Skok, 1, 561]; польск. жешов. *kitkać* [Karłowicz, 2, 358]; укр. галиц. *кіткати* [Желеховский, 1, 346; ЕСУМ, 2, 451], лемк. *гыткати, тедкати* [Дуда, 2011, 187]; блр. брест. *кіцікаты* [Аляхнович, 1989, 95]; новг. (белозер.) *кйткаты* [СРНГ, 16, 206]. В западной зоне Русского Севера представлены гибридные (скрещенные со *щекотать*) названия с тем же сочетанием согласных *k — t* в основе, но с дополнительным включением шипящих: череп. *китышать*, арх. *котычить*, новг. *котышійть*, олон., перм. *котышкаты*, белозер., олон. *катышкаты*, новг., олон., арх., перм. *кутышкаты* [СРНГ, 13, 243; 15, 117; 16, 117; СРГК, 3, 77; Фасмер, 2, 435] — анафонические образования от *щекотать / щекотить*: *щ* [*ш, ч*], *е* [*ы*], *к, о* [*о, а*], *т, а/и, ть*, а также примыкающие к ним созвучные образования с метатезой зубного и шипящего, адаптирующиеся к соседним финно-угорским названиям (ср. карел. *kučutta*, вепс. *kučutada, kutšutada*): олон. *кучутать, кучетать, кушитать*, ленингр. *кучатать*, олон., арх. *кучитать* и т. п. [СРНГ, 16, 188, 190, 193–194, 196; СРГК, 3, 79–80; Бакланова, Сьянова, 2019, 69; Мызников, 2010, 503]. Аналогичная звуко-символическая лексика щекотания есть в армянском, индоиранских, балтийских, финно-угорских, тюркских, грузинском, нахско-дагестанских, семитских, полинезийских, кхмерском языках;

3. *g/k — l — t/d, g/k — t/d — l*: кашуб. *gidli-gidli!* > кашуб. *gidlac, gildzić, gidlic* (в языке детей), *gëdlë-gëdlë!* > кашуб. *gëdlac* [Sychta, 1, 317–318; Karłowicz, 2, 73, 77], также польск. помор. *gildzić, galdzić* [Karłowicz, 2, 51, 77], словин. *gëdléc* [ЭССЯ, 7, 189] и соответствующие болг. *гъделичкам* и макед. дебар. *гóдул* ‘щекотка’ [Там же; БЕР, 1, 299]. В качестве родственных приводят рум. *gîdilë* ‘щекотать’, арум. *gîdil*, алб. *gudulisje* ‘щекотка’, *gudulis* ‘щекотать’ [БЕР, 1, 299], а также др.-в.-нем. *kuzzilōn*, нем. *kitzeln*, англ. (*to*) *kittle* ‘щекотать’ (герм. **kutilōn*), предполагая в их основе древний звукообраз [ЭССЯ, 7, 189; БЕР, 3, 229]. Список таких «родственных» образований легко продолжить примерами из других языков и диалектов: западнороманских, армянского, индоиранских, финно-угорских, семитских, австронезийских.

В итоге мы имеем три лексические группы из сочетания заднеязычных *g/k*, зубных *d/t* и плавного *l* — две бинарные и одну расширенную, гибридную, объединяющую их:

Поскольку каждая из приведенных лексических групп с опорными согласными может быть расширена аналогичными названиями щекотания из целого ряда других языков независимо от их родства, можно считать, что мы имеем дело с тремя разными архаичными звукообразами. Фонетическая близость звуко-символических слов с одним и тем же значением в разных языках объясняется не столько их этимологическим родством или заимствованиями (на что ссылаются некоторые исследователи), сколько типологическим сходством, обусловленным некими общими импульсами и механизмами психофизиологического звукоизвлечения, заложенными в речевом онтогенезе, которые относятся к компетенции психо- и нейролингвистики.

Признаки звуко-символизма (**skʷk/g-*, **skek-/skʷk-*, **skok- > *šček/g-/*skok-*, **skak-*) и сопутствующей редупликации, неполной и едва заметной, изначально характеризуют, по-видимому, и распространённые названия щекотки у южных, восточных и частично западных славян: рус. *щекотать*, олон. *чукотать* [Фасмер, 4, 380]; укр. букв. *скоготати*, *скіготати*; ц.-слав. *скъкътати*, рус. церк. *скоктати* [Даль, 4, 201], болг. *скóкотям*, зап.-болг. *скокóткам*, юж.-болг. *скокотішкам*, *скакатішкам*, *скокотічкам*, *скокутішкам*; макед. *скóкоткам*, *скокотічкам* [БЕР, 6, 717, 768–769]; с.-х. *шакълати*, *чкакълати*, *чкакълити* [Skok, 3, 398]; слвн. *ščegetati*, *šegatati*, *žgečkati*, *žgetáti*, примор. *žyačkat*, гориц., н.-крайн. *žehtáti* [Snoj, 2015; Bezljaj, 4, 17, 441–442, 452; Miklosich, 1886, 306; Tominec, 2015; Gregorič, 2015]; морав., слвц. *ščegliť*, *šteklit'*, *štegl'ať*, *čegliť*, *čiklat'*, *steklit'*, *ciklat'* и т. п., юж.-чеш. *škydlati* [Machek, 1968, 624; Miklosich, 1886, 306].

К украинским названиям щекотки фонетически близка группа карпатоукраинских глаголов с варьирующей основой: буков., гуцул., галиц. *скоботати*, буков. *скуботати*; бойк., львов. *скомотати*, сев.-марм. *скомытати* [Гуйванюк, 2005, 493, 495, 498, 665; Негрич, 2008, 158; Закревська, 1997, 240–241; Николаев, Толстая, 2001, 167; Сабадош, 2008, 333]. Один из них — *скоботати* — обнаруживает семантическое тяготение к созвучному ему *скоблити* ‘скоблить, скрести’, другие — *скуботати* и *скубутати* — к *скубати*, *скубти* ‘ощипывать, щипать, драть (за волосы)’, а третьи — *скомотати* и *скомытати* — объединяются по значению со *скомтати* ‘зудеть, свербить’ [ЕСУМ, 5, 277, 278].

Разнообразие вариантов согласных в начале слов, обозначающих щекотание в славянских языках, говорит в пользу экспрессивности и звукоизобразительности этой лексики. В словацких, моравских и южночешских говорах представлены фонетические изменения и чередования *šč-* > *č*, *k/g*, *št* > *st* > *ts* = *c*, *e/i*, *štik-* > *škyt-* > *škyd-* [Machek, 1968, 624]. В словенском ситуация сложнее и запутаннее. Одни исследователи возводят *ščegetati*, а также *žgečkati* и связанное с ним *žehtati* к основе **skbg-*, а начальное *ž* объясняют диссимиляцией и упрощением группы согласных *šč-g-* > *ž-g-* в **ščbgьtati* после падения редуцированных [Miklosich, 1886, 306; Snoj, 2015]. Другие ставят слвн. *žgečkati* и *žehtati* в этимологическое родство с **žbgati* в значении ‘колоть, ударять (острым)’ (слвн. *žgati* ‘жечь, обжигать’) в виде его производных **žbgьtati*, **žbgьt'ьkati*, а слвн. *ščegetati* (< **ščbgьtati*) связывают со слвц. *štegl'at'* и объясняют частичным смешением с синонимичным лексическим гнездом **žbgьtati*, **žbgьtašь* / **žbgьt'ešь* > слвн. *žehtáti*, *žəhtáš* / *žgáčeš* [Bezljaj, 4, 17, 441–442, 452].

Звукосимволическая лексика охватывает значительную долю наименований щекотки в частности потому, что это действие встречается в основном в игровых ситуациях с детьми. Подобные слова характерны для речи детей и используются взрослыми в общении с ними. Звукоподражание и звукосимволизм, как отмечают исследователи, отличаются когнитивной примитивностью. «Поэтому фонетически мотивированные слова первыми появляются в речи детей, ими изобилуют и примитивные языки» [Колева-Златева, 2008, 51–52]. По-видимому, именно благодаря своему примитивизму это архаическое явление носит всеобщий характер. Примеры названий щекотки в самых разных языках убедительно показывают, что механизмы, порождающие звуковой

символизм, имеют универсальный характер и подчиняются в первую очередь законам нейропсихологии, а не языкового родства, что важно учитывать в процессе этимологизации.

Аляхновіч, 1989 — Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. М. М. Аляхновіч і інш. Мінск : Навука і тэхніка, 1989.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007—. Вып. 1—.

Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок : у 2 т. Луцьк : Вежа, 2000.

Білецький-Носенко П. Словник української мови. Київ : Наукова думка, 1966.

Бакланова И. Б., Сьянова Е. И. Архив Диалектологического атласа русского языка (1937–1947 гг.) // Лексический атлас русских народных говоров — 2019 (материалы и исследования) / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2019. С. 52–91.

БЕР — Български етимологичен речник / съст. В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, С. Илчев. София : Изд-во на БАН, 1971—. Т. 1—.

Головацький, 1982 — *Дзенделівський Й. О., Ганудель З.* Словник української мови Я. Ф. Головацького // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Вип. 10. Братислава ; Пряшів : Відділ укр. літ-ри, 1982.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка : в 4 т. Київ : Вид-во АН УРСР, 1958–1959.

Гуйванюк, 2005 — Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці : Рута, 2005.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1978–1980.

Дуда І. Лемківський словник. Тернопіль : Астон, 2011.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 7 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.

Желеховский — Малорусско-німецкий словарь : у 2 т. / улож. С. Желеховский. Львів : Друк. т-ва им. Шевченка, 1886.

Закревська, 1997 — Гуцульські говірки : короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів : Львівська обл. книжкова друкарня, 1997.

Колева-Златева Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения. Дебрецен : DE BTK Szlavisztikai Intézet, 2008.

Колева-Златева Ж. Славянские языки и редупликация // Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. 2011. Vol. 3. P. 11–30.

Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Київ : Наукова думка, 1974.

Малеца Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 3 т. Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 2002.

Мызников С. А. О некоторых особенностях глагольной лексики прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах // Русский язык. Исторические

судьбы и современность : тр. IV Междунар. конгресса исследователей русского языка (Москва, 20–23 марта 2010 г.). М. : МГУ, 2010. С. 503–504 [Электронный ресурс]. URL: https://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec13.pdf (дата обращения: 15.07.2002).

НДП — Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 2 : Демонологизация умерших людей / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М. : Языки славянских культур, 2012.

Негршч М. Скарби гуцульського говору. Березові. Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008.

Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2001.

ОСВГО — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннектика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ИРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).

РСЈ — Речник српског језика / ур. М. Николић. Нови Сад : Матица српска, 2007.

Сабодон І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород : Ліра, 2008.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : СПбГУ, 2003–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс, 1986–1987.

Цыхун А. П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну). Гродна : Гродзенскі дзярж. ун-т ім. Я. Купалы, 1993.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск : Навука і тэхніка : Беларуская навука, 1978–. Т. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Якушевич И. В. Домовой *кузютка*: этимология и символическое значение слова в свете социологических и этнографических данных // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 9–21.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–5. Ljubljana : Mladinska knjiga : Založba ZRC : ZRC SAZU, 1976–2007.

Federowski M. Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. T. 1 : Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Lida i Sokółki. Kraków : Drukarnia Uniw. Jagiellońskiego : Nakł. Akad. Umiejętności, 1897.

Gregorič J. Kostelski slovar. Ljubljana : Založba ZRC : ZRC SAZU, 2015 [Электронный ресурс]. URL: www.fran.si/197/joze-gregoric-kostelski-slovar (дата обращения: 15.07.2002).

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków : Drukarnia Uniwersyteckiego : Nakł. Akad. Umiejętności, 1900–1911.

Kotnik, 1967 — Slovensko-ruski slovar / sest. J. Kotnik. 2. izd. Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1967.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 2. vyd. Praha : Naklad. ČSAV, 1968.

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien : Wilhelm Braumüller, 1886.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana : Založba ZRC : ZRC SAZU, 2014 [Электронный ресурс] URL: <http://www.fran.si/136/maks-pletersnik-slovensko-nemski-slovar> (дата обращения: 15.07.2002).

Siatkowski J. Jakie jest pochodzenie wyrazów *kozytać* ‘łaskotać, łechtać’, *kozytki* ‘łaskotki’? // Białostockie Archiwum Językowe. 2021. No. 21. S. 173–178.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb : JAZU, 1971–1973.

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. 3. izd. Ljubljana : Založba ZRC : ZRC SAZU, 2015 [Электронный ресурс]. URL: www.fran.si/193/marko-snoj-slovenski-etimoloski-slovar (дата обращения: 15.07.2002).

SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika / sklad. A. Bajec. Ljubljana : Založba ZRC : ZRC SAZU, 2014.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 1–7. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967–1976.

Szotysek M. Słownik śląski [Электронный ресурс]. URL: <http://bunclokblog.blogspot.com/2012/04/sownik-slaski-internetowy-sownik-gwary.html> (дата обращения: 15.07.2002).

Tominec I. Črnovrški dialect. Ljubljana : Založba ZRC : ZRC SAZU, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fran.si/194/ivan-tominec-crnovrski-dialekt> (дата обращения: 15.07.2002).

И. А. Дамбуев

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
igor_dambuev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6551-6217>

Телескопия во французской хоронимии*

Исследуется словообразовательная структура новых хоронимов во Франции, образованных с помощью телескопии. Отмечается разнообразие используемых словообразовательных моделей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : телескопия; французская хоронимия; топонимное словообразование

В результате проведения территориальной реформы во Франции с 2015 г. происходит укрупнение ряда коммун — низших единиц административно-территориального деления страны, а также регионов. Это приводит к необходимости создания новых хоронимов, обозначающих новые административно-территориальные единицы.

По состоянию на начало 2022 г. было образовано 820 новых коммун. Каждая из них получила официальное название. В большинстве случаев новые названия даются на основе прежних. Например, при объединении в 2019 г. коммун *Magnieu* и *Saint-Champ* новая коммуна получила название *Magnieu* — по имени более крупной коммуны. Часто названия прежних коммун сохраняются полностью, образуя новые составные топонимы. Например, в результате слияния в 2019 г. коммун *Saint-Laurent-les-Bains* и *Laval-d'Aurelle* новая коммуна получила название *Saint-Laurent-les-Bains-Laval-d'Aurelle*. Подобные составные хоронимы возникают в результате слияния примерно равнозначных коммун и позволяют сохранить прежние узуальные названия, но могут быть неудобными в использовании, поскольку имеют значительную длину. Объектом изучения в данной статье являются хоронимы типа *Montmérac* < *Montchaude* + *Lamérac*, *Évellys* < *Ével* + *Illys*, *Bellevigny* < *Belleville* + *Saligny* и др. Из 820 названий новых коммун

* Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

можно выделить не менее 25 подобных хоронимов — определим их как телескопированные.

Телескопия как словообразовательный прием стала активно исследоваться в европейской и российской лингвистике в последние десятилетия. При этом сохраняется разнообразие взглядов на место телескопии среди других словообразовательных средств, фиксируется разнообразие в употреблении терминов, отсутствует общепринятое определение. Телескопия рассматривается как разновидность аббревиации, словосложения, а также как самостоятельный способ словообразования. Сторонники выделения телескопии в отдельный способ словообразования чаще всего отмечают такую ее структурную особенность, как возможность произвольного усечения исходных слов, не связанного с морфемным делением, что отличает телескопированные слова от сложных и сложносокращенных слов. Как отмечает В. Реннер, «форма результата телескопирования абсолютно непредсказуема» [Renner, 2015].

Помимо наиболее распространенного термина *телескопия* (< фр. *télescopage*), в отечественной лингвистике данное явление обозначалось также терминами *вставочное словообразование* [Берман, 1959, 104], *словослияние* [Цыбова, 2008, 114]. Слова, образованные путем телескопии, называют *телескопными*, *телескопическими*, *словами-слитками*, *телеосновами*. Во французской литературе используются такие термины, как *mot-valise* ‘слово-чемодан’, *amalgame* ‘амальгама’, *mot-gigogne* ‘слово-матрешка’ и др. Компоненты, из которых состоят телескопные слова, также называются по-разному: *осколок морфа*, *сегмент слова*, *фрагмент основы*, *квазиморф*. Во французской лингвистике такие компоненты называются *элементами амальгамы* или *фракто-лексемами* [Renner, 2015].

Определения телескопии и ее результатов также могут различаться. Общепризнанным является то, что телескопированное слово образуется слиянием сегментов двух исходных усеченных слов. При этом деление слов на сегменты произвольно и не связано с их делением на морфемы. Сегмент может представлять из себя как слог, так и звук. Телескопированное слово может состоять также из сегмента усеченного слова и полного слова [Астафурова, Сухорукова 2006; Цыбова, 2008; Лаврентьева, 2010]. Телескопированным словом признается и слияние двух полных слов с обязательным наложением общего звукового сочетания [Кузнецова, 2008]. При слиянии сегментов слов или усеченного и полного

слова звуковое наложение «не является обязательным условием, но делает телескопные слова более удачными» [Эрстлинг, 2010, 135]. Телескопированные слова со звуковым или графическим наложением чаще встречаются в художественной литературе, прессе и рекламе. Терминологическим же телескопированным словам фонемно-графемное сходство исходных слов несвойственно [Андрианова, Кузьмина, 2016].

В структурном плане телескопированные слова во многих языках схожи. А. Клас выделяет следующие теоретически возможные модели образования телескопированных слов:

- 1) апокопа + афереза: *stagflation* < *stagnation* + *inflation*;
 - 2) апокопа + апокопа: *cermet* < *céramique* + *métal*;
 - 3) афереза + афереза: *nylon* < *vinyl* + *coton*;
 - 4) простая апокопа: *distribanque* < *distributeur* + *banque*;
 - 5) простая афереза: *bureautique* < *bureau* + *informatique*;
 - 6) апокопа или афереза + синкопа: *upérisation* < *ultra* + *pasteurisation*
- [Clas, 1987, 348–350].

В российской лингвистической литературе выделяется такой же набор моделей — за исключением очень редких моделей «афереза + афереза» и «апокопа или афереза + синкопа». В то же время многие исследователи добавляют модель образования телескопированных слов из двух неусеченных слов со звуковым наложением: *laceiling* ‘вид отделки потолка’ < *lace* ‘кружева’ + *ceiling* ‘потолок’ [Астафурова, Сухорукова, 2006, 184], *vélocation* ‘прокат велосипедов’ < *vélo* ‘велосипед’ + *location* ‘аренда’ [Эрстлинг, 2010, 135], *starchitecte* ‘всемирно известный архитектор’ < *star* ‘звезда’ + *architecte* ‘архитектор’ [Андрианова, Кузьмина, 2016, 37]. Таким образом, звуковое или графемное наложение оказывается обязательным атрибутом телескопированных слов, получаемых слиянием полных форм исходных слов. В противном случае эти слова будут сложными словами. У телескопированных слов, образованных по другим моделям, такое наложение факультативно.

Используя классификацию моделей телескопированных слов А. Класа, можно утверждать, что французские телескопированные хоронимы образованы по всем упомянутым у А. Класа моделям словообразования. Кроме этого, они намного усложняют их, представляя единицы, образованные из нескольких исходных слов. Ниже в формульном виде представлены примеры образования новых французских хоронимов. Полуужирным шрифтом в исходных словах выделены

сегменты, образующие телескопированный хороним. В случае звукового или графемного наложения исходных слов соответствующие графемы также выделены полужирным шрифтом. Служебные слова (артикли, предлоги, союзы) в процессе телескопирования не участвуют.

По модели «апокопа + афереза» образованы хоронимы: *Montmérac* < *Montchaude* + *Lamérac*; *Bellevigny* < *Belleville* + *Saligny*; *Veuzain-sur-Loire*, где *Veuzain* < *Veuves* + *Onzain*. В качестве одного из элементов телескопированного хоронима может выступать не только сегмент, но и знаменательное слово исходного усеченного сложного хоронима: *Arboys en Bugey*, где *Arboys* < *Arbignieu* + *Saint-Bois*; *Saintigny* < *Saint-Denis* + *Frétigny*. В последних примерах знаменательное слово *bois* ‘лес’ является афerezой хоронима *Saint-Bois*, а *saint* ‘святой’ — апокопой хоронима *Saint-Denis*. Общая модель «апокопа + афереза» значительно усложняется при образовании телескопированных хоронимов от более чем двух исходных основ. Она может трансформироваться в вариант модели «апокопа + апокопа + афереза»: *Chabanière* < *les Chats* + *les Badrais* + *les Racanières*; *Alloinay* < *les Alleuds* + *Loizé* + *Gournay*; *Hypercourt* < *Hyencourt-le-Grand* + *Pertain* + *Omiécourt*. Выявлен и вариант «апокопа + афереза + афереза + афереза»: *Aigondigné* < *Aigonnay* + *Mougon* + *Sainte-Blandine* + *Thorigné*. В последнем примере сегмент *-di-* топонима *Sainte-Blandine* можно рассматривать в качестве афerezы в связи со звуковым наложением артикуляторно близких звуков [n] в *Blandine* и [ɲ] в *Thorigné*. К рассматриваемой модели «апокопа + афереза» можно отнести и следующий пример, в котором между апокопой и афerezой усеченных исходных слов находится неусеченное слово: *Montlainsia* < *Montagna-le-Templier* + *Lains* + *Dessia*.

По модели «апокопа + апокопа» образован хороним *La Drenne* < *Le Déluge* + *Ressons-l'Abbaye* + *Neuville-d'Aumont*. Последний согласный *n* в новом хорониме удвоен — вероятно, для закрытия слога и произношения гласного [ɛ] вместо невозможного в ударном открытом слоге [œ].

По модели «афереза + афереза» образован хороним *Montillières-sur-Orne*, где *Montillières* < *Trois-Monts* + *Goupillières*.

Модель «простая апокопа» представлена примерами: *Tuffalun* < *tuffeau* + *falun*; *Valserhône* < *la Valserine* + *le Rhône*, *Chantepérier* < *Chantelouve* + *le Périer*, *Chanverrie* < *Chambretau* + *La Verrie*. В перечисленных примерах усеченным является первый исходный компонент.

Модель «простая афереза» выявлена в хоронимах: *Évellys* < *Ével* + *Illys*; *Cherré-Au* < *Cherré* + *Cherreau*; *Bellinghem* < *Herbelles* + *Inghem*. Если в первых двух примерах усеченным является второй исходный компонент, то в третьем примере усечению подвергается первый компонент.

Выявлены примеры хоронимов, образованных по модели «синкопа + апокопа или афереза»: *Auchay-sur-Vendée*, где *Auchay* < *Auzay* + *Chaix*; *Thénouville* < *Theillement* + *Touville*.

Выявлены также примеры телескопированных хоронимов, образованных слиянием неусеченных исходных слов со звуковым или графическим наложением: *Valambray* < *Val-ès-Dunes* + *ambre* + *Bray*; *Montholon* < *mont* + *Tholon*.

Рассмотренные модели наглядно показывают, что телескопированные хоронимы, возникшие во Франции за последние восемь лет, разнообразны по своей структуре и намного сложнее нарицательных аналогов, что объясняется спецификой семантики топонимов в целом и французских в частности. Большинство французских хоронимов претерпели за многие столетия своего существования значительные изменения и утратили видимую связь со своей внутренней формой. Например, в новом хорониме *Montmérac* < *Montchaude* + *Lamérac* выделяются апокопа первого компонента, совпадающая со словом *mont* ‘гора’, и афереза второго компонента *mérac*, не имеющая никакого смысла. Происхождение же видоизмененного и дэтимологизированного топонима *Lamérac* связывают с именем *Lathomar* + суфф. *-acum*, т. е. ‘владение Латомара’ [Dauzat, Rostaing, 1989, 380]. При телескопировании на первое место выходят, таким образом, фонотактические предпочтения языка и удобство произношения. Телескопированные хоронимы позволяют получить экономное в плане языкового выражения название и сохранить элементы прежних названий, к которым привыкли местные жители. Телескопия, получая все большее распространение в последние десятилетия в сфере нарицательной лексики, проникает и в топонимию.

Андреанова Н. С., Кузьмина Е. К. Структурно-словообразовательная характеристика телескопов современного французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 1. С. 36–40.

Астафурова Т. Н., Сухорукова О. Н. Телескопия: новый способ словообразования? // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2 : Языкознание. 2006. № 5. С. 182–185.

Берман И. М. О «вставочном» типе словообразования // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 104–107.

Кузнецова И. Н. Паронимическая неология во французском языке // Риторика ↔ лингвистика. Вып. 7. Т. 2. Смоленск : СмолГУ, 2008. С. 100–108.

Лаврентьева Т. В. Лексикология современного французского языка. Орск : Изд-во ОГТИ, 2010.

Цыбова И. А. Словообразование в современном французском языке. М. : Высшая школа, 2008.

Эрстлинг Л. В. Телескопные слова во французском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3 : Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 132–142.

Clas A. Une matrice terminologique universelle: la brachygraphie gigogne // Meta. 1987. No. 32 (3). P. 347–355.

Dauzat A., Rostaing Ch. Dictionnaire étymologique des noms de lieu en France. Paris : Librairie Guénégaud, 1989.

Renner V. Panorama rétro-prospectif des études amalgamatives // Neologica: revue internationale de la néologie. 2015. No. 9. P. 97–112 [Электронный ресурс]. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01205150/document> (дата обращения: 06.02.2022).

Ю. А. Дзицойты

Юго-Осетинский государственный университет

Цхинвал, Республика Южная Осетия

dzicc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

К этимологии эпического имени *Zerassæ*

В статье рассматриваются возможные истоки имени одной из героинь осетинского Нартовского эпоса — *Zerassæ*, не имеющего пока убедительной этимологии. Строгий учет исторической фонетики осетинского языка позволяет возвести начальную часть *Zer-* к праиранской основе **jai-ra-* ‘имеющая отношение к жизни’ — от праиран. **gai-* : **j(a)i-* : **ji-* ‘жить, существовать’ + суффикс прилагательных **-ra*.

Ключевые слова: осетинский язык; Нартовский эпос; имя *Zerassæ*, этимология

Zerassæ — имя одной из героинь Нартовского эпоса осетин, дочери владыки подводного царства Донбетра, родоначальницы земных людей, лошадей и собак [НК, 26–36, 84–89]. В большинстве текстов она безымянна, хотя иногда называется *Donbetyrty čyżg* ‘дочь Донбетров’ [Там же, 45, 52, 64, 67], *Menagorti kizgæ* ‘дочь Менагоров’ [Там же, 77], а в одном тексте ее имя *Acira* [Там же, 24]¹. Несмотря на ряд этимологических догадок, происхождение имени *Zerassæ* остается неясным.

Исходя из своих представлений о монголизмах в языке осетинского эпоса, а также в осетинском языке в целом, Т. А. Гуриев сопоставил рассматриваемое имя с монгольским женским именем *Джарчиут* [Гуриев, 1971, 114–115], что неприемлемо ни с фонетической точки зрения, ни с исторической.

Учитывая, что Дзерасса часто является в страну нартов в образе птицы, Г. В. Бейли предложил членение имени на *Žer-* и *-assæ*, видя в первой части осет. *zera* ‘коршун’, а во второй — древнеиранский суффикс **-āsa* [Bailey, 1980, 245–246], представленный, по его мнению, и в других индоиранских названиях животных и птиц: авест. *kahrkāsa-* ‘коршун, ястреб’ (в первой части **kark-* означает ‘бить, ударять’), осет. *ruvas / robas* ‘лиса’ и т. п. [Bailey, 1979, 55]. Однако, по мнению Д. И. Эдельман, существование данного суффикса «не подтверждается иранским (и индоарийским) материалом» [ЭСИЯ, 4, 400]. Впрочем, на каком-то этапе развития осетинского языка компонент *-as* действительно воспринимался как суффикс — ср. осет. *ruvæga, rubæga* ‘хитрец, шельма’, *ruvk’i* ‘то же’, где представлена та же основа *ruv-*, что и в слове *ruvas* ‘лиса’, но с наращением других суффиксов (< др.-иран. **raupa-ka-* [см.: ЭСИЯ, 5, 81]). Ср. также праиран. **raupi-* : **rupi-* ‘собаководное животное; лиса’ и связанное с ним **raupāsa-* ‘лиса’ [Там же, 80], свидетельствующие о том, что уже на праязыковом уровне компонент **-āsa* воспринимался как суффикс. В то же время этимология Г. В. Бейли наталкивается на другую трудность: осет. *zera* ‘коршун’ является исключительным достоянием южных диалектов и представляет собой довольно позднее заимствование из груз. *zera* ‘коршун’. Это, на наш взгляд, делает достоверность анализируемой этимологии ничтожно малой.

¹ Вариацией к этому имени может быть имя другой героини Нартовского эпоса — *Wacirat*, которая, однако, является «земной» девушкой из рода *Axsærtæggate*, женой героя по имени *Деденæг* [ОРФ СО НИИ, фольклор, оп. 1, д. 350, лл. 157, 158].

Однако если сохранить деление на *Žer-* и *-assæ*, поддерживаемое и вариантом *A-cir-a*, то первую часть можно возвести к праиран. **jaira-* — от праиран. **gai-* : **j(a)i-* : **ji-* ‘жить, существовать’ [ЭСИЯ, 3, 105–112; 4, 141] + суффикс прилагательных **-ra-*: **jaira-* > **jer-* > *Žer-*, т. е. ‘дающая жизнь / дающая начало (земной) жизни / порождающее начало’, букв. «имеющая отношение к жизни». К другому производному от праиран. **ji-* ‘жить’ — **jīra-* ‘быстрый, живой, проворный, быстро воспринимающий’ [ЭСИЯ, 4, 146–147] — восходит, как нам кажется, имя родоначальника нартов по мужской линии *Žyly* [Дзиццойты, 2017, 201–204].

В качестве параллели к семантическому развитию ‘имеющая отношение к жизни’ → ‘прародительница героев-нартов’ можно привести следующие факты. Согласно адыгской версии Нартиады, нарт Урузмаг женился на сестре красавицы Сатанеи по имени *Psatina* [NSC, 19]. Это имя, по мнению Дж. Коларуссо, восходит к адыгскому сочетанию *psat’ə-na* ‘Мать, дающая жизнь’ [Там же, 32]. В скандинавской мифологии известна человеческая пара Лив и Ливтрасир, спасаемая во время гибели мира, — от них снова пошел человеческий род. Имя женщины *Лив* (*Lif*) означает ‘жизнь’, а имя ее супруга *Ливтрасир* — ‘пышущий жизнью’ [МНМ, 2, 53]. Таким образом, связь понятий «жизнь ~ родоначальник» не является исключительной особенностью языка осетинского эпоса. Поскольку семантическая связь между осетинским именем *Дзерасса* и адыгским *Псатина* совершенно очевидна и при этом семантическая мотивация осетинского имени раскрывается исключительно с помощью этимологического анализа, а у адыгского имени она лежит на поверхности, не исключено, что второе из них является калькой первого.

Встает вопрос о причинах созвучия между формами *Žer-assæ* и *A-cir-a*. Что за этим скрывается — искажение исходной формы и, соответственно, этимологическое тождество или случайное созвучие? Прямой этимологической связи между этими формами не может быть, поскольку осет. *ž* обычно восходит к праиран. **j*, а осет. *c* — к праиран. **č*. Учитывая это, а также реконструированную семантику имени *Дзерасса*, вариант *A-cir-a* можно возвести к праиран. **ā-čira-* + вторичный суффикс *-a*. В основе этого имени можно видеть праиран. **kai-* : **či-* ‘появляться на свет’, откуда с другим суффиксом происходит праиран. **čitra-/ *čiθra-* ‘семя; род, племя; происхождение’ [ЭСИЯ, 2, 259–260; 4, 179]. В этом случае вариант *A-cir-a* следует рассматривать

как народноэтимологическое переосмысление древнейшей поры варианта *Zerassæ*, основанное на осознании того факта, что героиня Дзерасса стала не только родоначальницей жизни на Земле, но и родоначальницей нартовского «рода / племени».

Наконец, нельзя пройти мимо гидронима *Zir-a-sk-æ* в Дигории [Цагаева, 2, 309] и топонима *Ziri(tæ)*, называющего пастбище и святилище в Северной Осетии [Там же, 85, 114] (во второй части указанного гидронима «скрывается» топоформант *-sk-*). Можно ли допустить связь этих названий с рассмотренным выше материалом? Ведь Дзерасса имеет прямое отношение к водной стихии. Не исключено, однако, что в гидрониме *Ziraskæ* отражен другой мотив, не связанный напрямую с эпическим именем, — ср. в русской традиции: «проточную, годную для питья воду русские в XVI–XVII вв. называли еще *живой* и *животной* водой (от *живот* ‘жизнь’)» [Отин, 2013, 15]. Что касается агiotопонима *Ziri(tæ)*, то в нем можно видеть отражение имени покровителя всех живых существ.

Гуриев Т. А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе : Ир, 1971.

Дзиццойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии : в 3 т. Цхинвал : Республика, 2017. Т. 1.

МНМ — Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1992.

НК — Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу : ИПЦ СОИГСИ, 2003. Т. 1. (На осет. яз.)

ОРФ СО НИИ — Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского научно-исследовательского института (Владикавказ).

Отин Е. С. Топонимия Донетчины. Донецк : Юго-Восток, 2013.

Цагаева А. Д. Топонимия Северной Осетии : в 2 т. Орджоникидзе : Ир, 1975.
ЭСИЯ — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков : в 5 т. М. : Восточная литература, 2000–2015.

Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1979.
Bailey H. W. Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry / ed. by J. V. Hainsworth, A. T. Hatto. London : MHRA, 1980. P. 236–267.

NSC — Nart Sagas from the Caucasus: Myths and Legends from the Circassians, Abazas, Abkhaz and Ubykhs / assembl., transl. and annot. by J. Colarusso. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2002.

Т. Н. Дмитриева

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

profdmitan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3719-5150>

Диалектологические исследования А. К. Матвеева на Северном Урале (по полевым материалам 1950-х гг.)

В докладе рассматриваются русские заимствования из мансийского языка и мансийские лексемы, зафиксированные А. К. Матвеевым в 1955–1958 гг. на Северном Урале у манси — носителей пельмского диалекта. Очевидно, это были последние записи ныне уже исчезнувшего диалекта пельмских манси.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская диалектная лексика; заимствования; манси; пельмский диалект

2021 год был годом 95-летия основателя Уральской ономастической школы А. К. Матвеева и 60-летия созданной им Топонимической экспедиции Уральского университета. В связи с этими юбилейными датами представляется важным обратить внимание на предысторию экспедиции.

Самостоятельные полевые диалектологические исследования А. К. Матвеев начал проводить с 1955 г.: в 1955–1958 гг. он собирал материал для своей кандидатской диссертации. Целенаправленным сбором и изучением русской заимствованной лексики на Урале до него никто не занимался, хотя изучение русских говоров Урала в университете началось с 1945 г. [СРГСУ, 1, 3]. Во время своих поездок А. К. Матвеев обследовал ряд населенных пунктов на севере Свердловской области и на смежных территориях Пермской области и Коми АССР, где русское население длительное время контактировало с представителями коренного финно-угорского населения края — коми, манси, в меньшей степени — с хантами. Итогом этой работы стала защита диссертации «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала» в 1959 г. и публикация одноименного исследования [Матвеев, 1959].

В русских говорах Северного Урала А. К. Матвееву удалось выявить 69 коми заимствований и 90 заимствований из обско-угорских языков: 65 из мансийского языка, восемь — из хантыйского, остальные

рассматриваются как предположительно обско-угорские. Также зафиксировано 27 лексем прибалтийско-финского происхождения, перенесенных на Урал переселенцами с Русского Севера. В работе детально рассмотрены семантика и этимология заимствований, а также особенности их семантического, фонетического, акцентологического, морфологического освоения русским языком, что является существенным вкладом в изучение как русских говоров, так и финно-угорских языков. В заключительной главе впервые был дан обзор финно-угорской топонимии Северного и Среднего Урала, и эта тема впоследствии стала одним из ведущих научных направлений для А. К. Матвеева и для Топонимической экспедиции.

Наибольшая представленность обско-угорских, и прежде всего мансийских, заимствований в русских говорах Северного Урала связана с длительным совместным проживанием и тесным языковым и этнокультурным взаимодействием на этой территории русского населения и манси. Постепенно носители южных, восточных и западных диалектов мансийского языка утратили родной язык и русифицировались.

В сохранившихся до наших дней полевых тетрадах и блокнотах А. К. Матвеева содержатся зафиксированные более 60 лет назад ценные сведения по русской диалектологии, русско-финно-угорскому языковому взаимодействию и по лексике диалекта пелымских манси, из которого в местные русские говоры вошло наибольшее число заимствований. Не все эти сведения опубликованы.

Наряду с заимствованной финно-угорской лексикой, прежде всего интересовавшей исследователя-первопроходца, взявшего ее выявление в полевых условиях, им постоянно записывались и собственно русские диалектные лексемы, а также обращалось пристальное внимание на диалектные фонетические, словообразовательные, синтаксические, акцентологические явления, которые наблюдались в речи его информантов. Изучая эти записи, можно получить всестороннее представление о диалектных особенностях русских говоров Северного Урала середины XX в.

Заимствованная диалектная лексика из работы А. К. Матвеева включена в [СРГСУ], в первом томе — даже с этимологическими справками. Однако как в самой работе, так и в словаре почти не приводятся записанные А. К. Матвеевым контексты на употребление этих заимствований в речи. Диалектная лексика по Гаринскому району

в словаре есть — экспедиции в этот район проводились в 1960-е гг. Но при сопоставлении с полевыми записями А. К. Матвеева даже самый беглый просмотр показал, что некоторые слова в [СРГСУ] отсутствуют или не хватает соответствующей географии. Например, нет слов:

берлог ‘берлога’: «Идёшь на берлог» (д. Пельым, 1955; с. Гари, 1957);
омурина ‘яма в болотах и речушках’: «В таку омурину провалился» (с. Гари, 1957);
прожиточно ‘зажиточно’: «Прожиточно жили» (д. Чонга, 1956);
слых ‘слух’: «Слых-от есь» (д. Пельым, 1956).

Пельымские записи А. К. Матвеева представлены в шести тетрадях и четырех блокнотах. Территория бассейна р. Пельым представляет особый интерес как район позднего обрусения проживавших здесь манси — этот процесс почти закончился к середине XX в., и, как писал А. К. Матвеев, «только в самых северных населенных пунктах Ивдельского и Гаринского районов можно встретить лишь несколько манси, живущих совместно с русскими, но сохранивших родной язык» [Матвеев, 1959, 10]. При такой ситуации закономерным было проникновение в русские говоры наибольшего количества заимствований из западных диалектов (пельымский, вагильский, средне- и нижнелозьвинский, причем основную массу составили заимствования из пельымского диалекта [Там же, 92–93]).

Информанты, с которыми работал А. К. Матвеев (все они записаны им в специальном блокноте по алфавиту), были русские старожилы, а также обрусевшие манси и ханты, в том числе шесть пельымских информантов мансийского происхождения. От некоторых из них был записан ряд слов пельымского диалекта. Эти записи составляют особую ценность, так как в доступных в 1950-е гг. словарях мансийского языка сведений о пельымском диалекте было недостаточно. Мансийский словарь Б. Мункачи и Б. Кальмана был опубликован только в 1989 г. [МуК], а словарь Каннисто — в 2013 г. [КаЕМ]¹.

¹ А. К. Матвеев использовал в своей работе небольшие по объему мансийские словари А. Алквиста (1891), М. Силаши (1895), В. Н. Чернецова (1936), мансийскую лексику из работы по вокализму мансийского языка А. Каннисто (1919) и из его рукописного наследства, а также из работы Б. Кальмана о русских заимствованиях из обь-угорских языков (1951) и из этимологического словаря уральских языков Б. Коллиндера (1955) [см.: Матвеев, 1959, 121–122]. Соответствия из этих источников в статье не приводятся.

Девять пельмских лексем, записанных А. К. Матвеевым у пельмских манси, приведены в тексте работы [Матвеев, 1959]. Перечислим их, сгруппировав по семантике, и сравним пельмские данные А. К. Матвеева с материалами конца XIX в. в [МуК] и начала XX в. в [КаЕМ].

Географические термины

агра ‘омут, яма, глубокое место’ — пел. *ауѳ²* ‘водоворот’ [Матвеев, 1959, 48] // пел. *а’ѳ* [МуК, 21];

оет (*воет, воят*) ‘заливной поемный луг’ — пел. *оѳѳ* [Матвеев, 1959, 55] // пел. *ѳѳ* (также сев. *ѳѳѳ* и др.) ‘луг, пойменное озеро, болото’ [МуК, 376]; пел. *ѳѳѳѳ* ‘луг, пастбище, пойменный луг на берегах рек’ [КаЕМ, 21];

шош (реже *сош*) ‘лесной ручеек’ — пел. *сош* [Матвеев, 1959, 79] // пел. *ѳѳѳ* ~ *ѳѳѳ* ‘ручей’ (также сев. *ѳѳѳ*, ср.-лозьв. *ѳѳѳ*, конд. *ѳѳѳ*, тавд. *ѳѳѳ*) [МуК, 564]; пел. *ѳѳѳ* ‘ручей, ручеек, речка’ [КаЕМ, 795].

Терминология лесного промысла

порусангуль ‘сломанное кедровое (сосновое) дерево с выгнившей серединой, сухое и поэтому хорошо горящее’ — пел. *паросаңкл*. Вторая часть увязывается с манс. лит. *аңквал*, сев. *ааңквэл*, пел. *аңкэл’* (Каннисто), *аңгуел*, *аңкуел* (Алквист) ‘столб, ствол, пень’ [Матвеев, 1959, 69] // пел. *аңгвэл’* ~ *аңгвэл* ~ *аңквэл* [МуК, 45], *аңкэл’, аңкѳл’* [КаЕМ, 80]³. Для первой части лексемы (? *парос-*) надежного соответствия не выявлено. В плане семантики возможно сравнение с манс. пел. *пърѳ*, сев. *порѳс* ~ *порс* [порс], ср.-лозьв. *пърѳ* ~ *пърѳѳ*, н.-лозьв. *порѳ* ~ *пърѳ* ~ *парѳ*, тавд. *ро-рѳѳ* ‘навоз, отходы, пыль’ [МуК, 457]; также пел., ваг. *пърѳѳ*, н.-лозьв., ср.-лозьв. *парѳ*, в.-лозьв., сосьв. *пърс* и др. ‘сор’ [КаЕМ, 80] — такое определение может быть косвенной характеристикой качества дерева. Однако в фонетическом отношении в данном случае более близкой является не пельмская, а северномансийская форма.

² По техническим причинам А. К. Матвеевым были приняты условные обозначения некоторых специфических гласных и согласных мансийского языка: долгота гласных обозначается удвоением гласного; ѳ — глубокое *i* (близкое к русскому *ы*), которое чаще встречается в положении перед и после *у*, а также перед *ѳ*; *ш* — переднеязычный глухой спирант, похожий на русское *ш*; *ш’* — переднеязычный глухой палатализованный спирант [Матвеев, 1959, 116].

³ Сведения по другим диалектам в статье приводятся только в случае необходимости.

Лексика охоты и рыболовства

кулуп ‘ставная сеть самоловка’ — пел. *khulp* [Матвеев, 1959, 63] // пел. *khulêp* ~ *khulp* ‘рыболовная сеть’ [МуК, 119]; также пел. *kùlp* ‘сеть’ [КаЕМ, 80];

тормовать ‘охотиться с лодки на лосей или медведей, спускаясь вниз по реке’ — пел. *tormulaχ*, *tormiteχ* ‘тормовать’ [Матвеев, 1959, 74]. В словаре Мункачи пелымская форма отсутствует, но есть сев. *tãrmêtili*, н.-лозъв. *tãrmali* в том же значении (‘охотиться с лодки’) [МуК, 661]; в словаре Каннисто отмечено пел. *tãrm^l-l-* и другие диалектные формы в значении ‘подкарауливать дичь (летний способ охоты на лосей: подстерегать их на реке с гребной лодки, когда они приходят на берег вечером или ночью)’, тавд. *tarmà-tl-*, *tarmã^l-tl-*, а также н.-конд., в.-лозъв. сосъв. соответствия с той же семантикой: ‘подкарауливать (дичь): вид охоты на лося / «тормовать»’ [КаЕМ, 939].

Названия приспособлений для переноски грузов

пайва ‘кошель, посуда из бересты’, слово широкого распространения — пел. *paip* [Матвеев, 1959, 68] // пел. *pãip* ‘пайва, сосуд из березовой коры’ [МуК, 402], *paip* ‘ранец из березовой коры, ранец, корзина’ [КаЕМ, 566];

пучён, *пучём* ‘неглубокий прямоугольный короб из бересты, чуман на ремнях’ — пел. *put-shen*, букв. «котел-чуман» [Матвеев, 1959, 71]. У Мункачи пел. *put* ‘котел’, *šøn* ‘чуман’ [МуК, 402, 525]; у Каннисто пел. *put* ‘котел’, *šēn* ‘сосуд из березовой коры’, также отмечена форма *putšēn* [КаЕМ, 665].

Названия рыбопродуктов

ёхла ‘подсоленная вяленая рыба, т. е. сушеная на солнце или на ветру’ — пел. *joχəl* [Матвеев, 1959, 59]. У Мункачи есть только сев. *joχəl* и ср.-лозъв. *jãχəl* ~ *joχlä* ~ *jãχlä* ‘сушеная рыба’ [МуК, 164]. Каннисто приводит пел. *ḷ̇jõχ_ulä*, в.-лозъв. *ḷ̇jõχ_χl* ‘сушеная рыба (рыба, разрезанная по спине, около двух недель сушеная на солнце)’ и сосъв. *ḷ̇õχ_χəl* (компонент в ряде сложных слов) [КаЕМ, 199]. Формы с *-ä*, *-ã* очень похожи на обратное заимствование.

Таким образом, записи А. К. Матвеева не только фиксируют уже известные лексемы пелымского диалекта, но и содержат ранее не отраженные в словарях фиксации: пел. *sou* ‘ручеек’, *parosaŋkl* ‘сухое

дерево с выгнившей серединой’, *joçal* ‘вяленая рыба’. Сопоставление фиксаций А. К. Матвеева с материалами мансийских словарей Мункачи-Кальмана и Каннисто показывает, что при отдельных фонетических расхождениях в целом они совпадают.

Интересна мансийская лексика, зафиксированная А. К. Матвеевым 23 января 1956 г. в д. Шанталь от обрусевшего манси Ивана Никитича Куземкина: 65 мансийских слов, среди из которых один топоним — мансийское название реки Пелым — *polum* ‘большая река, Пелым’. Аппеллятивные лексемы обозначают жизненно важные понятия и реалии и показывают степень сохранности основных понятий из родного языка в сознании человека, переходящего на другой язык.

Девять мансийских слов записаны 26 января 1956 г. от Филиппа Михайловича Петрушкина в д. Пелым, в том числе замечательное гибридное *патанку tech* «т. е. *патанку исьти*» (где рус. *патанка* — из манс. *пато́м-кул* ‘мерзлая рыба’ [см.: Матвеев, 1959, 68]).

Очевидно, что А. К. Матвеевым во время его командировки 1956 г. в д. Шанталь и д. Пелым были сделаны последние в истории записи мансийских слов на диалекте пелымских манси. После А. Регули (середина XIX в.), А. Алквиста (вторая половина XX в.), Б. Мункачи (конец XIX в.) и А. Каннисто (начало XX в.) А. К. Матвеева можно считать последним в ряду исследователей мансийского языка, кому довелось слышать и записывать лексику пелымского диалекта.

Детальному рассмотрению этих мансийских лексем, как и выяснению более подробных сведений о манси — информантах А. К. Матвеева, должна быть посвящена отдельная публикация.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Ученые записки Уральского университета. 1959. Вып. 32.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988 ; Дополнения. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996.

КаЕМ — *Wogulisches Wörterbuch / gesammelt und geordnet von A. Kannisto, bearbeitet von V. Eiras, herausgegeben von A. Moisio.* Helsinki : Société Finno-Ougrienne : Kotimaisten Kielten Keskus, 2013.

MuK — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986.

В. Е. Добровольская

Российский государственный
университет им. А. Н. Косыгина

Москва, Россия

dobrovolska@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

Хам и Калёные зубы: имена персонажей сказки сюжетного типа СУС-480В*

В статье рассматривается мотивация имен собственных двух мифологических персонажей русской сказки сюжетного типа СУС-480В*. Имя одного из них возводится к звукоподражанию (*хам* — звук глотания, заглывания), второго — к указанию на характерную черту: *калёные* (т. е. железные) *зубы*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская сказка; сюжетный тип СУС-480В*; фольклорная ономастика; фольклорная антропонимия; *Хам*; *Калёные зубы*

Имена собственные в фольклоре постоянно привлекают внимание исследователей. Имена сказочных персонажей не остаются в стороне. Наиболее показательна в этом отношении работа М. Н. Морозовой «Антропонимия русских народных сказок» [Морозова, 1977], а также исследования Л. В. Доровских [1980], А. В. Терещенко [2016], А. С. Лызловой [2011; 2020].

В большинстве случаев внимание исследователей обращено преимущественно на имена персонажей, которые действуют в сюжетах, относящихся к ядру русской сказочной традиции. Редкие сюжетные типы остаются в стороне, хотя именно в них появляются персонажи с особыми именами. Именно к таким редким сюжетным типам относится СУС-480В*. В корпусе русских сказочных текстов он стоит особняком, хотя и входит в группу сказок о мачехе и падчерице.

Традиционно он известен по варианту из сборника А. Н. Афанасьева [1, № 104]. Место записи данной сказки неизвестно, и большинство исследователей склоняется к тому, что текст подвергался литературной обработке. В рассматриваемом варианте рассказывается о том, как падчерица подвергается притеснениям со стороны мачехи и ее дочерей. Однажды мачеха дает всем трем девушкам работу и оставляет им единственный источник света — свечу. Когда на свече появляется

нагар, одна из дочерей мачехи как бы нечаянно гасит ее, а затем злые сестры отправляют Василису за огнем к Бабе-яге. Героиня идет в лесную избушку, встречается трех всадников — белого, красного и черного, доходит до дома Яги, который окружен забором «из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами». Попав к Яге, девушка выполняет задания хозяйки, задает вопросы о том, что видела по дороге, но не спрашивает о том, что видела в самом доме. Яга дает ей один из черепов со светящимися глазами, и девушка приносит его домой. Череп сжигает мачеху и ее дочерей. Сказка, таким образом, заканчивается благополучно для падчерицы.

Другой текст опубликован в сборнике А. М. Смирнова [2017, № 151]. Он был записан в 1852 г. в с. Чермышьево Козмодемьянского уезда Казанской губернии. В нем девушка не падчерица. Она живет в доме родителей, а Яга — ее крестная. В день своих именин героиня несет крестной пирог и по дороге встречается трех всадников, которые предупреждают, что ей угрожает опасность. Девушка попадает в дом Яги и видит: «вороты заперты ногой», «на дворе стоит кадка крови», «сени заперты рукой», «дверь заперта пальцем» и т. д. Яга задает крестнице вопрос о том, что девушка видела по дороге к ней, и та перечисляет все. Яга объясняет значение увиденного, но после «рассердилась, сказала: “Хам-хам, съем тебя”. Так и съела девушку». В этом случае сказка имеет печальную концовку. Стоит обратить внимание на слова Яги. *Хам-хам* является своеобразным звукоподражанием проглатыванию пищи, и в данном случае это слова антагониста.

В третьем опубликованном варианте это уже имя антагониста героини. Вариант также опубликован в сборнике Смирнова [2017, № 294]. Этот текст записан в 1850-х гг. в Пермской губернии. В данном варианте девушка живет с родителями, она не падчерица, и у нее нет сестер. «Однажды вечером старуха нечаянно погасила огонь», и это стало причиной отправки девушки в соседнюю деревню. По дороге она встречается трех всадников, которые советуют ей не ходить за огнем, так как ее съест *Хам*. Однако девушка их не слушает и попадает в дом, где «лежат руки и ноги человечьи». Это оказывается дом *Хама*, и тот задает девушке вопрос о том, что она видела по дороге. Девушка перечисляет все, а потом хозяин «...хам, хам, хам... и съел девушку».

В этом тексте есть не только звукоподражание проглатыванию пищи, но и имя, основанное на нем.

Еще один текст, не отмеченный в указателе, опубликован в сборнике пермских сказок [РСПК, № 52]. Он был записан в д. Мухоморка Юрлинского района от Татьяны Петровны Никитиной 1939 г. р. Сказка полна таинственных и страшных деталей. Главным противником героини является персонаж по имени *Калёные зубы*. В сюжете сказки нет мотива добывания огня. Родители уезжают из дома и велят дочери позвать подружек, чтобы не ночевать одной. Девушка отправляется звать подружек и встречает *Калёные зубы*, который предлагает: «тебе товарищ буду», но девушка отказывается. *Калёные зубы* обводит подруг героини головешкой, и те засыпают. На вторую ночь они отказываются гостить у девушки, и *Калёные зубы* приходит к ней ночевать. Несмотря на все попытки героини потянуть время, *Калёные зубы* заставляет ее лечь с ним и вынуждает ее задать ряд вопросов, ответы на которые позволяют понять, что *Калёные зубы* — мертвец («Три года землей я лежал!»). После последнего вопроса *Калёные зубы* съедает девушку («Ам! Тебя съем!»).

Еще один текст, в котором действует персонаж *Калёные зубы*, записан в д. Кривец Череповецкого района Вологодской области от С. В. Зеленцовой [Кадуйские сказки, 46–47]. В этом варианте родители девушки уезжают на базар, подружки собираются у Машеньки «женихов в колечко выглаживать». Колечко падает в подпол, и Машенька, спустившись за ним, видит, что «там в углу сидят Калёные зубы в красной рубахе». *Калёные зубы* требует от девушки обещания выйти за него замуж, Машенька соглашается, возвращается к подружкам, те убегают, испугавшись *Калёных зубов*. Противник героини оказывается в избе, девушка кормит его, а затем хитростью отрубает голову, которая, однако, преследует Машеньку, но той удается убежать.

Как видим, в русской сказочной традиции встречаются две сюжетных разновидности сказок сюжетного типа СУС-480В*. В первом девушка отправляется за огнем, во втором к ней в дом приходит мифологический персонаж, который хочет съесть героиню. В ряде случаев девушке удается спастись, в других ее съедают.

У антагонистов героини в данном сюжетном типе, помимо традиционного для сюжетов о падчерице имени *Баба-яга*, встречаются еще два: *Хам* и *Калёные зубы*.

Имя *Хам*, скорее всего, основано на звукоподражании. Даже в том варианте, где действует Яга, съедающая девушку, сказочник использует звукоподражание *хам-хам*, имитирующее звук глотания и жевания пищи. *Хам* — это глотающий и жующий персонаж, некий людоед.

Имя персонажа *Калёные зубы*, вероятнее всего, связано с устойчивым фольклорным эпитетом, где слово *калёный* имеет значение ‘обработанное калением железа’. В фольклорной традиции слово *калёный* чаще всего синонимично лексеме *железный*. Подтверждением этому выступают *калёные орехи*, которые герой грызет, соревнуясь с чертом. В ряде вариантов сказочных текстов они прямо называются *железными*. Следовательно, персонаж *Калёные зубы* — это некое существо с железными зубами. Такая аномалия зубов — характерная черта мифологических персонажей (ср. *Железозубый еретик* или *черти с железными зубами*). Н. А. Криничная приводит следующее описание демонологического существа: «Увидела она, что дом окружен черными крылатыми муринами, шелкающими железными зубами» [Криничная, 1989, № 13]. Аналогичное описание нечисти встречается и в сборнике братьев Соколовых: «Глазы-то какие у ниф вдоль лица и зубы, как жалезные» [Соколовы, 1915, № 64]. Красный цвет рубахи также указывает на мифологическую природу персонажа. Так, леший в Архангельской области может иметь красный кушак, а в сибирской традиции у него красные штаны; отличительной чертой черта является красная рубаха.

Афанасьев, 1984 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / сост. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М. : Наука. 1984.

Доровских Л. В. Из наблюдений над наименованием героев в русской народной сказке // Вопросы ономастики. Вып. 14 : Собственные имена в системе языка / ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1980. С. 86–98.

Кадуйские сказки для детей. Сказки, легенды, былички и небылицы, записанные в Кадуйском районе и его окрестностях / авт.-сост. А. Д. Каданцев // Светец : историко-краеведческий журнал. 2020. № 6. С. 5–95.

Криничная, 1989 — Легенды. Предания. Бывальщины / сост. Н. А. Криничная. М. : Современник, 1989.

Лызлова А. С. Имена персонажей в русских волшебных сказках о похищении женщин: влияние лубочной традиции // Традиционная культура. 2011. № 2 (42). С. 99–109.

Лызлова А. С. Богатырь Бур в севернорусской сказочной традиции // Сказка в фольклоре, литературе и искусстве. Традиционное и новое / ред.-сост. Л. В. Фадеева ; науч. ред. Л. В. Фадеева, Т. В. Хлыбова. М. : ГИИ, 2020. С. 153–160.

Морозова М. Н. Антропонимия русских народных сказок // Фольклор. Поэтическая система / отв. ред. А. И. Баландин, В. М. Гацак. М. : Наука, 1977. С. 231–241.

РСПК — Русские сказки Пермского края в записях конца XX — начала XXI в. / отв. ред. А. В. Черных. СПб. : Маматов, 2020.

Смирнов, 2017 — Великорусские сказки : сб. А. М. Смирнова : в 2 кн. Иваново : Роща, 2017.

Соколовы, 1915 — Сказки и песни Белозерского края / записали Борис и Юрий Соколовы. М. : Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1915.

Терещенко А. В. Структурные модели фольклорных и исторических антропонимов: на материале русских народных сказок и архивных документов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 7 (172). С. 101–106.

Gábor Gyóni (Г. Дьёни)

Университет им. Лоранда Этвеша

Будапешт, Венгрия

gyoni.gabor@btk.elte.hu

<https://orcid.org/0000-0003-4489-7537>

Ловушки языкознания: тюркология, история и идеология в исследовании ранней истории мадьяр

В статье рассматривается исторически сложившееся в венгерской науке и идеологически обусловленное противостояние «тюркской» и «угорской» концепций древней истории мадьяр.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языкознание; древняя история мадьяр; политика науки; историография; тюркология; археология

Тюркология занимает особое место в исследовании древней истории мадьяр в венгерской историографии. Это связано с объективными причинами, поскольку в венгерском языке имеется достаточно весомый пласт тюркских заимствований, которые попали в венгерский язык еще до обретения родины, до X в. Значение этих слов ввиду отсутствия

необходимых письменных источников огромно, поскольку выявляемое на основе лексики место и время тюркско-венгерских языковых контактов может пролить свет на многие вопросы древней истории мадьяр. Примечательно, что среди тюркских заимствований в венгерском языке многие связаны с земледелием (*sarló* ‘серп’, *szőlő* ‘виноград’), животноводством (*ökör* ‘корова’, *kecske* ‘коза’), со сферой общественно-политической жизни (*sereg* ‘войско’, *bűn* ‘вина’, большинство венгерских племенных названий, таких как *Jenő*, *Kér*, *Kürtgyarmat* и т. п.) [Ligeti, 1986, 188–192]. Это свидетельствует о том, что тюркоязычные группы оказывали огромное влияние на хозяйственную и политическую жизнь древних мадьяр. Многие из заимствованных тюркских слов в венгерском языке принадлежат к «булгарской» группе, они характеризуются ротацизмом и ламбдацизмом (например, *tenger* ‘море’, *szél* ‘ветер’) [Там же, 9–50], поэтому предполагается, что они (по крайней мере, их часть) связаны с волжскими булгарами и Поволжьем.

В Венгрии с XIX в. сформировалась сильная, международно признанная школа тюркологии, самыми известными представителями которой были А. Вамбери, Г. Балинт, Д. Месарош, Д. Гомбоц, Д. Немет и др. В силу историографических причин тюркология в Венгрии имела «патриотический» образ. Это связано с тем, что венгерская общественность неохотно принимала постулат о финно-угорском родстве мадьяр и предпочитала более «славных» родственников в лице имперообразующих степных народов. Это и есть идеологический контекст знаменитых «тюркско-угорских» научных войн в Венгрии. В этих «войнах» тюркологи во главе с А. Вамбери представляли «патриотический» лагерь, считая, что венгерский язык не финно-угорский, а тюркский, и венгры не северный народ, а южный. Против этого выступали финно-угроведы — многие из них были людьми немецкого происхождения (Й. Буденц, П. Хунфалви), что тоже придавало «нездоровую» окраску этим войнам. В академической науке восторжествовала финно-угорская теория (которая, конечно, больше, чем теория), но в том числе благодаря этим спорам в Венгрии возникла и развивалась сильная школа тюркологии.

В последние 80–100 лет тюркологи играли ведущую роль в изучении древней истории мадьяр, и не только в интеллектуальном, но и в институциональном смысле. Между двумя мировыми войнами исследование древней истории мадьяр фактически курировал тюрколог Л. Лигети.

После 1945 г. единственный специальный институт, занимающийся древней историей мадьяр, был создан при Сегедском университете, и во главе его стоял тюрколог, ориенталист А. Рона-Таш. Благодаря Лигети и Рона-Ташу появились новые поколения тюркологов-ориенталистов, которые тоже сделали себе имя в науке (И. Вашари, А. Берта и др.).

То, что научный дискурс о ранней истории мадьяр в значительной степени определяли тюркологи, имело научно-политическую подоплеку: постоянно демонстрировалось, что важные исследования находятся «в надежных руках». К этому следует добавить, что археология могла (и может) предоставить данные относительно ранней истории мадьяр только и исключительно во взаимосвязи с российской археологией. Все венгерские археологи (А. Барта, И. Эрдейи, И. Фодор), которые в 1950–1980-х гг. занимались изучением древней истории мадьяр, получили образование в СССР и хорошо знали российскую и советскую научную литературу. Они так или иначе представляли российскую историографическую традицию, их работы закономерно внедрялись в «тот» дискурс (что естественно, ведь в Венгрии не могло быть самостоятельного научного дискурса относительно, скажем, неволинской археологической культуры).

Однако имеются кардинальные различия между схемами, выдвигаемыми венгерской тюркологией, и тем, что предлагается на основе комплекса российского научного знания.

Часть вышеупомянутых тюркских заимствованных слов в венгерском языке свидетельствует о том, что предки венгров довольно рано, уже с V–VI в., жили на юге (*som* ‘кизил’, *szőlő* ‘виноград’, *bor* ‘вино’ — таких растений нет в Приволжье). Интересно, что определенный пласт тюркских заимствованных слов связан с земледелием (*eke* ‘плуг’, *búza* ‘пшеница’). Неужели венгры, а также другие народы Волжско-Уральского региона унаследовали эти слова и культуру пашенного земледелия от волжских булгар, еще недавно ведших кочевой образ жизни? В связи с этим интересно предположение о том, что часть данных слов (*disznó* ‘свинья’, *sarló* ‘серп’), возможно, имеет не булгаро-тюркское происхождение, а «ареальное» — их можно найти в разных языках Волжско-Уральского региона, и только в них (как вышеупомянутые *disznó* и *sarló*). [Дьёни, 2019]. Эти слова, безусловно, свидетельствуют о том, что предки венгров некогда действительно обитали в Волжско-Уральском регионе.

Однако исторические и археологические данные не подтверждают того, что предки венгров уже с VI в. жили в степном регионе и уже тогда вели оседлый образ жизни (в составе салтово-маяцкой археологической культуры). Нет ни одного достоверного письменного источника, упоминающего мадьяр до IX в. Однако имеется немало данных о мадьярах, живших в Волжско-Уральском регионе (например, отчет Риккарда; упоминание можар в русских источниках; в отрывках в самой венгерской историографической традиции, в Гесте Анонима). Венгерский археологический комплекс X в. имеет параллели с культурами Приуралья и Зауралья, большей частью исчезнувшими в IX в., и днепровским субботицким горизонтом, появившимся не ранее IX в. Действительно сенсационным открытием последних лет стало то, что удалось доказать связь между венграми Карпатского бассейна и уральскими группами (вероятно, мадьярами) в X в. [Жомар, 2018, 196–198; Gyóni, 2019, 32]. Языковые данные — «волжско-уральские слова», обилие пермских заимствованных слов в венгерском, потенциальное наличие венгерского топонимического пласта в Приуралье — также указывают на Волжско-Уральский регион.

Тем не менее в эпоху «царствования» тюркологов венгерские исследователи были вынуждены корректировать свои взгляды в соответствии с предлагаемой первыми схемой. Это не просто интеллектуальный, но идеологический спор, где с одной стороны стоят венгерские патриоты-тюркологи, а с другой стороны — исследователи с багажом знаний русско-советской научной традиции.

Хорошим примером является диссертация венгерского археолога И. Фодора, в которой он был вынужден скорректировать свои взгляды относительно появления мадьяр в южнорусской степи из-за критики тюркологической школы [Róna-Tas, 1995, 153–166]. Концепция Фодора интересна тем, что предлагает некий компромиссный вариант между «российской» и «венгерской» схемами, полагая, что венгры покинули Волжско-Уральский регион в VII–VIII вв. Правда, И. Фодор так и не смог дополнить реальными историческими или археологическими данными существующую лакуну: где же следы предков венгров в VIII в. в степном регионе? Неслучайно почти никто не принял эту концепцию, и в связи с последними открытиями понемногу рушится предлагаемая схема «тюркологов» (хотя в тех научных центрах, где они имеют сильные позиции, например в Сегеде, сопротивление еще продолжается).

Бросается в глаза то, что венгерские исследователи, которые учились в СССР, на родине со временем оказывались на периферии или забывались, их чаще цитируют в России, чем в Венгрии (см. научное наследие А. Бартала, П. Вереша, И. Эрдейи).

Трудно быть иностранным ученым в другой стране, даже в России, — и оказывается, что трудно быть не только венгерским историком в России, но и венгерским историком в Венгрии, если у тебя российский багаж знаний. Я не назвал бы это русофобией — наверное, политика науки во всех странах такова, что старается защищать отечественные позиции.

Что касается роли языкознания в исследовании древней истории, то в венгерской историографии стало модным говорить об ее уменьшении в пользу археологии: мол, устарел взгляд, что историю народа можно и нужно рассматривать через призму истории языка [Türk, 2020]. Однако главным этническим признаком до становления современных наций остается все-таки язык. Это культурный феномен, который определяет этнос, — археология в этом отношении является вспомогательной наукой. Древние мадьяры в этническом смысле — это те люди, которые говорили на древневенгерском языке. Другое дело, что в политический корпус древневенгерского государства входили не только мадьяры (точно известны кабары), — но в том, что этнос и политиком не всегда совпадают, нет ничего нового или удивительного.

Дьёни Г. Имя, народ, история // Этнолингвистика, ономастика, этимология : материалы IV междунар. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 121–122.

Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest : MTA, 2018.

Gyóni G. A magyarság hajnalán. Budapest : MTA, 2019.

Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest : MTA, 1986.

Róna-Tas A. A magyarság korai története. Szeged : JATE, 1995.

Türk A. Ma sincs válasz arra, miért indult nyugatra a magyarság // Mandiner. 2020. június 22. [Электронный ресурс]. URL: https://mandiner.hu/cikk/20200622_turk_attila_interju (дата обращения: 20.04.2022).

Н. В. Кабинина

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
nadia.nvlad2010@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8855-4507>

К вопросу об этимологии основы *Анд-* в гидронимии Европейского Севера России*

В статье приводится обзор этимологических версий, предлагавшихся ранее для севернорусской субстратной топоосновы *Анд-*, выдвигаются новые этимологические гипотезы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский Север России; гидронимия; топооснова *Анд-*; этимология; финно-угорские языки; субстратные языки

Анд- — одна из самых дискуссионных субстратных гидронимических основ Европейского Севера России. Обсуждение ее семантики и возможных языков-источников, начатое А. Альквистом, длится уже более 130 лет [Ahlqvist, 1887; Богданов, 1951; Пименов, 1965; Ткаченко, 1985; Кузнецов, 1995; 2010; Матвеев, 1995; 2007; Шилов, 2001; Хелимский, 2006; Кабинина, 2011; Пиириниеми, 2021; и др.]. За это время предложено несколько этимологий топоосновы.

1. *Анд-* ~ ф.-уг. **amta* ‘давать, кормить’, которое в «финских» языках имеет продолжения в виде глаголов на *and-*, *ant-*. Этой точки зрения придерживается большинство названных выше исследователей.

2. *Анд-* ~ мар. *ондак*, *андзаль* ‘перед’ (~ саам. тер. *audt* ‘передний’) [Шилов, 2001, 157–160]. Согласно этой этимологии, названия на *Анд-* обозначают «передний», т. е. «первый» для наблюдателя объект в конкретной топонимической микросистеме.

3. *Анд-* (а также *Онд-* и *Унд-*) ~ СЗ **ōnto* < **ō* (~ фин. устар., диал. *viio* ‘поток, русло’ > **vuonto*) [Хелимский, 2006, 44–45].

4. *Анд-*, с учетом фонетического варьирования с *Янд-* (*Андомы* // *Яндомы*) ~ саам. *senâ* ‘большой’ (~ приб.-фин. *enä* ‘то же’)¹ [Пиириниеми, 2021]. Версия выдвинута относительно вытегорской реки *Андомы*.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

¹ Убедительные географические и топонимические аргументы в пользу семантического равенства топооснов *Ян-* и *Янд-* представлены в работах [Муллонен, 1994, 58; 2008, 168; Захарова и др., 2018, 40–48].

Каждая из этих этимологий имеет свои слабые стороны (часть критических замечаний представлена в [Матвеев, 1995; 2007; Шилов, 2001]). Даже наиболее реалистичная, на наш взгляд, версия А. Пири-ниemi имеет непреодолимую фонетическую преграду: каким образом саам. *aenâ* с основой на гласный приобрело внутри слова «добавочный» *d²*?

Это означает, что для расшифровки семантики топоосновы *Анд-* следует искать новые «ключи».

Представляется, что одним из них может быть реликтовая саамская лексема *ang* ‘склон возвышенности, перевал, водораздел’ [Керт, 1960, 90]. С физико-географической и семантической сторон это обосновывается тем, что названия на *Анд-*, локализованные в «ядерной» белозерской части ареала, непосредственно связаны с крупными, в том числе в о д о р а з д е л ь н ы м и, горами. Причем связаны они настолько тесно, что сразу две главные водораздельные горы этого региона именуются в географической литературе *Андо́мская* и *Андо́гская*³.

Нет никаких сомнений в том, что древнее финно-угорское население Европейского Севера не только понимало естественную «водораздельную» значимость горных массивов, но и путем многовековой практики открыло наилучшие пути их преодоления — перевалы, водные системы и волоки, соединяющие бассейны разных рек, озер, морей. В нашем случае об этом, в частности, говорит сопредельность топонимов на *Анд-* с «путевыми» названиями на *Ухт-*: р. *Андама* — р. *Ухта* (Влг.: Выг.), оз. *Андозеро* — оз. *Ухтомъярское* (Влг.: Белоз., Кирил.). Поэтому вряд ли удивительно, что в далеком прошлом некоторые важнейшие объекты могли получить имена с буквальной семантикой «водораздельный». Ср. название оз. *Ангозеро* (Влг.: Белоз.), расположенного на водоразделе бассейнов Лозско-Азатского и Ворбоземского озер [Кузнецов, 2010, 17].

Не менее важно, что сопоставление топоосновы *Анд-* с саам. *ang* не вызывает больших трудностей в фонетическом отношении.

² В связи с этим И. И. Муллонен были выдвинуты некоторые предположения, но сама она характеризует их как «неопределенные» и «сложные» [Муллонен, 2008, 169].

³ *Андо́мская возвышенность* — водораздел трех крупнейших бассейнов Европы: Балтийского, Беломорского и Каспийского. *Андо́гская гряда* — водораздел бассейнов рек Андога и Шексна. Ср. также *Андозеро* — озеро, расположенное на Белозерско-Кирилловской гряде, являющейся водоразделом бассейнов Белого и Каспийского морей.

Во-первых, звуковая форма *Анд-* может являться результатом р у с - с кой а д а п т а ц и и саам. *-ng-* > *(-ng-)* > *-nd-*. Во всяком случае, вторая ступень этого фонетического изменения известна как активный адаптационный процесс, отразившийся во многих фактах севернорусской диалектной лексики и топонимии. Он обусловлен как отсутствием в исконно русской фонетической системе сочетания *-ng-*, так и тем, что в раннюю древнерусскую эпоху при адаптации заимствований с исходным «мягким» *-n'z'* - сохранению этой консонантной группы препятствовала невозможность смягчения заднеязычного: он либо утрачивался, либо переходил в *д*. Процесс фонетической адаптации *-ng-* > *-nd-* был, по-видимому, настолько широким, что в него оказались вовлечены не только «мягкие», но и «твердые» варианты, ср. наряду с *Кингерем* > *Киндерем*, *Сенгельское* > *Сендерское* примеры типа *хонга* > *конда*, *Хангас* > *Хандас* и др. [см.: Кабинина, 2011, 41, 49].

Во-вторых, в этнически разнородном Белозерье вероятным процессом могла быть и п р и б а л т и й с к о - ф и н с к а я а д а п т а ц и я саамского (или субстратного) сочетания *-ng-/-ηη-*. Поскольку топоним большей частью «живет» не в номинативе, а в формах косвенных падежей, это исходное сочетание в силу фонетико-морфологических законов прибалтийско-финских языков и дальнейшей аналогии могло закрепляться в топонимах в виде *-nd-* (**Aηη-* > **Ann-* > **And-*).

Показательно также, что до сегодняшнего дня у отдельных названий на *Анд-* известны варианты с *Аньг-* (*Андобой* — *Аньгобой*, *Андосолово* — *Аньгасолово*).

Добавим к этому, что по крайней мере в белозерских примерах речь идет о не менее чем тысячелетней адаптации, причем от первых пятисот лет у нас нет письменных фиксаций топонимов. За эти пять столетий фонетически адаптированный до *Анд-* облик названий мог закрепиться очень прочно, параллельно «стерев» их древнюю внутреннюю форму и обусловив семантическую аттракцию (сначала на народноэтимологическом уровне, а затем и в сознании исследователей) с уже упоминавшейся основой *Анд-* ~ ф.-уг. **amta* ‘давать, кормить’.

В то же время, как выяснилось в процессе данного исследования, далеко не все названия на *Анд-* можно связать с водораздельной семантикой в силу отсутствия физико-географической связи с водораздельными объектами и территориями. На тех же фонетических основаниях, что и в предыдущем случае, эти названия мы предлагаем сопоставить

с древним саамским словом *aŋŋa*, известным в диалектах кольских саамов в значениях ‘развилка реки, дерева’, ‘уключина’ [Керт, 1960, 90; KKLS, 1, 14–15; YS, 14–15].

Очевидно, что данная лексема «гидронимична» по определению. В первом из указанных значений она может означать притоки и разветвления водоемов, что в топонимии всегда востребовано. В частности, с реализацией саам. (~ субстр.) *aŋŋa* ‘развилка реки, дерева’ (в топонимии ‘приток’) следует, видимо, связывать названия трех разных речек *Анданга* — малых притоков р. Юг в ее верховьях (Влг.: Никол.). В этом случае интересно, что, возможно, в *Анданга* к *aŋŋa* восходят оба компонента гидронима: как основа, так и детерминант⁴.

Однако топонимически интересно и второе значение — в древности, на наш взгляд, оно могло служить основой образной номинации озер. В качестве примера приведем название *Яндомозеро* (истор. *Андом-*) в Карелии. Благодаря длинному мысу озеро имеет форму уключины, или развилки, каковой первоначально и являлась простейшая уключина (см. рисунок).

Данный пример показателен и в плане исторических метаморфоз адаптации. В частности, замещение начального *a-* на *я-* может быть обусловлено тем, что в некоторых саамских диалектах начальный гласный является либо передним, либо передне-средним по ряду, ср. саам. колт. *äŋŋu*, Инари *ääŋu* ‘развилка’ [YS, 15]. Это фонетическое обстоятельство, вызвавшее появление варианта на *Янд-*, привело, по видимому, и к аттракции с саамскому же *aenâ* ‘большой’.

В итоге, как представляется автору, топооснова *Анд-* этимологически не связана ни с гипотетическим СЗ **ōnto* ‘поток, русло’, ни с продолжениями ф.-уг. **amta* ‘давать, кормить’, ни с саам. *aenâ* ‘большой’, хотя две последние лексемы, по всей видимости, активно участвовали в фонетической и семантической адаптации исходной топоосновы.

Согласно нашей гипотезе, первоначально, т. е. в субстратном языке-источнике (близком к саамскому), топооснова *Анд-* имела фонетическую форму **Ang-* или **Aŋ(ŋ)-*, которая в дальнейшем — в процессе русской и/или прибалтийско-финской адаптации — в большинстве случаев была закономерно преобразована в *Анд-*; основа *Ang-* сохранилась лишь

⁴ О подобном дублировании в субстратных названиях финно-угорского происхождения см. [Кабинина, 2017, 27; Кабинина, Корниенко, 2021, 59].

в отдельных названиях, в том числе демонстрирующих варьирование *Анг-*//*Анд-*.

При этом исходная субстратная топооснова была омонимичной, соотносясь, с одной стороны, с саам. тер. *ang*, *apn* ‘склон возвышенности, перевал, водораздел’, а с другой стороны — с саамским же (~ субстр.) *aŋŋa* ‘уключина; развилка реки, дерева’. Соответственно, часть топонимов на *Анд-* именует гидрообъекты на водораздельных горах или вообще возвышенностях (оз. *Андомозеро* на Кольском полуострове, оз. *Андозеро* на Белозерской гряде, р. *Андога* в Белозерье и др.). Остальные гидронимы на *Анд-* (< *aŋŋa* ‘развилка’, ‘уключина’) могут отражать семантику разветвленности водоема; в случае небольших «одиночных» речек основа *Анд-* может иметь значение ‘приток’ (три речки *Анданга* в верховьях р. Юг).

Особо отметим: на основе представленных саамских параллелей нельзя все же однозначно утверждать, что создателями всех названий на *Анд-* были саамы. Реликтовость лексемы *анг* ‘склон, перевал, водораздел’ может свидетельствовать как раз о том, что предки саамов Кольского полуострова еще до его заселения усвоили это слово в процессе контактов с носителями другого, субсубстратного «финского» наречия, которыми уже были освоены пути продвижения через белозерские водораздельные и иные горы. Об этом же говорит отмечавшаяся выше сопредельность названий на *Анд-* с «путевыми» топонимами на *Ухт-*.

Кроме того, как нам представляется, темой отдельного исследования, вытекающей из материала данной статьи, может стать отражение в топонимии Европейского Севера России гидроформанта, соотносимого с саам. (~ субстр.) *aŋŋa* ‘развилка реки, дерева’, по крайней мере для случаев, где загадочный древний формант *-Vn(ь)ga*, являющийся предметом почти двухсотлетней дискуссии, четко выступает в виде *-анга*, как в приведенных выше трех речных гидронимах *Анданга*.

Озеро Яндомозеро
(РКар.: Медв.)

Богданов Н. И. К истории вепсов: По материалам топонимики // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 24–31.

Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте. М. : Языки славянских культур, 2018.

Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Кабинина Н. В. Загадка гидронима *Мезень* // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 7–34.

Кабинина Н. В., Корниенко Е. Д. Севернорусский топоним *Урдома*: о старых и новых этимологиях // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 41–65.

Керт Г. М. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 86–92.

Кузнецов А. В. Названия вологодских озер. Вологда : Ардвисура, 1995.

Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области. Тотьма ; Грязовец : [б. и.], 2010.

Матвеев А. К. Костромское *Андоба* (к мерянской этимологии) // Вопросы региональной лексикологии и ономастики / отв. ред. Л. Г. Яцкевич. Вологда : Русь, 1995. С. 81–86.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.

Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб. : Наука, 1994.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008.

Пицриньема А. Андома-гора, Андома-река и Муч-остров // ВКонтакте : социальная сеть. 20.08.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall216654658_867?ysclid=15uhe9rkwk9424987260 (дата обращения 16.06.2022).

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М. ; Л. : Наука, 1965.

Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев : Наукова думка, 1985.

Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.

Шилов А. Л. К происхождению русских топонимов с основой *Анд-* // Этимологические исследования. Вып. 7 / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 154–160.

Ahlqvist Aug. Kalevalan karjalaisuus. Kalevalasta itsestään ja muualta. Helsingissä : J. C. Frenckell ja poika, 1887.

KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. O. 1–2. Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden Seura, 1958. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XV).

YS — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.

Н. В. Комлева

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

k.nati@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1042-5219>

Текстообразующая роль имени в рассказах В. И. Белова «Вовка-сатюк» и «Тезки»

Работа посвящена изучению роли имен персонажей из двух рассказов цикла «Произведения для детей» В. И. Белова в построении таких категорий, как информативность текста и субъектная организация текста. Анализ всех компонентов номинативного ряда персонажа, их взаимодействия с фрагментами текста, важными с точки зрения его субъектной организации, позволил выявить некоторые авторские приемы по введению в текст имени собственного: прием проприально-апеллятивной неоднозначности («Вовка-сатюк») и «семантического перевертыша» («Тезки»).

К л ю ч е в ы е с л о в а: номинативный ряд; имя в тексте; субъектная организация текста

Процесс выбора автором имени для своего персонажа связан с решением особых художественных задач. Являясь ключевыми единицами лексического уровня, имена собственные, а точнее все компоненты номинативного ряда, играют важную роль в построении основных текстовых категорий.

Особенность художественного текста состоит в том, что каждое слово вступает не только в связи и отношения чисто грамматического характера, но и в другие, обусловленные его художественной природой. Вследствие существования этих специфических связей слово в художественном тексте как бы реализует сразу несколько своих валентностей, т. е. предстает не только как компонент нормативной синтаксической синтагмы, но и как часть ассоциативно-авторской парадигмы [Катермина, 2020, 60–61].

Обратимся к анализу употребления компонентов номинативного ряда главного персонажа рассказа «Вовка-сатюк» в разных типах авторского повествования (субъектной организации).

На протяжении всего текста герои именуются по-разному. В литературной ономастике используется прием составления номинативных

цепочек (рядов): полное имя — деминутив — прозвище — местоимение — экспрессив — дескрипция (описательные выражения). Такой номинативный ряд представляет собой «совокупность всех номинаций, называющих и характеризующих лицо (персонаж) в данном произведении» [Арутюнова, 1977, 58].

В психолингвистике текста есть понятие «дескриптор» — семантическая доминанта, выражающая некий личностно значимый для автора (и/или персонажа, читателя) смысл. Поскольку дескрипторы (семантические доминанты) «вплавлены» в континуальную ткань текста, то их выделение основывается на анализе номинативных сетей и выделении таких «узлов» этих сетей, в которых акцентируются значимые глубинные смыслы — семантические доминанты [Волков, 2013, 70]. К характерным способам акцентировки семантических доминант относится и использование автором имен собственных и «несобственных» именовании, прежде всего обозначений действующих лиц [Там же, 71–72].

Составим номинативный ряд: *Вовка-сатюк* (в речи деда и автора) — *он, мальчик* (автор) — *сонный* (автор) — *гость* (дед) — *ядренный парень* (дед) — *брат* (дед) — *мазурик* (дед) — *прохвост* (бабушка) — *рукосуй* (бабушка) — *проворный* (соседка Сениха) — *милый* (бабушка) — *батюшко* (бабушка) — *Вовка* (бабушка) — *Владимер* (бабушка) — *ВОВА ПЕТРОВИЧ* (точка зрения автора и самого персонажа).

Воздействие на читателя начинается с заглавия «Вовка-сатюк». Кроме вынесенного в заглавие имени главного героя, есть еще «приложение» к нему — *сатюк*. Перед читателем сразу ставится задача понять, что такое *сатюк*: прозвище? Есть авторское примечание: *сатюк* ‘диал. озорник’. Лексемы *сатюк*, *сатора* зафиксированы в [СВГ, 9, 133] с пометой «бран.»: ‘о человеке, чье поведение вызывает недовольство’.

Как известно, прозвище является немаловажным компонентом модели именовании персонажа и номинативного ряда в целом, принимает непосредственное участие в создании целостного образа героя, не только давая ему психосоциальную характеристику, но и определяя его место в системе внутритекстовых смысловых оппозиций.

Проанализировав употребление компонентов номинативного ряда главного героя, приходим к выводу, что наименование *Вовка-сатюк* (как и *мазурик*) встречается исключительно в речи деда. В речи

бабушки отсутствует номинация внука *сатюк*, но имплицитно она находит выражение в синонимах *прохвост*, *рукосуй*. Номинация *Владимер* присутствует и в речи деда, и в речи бабушки в ситуации обращения к внуку как ко взрослому, с какой-либо просьбой. *Вова* встречается только в речи бабушки, когда она озабочена или встревожена. И наконец, номинация *ВОВА ПЕТРОВИЧ* представляет собой самоназвание героя и является последними словами рассказа, создавая тем самым кольцевую композицию, отсылая к заглавию «Вовка-сатюк» и актуализируя главную смысловую оппозицию текста: *Вовка-сатюк — ВОВА ПЕТРОВИЧ*.

На наш взгляд, в этом рассказе реализован прием проприально-апеллятивной неоднозначности, рассмотренный Н. В. Васильевой [2020]. Имеет место конфликт свойств «быть собственным именем» (в нашем случае — прозвищем) и «не быть собственным именем».

В субъектной организации рассказа есть несобственно-прямая речь, передающая точку зрения мальчика, например:

Ему приснилось, что будто бы он катался на трехколесном велосипеде, а потом ходил с отцом в зоопарк и там катался уже не на велосипеде, а на маленькой лошадке. После всего этого он вдруг начал летать по воздуху, потом во дворе пинал резинового верблюда [Белов, 2011, 514].

Но нигде в таких фрагментах текста не упоминается имя мальчика. Как он сам себя воспринимает?

Вот еще один фрагмент, где есть элементы несобственно-прямой речи персонажа:

Дедушка у крылечка сел долбить ступицу для колеса, а Вовке опять захотелось пить, и он пошел в избу. Напился из тяжелого медного ковшика, отдышался и вдруг увидел на стене около печи ряд палочек, написанных углем. Вовка сосчитал, палочек было восемь. Тогда он взял с шестка уголек и дописал еще столько же, получилось шестнадцать, а он умел считать до восемнадцати, поэтому дописал еще две. Под конец он хотел написать внизу свое имя, но раздумал и снова направился к дедушке [Белов, 2011, 515].

Приведем еще один фрагмент рассказа, который позволяет понять, что главный герой пытается осмыслить часто обращенное к нему слово *сатюк* именно как имя (прозвище), сопоставляя с именами (прозвищами) других людей:

Все это время ходила к бабушке за молоком соседка *Анна Семеновна*. Как-то бабушка послала к ней Вовку попросить домашних дрожжей рас-творить квашонку:

— Сходил бы ты, Вова, к *Сенихе*, скажи, не дашь ли, бабушка, дрож-жей?

Вовка взял посудину и побежал к *Сенихе*. Он так и назвал ее *Сенихой*. Старуха дрожжей дала, но спросила:

— Ну-ко, милый, скажи, кто это тебя эдак говорить научил?

Вовка молчал, а когда дома рассказал обо всем, то дед расхохотался, а бабушка Катя зайкала:

— Ой, ой, прохвост, что ты наделал-то! Да ведь я тебе говорила, зови ее бабушкой, что она теперече подумает, ой, ой!..

— Ай да Вовка-сатюк, ну и сатюк! — не мог успокоиться дед и сме-ялся, а Вовка не понимал, в чем дело [Белов, 2011, 517].

Все свои «проделки» семилетний мальчик совершает не со зла — он с интересом осваивает окружающий его мир, и этот мир не враждебен ему, он наполнен любовью и бабушки Кати, которая часто ругает его, но не менее часто обращается к нему *батюшко*, и той самой соседки, которую он обозвал *Сенихой*, и деда, который часто называет его *сатюк*, но при этом явно гордится своим внуком.

И мальчик все-таки улучшает момент и выцарапывает на стене не-ровными буквами свое имя: *ВОВА ПЕТРОВИЧ*.

Деревенское лето меняет представление маленького горожанина о мире, деревня становится для него символом счастья. В символике именовании автором заложена идея взросления ребенка, появление самосознания, осознания собственной значимости.

Второй не по-детски серьезный рассказ для детей называется «Тезки». Подросток *Толька Петров* знакомится с одиноко живущим соседом, бывшим каторжником. Мальчику открывается сказочно-поэтический мир, сосед интересен ему и близок по духу. Но взрослые ведут себя жестоко по отношению к его новому другу *Анатолию Се-меновичу*, особенно Петров потрясен поведением своей учительницы.

Существует прием так называемого семантического переверты-ша — средства когнитивной игры и фигуры поэтического синтаксиса [Волков, 2013, 110]. В этом рассказе прием семантического пере-вертыша основан на игре с именами собственными. Игра онимами превращает этот рассказ почти в новеллу с неожиданной развязкой.

— Ну, а зовут-то тебя как? — *Петров*, — буркнул *Толька*. — Хм. А дома тебя как зовут? *Толя*, да? *Толька* удивился и сказал «да». — Вот видишь, я угадал. Теперь ты угадай, как меня зовут. *Петров* чистосердечно сказал: — *Варнак*. Легкая, чуть грустная усмешка скользнула по его желтому лицу и затухла в бороде, но *Петров* этого не заметил. А он весело прищурился и опять поиграл бородой, говоря: — Все, брат, наврали тебе. Меня *Анатолием Семеновичем* зовут, мы с тобой тезки. Наврали тебе, *Петров*, честное слово, наврали! [Белов, 2011, 525].

В этом небольшом рассказе сюжет разворачивается в процессе «узнавания» настоящих имен персонажей. Все перевернуто: мальчик *Толя* в речи взрослых и автора — исключительно *Петров*. Особенно противоестественно обращение исключительно по фамилии к ребенку в речи учительницы. Ее холодность и жестокость передаются графически:

— Петрофф! Выйди к доске [Белов, 2011, 530];

— Петрофф! Тебе кого здесь? [Белов, 2011, 532].

Сравним прямую и несобственно-прямую речь главного героя:

Он опять вспомнил, что еще летом обещал *Анатолию Семеновичу* вместе с *Таней* прийти в сад слушать дрозда [Белов, 2011, 529];

«Куда же уехал *Анатолий Семенович?*» *Петров* постоял еще и направился домой через сад. «Наверное, на море уехал, — подумал *Петров*, — он на море хотел ехать» [Белов, 2011, 531].

Каторжник *Варнак* — на самом деле без вины отсидевший срок добрый и несчастный человек с богатейшим внутренним миром *Анатолий Семенович*. Сначала мальчик думал, что *варнак* — это имя нарицательное: каторжник, злодей. Но потом ему открывается страшная правда о предательстве учительницы — бывшей жены его странного знакомого:

У подъезда он посмотрел на потемневшую дощечку с фамилиями жильцов. Слезы не давали ему читать, но перед цифрой «двадцать» он все же прочел почти стертые, написанные давным-давно слова: «*Варнакова* Нина Аркадьевна» [Белов, 2011, 531].

Варнак — это кличка по фамилии *Варнаков*. Две оппозиции: «*Петров — Толя*» и «*Варнак — Анатолий Семенович*» — становятся очевидными для читателя и определяют понимание основной идеи произведения: несправедливое отношение окружающих к человеку, равнодушие взрослых к переживаниям подростка.

Таким образом, в процессе декодирования смыслов, заложенных в художественный текст, формируется новый статус имени, перерастающего в обобщенно-художественный знак, получающего символизирующую значимость.

Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1977. С. 304–357.

Белов В. И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5 : Очерки. Произведения для детей. М. : РИЦ «Классика», 2011.

Васильева Н. В. Проприально-апеллятивная неоднозначность: к вопросу о распознавании имен в тексте // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. (Кострома, 9–10 сентября 2020 г.) : в 2 т. / науч. ред. Н. С. Ганцовская, В. И. Супрун ; сост. и отв. ред. Г. Д. Неганова. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2020. Т. 1. С. 27–32.

Волков В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста : курс лекций. Тверь : Кондратьев А. Н., 2013.

Катермина В. В. Личные имена собственные в художественном тексте: процессы концептуализации // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. (Кострома, 9–10 сентября 2020 г.) : в 2 т. / науч. ред. Н. С. Ганцовская, В. И. Супрун ; сост. и отв. ред. Г. Д. Неганова. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2020. С. 58–63.

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

М. М. Кондратенко

Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
Ярославль, Россия
mmkondratenko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Особенности номинации времени в северо-западных белорусских говорах

В статье рассматривается специфика языковой сегментации семантической сферы «время» в северо-западных белорусских говорах и особенности используемых при этом принципов номинации.

Ключевые слова: славянская диалектология; белорусские говоры; способы и принципы номинации времени

Данные белорусских говоров привлекаются славистами для реконструкции древних семантических архетипов, уточнения ареалов лексико-семантических явлений на славянской и — в ряде случаев — неславянской языковой территории, а также для верификации фактов периферийных зон Славии.

В данной статье исследуются народные обозначения некоторых отрезков времени в северо-западных белорусских говорах, которые демонстрируют особенности именования единиц счета времени и репрезентируют способ восприятия понятия «время» и связанное с ним ассоциативное поле образов традиционной культуры.

Время жизни, один из важнейших фрагментов семантической сферы «время», предстает как объект воздействия человека: *сцягнуць врэмя, сцягнуць с пары* (букв. «стянуть кому-то время») ‘состарить кого-нибудь’: «Яго жонка дваццаць гадоў хварэла — сцягнула мужыку врэмя» [СБГ, 5, 46]. Воздействовать на время, в частности задерживать, замедлять его, может, например, боль: «Учарашняя мука задляла мне час» [СБГ, 2, 206].

Важную часть обозначений времени жизни составляют наименования ее периодов, образующие систему в рамках зоологического кода: «Пэршых дваццаць літ чоловік жывэ чоловічы роки, другы дваццаць

літ — воловый вік, шэ дваццэтэ — собачый вік, шэ дваццэтэ — мавпын <обезьяний>» [СБГ, 1, 293–294]; преклонный возраст также может именоваться *абізьяні век*: «Як на восьмую дзісятку перавернецца — чалавек абізьяні век жывець» [Там же, 34].

Гендерный аспект осмысления времени жизни представлен в специальном обозначении поры девичества *дзявоцтва*, *дзявѣцтва*: «У дзявоцтве любіліся»; «Вэлен <вуаль> надзявалі, як дзеўка дзявѣцтва харашо сваё вяла, а плоха вяла — ні надявалі» [СБГ, 2, 61], а также возраста, когда женщины уже не могут иметь детей: *выйсці з лет, з дзяцей*: «Вышла з лет баба, не водзіць дзеці»; «Стара баба, з дзяцей вышла»; «Яна з лет вышла, дзяцей не було»; «Вжэ Полаі <Пелагеі> пыдысят літ було, а шэ ны выйшла літ, шэ хлопця прывыла» [СБГ, 1, 353–354]. Утрата способности к продолжению рода рассматривается как выход из отведенной для этого жизненной поры.

Непрозрачную мотивацию имеет устойчивое выражение *жыць да закладу* ‘жить до смерти’: «Стары жыве да закладу» [СБГ, 2, 217]. Компонент *заклад* в этом выражении пока не находит должного объяснения по материалам словарей белорусского языка [ГСБМ, 15, 102–107; ЭСБМ, 5, 51]. Использование девербативов от *класці* (со значением ‘положить в могилу’) или *закласці* (‘закрывать’, в данном случае — ‘закрыть период жизни’) вызывает сомнения.

Одной из особенностей номинации времени в северо-западных белорусских говорах является редупликация, или использование составных номинаций. Об этом лингвистическом феномене уже писала С. М. Толстая и другие исследователи [Толстая, 2020, 276–277; Колева-Златева, 2011, 23]. Подобным образом лексема *час* раскрывает свое значение линейной последовательности, длительность которой нуждается в конкретизации: «За тыдзень часу прыяжджая мой сын»; «Будзя за месяц часу» [СБГ, 2, 176]. Слово *час* употребляется дополнительно к другой лексеме с временным значением *тыдзень* ‘неделя’ или *месяц*.

Помимо случаев подобной семантической редупликации, наблюдаются и иные составные номинации. Выражение *ноч-поўноч*: «Пётр ноч-поўнач зарабляў — апора вялікая была» [СБГ, 1, 91], состоящее из обозначения ночи и ее части, обладает скорее значением ‘днем и ночью’, ‘с утра до ночи’, ‘все время’, чем ‘ночами’. Через повтор однокоренных слов (*ноч* и *поўноч*) достигается особая экспрессивность в выражении семантики протяженной работы.

К этой же группе наименований относятся *даўна-прадаўна*: «Даўна-прадаўна была ў Паставах»; *даўната-прадаўната*: «Даўната-прадаўната было, што дуплё гэта было», *даўнёшны-раздаўнёшны*: «Гэта даўнейшыя-раздаўнёшныя песня» [СБГ, 2, 29]; *здавё(і)н-даўна*: «Здавін-даўна гэта ноч мела вялікая значэнне» [Там же, 296], причем аналогичное значение — ‘очень давно’ — фиксируется у наречия *здаўна*, употребляемого без дополнительного усиления: «Гергунамі завуць іх здаўна: ні разбярэш іх, што гаворыць» [Там же, 299].

Соблюдение сроков, установленных для определенной деятельности, является важным аксиологическим аспектом традиционной культуры. В частности, маркируемой оказывается длительность пребывания в гостях: «Першы дзень гось залаты, на другі — сярэбраны, а на трэці — мець, сабірайся і дамоў ець» [СБГ, 4, 468].

Во временной последовательности выделяются периоды, совпадающие с настоящим (то есть современным для живущих сейчас), следующие за ним или предшествующие ему. Подобное соотношение «времен» часто манифестируется соотносительными парами лексем, например *даўней — цяпер, раней — цяпер* и *калісь — цяпер*: «Цяпер людзі ахваціліся, а даўней с торбамі ішлі» [СБГ, 1, 132], «Раней казалі — мью хусты, цяпер — мые бальё» [Там же, 160], «Калісь баіла байкі, а цяпер ні ў памяці» [Там же, 152]. Подобное сопоставление выражается и через местоимения со значениями ‘этот’ и ‘тот’: «Гэтыя годы я нічога не жываю, а тыя гады закіну і закіну капейку» [СБГ, 2, 217].

Традиционно постулируемое деление временной последовательности на прошлое, настоящее и будущее на самом деле не всегда отличается четкими границами. В северо-западных белорусских говорах одна лексема может обозначать временные интервалы как в недалеком прошлом, так и в ближайшем будущем: *ка(э)дзе* ‘недавно, только-что’: «Кагдзе карміла куранят — і зноў крычаць», и ‘через некоторое время, быстро’: «Некагдзе прыдзе ён» [СБГ, 2, 355–356].

Прошлое представляется как расположенное сзади, в обратном исчислении на временной оси (наряду со значением ‘снова’) — *абратна*: «Гэта было два гады таму абратна» [СБГ, 1, 39].

Для реконструкции взглядов славян на прошлое большой интерес представляют лексеммы *папераду* и *упярот*. Они записаны как в значении ‘сначала’, так и ‘раньше’: «Мая матка папераду памёрла»; «Цяпер и на гаспадарсках не так кепско, як упярот; упярот па-беларуску

и па-польску размаўлялі» [СБГ, 3, 399], а их внутренняя форма указывает на расположение впереди. В то же время лексемы *ззаду, ззадзі* передают значение ‘на какое-то время позднее’: *ён ззаду на гот вучыцца* [СБГ, 2, 307] и указывают на расположение позади. Таким образом, локализация последовательности на временной оси имеет в данных примерах необычный характер: расположение впереди оказывается, с точки зрения пространственного значения, сзади.

Среди наименований, относящихся к циклическому времени, особое место занимают номинативные единицы, отражающие связь этой системы измерения жизни с сельскохозяйственными сезонами. Их изучение дает ценный языковой материал для воссоздания целостной картины восприятия славянами времени и интерпретации хозяйственных циклических процессов.

Существует пласт лексики, отмечающий окончание или начало сельскохозяйственных работ в качестве единиц счета времени: *жніва* ‘время сбора урожая’: «Гэта была ў жытнім жніве, у гаўсяным жніве, гэта было ў бульбакопя — калісьці так вызначалі час, людзі не зналі чыслы» [СБГ, 5, 443]. Лексемы не только обозначают реалии социальной и хозяйственной деятельности, но и служат важными структурными элементами народной хронологии: последовательность различных этапов и видов работ заменяла в прошлом носителям диалектов современное исчисление времени. Кроме лексемы *жніва(о)* ‘время уборки урожая’: «Жніва прыйшло»; «Жніво наступае, у хаця нічога не робіш» [СБГ, 2, 150], к этой группе следует отнести *прытар* ‘время страды’ [СБГ, 4, 152], *дакоскі* ‘окончание сенокоса’ [СБГ, 2, 16], *закоскі* ‘начало косьбы’: «Закоскі — калі пачыналі касіць» [Там же, 219]; *казьба* ‘время заготовки сена’: «Уже казьба пачалася, людзі пашлі касіць» [Там же, 363].

Для лексики времени характерен семантический переход ‘часть пространства, предмета’ → ‘интервал времени’, уже описанный в научной литературе, например в [Zalizniak, 2018]. Один из примеров такой трансформации лексического значения — выражение *кавалак часу*: «Кавалак часу прайшоў, а іх няма; кавалак часу паспала, а кавалак пасядзела ў хаці» [СБГ, 2, 353]. При этом у слова *кавалак* ‘кусок, часть’ достаточно широкая сфера употребления: *кавалак сілы* ‘хорошее здоровье’, *лодара кавалак* ‘лентяй’, но, несомненно, первичным является физическое (пространственное) значение.

Присутствует в обозначениях времени и заимствованная лексика, дающая важную информацию о контактах с балтийскими языками и о семантических трансформациях заимствований. Исходное значение в заимствованиях может как сохраняться (например, у лексемы *анадоў* ‘недавно, на днях’ < лит. *anq die, andai*: «Анадоў прыпякласа на слонцы» [СБГ, 1, 80]), так и претерпевать семантический сдвиг: *пусеркі* ‘время перерыва в работе’: «Спіць дзіця да пусеркаў» [СБГ, 4, 191] < лит. *pusryčiai* ‘интервал от утра до обеда (завтрака)’ [LKŽ].

Таким образом, особенностью белорусских лексем и устойчивых сочетаний слов с темпоральным значением, помимо их многозначности, является манифестация соответствия этапов бытия человека определенным циклам, например сельскохозяйственным, которые, в свою очередь, служат ориентиром во времени. Время в диалектной лексике предстает как объект и субъект взаимодействия с человеком; фиксируется взаимосвязь прошлого и будущего.

ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 т. / пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск : Навука і тэхніка : Беларуская навука, 1982–2017.

Колева-Златева Ж. Славянские языки и редупликация // Исследования по теоретической лингвистике : материалы симпозиума «Смена парадигмы в венгерской лингвистической русистике» / под ред. К. Адягаши. Debrecen : Debreceni Egyetem, 2011. С. 11–30.

СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / пад рэд. Ю. Ф. Мацкевіча. Мінск : Вышэйшая школа, 1981–1986.

Толстая С. М. Заметки о языке севернорусских причитаний — 2. Составные номинации, их структура и семантика // Slověne. 2020. Vol. 9. № 2. Р. 274–313.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / ред. Г. А. Цыхун. Мінск : Навука і тэхніка, 1978–. Т. 1–.

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lkz.lt/?zodis=pusryčiai&id=22315530000> (дата обращения: 30.04.2022).

Zalizniak Anna A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Лингвистика». 2018. Т. 22. № 4. С. 770–787.

С. Ю. Королёва

Пермский государственный
национальный исследовательский университет

Пермь, Россия

petel@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

Антропонимы в фольклорных преданиях о первопоселенцах (на материале Северного Прикамья)*

В статье рассматриваются зафиксированные у язьвинских пермяков предания о состязании между основателями деревень. Привлечение исторических документов показывает, что и в этом, и в ряде других случаев фольклорные антропонимы оказываются реальными именами первопоселенцев и/или лежат в основе фамилий местных жителей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: язьвинские пермяки; коми-пермяки; природно-культурный ландшафт; почитаемый камень; антропонимия; предание; историзм фольклора

Среди топонимических преданий значительную группу составляют сюжеты, в которых географическое название производится от имени, фамилии или прозвища первопоселенца (реже — иного персонажа) [Соколова, 1972, 208–214]. Исследователи отмечают, что в каждом конкретном случае такое соотнесение нуждается в специальных разысканиях, поскольку предания отражают как те ситуации, когда антропоним действительно послужил основой для топонима, так и те, когда имя выводится местными жителями из уже существующего названия с целью объяснить его [Криничная, 1991]. Популярность антропонимической модели в образовании географических названий становится одной из причин, по которой ойконимы — особенно иноэтничные, с неясной внутренней формой — «легко провоцируют носителей традиции видеть в них отражение имен первых насельников» [Березович, 1999, 26]. Выявить, соответствует ли действительности мотивировка, предлагаемая фольклорным преданием, помогает привлечение исторических

* Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала».

© Королёва С. Ю., 2022

документов, однако подобная исследовательская процедура производится фольклористами, топонимистами и историками, кажется, нечасто. В этой работе устанавливается историческая основа нескольких сюжетов топонимических преданий, записанных в Северном Прикамье¹. Чтобы лучше показать логику фольклорного нарратива, одна из локальных традиций рассматривается подробно, остальные сюжеты привлекаются в качестве дополнительных примеров.

В Красновишерском районе Пермского края, у язьвинских пермяков, устойчиво бытует предание о том, что в основе названий старинных деревень *Антипина* и *Паршакова*, расположенных в верхнем течении р. Язьва, лежат имена их основателей: *Антип* / *Антипа* и *Паршак*. Первая известная версия предания опубликована в 1906 г.:

...был в старину богатырь Антипа. Он, значит, родословную-то от Чуди имел, но потом принял староотеческую веру. И пришел он в эти места. <...> От его и деревня пошла. Другой богатырь опосля его пришел, по имени Паршак, так он начало сделал деревне Паршаковой. От них и народ размножился [Прус, 1906, 3].

Герои названы богатырями, первый из них — Антипа — считается потомком чуди и старообрядцем², мотив состязания персонажей отсутствует. Он появляется в записи этнографа В. Н. Белицер 1947 г.:

Основателями их [деревень] были два брата Антипа и Паршак. Обоим захотелось поселиться на горе, на высоком месте. Чтобы выйти из положения, решили устроить состязание. На берегу Язьвы братья выбрали два больших камня, лежащих на некотором расстоянии друг от друга, и договорились, что на горе поселится тот, кто перепрыгнет с одного камня на другой. Антипа перепрыгнул с камня на камень, а Паршак не смог. Так Антипа и поселился на горе (д. Антипина расположена на высоком берегу Язьвы), а Паршак остался под горой (д. Паршакова стоит в низине) [Белицер, 1958, 168].

¹ Выражаю признательность М. Е. Мартынову, А. Б. Ипполитовой, Г. М. Красновой за помощь в работе с данными переписей XVII–XVIII вв.

² В дд. Антипина и Паршакова проживают язьвинские пермяки, значительная часть которых является старообрядцами; по сообщению автора очерка, был старообрядцем и его проводник — рассказчик историй.

В ходе полевого исследования, проведенного фольклорно-диалектологической экспедицией ПГНИУ в 2017 и 2018 гг., выяснилось, что два камня-валуна, по которым прыгали легендарные братья, располагаются не на берегу, а непосредственно в реке Язьва и являются приметными объектами местного природного ландшафта. Хотя сюжет спора / состязания первопоселенцев достаточно распространен, сам его способ — перепрыгивание с камня на камень — представляет собой редкий вариант фольклорной демонстрации силы.

К настоящему времени по публикациям и архивным материалам известно более 20 вариантов и версий предания об основании деревень Антипина и Паршакова. Анализ записей показывает, что вид состязания существенно варьирует: герои могут прыгать через один большой камень; кидают два камня, кто дальше; запрыгивают по каменистой горе, кто выше; прыгают по земле, кто дальше; дерутся за более удобное место. Существуют версии, где спор между героями вообще отсутствует:

А вот они два брата были, Антип и Паршак, вот я так слышал. Один выбрал место у речки, другой выбрал место на горе. Вот поселились, вот так по их названиям и пошли эти деревни. И фамилии тоже (Верх-Язьва, 2018)³.

Не является константным и статус персонажей. Это могут быть два человека, приплывших по реке: «Есть легенда, что вот приплыли Антип и Паршак. Увидели вот это место. Решили тут создать деревни» (Верх-Язьва, 2018); два солдата, шедшие со службы: «Раньше служили долго. Как-то возвращаются два солдата: Антип и Паршак» (Верх-Язьва, 2005); но чаще герои считаются именно братьями. Устойчивым, хотя и редким, оказывается мотив их принадлежности к старой вере:

Два брата. Антип и Паршак. <...> А это первые жители были, которые как бы тут, в общем, переехали со своими семьями <...> Они откуда-то вот финно-угорцы. Да <...> раскольники финно-угорские, вот они в свое время, в общем, оттуда прибежали (Верх-Язьва, 2017).

Предание объясняет не только названия деревень, но и их местоположение: Антипина находится на возвышенности, Паршакова — в низине

³ Если после цитаты отсутствует ссылка на источник, запись была сделана в экспедиции филологического факультета ПГНИУ и хранится в архиве Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (в скобках приводятся место и год записи).

у реки. Расположение, отраженное в популярном фольклорном сюжете, мотивирует неофициальные названия деревень, функционирующие в разговорной речи язывских пермяков. Наличие этих альтернативных ойконимов в 1949–1953 гг. отметил лингвист В. И. Лыткин: «*Көрйёл* — д. Антипино, букв. “вершина горы”»; «*Куру́л* — д. Паршакова (букв. “Подгорье”); *Курулан’ө ліч’ч’ис* — спустился в д. Паршакову (д. Паршакова находится под горой)» [Лыткин, 1961, 132, 136]. Фиксируют их бытование и современные материалы:

Көрйёл — это значит высокое место, а Куру́л — это низкое место. Раз это Паршакова пониже, значит, называли Курул. И люди-то и говорили: «Надо... — ну, я по-пермяцки скажу: колё кайнө карьяло», — то есть надо подняться, карьяло — это в Антипину. Или скажут: «Колё лідзчино курьяло» — то есть спуститься, это значит в Паршакову, потому что под гору. Вверх — Көрйёл, вниз — Курул» (Верх-Язьва, 2017).

В единичных текстах фигурирует третий брат — *Арёфа*: «Ну, раз есть у нас деревня Арёфина, то, наверное, было три [брата]. <...> Видимо, [Арёфа] ленивенький был. Паршак и Антип прыгал, а он не прыгал» (Верх-Язьва, 2018). Встречается упоминание, что первоначально Антипа и Паршак жили в починке *Арёфин / Орёфин* и лишь потом основали новые поселения:

...вот эти превалируют в основном, Антип и Паршак, по всем сказаниям здесь, что действительно они прибыли, образовали свои кланы, и вот отсюда это всё начало разрастаться. Но первый-то починок был, вот куда они приехали, — деревня Орёфин. Щас деревня называется Арёфина. <...> И вот они с этого починка, это починок Орёфин называлось, и вот они прибыли сюда два брата. А потом они уже поделили: один в Антипиной, один остался в Паршаковой (Верх-Язьва, 2017).

Привлечение исторических документов позволяет установить реальную основу этих преданий, с одной стороны, и отчетливее увидеть фольклорные повествовательные модели — с другой. Починок Орёфин обнаруживается в первой переписи Перми Великой (1579): «Починок *Орефин. Орефа* Иванов, *Паршек Орефин*» [ПКЯ, л. 31] (здесь и далее в цитатах из документов курсив мой. — С. К.). Паршек / Паршак оказывается сыном первопоселенца Орёфы. В следующей переписи (1623–1624) упоминаются четверо сыновей Паршака / Парфенки:

«Деревня, что был починок Орефин на речке на Язве, а в нем крестьян: двор *Парфенко Арефьев* с детьми, с Микиткою, да с Петрушкою. Федка Парфеньев. *Антипка Парфеньев сын Арефьев*» [ПКК, л. 101об., 102]. Антип, который в преданиях выходит победителем состязания, оказывается не братом, а сыном Паршака и внуком Орефы; судя по времени, на которое пришлось его житье, он вряд ли мог быть старообрядцем. Среди документов Чердынской воеводской избы XVII в. сохранилось дело 1639 г. о разделе между пятью братьями Паршаковыми — Антипой, Петром, Федором и др. — наследства их деда и отца; перечень включает усадьбы, овины с гуменниками, мельницу, пашенные и сенокосные угодья, места рыболовства и охоты [Чагин, 1995, 4–5]. В дальнейшем, в 1663 г., выходцы из д. Арефина по фамилии *Паршековы* переселились в д. Антипина (о чем сообщается в переписи 1678 г.); д. Паршакова (*Паршеки*) впервые упоминается в челобитной 1681 г. По всей видимости, д. Паршакову основал не Паршак, а его прямые потомки, однако предание, возникшее не ранее последней трети XVII в., по какой-то причине сохраняет имена более давних представителей этой зажиточной крестьянской семьи. На территории зафиксированы фамилии *Антипин* и *Паршаков* [Полякова, 2005, 29, 282] с их полным доминированием в некоторых деревнях [Лыткин, 1961, 15–17].

Включение реальных антропонимов первопоселенцев в фольклорные нарративы выявлено и на других территориях Северного Прикамья. Так, с. Архангельское Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа в прошлом было деревней *Карново*; согласно местному преданию, ее основал *Карп*, приплывший с братом по реке:

По реке плыли два брата, Карп и Захар, облюбовали место — высокий берег, защита от врагов. И Карп остался здесь на этом холме, поэтому называют Карпова, то есть жилище Карпа (Архангельское, 2016).

Считается, что два его сына, перебрасывая друг другу топор, основали соседние деревни Секово и Чинагорт. «*Карново* починок на реке на Ин<ь>ве» впервые упоминается в писцовой книге Соли Камской 1623–1624 гг., и в нем действительно проживал «*Карник* Микифоров сын Тулупов» [цит. по: Полякова, 2010, 10]. В Кочевском районе, в д. *Борино* и окрестностях, известны предания о первых местных жителях — братьях *Мокé* и *Борисе*, которые вместе с женами похоронили сами себя на месте *Важ Мокин* «Старое Мокино» и теперь нуждаются

в поминании со стороны местных жителей. Связь одного из героев предания с соседней д. Зуево позволяет найти упоминание о Моке и Борисе в писцовой книге 1678 г.: «Деревня Зуева. *Бориско* Василев сын Хомяков, у него дети *Мокейко* да *Ивашко* 12 лет да *Ивашко* же 3 лет» [цит. по: Мартынов, Нилогов, 2012, 60; подробнее см.: Королёва, Четина, 2016]. Борис оказывается не братом, а отцом Мокия. Интересным представляется и предание о том, как братья *Юкся*, *Пукся*, *Чадзь* и *Бач*, перебрасывая друг другу один топор, основали поселения *Юксе-ево*, *Пуксиб*, *Чазёво* и *Бачманово*, а позднее похоронили себя на месте *Важ Чадзёв* «Старое Чазёво». В писцовой книге 1623–1624 гг. читаем: «Деревня *Бачманова* на ключе, а в ней <...> Офон<ь>ка Иванов сын *Бачманов*, да пустых дворов <...> Д<вор> Илюшки *Бачманова* сошел безвестно в 1616 году» [ПКК, л. 132об.]. След героя фольклорных преданий по имени *Бач* обнаруживается в компоненте *Бачманов*, который выступает как патроним и формирующаяся фамилия. Имя или прозвище *Чаз* и полуотчество *Чазев* встречаются в переписи 1579 г.: здесь мы находим «починок *Чезев* на речке на Киве», где проживают «Гриша да Петруша *Чазевы*» [ПКЯ, л. 40об.]. Зафиксированы на этих территориях и фамилии *Чазёв* и *Бачманов* [Полякова, 2005, 43, 409].

Названия ряда поселений, фигурирующих в преданиях Северного Прикамья, — действительно отантропонимические, их основой послужили имена или прозвища первых поселенцев. Комбинации местных имен и фольклорных схем в пермских преданиях складываются, по видимому, в конце XVI — начале XVIII в., что связано с заселением этих территорий. Типичный набор фольклорных схем, используемый для рассказывания о первопоселенцах, — сюжеты состязания, перебрасывания предметами на большие расстояния, «чудского» самопогребения. Герои обычно считаются братьями, однако документы показывают, что их родство было иным (дед, отец и сын / отец и сын / связь нельзя установить).

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в. М. : [б. и.], 1958.

Безович Е. Л. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 3 / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 3–30.

Королёва С. Ю., Четина Е. М. Юкся, Пукся, Бора, Мока и другие «чудские родители» // АРТ. 2016. № 3. С. 129–150.

Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб. : Наука, 1991.

Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М. : Изд-во АН СССР, 1961.

Мартынов М. Е., Нилогов А. С. Косинско-Камское поречье в переписях и ревизиях XVI–XIX вв. Кудымкар : РИО, 2012.

ПКК — Писцовая книга Перми Великой 1623–1624 г., составленная М. Кайсаровым (список 1877 г.) // Российская государственная библиотека. Ф. 256. № 308. Л. 47–152.

ПКЯ — Писцовая книга Перми Великой 1579 г., составленная И. Яхонтовым (список 1877 г.) // Российская государственная библиотека. Ф. 256. № 308. Л. 1–46.

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь : Книжный мир, 2005.

Полякова Е. Н. Развитие пермских отыменных топонимов в Прикамье XVI–XVII вв. (по материалам писцовых и переписных книг) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4. С. 7–16.

Прус Н. В предгорьях Урала // Пермские губернские ведомости. 1906. № 145. С. 2–3.

Соколова В. К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М. : Наука, 1972. С. 202–233.

Чагин Г. Н. Язвинские пермяки: историко-культурный остров. Пермь : ПОТЦ, 1995.

Н. А. Красовская

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

nelli.krasovskaya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Некоторые особенности языка региональной периодики военного времени

Анализируется оценочная лексика в региональной газете военной поры. Высказываются соображения, связанные с использованием слов, относящихся к сельскохозяйственной лексике. Делаются наблюдения над особенностями заголовков районной газеты.

К л ю ч е в ы е с л о в а: районная газета; Великая Отечественная война; лексика; оценка; заголовки

Предметом нашего анализа стала региональная пресса периода Великой Отечественной войны. Мы рассмотрели ряд языковых особенностей районной газеты «Белёвская правда» за 1941–1942 гг. Газета выходила (и выходит в настоящее время) на территории Белёвского района Тульской области, часть которого в период военных действий оказалась оккупирована, а его районный центр — Белёв — был северным выступом во время Курской битвы.

Мы остановимся на нескольких особенностях региональной прессы: 1) использование оценочной лексики; 2) наличие лексических единиц, относящихся к тематической группе «Сельское хозяйство»; 3) своеобразие заголовков.

Среди оценочных лексических единиц встречаются слова, которые, согласно подходу Н. Д. Арутюновой, можно отнести к общеоценочным [Арутюнова, 1999, 198]. Необходимость использования оценочной лексики заметна в номерах 1942 г.: в это время не было значительных побед Красной Армии на фронтах и боевой дух читателей необходимо было поддерживать.

В выпусках 44–46 от 3–6 мая 1942 г. употребляются следующие единицы: *проклятый (проклятый враг), кровожадный (кровожадный хищник), праведный (праведная кровь), счастливый (счастливая встреча), радость (большая радость), восторг (с восторгом встречали), озаренный, счастье (дети с озаренными счастьем лицами), скорбь (глубокая скорбь), изверг (немецкие изверги), издевательский (издевательски заставляли), варварский (варварское племя средневековья), вероломный (вероломный Гитлер)*. В заметках из номера газеты от 8 мая 1942 г. подобные оценочные единицы также частотны.

В заметке «Приложим все усилия для ускорения разгрома врага» встречаем: *жестокий (жестокие разрушения), нашествие, каннибал (нашествие немецких каннибалов XX века), счастливый (счастливая колхозная жизнь), бандит (немецкие бандиты), расхищенный (семенной фонд расхищен), озверелый (озверелый фашизм), грабить, убивать, разорять (способный только грабить, жечь, убивать и разорять)*. В заметке «Все силы на разгром врага» из этого же номера находим: *героический (героический фронт), доблестный (доблестные воины героической Красной Армии), кровавый (кровавый Гитлер), банда (фашистская банда), разрушение, убийство, разорение (разрушения, убийства и разорения советского народа), проклятие (проклятия*

от миролюбивого народа), священный (священная земля Советского Союза), озверелый (озверелые фашисты), смерть (презрение к смерти), изобилие (изобилие сельскохозяйственных продуктов), самоотверженный (самоотверженно трудиться). Частотное использование подобных лексических единиц привело к формированию устойчивых конструкций (они до сих пор возникают в сознании у тех, кто читал советские газеты!). Все это формировало определенное отношение к противнику и ходу военных действий, а также поднимало боевой дух советских граждан.

В региональной прессе активно использовались слова и с частно-оценочным значением. Так, в номере от 8 мая 1942 г. употребляется слово *двуногий*, которое в целом не выражает отрицательной оценки, однако в сочетании со словом *звери* приобретает негативный оттенок. Зоонимические метафоры были довольно продуктивным языковым инструментом в военной прессе: родовые и видовые названия животных участвовали в создании образа врага (*хищники, звери, волки, собаки, гиены*), а для формирования образа солдата или летчика Красной Армии употреблялись такие лексические единицы, как *орлы, соколы*.

Анализ региональных газет дает возможность наблюдать не только активную советскую пропаганду, но и последовательное освещение повседневной жизни небольшого района Тульской области: несмотря на страшные военные будни, здесь шла размеренная жизнь крестьянства, рабочих. Так, в номерах начала мая 1942 г. в заметках «Протравливайте семена», «День Первое Мая ознаменован выездом в поле», «Первое Мая в совхозе “Росглавплодоовощ”», «Десятки гектаров сверх плана — в фонд обороны страны», «Хороший почин», «Все внимание весеннему севу», «Колхозы приступили к севу», «В фонд обороны», «Обеспечим высокую производительность тракторов» мы наблюдаем многочисленные лексические единицы, входящие в тематическую группу сельскохозяйственной лексики: *головня (убытки, причиненные головней сельскому хозяйству), овес, ячмень, яровая пшеница (овес, ячмень, яровая пшеница заражены до 15–18 процентов), посев (семена овса, ячменя и проса за два-три дня до посева), зерно (протравливаемое зерно), клевер (женщины собрались в поле на очистку старого клевера), пахарь (пахари в день 1 Мая взяли на себя обязательство вспахать не менее 4 га), парниковый (особенно хорошо шла работа*

в этот день в парниковом хозяйстве), пикировка (за день была произведена пикировка 322 парниковых рам) и т. п. Эти единицы указывают на специфику региона и основной род занятий его жителей.

В материалах газет проводилась агитация населения за добросовестный труд в сельском хозяйстве ради нужд фронта, армии. Например, в заметке «Первое Мая в совхозе “Росглавплодоовощ”» мы встречаем лозунги, которые сейчас нам кажутся вполне привычными: «Все для фронта!»; «Все для победы над врагом!».

Таким образом, помимо заголовков, которые отражают положение дел на фронте и международные отношения, в региональной газете по-прежнему много заголовков, отражающих жизнь мирного населения. Связанные с сельскохозяйственной тематикой, они подчеркивают важную роль прифронтной территории, которая должна была обеспечить армию продуктами питания.

Заголовки отражают идеологию советского строя, специфику военного времени: так, в номере за 3 июня 1942 г. встречаем лексемы *соревнование, первенство, долг, родина*. Часть лексических единиц относятся к лексико-семантическому полю «Война»: *Красная Армия, война, антивоенный*, а также название *Советское Информбюро*. Грамматическое своеобразие заголовков в основном связано с формами глагола. Часто встречаются глаголы в форме 1 л. мн. ч., указывающие на совместное действие, совместную борьбу, совместный труд: *организуем, дадим, выполним*. Многочисленны формы будущего времени: *В ответ на бандитское нападение улучшим свою работу* (24.06.1941); *Фашистские разбойники жестоко поплатятся* (24.06.1941); *Победа будет за нами* (24.06.1941); *Враг будет разбит* (25.06.1941); *Защитим советскую Родину* (25.06.1941) и др. Такие заголовки направлены на привлечение населения к активным действиям, на демонстрацию возможностей населения, армии, фронта.

Таким образом, языковые особенности региональных газет отражают характер прессы военных лет: особые лексические единицы, устойчивые выражения, особые имена собственные, лозунги и др. В то же время язык районной газеты отражает и особенности региона (преобладание сельского хозяйства как основного вида деятельности региона). Анализ региональной прессы военной эпохи дает возможность понять, как языковая специфика районной газеты отражала жизнь страны и отдельного человека, передавала идеологию государства,

способствовала формированию патриотических настроений и боевого духа читателей.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.
Белёвская правда. [Электронный ресурс]. URL: http://data.tularlic.ru/newspaper/Belevskaya_pravda/1941/ (дата обращения: 03.04.2022).

Л. В. Куркина

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
lyukurkina@rambler.ru

Из наблюдений над семантикой и этимологией рус. диал. *хвоить*

В русских диалектах представлен глагол *хвоить* с многослойной семантикой, отличной от семантики глагола *хвоить*, производного от *хвоя*. Для первого из названных глаголов обсуждается возможность родства на основе чередования со слав. **xvějati* ‘качать, шататься’.

Ключевые слова: лексический диалектизм; семантика; этимология

В комплексном подходе к этимологическому изучению слова важная роль отводится семантике. Известно немало примеров, когда от степени изученности мотивационных отношений зависит понимание того, являются ли формально совпадающие слова с глубокими различиями в семантике генетическими омонимами или они появились в результате семантического расщепления некогда единой исходной основы. В связи с этим значительный интерес представляет отмеченный в русских диалектах глагол *хвоить* — в простом виде и в сложении с приставками — с широким набором значений, далеко отстоящих друг от друга. Лишь для небольшой части этих значений можно с большой долей уверенности говорить, что их появление

обусловлено сферой применения листьев хвои. Иголообразные листья этого дерева — источник биологически активных веществ, они находят применение в медицине, используются в кормлении животных (свиней, телят) для ускорения прироста живой массы, ср. рус. диал. *ухвóить* ‘улучшить питание растений вносимым в почву удобрением; удобрить’ [СРНГ, 48, 259], блр. полес. *отхвóюты* ‘выходить, излечить (о кобыле)’ [Климчук, 1968, 54]. Листья хвои применяются как подсобный строительный материал: ср. рус. диал. *хвóить* ‘втыкать в дно реки стволы лиственниц, делая рыболовный закол’ [СРНГ, 50, 68], *хвоить угольную яму* ‘обкладывать ее хвоей и мохом’ [Даль, 4, 545], ворон. *ухвóить* ‘привести в должный порядок, утеплить скотный двор, жилие семьи’ [СРНГ, 48, 259] и т. п.

Остается, однако, немало значений, которые выходят далеко за пределы того, что может быть мотивировано сферой использования хвои.

Приведем примеры — в основном это приставочные образования, семантически неоднородные, — объединив их по степени близости значений.

Одну группу образований объединяет в разных вариантах семантика ‘ударить, бить, стегать’, отсюда ‘уничтожить, убить’, ‘ушибиться’ и т. п.:

- перм., урал., свердл., новг. *охвóить* ‘ударить кого-л., стегнуть чем-л.’ [СРНГ, 25, 28], *отхвóивать, отхвóить* ‘бить, колотить кого-л.’, ‘ругать, бранить’ [СРНГ, 24, 351], укр. *хвоити* ‘бить лозой’ [ЕСУМ, 6, 168];

- *ухвóить* ‘уничтожить, убить’ (олон. *кома́ра ухвоила*) [СРНГ, 48, 259], ‘ушибиться, удариться’ (влад. *Ухвоила себе руку*) [Там же].

Исходя из общего понимания процессов, можно предположить, что такие значения, как ‘бить, ударять, стегать’, и связанные с ним ‘ушибиться, удариться’, ‘уничтожить, убить’ и т. д. могли сложиться как производные от *хвоя*, частично в результате включения глагола в предложную конструкцию *ударить чем*, при этом под орудием удара понимается срубленная ветка хвойного дерева.

Остальные значения вполне самостоятельны и как будто никак не связаны между собой:

- *отхвóивать* ‘убегать’ [СРНГ, 24, 351];
- ряз., орл. *охвóить* ‘убрать’ (*Ты около себя не охвоила...*) [СРНГ, 25, 28], *ухвóить* ‘исправить, сделать пригодным для работы; наладить’ (яросл. *Я ухвоила кросна*) [СРНГ, 48, 259];

▪ *ухвóить* ‘избавиться, отделаться, сбить с рук’ (арх. *Ухвоил-таки, как гора с плеч скатилась*) [СРНГ, 48, 259];

▪ новг. *охвóить* ‘съесть или выпить за один прием чего-л.’ [СРНГ, 25, 28], *ухвóить* ‘съесть’ (карел. рус. *У меня было много брусники набрано, да все ухвоила*) [СРНГ, 48, 260];

▪ влг., новг., забайк. *ухвóить* ‘растратить, промотать (о деньгах), ‘лишиться чего-н. по небрежности’ (влг. *Ухвоила из загашиника деньги, десять рублей, жалко стало*; влг. *Ухвоила все веретена*), ‘потерять’ (арх. *Был колокол, да куды-то она [корова] ухвоила, не привязала*; влг. *Уж этот платок ухвоила*) [СРНГ, 48, 260];

▪ влг., амур. *ухвóить* ‘украсть’ [СРНГ, 48, 260];

▪ *ухвóить* ‘испортить, привести в негодность’ (яросл. *Ну и охвоил же ты мне пальто*), ‘испачкать, загрязнить’ (карел. рус. *Все хвосты ухвóены*) [СРНГ, 48, 259];

▪ *ухвóить* ‘лишить сил, здоровья’ (карел. рус. *Билась, билась, сама себя ухвоила*), *ухвóиться* ‘устать, утомиться’ (н.-печор. *Сегодня вся ухвоилась, в лес ходила*); *ухвóенный* ‘расстроенный, огорченный’ [СРНГ, 48, 259, 260].

Эти глаголы отличает широкий семантический диапазон и отсутствие внутренних связей между значениями. При такой семантической неоднородности трудно понять, имеет ли глагол *хвоить* в указанных значениях самостоятельный статус или он лишь по формальным основаниям оказался в сфере действия активно функционирующего слав. **хвоја* и его производных. Если предположить, что это разные глаголы, то нельзя не учитывать возможность влияния, притяжения со стороны глагола *хвоить*, производного от *хвоя*. Можно отметить примеры, для которых вполне допустимо частичное совмещение значений и стирание их различий. Так, с некоторой долей вероятности прослеживаются связующие нити с *хвоя* для глаголов *ухвóить* ‘привести в должный порядок’ и *охвóить* ‘убрать’ (ряз., орл. *Ты около себя не охвоила...*) [СРНГ, 25, 28] и *ухвоить* ‘исправить, сделать пригодным для работы; наладить’ (яросл. *Я ухвоила кросна*) [СРНГ, 48, 259]. Промежуточной ступенью могло стать осмысление листвы хвои как мусора, того, что требует уборки.

Нельзя не отметить одну важную особенность: глаголы, далеко отстоящие от *хвоя* ~ *хвоить*, выходят за рамки нейтрального употребления. Контексты, приводимые словарями в качестве иллюстративного

материала, экспрессивно окрашены, и это обстоятельство влияет на семантику слова. Экспрессивно-эмоциональная оценка обозначаемого события, придающая особую выразительность высказыванию, накладывается на лексическое значение, осложняет его, перекрывает и стирает изначальную семантическую основу, что приводит к коренному изменению значения, к развитию далеких, внешне никак не связанных между собой значений. В результате нарушается единство слова. С процессом, который приводит к утрате изначальной семантики, затемнению внутренней формы, сопряжено усиление этимологической неясности слова.

Важно также иметь в виду, что наши представления о составе современного словаря несвободны от субъективного понимания лексических связей. Исследователь склонен оценивать не совсем понятные ему процессы, основываясь на своем видении ситуации и современных представлениях о возможном переосмыслении слова, что нередко уходит в сторону от адекватного отображения реальной картины. Нельзя не видеть, что с семантикой *хвоя* ~ *хвоить* невозможно соотнести приведенные выше значения, в которых доминирует эмоционально-оценочный компонент. Это наводит на мысль о том, не содержится ли в особняком стоящих значениях след слабо сохранившегося глагола с размытыми контурами. В каждом конкретном случае появление того или иного значения обусловлено ситуацией и эмоциональной оценкой этой ситуации носителем языка, и эти внешние обстоятельства осложняют поиски в размытой, стертой картине некой общей семантической основы. Строго говоря, исходная семантическая основа не поддается конкретному определению. В этой ситуации можно лишь попытаться выделить в самом общем виде некое связующее звено, которое позволит объединить и каким-то образом объяснить все многообразие значений. Наше предположение — естественно, несвободное от субъективной оценки — основывается на одном наблюдении: через значения ‘убегать’, ‘растратить, промотать (о деньгах); потерять’, ‘украсть’ проходит т е м а д в и ж е н и я, нечетко выраженного, неустойчивого, неопределенного. Именно экспрессивным характером высказывания мотивирована трансформация компонента движения в самых разных направлениях. Возможность развития разных значений на этой основе поддерживается примерами семантической типологии: *ухвóиться* ‘устать, утомиться’ ~ *убегатьсья, увозитьсья* ‘устать, утомиться

от хлопотливой, тяжелой работы’ [СРНГ, 46, 180]; *ухвóить* ‘испортить, привести в негодность’, ‘испачкать, загрязнить’ и *замызгать, увозить, обтрепать, затоптать* и т. п.; *ухвóить* в значении ‘украсть’ входит в ряд синонимов, экспрессивно окрашенных, сложившихся на основе глаголов, в семантике которых присутствует компонент движения, ср. *драть, стянуть, угонять, умыкивать, унести* и т. п.; *ухвоить* ‘лишиться чего-н., промотать деньги, потерять и т. п.’ — один из многих экспрессивных синонимов с этим значением, ср. *ухлопать, просвистать, растратить* и т. п.

Трансформации изначальных представлений о движении в конкретных обстоятельствах и отражение этих представлений в экспрессивно окрашенных высказываниях приводят к ослаблению позиций глагола *хвоить*, его связей в словаре.

Известны попытки отграничить глагол *хвоить* в одном из перечисленных значений от *хвоя* и выделить его в качестве самостоятельного образования. В [ЕСУМ, 6, 168] глагол *хвóити* ‘бить лозой’ вынесен в отдельную статью и определяется как вероятное экспрессивное образование на основе глагола *хвiяти* < **xvějati*. Такое понимание родственных отношений в осторожной форме, без аргументации, было высказано еще Эндзелином [1911, 127] и другими исследователями [см.: Slawski, 1, 92]. Эта версия восходит к предложенному еще Миклошичем сопоставлению глагола с хорв. *hvoja* ‘ветка’ на основе семантической параллели **xvějati* ‘веять’ ~ **xvěja* ‘ветка’ [Miklosich, 1862–1865, 1089]. Однако выделение значения ‘ветка’ в качестве основного, мотивирующего обозначения действия представляется не совсем убедительным, поскольку, как было отмечено выше, значение укр. *хвóити* ‘бить лозой’, скорее всего, синтагматически обусловлено, оно воспринимается в сочетании с предлогом, значение которого так или иначе окрашивает собственное значение глагола, происходит своеобразное семантическое стяжение [Шмелев, 2017, 180].

Тем не менее сама идея соотнесения приведенных выше глаголов с **xvějati* представляется весьма плодотворной, поскольку позволяет наметить подход к объяснению значений, обособленных от *хвоя*, определить возможные родственные связи в славянском словаре и тем самым преодолеть изолированный характер глагола. В славянских языках глагол **xvějati* ограничен в своем распространении рус. ц.-слав. *хвѣяти са* ‘moveri’, чеш. *chvěti* ‘качать, раскачивать, трясти’,

в.-луж. *chwjeć* ‘шевелить, колебать’, н.-луж. *chwjaś* ‘дуть’, ‘веять’, польск. *chwiać*, устар. *chwiejać* ‘шевелить, двигать, приводить в движение’, ‘сгибать, склонять’, ‘качать, шатать, колебать’, укр. *xwіятися* ‘колебаться, качаться’, ‘склоняться к кому, чему’, блр. *xвёіцця* ‘колебаться, сомневаться, приступать к чему-л. нерешительно’ [Фасмер, 4, 230; ЭССЯ, 8, 124]. Варианты глагола с разными показателями основы (ср. польск. *chwiać* и *chwiejać*), а также производные — рус. диал. *xвія* ‘отходы ото льна, ржи’ < **xvěja*, рус. диал. *xвель* ‘вьюга, метель’ [ЭССЯ, 8, 124], блр. диал. *xвіля* ‘метель’ [Народнае слова, 56, 165] с суффиксом *-lb* и т. п. — свидетельствуют в пользу первоначального глагола **xvēti*. Для изолированного, этимологически неясного глагола **xvēti* ~ **xvějati* на индоевропейском уровне, с учетом возможного изменения *xv* < *sv*, допускается родство с англ. *sway* ‘размахивать, шататься’, лит. *svajóti* ‘мечтать’, первонач. ‘блуждать’ [ЭССЯ, 8, 124].

Как нам представляется, это не предел возможностей, использованных при объяснении глагола **xvēti*: остались неучтенными внутриславянские резервы. Основой для продвижения вглубь могут стать некоторые типы морфонологических отношений, действующие в славянских языках. Преодолеть изолированный характер этого глагола позволяет чередование, на основе которого восстанавливается родство несохранившегося глагола ***děti* (< и.-е. **dhě(j)*- ‘сосать’) и каузатива **dojiti*; **piti* / **pěti* (< и.-е. **pōi*- : **pī*-) и каузатива **pojiti* [ЭССЯ, 5, 54; Трубачев, 2004, 701–704]. Глагол **xvojiti* как производное от **xvoja* (ср. диал. *xвоя* ‘отходы при очистке ржи способом провеивания’), совпавшего с названием листвы хвойного дерева, встраивается в этот ряд морфонологических отношений и может рассматриваться как каузатив к глаголу **xvēti* (< **xvē-ti*). К этому надо добавить, что морфонологические варианты объединяет семантика движения, и особый интерес представляет польск. *chwiać się* в значении ‘слабеть, приходить в упадок’. С учетом семантических особенностей глагола **xvojiti* и закономерностей морфонологических отношений представляется вполне возможным включение русского диалектизма в гнездо слав. **xvějati*, но при этом необходимо признать, что мы имеем дело с отдельными, разрозненными, далеко отстоящими друг от друга лексемами с очень неясной исходной точкой развития.

Известны попытки понять истоки названия дерева **xvoja* в рамках гнезда слав. **xvějati* [Brückner, 1923, 238]. Традиционно из всех

существующих версий признается наиболее вероятным родство слав. **xvoja* с лит. *skujà*, лтш. *skuja* ‘хвоя’ [Фасмер, 4, 233]. Допуская возможность подобного сближения, Эндзелин поясняет, что в таком случае надо признать развитие начального *x* из *kh* и ввиду лит. *skujà* восстанавливать для исходной основы *ē*, а не дифтонг *oi* [Эндзелин, 1911, 127]. Однако соотнесение названия хвойного дерева с глаголом **xvėjati* остается гипотезой, требующей обоснования с привлечением дополнительного материала.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : Т-во М. О. Вольф, 1981–1982.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 7 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.

Климчук Ф. Д. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья / отв. ред. Н. И. Толстой. М. : Наука, 1968.

Народнае слова / под рэд. А. И. Баханькова. Мінск : Навука і тэхніка, 1976.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Трубачев О. Н. Следы язычества в славянской лексике // Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс, 1986–1987.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (Из лингвистического наследия Д. Н. Шмелева). 4-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2017.

Эндзелин И. М. Славяно-балтийские этюды. Харьков : Тип. и лит. М. Зильберберг и сыновья, 1911.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Brückner A. Slavisches *ch* // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1923. Bd. 51. No. 3/4. S. 221–242.

Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae : Guilelmus Braumueller, 1862–1865.

Slawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1–5. Kraków : Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1952–1983.

В. С. Кучко

Уральский федеральный университет
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Екатеринбург – Пермь, Россия
kuchko@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7139-5738>

История освоения реалии как мотив номинации (на примере минералонимии)*

В центре внимания статьи — редкий для ономазиологии мотив номинации, отражающий обстоятельства обнаружения и освоения реалии, рассмотренный на материале минералогической лексики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ономазиология; минералонимия; мотив номинации

В настоящей публикации речь пойдет об одной группе названий минералов — об именах, отражающих историю взаимодействия субъекта номинации с ее объектом. Эта группа названий маргинальна в системе официальных наименований минералов. В подавляющем большинстве случаев официальные номенклатурные названия фиксируют фамилию того, кто обнаружил минерал или первым представил его научное описание, или учитывают какие-либо признаки и свойства объекта номинации — главным образом внешние характеристики минерала (к примеру, частотны номинации по цвету), его химический состав, место его обнаружения и добычи. Иные мотивационные решения встречаются редко. Среди них могут быть символические номинации (т. е. такие, в которых закреплены имена или отражены реалии, являющиеся социально и культурно значимыми), например меморативные названия (ср. *лермонтовит* — в честь М. Ю. Лермонтова), номинации, восходящие к мифонимам (ср. *тапитолит* < *Tapiuo* — имя бога леса в финской мифологии). Это может быть и рассматриваемый в данной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

заметке принцип номинации, когда субъект номинации, лишь косвенно (и не всегда) учитывая присущие объекту номинации свойства, переводит фокус внимания на себя и отражает в названии особенности своего взаимодействия с объектом, свое впечатление от него, от истории его открытия и описания. История обнаружения, освоения, исследования минерала ложится в основу его номинации, иначе — выступает в качестве мотива номинации.

Подобные примеры крайне малочисленны, их буквально можно пересчитать по пальцам — скорее всего, именно поэтому относящиеся к ним официальные названия драгоценных и поделочных камней остались вообще за пределами их фактически единственной мотивационной классификации [Николашвили, 2015] (а в [Николашвили, 2018], где предложена вариация этой классификации, *авантюрин*, скажем, попал в число имен «случайных или труднообъяснимых»).

Об одном типе реализации этого принципа номинации мы писали ранее — это ряд названий, во внутренней форме которых содержится указание на «способность» камня обмануть наблюдателя (сюда мы относим, к примеру, такие названия, как *apatit* < греч. ἀπάταιω ‘обманываю’, *обманка* (роговая и др.), *фенакит* < греч. φεναξ ‘обманщик’) [см.: Кучко, 2022]. Такие имена, как правило, отражают опыт горщиков или исследователей-минералогов, которых сам минерал по причине сходства с каким-либо другим минералом заставил при обнаружении неправильно интерпретировать его природу, поэтому ему и приписываются обманные намерения.

Представим остальные наименования минералов, реализующие, по нашему представлению, тот же принцип номинации.

Под именем *авантюрин* известны и натуральный ювелирно-поделочный камень — кварц с включениями других минералов, определяющих его цвет и искристый блеск (так называемую авантюресценцию), и некоторые другие минералы с отчетливой авантюресценцией, и искусственный авантюрин — авантюриновое стекло. Считается, что название *авантюрин*, которое возводят к итал. *per avventura* ‘случайно’ [Куликов, 1982, 11; Штрюбель, Циммер, 1987, 10], первоначально относилось только к искусственному материалу — авантюриновому стеклу, которое в самом начале XVIII в. случайно было получено венецианскими мастерами путем добавления медной стружки в расплавленную стеклянную массу. Впоследствии по явному

сходству с этим стеклом стали называть и натуральный камень¹ [см.: Бобылев, 2000, 117; Буканов, 2008, 149; ЦКУ, 136], в русской традиции до заимствования европейского названия известный как *искряк* или *златоискр* [Пыляев, 1888, 68]. Таким образом, название *авантюрин* закрепляет в себе информацию о ненамеренности получения называемого им вещества.

Грифит — имя редкого минерала, фосфата, который встречается в месторождениях олова. Грифит был впервые описан и назван в 1891 г. американским минералогом У. Гидденом, который руководствовался сложностью его химического состава: «Я бы предложил назвать этот новый фосфат *грифит*, от греч. γρίφος ‘загадка’, подразумевая его необычный и несколько загадочный состав» [Headden, 1891, 416].

Та же мотивация присуща названию минерала **энигматит** (от греч. αίνιγμα ‘загадка’): «...подразумевается проблематичность его первичной химической природы» [Митчелл, 1982, 236]. Он был впервые описан немецким минералогом А. Брайтгауптом в 1865 г., одновременно с другими минералами, в частности с тем, который был назван им *кёльбингитом*: «Четвертый <минерал> я, из-за его загадочной природы по сравнению с кёльбингитом, назвал энигматитом» [Breithaupt, 1865, 398]. Впоследствии оказалось, что это были два идентичных минерала, и эти имена стали использоваться как синонимы.

Близко по мотивационному стимулу имя **таумасит**, принадлежащее редкому прозрачному минералу, который может применяться в том числе и для изготовления ювелирных изделий. Название было предложено за «необычный состав, в который входят силикатные, карбонатные и сульфатные компоненты» [Митчелл, 1982, 205] шведским исследователем А. Э. Норденшёльдом в 1878 г. (от греч. θαυμάσιον ‘быть удивленным’ [Nordenskiöld, 1878, 314]).

¹ Единственный раз в [СЯЛ, 183] нам встретилась иная мотивировка: название было в XVIII в. образовано от фр. *aventure* ‘случайность’, *à l’aventure* ‘по случайности’; как предполагают авторы, речь, возможно, может идти о «случайных» вкраплениях в камне. Нет сомнений в западноевропейском источнике слова, восходящего в конечном счете к лат. *adventura* ‘случай’, однако, если принять эту точку зрения, меняется принцип номинации — она мотивирована объективными характеристиками камня и не входит в рассматриваемую здесь группу. Объяснение «случайными» вкраплениями видится необоснованным, поскольку неупорядоченный рисунок камня — явление вполне частотное; внимание номинатора скорее привлекает рисунок, кажущийся «неслучайным» (ср., к примеру, обиходные названия кварца с рисунком, напоминающим клинопись: *еврейская газета*, *письменный гранит* и под.).

При первом научном описании *синхизита* в 1894 г. он был ошибочно принят за другой минерал — паризит; в 1901 г. эта ошибка была устранена шведским минералогом Г. Флинком, предложившим для него название, образованное от греч. σὺχῆσις ‘путаница’ и отсылающее к этой истории [см.: Flink, 1901, 82].

На трудности в научном описании минерала намекает название *эшинит*, образованное от греч. αἰσχύνη ‘стыд’: он был впервые обнаружен немецким минералогом Й. Менге в Ильменских горах на Урале в 1825 г. и принят им первоначально за другой похожий минерал. Его образец переслали в Швецию, где были проведены опыты для установления его химического состава. После признания в образце нового отдельного минерала имя ему дал в 1830 г. шведский ученый Й. Берцелиус. В своей мотивировке он руководствовался следующим: к моменту открытия и описания эшинита установить количество каждого из составляющих его компонентов было невозможно, поскольку наука не знала безопасного способа отделения диоксида циркония от титановой кислоты [см.: Поляков, 2000, 34–36; Berzelius, 1830, 195–196].

Сложное по составу соединение разных минералов было квалифицировано как отдельный минерал *амелетит*, имя которому дал новозеландский геолог П. Маршалл в 1929 г.: от греч. ἀμελής ‘пропущенный, упущенный’ — из-за того что этот минерал «с нечетко выраженными признаками» первоначально считался нефелином [см.: Marshall, 1929, 174].

Название минерала *ксенотим*, которое в целом ряде источников трактуется как образование от греч. ξένος ‘чужой’ [см., например: Штрюбель, Циммер, 1987, 228], по замыслу автора названия, французского минералога Бёдана, создано сложением греч. κενός ‘напрасный’ и τιμή ‘честь’ [Beudant, 1832, 552] и намекает на ошибку в предыдущем описании минерала, сделанную Й. Берцелиусом, который заявил об обнаружении в минерале нового химического элемента (позже выяснилось, что это ранее открытый иттрий).

* * *

Сквозь призму собранных здесь названий мы становимся свидетелями «взаимоотношений» человека и минерала. Закавыченное слово употреблено нами не случайно, а для того, чтобы подчеркнуть закрепление в представленных названиях фигуры субъекта номинации в его

взаимодействии с объектом, когда акт номинации может фиксировать не только осмысление этого взаимодействия, но и эмоционально-оценочный взгляд на него.

При реализации рассматриваемого принципа номинации имя минерала, выражаясь образно, являет собой свернутую историю его открытия и освоения; иначе говоря, в качестве мотивировочного признака имени выступает одно из обстоятельств его обнаружения и исследования, показавшееся номинатору наиболее примечательным или вызвавшее у него эмоциональную реакцию. Это может быть отсутствие намерения для получения искусственного минерала (*авантюрин*); исследование химического состава, который кажется номинатору загадочным (*энигматит*, *грифит*), удивительным (*таумасит*) или вызывает у него стыд за невозможность точной интерпретации (*эшинит*); первоначальная ошибка в описании минерала (*синхизит*, *амелетит*), которая становится упреком ошибившемуся (*ксенотим*).

Подобный принцип номинации не является характерным для общей массы минералонимов, думается, в силу высокой степени субъективности признаков, положенных в основу названий, а также в силу того, что он запечатлевает начальную стадию освоения минерала, а иногда и предысторию его освоения, не ориентируясь на те свойства реалии, которые актуальны для ее последующего постоянного использования. Нетрудно заметить, что большинство примеров — примета нового времени, развитой доказательной науки; они носят авторский характер. Однако имена, которые отражают историю обнаружения и освоения реалии, могут принадлежать не только сфере искусственной номинации. Довольно редко, но бытуют они и среди фактов естественной номинации, ср., к примеру, в числе так называемых интерактивных топонимов (термин Е. Л. Березович [2009, 200], обозначающий топонимы, отражающие связанное с географическим пространством единичное событие или типовую ситуацию) названия вроде бол. *Дума* («Стой перед ним и думай, как перейти»), р. *Незнаевка*, оз. *Найдёнки* и нек. др. [Там же, 249–250].

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : Пространство и человек. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Бобылев В. В. Историческая геммология. Геммохронология. М. : ВНИГНИ, 2000.

Буканов В. В. Цветные камни : энцикл. СПб. : [б. и.], 2008.

Куликов Б. Ф. Словарь камней-самоцветов. Л. : Недра, 1982.

Кучко В. С. Как имя камня предупреждает об обмане: об одном мотиве номинации в минералогической лексике // Антропологический форум. 2022. № 53. С. 154–174.

Митчелл Р. С. Названия минералов. Что они означают? / пер. с англ. М. : Мир, 1982.

Николашвили М. Н. Названия драгоценных камней в русском языке XI–XXI веков. М. : Спутник+, 2015.

Николашвили М. Н. Функционирование, культурология и популярность красивого камня. М. : Спутник+, 2018.

Поляков В. О. Сокровища минералогического рая. Миасс : Геотур, 2000.

Пыляев М. И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1888.

СЯЛ — Словарь языка М. В. Ломоносова : материалы к словарю языка М. В. Ломоносова / гл. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : Нестор-История, 2010.

ЦКУ — *Аринштейн М. Б., Мельников Е. П., Шакинко И. М.* Цветные камни Урала. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1986.

Штрюбель Г., Циммер З. Минералогический словарь / пер. с нем. М. : Недра, 1987.

Berzelius J. Jahres-Bericht über die Fortschritte der Physischen Wissenschaften. Tübingen : Gedr. bei Heinrich Laupp, 1830.

Beudant F. S. Xenotime, yttria phosphate // *Traité élémentaire de Minéralogie*. 1832. Vol. 2. P. 552–553.

Breithaupt J. F. A. Mineralogische Studien. 29. Kőlbingit. Ainigmatit // *Berg- und Hüttenmännische Zeitung*. 1865. Bd. 24. S. 397–398.

Flink G. Mineralogische Notizen. 1. Ueber den Synchysit von Narsarsuk in Süd-Grönland, ein Mineral, welches für Parisit gehalten wurde // *Bulletin of the Geological Institution of the University of Upsala*. 1900. Vol. 5. P. 1. No. 9. P. 81–87.

Headden W. P. A new phosphate from the Black Hills of South Dakota // *American Journal of Science*. 1891. Vol. 141. P. 415–417.

Marshall P. The Occurrence of a Mineral Hitherto Unrecognized in the Phonolites of Dunedin, New Zealand // *Mineralogical Magazine*. 1929. No. 22. P. 174–178.

Nordenskiöld A. E. Sur une nouvelle espèce minérale nommée thaumasite // *Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences*. 1878. T. 87. P. 313–314.

Лань Лин*
М. В. Голомидова**

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
*854448069@qq.com
<https://orcid.org/00000001168219787>
**marinagolomidova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7951-9208>

Специфика семантического ореола ойконима Чэнду по данным текстов китайской художественной литературы

Раскрывается семантический ореол китайского ойконима Чэнду в историческом аспекте. На материале художественных произведений Древнего Китая, литературы первой половины XX в. и современных художественных текстов выявляется специфика культурных коннотаций у названия города в разные периоды.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантический ореол имени собственного; культурные коннотации; топоним; ойконим; Чэнду; китайская художественная литература

Размышляя об особенностях обобщения культурной информации в семантике имени собственного, профессор Т. М. Николаева, представитель Московской семиотической школы, предложила терминологические сочетания *семантический ореол имени* и *семантическая аура имени*. «Позволю себе высказать мнение, — пишет Т. М. Николаева, — что в ту или иную эпоху множество разных факторов определяет аксиологию имени, что жизнь и литература могут быть параллельны или даже сложным образом соприкасаться, объединяясь и вместе создавая семантическую ауру имени собственного» [Николаева, 2001, 190].

Семантический ореол, или семантическая аура имени собственного, подразумевает свойство культурной памяти постепенно накапливать представления об образах, мотивах и темах, присущих фольклорным и литературным произведениям, в которых имя ранее было использовано. Это «вереница» смысловых ассоциаций, которые связаны одновременно и с объектом именованного, и с его отражением в художественных текстах. Иначе говоря, это устойчивые семантические приращения,

которые могут продолжительное время сохраняться на периферии семантики имени собственного.

В настоящей работе мы попытаемся раскрыть семантический ореол китайского ойконима *Чэнду*, обращаясь к его использованию в художественной литературе Китая.

Чэнду является столицей большой провинции Сычуань на юго-западе Поднебесной. Город, основанный в IV в. до н. э., когда столица древнего царства Шу была перенесена на здешние плодородные и богатые земли, имеет глубокую историю и по сей день выполняет роль административного, экономического и культурного центра региона. Историческая ценность и значимая роль города в жизни Китая обуславливают интерес к особенностям воплощения образа Чэнду в художественных текстах. Цель нашего исследования — рассмотреть культурные коннотации имени *Чэнду*, актуальные для разных эпох и обусловленные трактовкой образа в стихотворных и прозаических текстах своего времени. Для анализа привлекались произведения, в которых образ Чэнду важен в художественно-повествовательном плане.

Представим коротко событийно-временные вехи, которые в самых общих чертах намечают исторический фон нашего описания.

С древнейшими временами связана этимология топонима. По преданию, когда в эти места пришли люди, то им было сказано: «Первый год — стать селением, второй — стать городом, третий год — стать столицей» (一年成聚, 二年成邑, 三年成都). Из слов «стать столицей» (成都) и появилось название *Чэнду* [Юэ Ши, Ван Вэньчу, 2008, 1463]. В начале нашей эры Чэнду был известен производством парчи и назывался также 錦城 *Цзиньчэн* «Город парчи» [Сяо Дифэй, 1983, 469].

Долгая история Чэнду взрастила его уникальную культуру, дала почву для художественного осмысления и сформировала своеобразный культурный ландшафт. Город вошел в произведения классиков китайской поэзии — Ли Бай и Ду Фу, он является «героем» современных художественных текстов благодаря таким писателям, как Го Можу, Ба Цзинь и др.

Наиболее распространенное истолкование имени *Чэнду* в литературных произведениях разных времен соответствует денотативной отнесенности топонима: это название города, который является административной столицей провинции Сычуань. Кроме этого,

в художественных текстах у ойконима могут появляться различные дополнительные смысловые интерпретации.

Чэнду расположен на земле Башу², в центре котловины, которая окружена горами. В Древнем Китае из-за закрытого географического положения и слабо развитого транспорта поселение Чэнду и весь регион Сычуань долгое время использовались как место ссылки заключенных и разжалованных чиновников. Известный поэт Ли Бо³ в своем стихотворении «Трудны дороги в Шу» так описывал особенности этой территории: «Ох, как эти вершины отвесны и опасны! Легче подняться к небесам, чем идти по дороге в Шу» [Сяо Дифэй, 1983, 196]. Другой поэт династии Тан, Лю Юйси, писал: «Я был сослан в пустынные места Башань⁴ и Чушуй⁵ и провел в запустении 23 года» [Там же, 745]. Таким образом, в Древнем Китае было распространено представление о Чэнду как об отдаленном и труднодоступном месте.

Но именно из-за того что Чэнду находился в уединенной котловине, он в меньшей степени испытывал на себе контроль власти и меньше был подвержен перипетиям политической борьбы и социальным потрясениям. Многие поэты перебирались в Чэнду из других земель, чтобы жить здесь в тишине и спокойствии. Так, Ду Фу (712–770), чье имя входит в число наиболее почитаемых китайских поэтов, бежал в Чэнду после мятежа Ань Лушаня⁶ в 759 г. и жил в самолично построенной хижине на окраине города. О месте своего прибежища Ду Фу написал много стихотворений.

² Башу — Ба (巴) и Шу (蜀) — означает «Сычуань». Дело в том, что на территории, которую занимает современная провинция Сычуань, в древности, еще в доциньскую эпоху (ранее 221 г. до н. э.), располагались два царства: на восточной стороне находилось царство Ба (巴), а на западной — Шу (蜀).

³ Ли Бо (современное произношение — Ли Бай), или Ли Тай-бо (кит. 李白; 李太白) (701–762/763), — китайский поэт времен династии Тан, известный как «бессмертный в поэзии» (кит. 詩仙). Принадлежит к числу самых значительных поэтов в истории китайской литературы, считается одним из крупнейших мировых поэтов, стоящим в одном ряду с Данте и Петраркой, Низами и Фирдоуси, Пушкиным и Шекспиром. Оставил после себя более тысячи произведений.

⁴ Башань («гора Ба») — это общий термин для гор на стыке трех провинций — Шэньси, Сычуань и Хубэй — в Китае.

⁵ Чушуй — река в королевстве Чу (королевство китайской династии Хань, расположенное на территории современных северных провинций Цзянсу и Аньхой).

⁶ Мятеж Ань Лушаня, или восстание Ань Лушаня (кит. 安史之亂), — гражданская война в танском Китае, свирепствовавшая в 755–763 гг. Самый масштабный внутрикитайский военный конфликт средневековой эпохи.

В стихотворении «Чэнду» он так описал свое первое впечатление от города: «В городе много высотных зданий, а деревья зеленеют в холодную зиму. В шумном городе повсюду танцы и музыкальные инструменты» [Сяо Дифэй, 1983, 476].

В некоторых своих работах он описывал прекрасные пейзажи Чэнду:

В красных пятнах, промокший, наполнен цветами город парчи [Сяо Дифэй, 1983, 469];

Где можно найти знаменитый храм Ухоу¹? За пределами Чэнду, под возвышающимся кипарисом. Вокруг ступеней напрасно весна окрасила траву в зеленый цвет. Среди густой листвы напрасно поют иволги [Сяо Дифэй, 1983, 455];

Красивая музыка весь день витает в небе над Чэнду, нежно катается на волнах реки Цзиньцзяна и неторопливо поднимается в белые облака. Звуки, достойные Поднебесья, нечасто улаждают человеческий слух [Сяо Дифэй, 1983, 477].

Таким образом, Чэнду в старинных стихотворных текстах предстает местом не только отдаленным, но и живописным, побуждающим к лирическим переживаниям. С его образом ассоциируются представления о красоте и природном великолепии.

В первой половине XX в. Чэнду вновь появляется в «большой» китайской литературе. Писатель Ли Цзежэнь в романе «Рябь на стоячей воде» [Ли Цзежэнь, 1935] описывает обычную жизнь жителей Чэнду после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. После вторжения европейской и американской цивилизаций в Китай борьба двух начал — западного и восточного — вызвала «рябь на стоячей воде». Одной из главных линий романа является запретная любовь Ло Вэйцзуй и Дэн Яогу, абсолютно противоречащая конфуцианской культуре и традиционной морали феодального общества. Дэн Яогу открыто изменила

¹Храм Ухоу расположен в южном пригороде Чэнду, это самый знаменитый из храмов, построенных в честь Чжугэ Ляна (181–234). Чжугэ Лян был уважаемым министром и военным стратегом при дворе императора Лю Бэя (161–223), правившего царством Шу в эпоху Троецарствия. При жизни Чжугэ Лян был удостоен титула *Wuxiang Hou* «маркиз Усян», отсюда и название храма [China Highlights].

своему мужу с Ло Вэйцзуй, но автор не осуждает своих героев, равно как и другие персонажи не выказывают неприятия.

Жители Чэнду наслаждаются цветами в даосском храме Зеленой овцы, кормят рыб в храме Цаотан, смакуют чай в торговом центре «Цюаньчжан» и пьют алкоголь в башне Ванцзянлоу. В целом город трактуется как место, где царят благополучие и комфорт, где находят понимание идеи толерантности и нейтрализуется конфликт между старым и новым.

В наше время новую интерпретацию Чэнду дал популярный писатель-блогер Мужун Сюэцунь в романе «Чэнду, забудь обо мне сегодня» [Мужун Сюэцунь, 2003]. Развивая тему конфликта между природой и техногенной цивилизацией, писатель представляет Чэнду местом, в котором люди губят себя и других.

Главный герой романа приезжает в столицу Сычуани, чтобы быть вместе со своей университетской подругой, но не выдерживает испытания бездушным и прагматичным городом. В стремлении добиться успеха на службе он интригует против своего начальника, предает дружбу ради карьерных интересов. Он любит свою жену, но изменяет ей с другими женщинами. В конце концов герой теряет и любовь, и жизнь. Образ Чэнду, на фоне которого разворачиваются драматические события, несет в себе черты порочного мегаполиса, где процветают стремление к роскоши, жадность и коррупция, где людей подстерегают пороки и опасность нравственного падения.

Стоит отметить, что в последние годы во многих стихотворных произведениях Чэнду получает несколько иную, более «дружелюбную» трактовку:

Погуляй со мной по улицам Чэнду. Не останавливаемся, пока не погаснет весь свет. Ты будешь держать меня за рукава, а я засуну руки в карманы брюк. Идем до конца улицы Юйлинь и сядем перед баром [Чжао Лэй];

Неторопливая прогулка по реке Фунань, Чат после Хого. Очень весело... Разговоры жителей Чэнду очень интересные. Игра в маджонг, чистка ушей, чаепитие, курение. Не будь слишком серьезным, слово «играть» всегда на первом месте. Чэнду такой приятный [Се Ди].

В этих произведениях Чэнду предстает комфортным, веселым, беззаботным городом.

Подводя итоги, следует сказать, что топоним *Чэнду*, обозначающий известный город с древней историей, менял свой семантический ореол на протяжении веков в связи с социальными переменами в самом китайском обществе. В образе древнего Чэнду акцентируются изоляция и запустение, затем — спокойствие и благоденствие. Чэнду в начале XX в. ассоциируется с идеями терпимости и открытости, в XXI в. — с представлением об удовольствиях, комфорте и в то же время о возможных рисках бездуховной жизни в социальном пространстве мегаполиса.

Безусловно, художественное изображение города не исчерпывает всех возможных граней осмысления его образа. Но поскольку популярные и широко известные художественные тексты могут влиять на восприятие мест, обозначенных топонимами, изучение семантического ореола ойконимов разных времен помогает углубить понимание динамики культурной информации, которую способны транслировать географические имена собственные.

Ли Цзежэнь. Рябь на стоячей воде. Шанхай : Книжная компания Чжунхуа, 1935. (На кит. яз.)

Мужун Сюэцунь. Чэнду, оставь меня в покое сегодня вечером. Пекин : Китайское издательство мира, 2003. (На кит. яз.)

Николаева Т. М. Имена собственные в русской культуре и литературе (к вопросу об эволюции культурных коннотаций) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. (30 января — 2 февраля 2001 г.) : в 2 ч. / редкол. : Т. М. Николаева, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2001. Ч. 2. С. 188–192.

Се Ди. Хочу жить в Чэнду [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%80%81%E5%AD%84> (дата обращения: 10.03.2022). (На кит. яз.)

Сяо Дифэй. Справочник толкования стихотворений династии Тан. Шанхай : Шанхай пишу чубаньшэ, 1983. (На кит. яз.)

Чжао Лэй. Чэнду [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%88%A7%E5%8C%B7> (дата обращения: 20.03.2022). (На кит. яз.)

Ши Юэ, Вэньчу Ван. Универсальная география: эпоха Тайпин. Шанхай : Книжная компания Чжунхуа, 2008. (На кит. яз.)

China Highlights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinahighlights.ru/chengdu/attraction/wu-hou-temple.htm> (дата обращения 11.03.2022).

М. О. Леонтьева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
marileonteva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

К реконструкции системной метафоры в севернорусской соматической лексике*

Рассматриваются пути метафоризации севернорусских соматизмов. Выделяются предметный, растительный, ландшафтный, антропоморфный, зоологический, пищевой и соматический коды; выявляются системные мотивационные отношения.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; говоры Русского Севера; соматическая лексика; мотивационный анализ; метафорический перенос

В русской диалектной соматической лексике обнаруживается большое количество метафорических наименований. Признаки, по которым части тела сопоставляются с определенными объектами «извне», показывают, какие телесные особенности значимы для носителей диалекта. Кроме того, определяются сферы лексики, наиболее продуктивные в отношении возникновения соматических значений.

В соматической лексике¹ можно условно выделить три этапа реализации переноса. В ряде случаев используются сравнительные конструкции, наиболее явно эксплицирующие связь с первичным значением: костр. *как лутóшки* ‘о худых ногах’ < *лутóшка* ‘ветвь или ствол липы’, влг. *как рáльники* ‘о длинных, неухоженных ногтях’ < *рáльник* ‘скребок для очистки ларя’. На следующем этапе переносное значение приобретает стабильность, поэтому сравнительная конструкция отсутствует: влг. *рáльники* ‘длинные ногти’: «Ну и ральники у них. Как работать-то будут?». Однако связь с первичным значением не является стертой и может быть выражена, в частности, через прямое сопоставление с производящим значением: влг., костр. *шабалá* ‘голова’ ← ‘вид деревянной посуды’: «Шабала — деревянная большая тарелка <...> Оттого

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

¹ Материалом является соматическая лексика костромских и вологодских говоров, извлеченная из полевых картотек [ЛКТЭ; КСГРС] и «Словаря говоров Русского Севера» [СГРС].

буде голову шабалой называют. Тесто положишь в шабалу — оно как голова». Наконец, есть случаи деэтимологизации, когда связь с первичным значением не ощущается носителями диалекта, что проявляется в народной этимологии: влг. *ра́льники* ‘ногти’: «Ральники отростил длинныё. Это слово с “рыть” связано». Нередки случаи модификации формального облика лексемы через разного рода контаминационные процессы, затрудняющие восстановление связи с первичным значением: ср. такие варианты слова *шабалá*, как влг. *шаба́шка* и костр. *башалá*, которые возникли под влиянием слова *башка*.

Метафорический перенос может осуществляться с использованием разных номинативных кодов. Перечислим их в порядке от самого продуктивного к наименее продуктивному: предметный, растительный, зоологический, антропоморфный, ландшафтный, пищевой и соматический (при котором части тела приобретают обозначения других, не связанных с ними топографически, телесных реалий).

Предметный код предполагает переносы на базе названий бытовых реалий: костр. *куви́н* ‘лицо’, костр. *куря́тник* ‘рот’, костр. *соплó* ‘рот’ ← ‘под у печи’, костр. *стрелю́зи*, влг. *шара́ги* ‘ноги’ ← ‘козлы’, костр. *ча́шка* ‘позвонок’, влг., костр. *прóстень* ‘вздувшаяся от варикоза вена’ ← ‘пряжа; ком пряжи на веретене’. Особенную продуктивность проявляют слова, возникшие в результате переноса на основе названий инструментов: влг. *ра́льники* ‘длинные ногти’ ← ‘скребок для чистки ларя’; при этом чаще всего такой перенос осуществляется в обозначениях рук, которые сравниваются с примитивными сельскохозяйственными орудиями (костр. *грабе́льцы*, костр. *багры́*, влг. *копару́ли*). Регулярны случаи переноса с названий емкостей, что наиболее характерно для обозначений головы, воспринимаемой как «вместилище»: *калган*, *шабалá* ‘голова’, *корча́га* ‘большая голова’.

Растительный код проявляется в сопоставлении частей тела с плодами овощей по сходству круглой формы (костр. *луковицы* ‘глаза’, *галáнка* ‘стриженная голова’ ← ‘брюква’), со стеблями растений — по признаку удлинённости (влг., костр. *лён* ‘шейное сухожилие’, сопоставимое с одноименным обозначением растительного волокна²;

² Лексему *лён* (‘шейное сухожилие’ и ‘шея; загривок’) относят к гнезду праслав. **klenŋi* с семантикой соединения. Реализуется переход ‘место соединения’ → ‘шея’ [ЭССЯ, 14, 115]. Однако развитие значения ‘шейное сухожилие’, по-видимому, связано с влиянием общенародного *лён*: сухожилие напоминает продолговатое растительное волокно.

вгл. *буты́лка* ‘икра ноги’, связанное с арх. *буды́ль, буды́ля* ‘травянистое растение с толстым стеблем’³). Типично также сопоставление растрепанных волос со спутанным сеном: вгл. *как вахла́к*, костр. *ови́н* ‘о растрепанной голове’. Наиболее продуктивен перенос с названий деревьев и их частей: *как лутóшки* ‘о тонких ногах’ < *лутóшка* ‘ветвь или ствол липы’, костр. *кóрень* (ср. литер. *корень* <зуба>), вгл. *опёнок* ‘зуб; остаток зуба’, костр. *ра́хи* ‘ноги’ < *ра́ха* ‘раздвоенное дерево’. Приписываемое определенным частям тела (особенно глазам), свойство «деревянности» обычно получает негативную оценку: костр. *лутóшные глаза́* ‘вытарашенные глаза’, костр. *берестяны́е глаза́, лубяны́е глаза́* ‘бессовестные глаза; о бессовестном человеке’⁴.

Сопоставление частей тела с реалиями, относящимися к животным (с их частями тела, средой обитания и др.), достаточно часто передается с помощью сравнительных конструкций (костр. *как у фи́лина нос* ‘о длинном носе’, костр. *но́жки как у сини́чки* ‘о тонких ногах’) или в конструкциях с отыменными прилагательными (костр. *коро́вьи глаза́* ‘вытарашенные глаза’). Однако зоологический код проявляется и в более «самостоятельных» соматических лексемах: вгл. *га́йно* ‘рот, глотка’ ← ‘беличье гнездо’, вгл. *жа́ба* ‘рот (широко раскрытый)’, вгл. *кра́чки, ра́чки* ‘вытарашенные глаза’ (< *рак, рачок*), костр. *хо́хотово гнездо́* ‘растрепанные волосы’ ← ‘гнездо хохота (совы, филина)’. Стоит отметить, что сравнение крыльев птиц с частями тела осуществляется на основе «топографии»: вгл. *на́поротки* ‘неловкие руки’ ← ‘крылья птицы’, костр. *крь́лышки* ‘конечности человека»; ср. также вгл. *крь́лья, крь́лышки, на́поротки* ‘рыбьи плавники’. В последних примерах следует рассматривать метафору в комплексе с расширением значения: с одной стороны, трепыхание плавников и беспорядочные движения неловких рук вызывают ассоциацию с движением крыльев; с другой стороны, крылья топографически соотносимы с лопатками и руками у человека, ср. вгл., костр. *крь́льца* ‘лопатки, заплечье’.

³Формальный облик соматизма *бутылка* требует уточнения: переход *д > т* обусловлен влиянием общенародного обозначения *бутылка*. По-видимому, выпуклая икра ноги вторично сравнивается с сосудом по внешнему сходству. О подобном взаимодействии разных номинативных кодов речь пойдет ниже.

⁴О деревянном «материале» глаз как о способе передачи негативной оценки органа зрения и самого человека с такими глазами см. [Березович, 2016, 71–74; Кучко, 2017, 98–99, 172].

А н т р о п о м о р ф н ы й код, также как зоологический, проявляется в конструкциях с отыменными прилагательными: влг. *вдóввы жылы* ‘о выступающих венах на руках, идущих поперек кисти’, костр. *вдóввы рукá* ‘левая рука’. Однословных наименований, восходящих к обозначениям людей, сравнительно немного. Практически все они называют пальцы: влг. *атаман*, костр. *большиák* ‘большой палец’ (← ‘глава семьи, хозяин’), влг. *малышка* ‘мизинец’, ср. также литер. *мизинец* < др.-рус. *мъзиньць* ‘младший сын’ [ТСЛРЯ, 447], что обусловлено восприятием пальцев руки как «общества людей», семьи с иерархическими отношениями [см. об этом: Березович, 2014, 33–39; ЭССЯ, 18, 229].

П о д л а н д ш а ф т н ы м кодом понимается сопоставление частей тела с реалиями, связанными со строением земной поверхности, по признаку сходства формы: влг. *кóчка*, костр. *кóча болóтна* ‘голова’, костр. *грíвы*, костр. *гóрки* ‘женская грудь’.

П и щ е в о й код представлен главным образом в обозначениях зубов (*мясно́й* ‘коренной (зуб)’, *репно́й* ‘молочный (зуб)’), а также в обозначениях ягодич человека (*сáхарница*, *краю́шина*). В упомянутых обозначениях молочного и коренного зубов отражено противопоставление репы и мяса: репа являлась растительной заменой мяса и воспринималась как его постный аналог [Березович, Усачева, 2009, 425], а соответствующие пищевые названия обозначали «ненастоящий» молочный зуб и более ценный и «долговечный» коренной зуб.

С о м а т и ч е с к и й код реализуется во вторичных значениях названий частей тела и телесных проявлений. Так, влг. *волосíнка* ‘мелкая косточка’ содержит сопоставление разных, топографически не связанных друг с другом частей тела по сходству небольшого размера и продолговатой формы. В костр. *желваки́* ‘десны’ осуществлен перенос с общенародного *желвак* по внешнему сходству. Стоит отметить, что в рамках соматической лексики подобные метафоры редки: намного регулярнее наблюдается метонимический перенос и развитие вторичных значений за счет топографической смежности (например, костр. *хóлка* ‘запястье’ ← ‘сустав на запястье’, костр. *коко́тáшки* ‘суставы пальцев’ ← ‘ногти’).

Предметный и растительный коды являются наиболее продуктивными, так как реалии предметно-бытового и растительного мира представляют собой непосредственное окружение человека, обладая широким спектром свойств, которые актуализируются при

номинировании частей тела. Зоологический код менее продуктивен, но тоже устойчив. Здесь нередки стертые экспрессивные метафоры, соотносящие соматику животных и человека на основе признака топографии, ср. влг. *чушка* ‘грязное лицо’, костр. *броховица* ‘живот’ ← ‘внутренности животных’.

Пищевой, ландшафтный, антропоморфный и соматический коды обладают меньшей продуктивностью и проявляются в узком круге соматических значений: обозначения коренных и молочных зубов (пищевой), выпуклых частей тела, таких как голова и грудь (ландшафтный), пальцев (антропоморфный). Соматический код наименее продуктивен и системен, хотя и любопытен в плане восприятия одних телесных реалий через другие.

В некоторых случаях можно говорить о совмещении разных номинативных кодов, причинами которого могут быть контаминационные процессы (например, *бутылка* ‘икра’, объединяющее растительный и предметный код, см. выше) или особенности реалии, с названия которой осуществляется перенос (*гайно* ‘беличье гнездо’ → ‘рот, глотка’ можно отнести как к растительным, так и к «животным» реалиям). В соматизме *кочка* ‘голова’ соединяются ландшафтный и растительный коды: с одной стороны, голова сравнивается с кочкой по выпуклой форме, с другой стороны, растительность на кочке может вызывать ассоциацию с волосами на голове. Кроме того, совмещению разных мотивационных линий может способствовать метонимия: для *овин* ‘голова; растрепанные волосы’, вероятно, первично значение ‘растрепанные волосы’ — по сходству со спутанным сеном, хранящимся в овине (растительный код), однако позднее возникает метонимически смежное значение ‘голова’, поддержанное соотношением «голова — овин как хозяйственная постройка» (предметный код). Метонимия, совмещенная с метафорой, проявляется также в отзоонимических соматизмах: появление значений *жаба* ‘рот’ и (*к*)*рачки* ‘глаза’ обусловлено сравнением части тела человека с соответствующей телесной областью животного (рот жабы, глаза рака) и метонимическим переносом «часть тела животного → само животное».

Интерес представляют системные отношения в реализации переносов для разных номинативных кодов. Голова воспринимается как вместилище и сравнивается с емкостями (*шабалá*, *корчага* и т. п.); растрепанные волосы — со спутанными и беспорядочными реалиями:

сеном (*овiн, вахлiк*), ветками (*бóхотово гнездо*); руки часто сопоставляются с сельскохозяйственными орудиями (*багрi, грабiльцы, копарули*); ноги — с раздвоенными конструкциями: козлами (*шарáги, стрелюги*) и деревьями с раздвоенным стволом (*рiхи*); зубы («остатки» зубов) — с основаниями деревьев (*кóрень, опёныш*); рот — с разного рода отверстиями (*курiятник, соплó* ‘под печи’, *гáйно* ‘гнездо’); «жилы» — с растительными волокнами, нитями (*прóстень* ‘вздувшаяся вена’ ← ‘пряжа’, *лён* ‘шейное сухожилие’)⁵.

Метафорические наименования в большинстве случаев передают особую экспрессию. Через «внешние» номинативные коды обозначаются непосредственно наблюдаемые части тела, в то время как для внутренних органов и костей такая модель номинации нехарактерна. Внешний вид (растрепанные волосы, тонкие ноги) и функциональная ущербность частей тела (неумелые руки, плохо соображающая голова) профанируются и осуждаются через сравнение с нетелесными реалиями.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.

Березович Е. Л. Берестяная рожá и берестяные глаза: Этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам // Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Zum 90. Geburtstag von N. I. Tolstoj. T. 1 / Hrsg. von A. Kretschmer, H. Miklas, G. Newerklowky, S. Newerkla, F. Poljakov. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2016. S. 57–81.

Березович Е. Л., Усачева В. В. Репа // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М. : Международные отношения, 2009. С. 424–427.

КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Кучко В. С. Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров) : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2017.

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

⁵О последнем семантическом переходе см. [Михалищева, 2012, 32–33].

Михалищева С. С. «Внутренние» соматизмы в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект : дипл. работа / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2012.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.

ТСлРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев. М. : Наука, 1974—. Вып. 1—.

Я. В. Малькова

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

yana-malkova@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

К этимологии рус. диал. *хáрмовать* ‘брезговать’*

В докладе исследуется происхождение рус. влг., костр., киров. *хáрмовать* ‘брезговать’ и ряда (предположительно) однокоренных лексем. Для слова предлагается прибалтийско-финская этимология, осуществляется реконструкция путей его семантического развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская диалектная лексика; этимология; семантико-мотивационная реконструкция

В статье с точки зрения происхождения анализируются слова со значением брезгливости, которые фиксировались в ходе полевой работы сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета: влг., костр. *хáрмовать* ‘брезговать’: «Не хáрмуй, не веска мной не хáрмовала, пíла и ела из моих рук», «Не сяду я с ним вместе — хáрмую» [КСГРС; ЛКТЭ], влг. *хáрмоветь*, *хáрмать* ‘брезговать’: «Что-нибудь кушать противно ему кажется — хáрмоветь значит» [КСГРС], влг., костр. *похáрмовать* ‘побрезговать’: «Допустим, какой-то важный человек пришёл, а люди обедают: садитесь, ну, говорят, поел, хоть не похáрмовал нами», «Ну вот если я тебя угощаю, ты не хочешь,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

брезгаешь, дак похárмовала, не берешь от меня угощение» [КСГРС; ЛКТЭ].

Приведенные лексемы записываются в полевых условиях регулярно, однако в лексикографических источниках их фиксации мало. Если говорить о тех же территориях, то в «Словаре вологодских говоров» встречаем: влг. *хárмовать* ‘гнушаться, пренебрегать’: «Штё гúбами-то¹ похárмовали? Свежие губочки-то. Ешьте, не хармуйте», ‘брезговать’: «Какие они матки, если за своим робёнком хárмуют съисть» [СВГ, 11, 180], *похárмовать* ‘пренебрегать, гнушаться кем-, чем-л.’ [СВГ, 8, 22]. Встречаются также лексемы в вятских говорах: киров. *хárмовать* ‘брезговать’: «Я хárмую брать этого котёнка на руки», *хóрмовать* ‘то же’: «Хóрмуешь ты от меня взять», киров. *хармовитый* ‘брезгливый, чрезмерно разборчивый человек’: «Сын-то хармовитый — не ест из одной тарелки» [ОСВГ, 11, 220–221].

Занимаясь поиском семантико-мотивационных связей, мы обнаружили, что созвучные слова (с иными значениями) встречаются в Архангельской области. Созвучные лексемы можно сгруппировать по значениям следующим образом:

▪ ‘иней’, ‘заиндеветь’: арх. *захармовётъ* [АОС, 21, 59], *захáрмевать*, *захáрметь*, *охáрметь*, *харм*, *харма́*, *хárман*, *хармахá*, *хармега́*, *хармёх*, *хárмовина*, *хárмус*, *захёрмать*, *охёрметь*, *хёрмиха*, *хёрмота*, *хёрмоть*: «Ты вон с морозу захёрмала вся», «Замёрз, пришёл весь в хермоты» [КСГРС];

▪ ‘изморозь’: арх. *харм*, *хárмовина*: «Иной раз хárмовины так много, что всё обелит» [КСГРС];

▪ ‘покрыться наледью’: арх. *захáрмоветь*: «Встанешь с утра, а всё и захáрмовело» [КСГРС];

▪ ‘снег (на ветвях / тонкий слой снега)’: арх. *харма́*, *хárмовина*, *хёрма*: «Хёрма когда мало нападёт, замораживает» [КСГРС], *харм* [СРНГ, 40, 327];

▪ ‘о холодной / морозной / туманной погоде’: арх. *хермóтина*, *захёрметь*: «Хермóтина сделатса этака, оболок² накатится, мороз стоит» [КСГРС];

¹ Влг. *гúбы* ‘общее название всех грибов’ [СВГ, 1, 134].

² Арх., влг. *оболок* ‘туча, дождевое облако’ [КСГРС].

▪ ‘плесень’, ‘покрыться плесенью’: арх. *хáрмовина*, *захáрмоветь*: «Грибы, ягоды, чуть маленько и захáрмовет, хáрмовина така образуется» [КСГРС];

▪ ‘лишайник на дереве’: арх. *харма́*: «Хáрма зелёная да серая, с корой сидрают вместе» [КСГРС];

▪ ‘цветущая поверхность воды’: арх. *харма́*: «Так заплесневет на речке или где, дак это называют хáрмой, она наверху плавает как мох такой» [КСГРС], ср. также помор. *хармовáтый* ‘выцветший, выбеленный’ [Мосеев, 2006, 120].

Слова гнезда *хáрмовать* со значением брезгливости, кажется, до сих пор не были рассмотрены в этимологической литературе. Однако есть работы, описывающие метеорологическую лексику предположительно того же корня.

Термины *харм*, *харма*, *харман*, *хармаха*, *хармега*, *хармех*, *хармеха*, *хармовина*, *хармоха*, *херма*, *хермеха*, *хермиха*, *хермотина*, *хермоть*, *херьмех*, *херьмеха* ‘иней, изморозь’, ‘цветущая поверхность воды’, ‘плесень’ рассматривал А. К. Матвеев, связывая их с фин. *härmä*, ливв. *härmü*, люд. *harm*. «Богатство форм, несомненно, возникло на русской почве, но первоисточником могли послужить разные прибалтийско-финские слова: *härmä*, *harm*, а также **härmäh*, восстанавливаемое по модели фин. *huude*, но карел. *huueh*, люд. *hüdeh*, вепс. *hudeg* ‘иней’, фин. *korte*, но карел.-ливв., люд. *korteh*, вепс. *korteh* ‘хвощ’» [Матвеев, 1995, 32].

Такие слова, как арх. *хáрма*, *харм*, *хармоха́*, *хáрмовина*, *харбовина* ‘иней’, *хáрма* ‘цветущая поверхность воды’, комментирует также С. А. Мызников. По его мнению, данное гнездо «восходит к карельско-финскому типу, ср. фин. *härmä*, эст. *härm*, люд. *härm*, ижор. *härme* ‘иней’, карел. *härmy*, карел. твер. *härme*, *härmä* ‘иней’, ливв. *härmi* ‘иней’, при вод. *ärmä* ‘о желтеющей склизкой воде’, ливск. *ärmä* ‘иней, гололед’, вод. *härm* ‘иней, изморозь’, ‘тонкий слой чего-л.’ заимствовано из ижорского» [РДЭС, 845]. Приводятся также архангельские глаголы *захáрмоветь*, *охáрмоветь*, *захёрмихать* в метеорологических значениях, которые, по мнению С. А. Мызникова, образованы на русской почве от *харма* [Там же, 201].

Мы предполагаем, что глаголы с семантикой брезгливости развивались также на собственно русской почве. На это указывает, во-первых, отсутствие значений, связанных с человеком, в языках-источниках.

Во-вторых, данная модель развития значения имеет ряд семантико-мотивационных параллелей в русском языке.

Вероятно, появление семантики брезгливости обуславливается мотивом плохой погоды (здесь — холода, мороза, тумана), а также сопутствующих ей природных явлений, таких как иней, изморозь, наледь и др. Данная идея, как кажется, является ключевой для гнезда *харма* и реализуется в большинстве его продолжений (см. список выше). Модель переноса с обозначений природных явлений на состояние человека в принципе характерна для формирования семантики отвращения и отвратительного в частности: вят. *хму́рно* ‘неприятно’: «Иван-торгаш отпустил меня на речку помыться, побелиться, чтобы не хмурно вам было ести», вят. *хма́ря* ‘о неприятном для кого-л. человеке’ [ОСВГ, 11, 236]. Другой показательный пример — новг. *музга́* ‘брезгливый, излишне разборчивый человек’, *музгли́вый* ‘брезгливый’: «Невестка попала музглива, что приготовлю — не ела» [НОС, 570], которые, по-видимому, связаны с новг. *музга́* ‘мокрый снег’: «Весь день на улице музга», ‘плохая осенняя погода’ [Там же] (мы полагаем, что последнее — от праслав. **muzga*, далее **muzgati*, ср. макед. *музга се* ‘скользить’, с.-х. *muzgati* ‘марать, пачкать’ и др. [ЭССЯ, 20, 202–203]). Близки уже приведенным такие лексемы, как вят. *мы́згать* ‘движением головы показывать брезгливость’ [ОСВГ, 6, 106], *мозгли́вый*, *морскли́вый*³ ‘брезгливый’ [Там же, 73], *морзгли́вый* ‘то же’ [Там же, 76], ряз. *мозгля́вец* ‘о тщедушном, неопрятном и неприятном человеке, заморыше’, калуж., ряз., твер. *мозгля́вка* ‘то же’ [СРНГ, 18, 202]. Их, вероятно, можно сопоставить с твер., пск. *мозгли́вый*, *мозгля́вый* ‘дождливый; пасмурный (о погоде)’ [Там же]. Последняя лексема рассматривалась авторами [ЭССЯ, 21, 19–21] и была возведена к **тъзгль(ъ)*, далее **тъзга* (ср. рус. диал. *мзга* ‘сырая, промозглая погода’, ‘гниль, тля; трухлявость, дряблость, затхлость’) или **тъзгнѣти* (при возможном родстве с **muzga*).

Отметим и то, что среди лексем гнезда *харма* выделяются слова, называющие неприятные вещества, материи, а именно арх. *ха́рмовина* ‘плесень’, арх. *харма́* ‘цветущая поверхность воды’. В таком случае во внутренней форме *хармовать* ‘брезговать’ отражается представление о том, что вызывает отвращение. Приведем некоторые другие слова,

³ Вставное *р*, по нашему мнению, возникает в результате контаминации с вят. *моргли́вый* ‘брезгливый’ [ОСВГ, 6, 73]. Мена *зг* ~ *ск* объясняется авторами [ЭССЯ, 21, 21] либо влиянием имени **тъзгъ* с поздним оглушением финали, либо экспрессивностью.

образованные по этой модели: смол. *brúдно* ‘неприятно, горько’ [СРНГ, 3, 200] — вероятно, от праслав. **brudъ* ‘осадок на дне, муть’, ср. рус. диал. *бруд* ‘грязь, нечистота, муть’ [ЭССЯ, 3, 44]; твер. *слякомь* ‘мерзость’ [СРНГ, 38, 334], ср. общенар. *слякомь*. Можно привести также лексемы, содержащие во внутренней форме представления об иных объектах неприятия: дон. *гáдить* ‘брезговать’ [СРДГ, 1, 93], ср. общенар. *гад*; иссык.-кульск., курск., орл. *гну́сить* ‘брезговать, гнушаться чем-л.’ [СРНГ, 6, 250–251], а также литер. *гнушаться*, ср. общенар. *гнус*.

Таким образом, русский диалектный глагол *хармовать*, по-видимому, возникает на русской почве от субстратных терминов с метеорологической и флористической семантикой. Развитие семантики брезгливости обуславливается взаимосвязью в языке мотивов непогоды и плохого самочувствия человека. В мотивационном отношении также могла сыграть роль идея объекта неприятия — в данном случае вызывающих отвращение веществ, материй.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. М. : Наука, 1980–. Вып. 1–.

КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Матвеев А. К. Аpellятивны́е заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 29–42.

Мосеев И. И. Поморьска говоря : краткий словарь поморского языка. Архангельск : Правда Севера, 2006.

НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннетика : Изд-во ВятГТУ : Радуга-ПРЕСС, 2012–. Вып. 1–.

РДЭС — *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Л. Ю. Зориной, Т. Г. Панниковской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СРДГ — Словарь русских донских говоров : в 3 т. / отв. ред. В. С. Овчинникова. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

mokienko40@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

***Стыд и срам* в восточнославянской паремиологии**

В докладе рассматривается семантическое и структурное развитие лексем *стыд* и *срам* в восточнославянской паремиологии. Парная конструкция *стыд и срам* первоначально обозначала не нравственные понятия, а простое ощущение — озноба от холода. Паремиология сохранила различные варианты фразеологизма, не потеряв при этом исходного структурно-семантического импульса, заданного Библией.

Ключевые слова: восточнославянская паремиология; пословица; поговорка; фразеологизм *стыд и срам*

Выражение *стыд и срам*, дающее неодобрительную характеристику чьих-либо позорных, бесчестных действий, поступков, с детства овеяно у носителей русского языка ассоциацией с «Мойдодыром» К. И. Чуковского: «А нечистым трубочистам / Стыд и срам! Стыд и срам!». Судя по опросам молодежи, оно воспринимается как наследие фольклора, ставшее частью современной разговорной речи. Для лингвистов же, естественно, наличие неполногласной формы последнего слова, как и его вхождение в парную конструкцию, является знаком старославянской древности. Действительно, по наблюдениям Б. А. Ларина, посвятившего этому фразеологизму специальную статью [Ларин, 1977, 63–72], сочетания *студ и срам*, *студ и срамота* зафиксированы словарем И. И. Срезневского [3, 576] уже с XIII в. в таких

источниках, как Симоновская псалтирь (до 1280 г.), Новгородская пятая летопись (1323) и «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» (XVI в.). Б. А. Ларин проследил и лексическую предысторию этой парной конструкции, особенно употребление слова *студъ* в старой русской письменности XI–XVII вв. и филиацию его значений — от этимологического ‘холод’ до ‘стыд’, ‘порок’, ‘интимные действия’, ‘позор и поношение’. Любопытно, что современная фонетическая форма слова *стыд* в письменности появляется лишь с XVI в., хотя его производные (*стыдѣкъ*, *стыдение*, *стыдѣный* и др.) зафиксированы еще с XI в. С XVIII–XIX вв. эта форма вытеснила *студ* из литературного обихода.

Парная конструкция *студ и срам* первоначально обозначала не нравственные понятия, а характеризовала простое физическое ощущение — озноб от холода, о чем свидетельствует этимологическая расшифровка компонентов, предложенная Б. А. Лариным: слово *стыд* прямо связано со *студѣный*, *студить* и под., а слово *срам*, *сором* имеет балтийские параллели, например лит. *šarmà*, лтш. *sarma* ‘иней’. Синкретично эти сочетания обозначали и физическое ощущение зябкости, и чувство неловкости от наготы, и столь же конкретное чувство оцепенения. Такая расшифровка признана классической и нашла отражение в лучших славянских этимологических словарях [см., например: Фасмер, 3, 724, 789; ЕСУМ, 5, 357, 415, 456–457].

К историко-лингвокультурологическому толкованию этой парной формулы не раз обращался и В. В. Колесов. Он считал, что она является элементом славянской народно-поэтической речи. Компоненты сочетания при этом не вносили в новую литературную форму отвлеченного значения, а наоборот, получали такую обобщенную собирательную семантику первоначально в границах этой понятийной формулы и только затем уже сохраняли ее в словарном порядке при самостоятельном употреблении [Колесов, 1989, 56, 77; 2002, 226].

Как и Б. А. Ларин, В. В. Колесов признавал исходность характеристики физического ощущения в семантике оборота, но предлагал иную линию развития значения. Слова *стыд и срам*, по его мнению, отражают сугубо чувственную реакцию на свое или чужое поведение: *стыд* — физическое ощущение *студа* (стужи, холода), проходящие по спине «мурашки» от сознания совершенной ошибки; *срам* же — всего лишь соборный упрек за такую ошибку. Совмещение субъективного переживания и объективного ощущения и рождает устойчивую

этическую формулу *стыд и срам*, в которой, по свойственной русской ментальности традиции, соединены признаки субъекта и объекта. Значения конкретны, как конкретно все в средневековом сознании, но они связаны метонимической смежностью. При этом в сопряжении слов в законченную формулу уже заметна тяга к отвлеченности [Колесов, 2001, 28].

Ученик В. В. Колесова Д. В. Дмитриев, не погружаясь в семантическую интерпретацию этого выражения, категорично оспорил толкование этой парной формулы в качестве элемента славянской народно-поэтической речи. По его мнению, этот оборот, как и другие парные конструкции такого типа, возникли как кальки на основе семитических (древнееврейских и арамейских) языковых прототипов [Дмитриев, 1994, 43–50].

Как видим, если Б. А. Ларина интересовалась семантическая дифференциация аффектов, заложенная в древней парной конструкции, и ее этимологические импульсы, то В. В. Колесова и Д. В. Дмитриева привлекает в ее толковании атрибуция к полюсу оппозиций «свое — чужое» (*resp.* «народно-поэтическое — книжное»).

Какая же из двух последних интерпретаций подтверждается конкретными фактами, число которых в недавнее время значительно расширилось благодаря особому вниманию к восточнославянской паремиологии?

Народно-поэтический дух этой парной формулы здесь несомненен. Вот диалектизмы, его подтверждающие: рус. пск. (XVI в.) *студ и срамота* ‘то же, что *стыд и срам*’ [ПОС, 1, 145]; арх., перм. (1856), печор. *ни стыда (стыду) ни сорома (сорому) у кого* ‘ни стыда, ни совести у кого-л.’ [ДП, 307; СРНГ, 40, 30]; укр. *ні стиду, ні сорому* [ПП, 4, 265], зап.-полес. *ні стида, ні сорому* ‘быть нетолерантным’ [Мацюк, 2020, 445], укр. *і стид, і страм, і гріх* [ПП, 4, 315]; белорус. *ці стыд, ці срам — усё адзін сора́м* [Грынблат, 2, 347].

В пользу такой диагностики говорят и взаимозамены лексем *стыд* и *сором* в восточнославянской паремиологии:

▪ укр.: *Не до сорома, як сорочки нема — Не до стида, як сорочки нема; Не до стида, як сорочка лиха* [ПП, 2, 49]; *соромливий, як дівчина — стидливий, як дівчина; Їй так стидно, як тій кобилі, що віз перевернула; Йому такий встид, як тій кобилі, що віз перевернула; Так сі встидає, гий кобила, як віз переверне; Так стидається, як та кобила,*

що віз перевернула; Так ся встидає, як кобила, коли в болото віз виверне; У тебе такий встид, як у тої кобили, що віз переверне — Соромно, як тій кобилі, що воза перевернула [ПП, 4, 213];

▪ белорус.: *Прыбярўся я мяхом, стыдна (сорамна) будзець жаніхом* [Грынблат, 2, 32]; *Сорам не ёлка — вачам не колка — Стыд не ёлка — у глаза не коліць; Сорам не воран — вочы не выдзяўбе — Ад стыду вочы не паўлазяць; Стыд можна і ў кішаню схаваць — Сораму ў кішэню не схаваеш* [Там же, 347]; *Устыдам жыва не буду — Сорамам жыць не будзеш; Ад сарамаг карысці няма* [Там же, 346]; *Стыднёнька не сыценька — Хоць саромна, да скаромна; Хоць вачам і стыдна, дык жывату радасна; Вачам срам, да жывату зачысьць — Хоць вачам стыдна, да жывату зачысна* [Там же, 347] — *Вачам сорам, а душа рада; Вачам сорамна, абы душы радасна; Калі сорам, дык закрыйся — Калі ўстыд, закрый очы* [Там же].

Показательно, что в этот вариантный ряд вошла даже известная древнерусская поговорка *Мертвые сраму (срама) не имут* — крылатая фраза, с которой, по свидетельству летописца, князь Святослав обратился к своим воинам перед битвой с греками, возглавляемыми полководцем Иоанном Цимисхием, в 970 г.: «Да не посрадим земли Руския, но ляжем костыми ту: мертвіи бо срама не имут» [БМШ, 267]. В украинском паремиологическом пространстве эта древняя фраза не только обрела полногласную «редакцию» (*Мертві сорому не мають; Мертвим не соромно*), но и обогатилась интересующим нас синонимом слова *срам*: *Мертві стиду не мають* [ПП, 2, 189]. Более того, в русских народных говорах Одесщины ее записали и в форме *Мёртвые страму не имуть* [СРГО, 2, 195].

В восточнославянской паремиологии лексемы *стыд* и *срам*, с одной стороны, отражают синонимию, запечатленную в старой парной конструкции, а с другой, развивают (или сохраняют) тонкие семантические различия, унаследованные от исходного этимологического импульса. Отсюда различные результаты, запечатленные, например, в образовании конкретных поговорок:

▪ рус.: *В ком есть стыд, в том есть и совесть; И малый стыд бывает сильнее большого горя; Как сыт стал, так и стыд потерял; Лучше стыд, нежели бесчестье; Стыд ли позор — та же смерть; Чужой стыд крыть (прикрыть), не себя оголить* [Мокиенко и др., 2010, 881–882] — *Не худой (и) срам (не худая и потеха); Несть срам*

молчати, но глаголати безумно [Там же, 866]; Рано вставать, у себя не потерять, а поздно вставать, то самому себе сором; Сором девке, а парню позор; Лишняя говоря — сорома доводить; Валит сорому на всяку сторону [Там же, 859] и др.;

▪ укр.: Не до сорома, як хліба нема [ПП, 1, 459]; У кого совісті нема — нема й сорому; У кого совісті нема, то і сорому нема; Набрався сорому, що й світу не бачить; Сором буде тобі за воротами; Соромота вийти за ворота; Сором казати, а гріх тайти [ПП, 2, 369]; Сором не ворон, очей не видзьобас; Сором очі не виїсть; Сором не нагодує; Чи сором, чи два, піду до нього сама; І кума сором, і хліба жаль [ПП, 2, 370–373]; Танець — не робота, а хто не вміє, то страмота; Танцювати — не робота, а не вмієш — соромота [ПП, 3, 44];

▪ белорус.: Сорам двараніна не корміць [Грынблат, 2, 347]; У ядзе сораму няма; У ядзенню сарома няма [Грынблат, 1, 259]; Беднасць сораму не знае [Там же, 40]; Паганых ачоў і сорам не бярэ [Грынблат, 2, 347]; Тагды прышоў стыд, як стаў сыт; Стаў сыт, дак і ўзяў стыд; Стаў сыт, пазнаў стыд [Грынблат, 1, 426].

Народно-разговорный характер такого рода паремий несомненен. Значит ли это, что предположение о возможности книжного влияния на констелляцию парного фразеологизма *стыд и срам* должно быть решительно отвергнуто?

Вчитаемся еще раз в статью Б. А. Ларина и взглянемся в приводимые им примеры. Первая контекстная цитата с этим оборотом, как мы видели, приводится им вслед за И. И. Срезневским из Симоновской псалтири: «Да облѣкуются в студь и въ срамь вельрѣчующи на мя». Этот текст воспроизводится в 26-м стихе 34-го псалма и в других местах Псалтири: 6:11, 34:4, 69:3. В синодальном переводе Священного Писания старославянское слово *срамь* передается как *позор*: **Да постыдѣтсѧ и посрамиѣтсѧ все, радѣющисѧ моеѣмъ несчастью; да облѣкѣтсѧ в стыд и позор величающисѧ надо мною.** В других местах Псалтири можно найти наш фразеологизм и в варианте *стоудъ и срамота*: **Ты во съвесѣ поношенїѧ моиѧ ѧ стоудѣ мой ѧ срамоти мой** (Пс. 68:20) [ССЯ, 2, 148]. В одном из текстов наблюдается и замена слова *срамь* на *оукоризна*: **Вотще потрѣдѣтсѧ людїи ради, иже не оупользуютъ ихъ, ниже на помощь, ниже на пользѣ, но на стѣдѣ и на оукоризнѣ** (Ис. 30:5). Несколько раз в Священном Писании встречается и глагольная форма этого выражения: **Постыдѣтсѧ**

нѣ посрамлѣтсѧ всѧ протѣвѧщїи сѧ ѣмѸ ѿ поудѣтъ въ стѣдѣ:
ѡбновлѧйтсѧ ко мнѣ, Ѹстроѵи (Ис. 45:16); Да постыдѧтсѧ
ѿ посрамлѣтсѧ ѧщѣи дѣшѸ мой, да возвратѧтсѧ вспѧтъ
ѿ постыдѧтсѧ мыслѧщїи ми слаѧ (Пс. 34:4).

Обратившись к неславянским переводам соответствующих мест Книги книг, мы обнаружим, что адекватного воспроизведения парной конструкции *стыдъ и срамъ* в них нет. Таковы соответствия псалма, на который ссылались И. И. Срезневский и Б. А. Ларин:

▪ ст.-слав.: Да постыдѧтсѧ ѿ посрамлѣтсѧ вкѣпѣ радѣющїи сѧ
слаѡмѧ моймѧ: да ѡблѣкѣтсѧ въ стѣдѣ ѿ срѧмѧ велерѣчѣющїи
на мѧ (Пс. 34:26);

▪ нем.: «Sie müssen sich schämen und zu Schanden werden alle, die sich meines Übels freuen; sie müssen mit *Schande und Scham* gekleidet werden, die sich gegen mich rühmen»;

▪ фр.: «Que tous ensemble ils soient honteux et confus, Ceux qui se réjouissent de mon malheur! Qu'ils revêtent *l'ignominie et l'opprobre*, Ceux qui s'élèvent contre moi!»;

▪ англ.: «Let them be ashamed and brought to confusion together that rejoice at mine hurt: let them be clothed with *shame and dishonour* that magnify themselves against me»;

▪ лат.: «erubescant et revereantur simul qui gratulantur malis meis induantur *confusione et reverentia* qui magna loquuntur super me».

Неслучайно, видимо, фразеологизм *стыд и срам* не стал достоянием большинства европейских языков, в том числе и славянских, где он воспроизводится иначе, например белорус. *срам і ганьба*, польск. *wsytd i hańba*, словц. *hanba a potupa*, чеш. *to je hanba, to je ostuda*, болгар. *срамота е*, нем. *Schmach und Schande*, англ. *it's a sin and a shame* и под.

В русском же языке этот фразеологизм не только закрепился и стал весьма употребительным, но и ощущается как элемент нашей «живой как жизнь» разговорной речи — наверное, не без влияния известного каждому ребенку стихотворения К. И. Чуковского «Мойдодыр». Но путь к такому ощущению был долг и непрост — от древнейшего симбиоза физиологической и психологической реакции на чувство холода и стыда через многочисленные паремиологические «перепевы» соответствующих обозначений и их комбинаций до этапа заключительного сплава в нерасторжимую парную идиому. В русско-украинском языковом пространстве она нерасторжима благодаря амальгаме

старославянского книжного наследия и собственной народно-поэтической энергии.

БМШ — Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2000.

Грынблат — Прыказкі і прымаўкі : у 2 т. / склад. і камент. М. Я. Грынבלата. Мінск : Навука і тэхніка, 1976.

Дмитриев Д. В. Синонимические дублеты библейского происхождения в древнерусской письменности // Динамика русского слова : межвуз. сб. ст. к 60-летию проф. В. В. Колесова / под ред. В. М. Мокиенко. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. С. 43–50.

ДП — Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : Художественная литература, 1957.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : в 7 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. Кн. 2 : Добро и зло. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб. : ЮНА, 2002.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М. : Просвещение, 1977.

Мацюк З. С. Говорити як медок варити : словник фразеологізмів Західного Полісся та суміжних територій. Луцьк : Вежа-Друк, 2020.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц : ок. 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / осн. Б. А. Лариным. Л. ; СПб. : Изд-во ЛГУ : Изд-во СПбГУ, 1967–. Вып. 1–.

ПП — Прислів'я та приказки : у 4 т. / упор. М. М. Пазяк. Київ : Наукова думка, 1989–1991.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Карпенко. Одесса : АстроПринт, 2000–2001.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. АН, 1893–1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССЯ — Словарь старославянского языка : в 4 т. Репринт. изд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

О. В. Моргунова

Уральский государственный
медицинский университет
Екатеринбург, Россия
intempore@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7267-0714>

Составление словаря русской народной хрононимии для иностранцев: особенности и проблемы

В статье рассматривается возможность создать научно-популярный словарь русской народной хрононимии для иностранцев. Обосновывается необходимость подготовки такого словаря, описывается его макро- и микроструктура, анализируются возникающие трудности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык как иностранный; народная хрононимия; этнолингвистика; лексикография

В настоящее время освоение иностранного языка тесно связано с погружением обучающегося в инокультурную среду. Если знакомство с современной культурой страны способствует адаптации иностранцев в новом социуме, то изучение традиционной культуры дает им более глубокое представление о национальной специфике, что представляется важным в эпоху глобализации.

Русский народный календарь — неотъемлемая часть русской традиционной культуры. В виде пословиц, обычаев, предписаний и запретов он сосредоточивает в себе знания народа о годовом цикле.

Современные русские хрононимы (названия календарных дат) встречаются в литературе и на образовательных платформах, используемых в преподавании русского языка как иностранного [Варданян, 2012; Резванцева, 2014; Жабоклицкая, 2017; Public Holidays in Russia; Langteach-online; Russian for free]. Это, как правило, наименования светских, церковных и государственных праздников: *Новый год, Рождество, Первое апреля, Пасха, День Защитника Отечества, Восьмое Марта, Первое Мая, День Победы* и т. д. В подобных источниках хрононимы приведены в виде списка с переводом на английский язык или как заголовочные единицы энциклопедических статей о праздниках. Лингвистическая и этнолингвистическая информация, связанная с самими

хрононимами, дается в минимальном объеме. Кроме того, современные русские хрононимы приведены в лингвострановедческих и частично в лингвокультурологических словарях [Зиновьева, 2016; Астафьева, 2017; Михеев, 2018; РБЛС]. В таких работах, помимо энциклопедической справки, присутствует лингвистическая и этнолингвистическая информация о хрононимах (параллельные наименования праздника, пословицы с участием хрононимов). Однако в источниках, рассчитанных на иностранцев, практически не освещены русские хрононимы, именующие праздники традиционного (крестьянского) календаря.

В работах, ориентированных на иностранных читателей, информация о праздниках подается на русском языке в адаптированном виде, однако существуют двуязычные словари-справочники. Так, в словаре А. Михеева праздники и их названия описаны в статье-эссе о двенадцати месяцах на русском и английском языках [Михеев, 2018].

Если современный русский календарь так или иначе представлен в литературе для иностранцев, то традиционный календарь остается за ее пределами. Как правило, русской календарной традиции посвящены русскоязычные этнолингвистические работы, чтение которых предполагает высокий уровень владения языком и знание терминологии. Так, обращение к традиционному календарю сквозь призму русского языка как иностранного является неразработанным направлением в лингводидактике и лингвокультурологии.

Составление словаря русской хрононимии для иностранцев связано с решением ряда проблем. Прежде всего необходим тщательный отбор словарного материала. Поскольку в современной лингводидактике эффективным считается знакомство с неродным языком и культурой через ситуации, словарь русской хрононимии должен включать как хрононимию, так и этнолингвистическую информацию (паремии, типовые для праздника ситуации — приметы, обычаи, запреты). Эту задачу может решить этнолингвистический словарь.

Ключ к русскому традиционному календарю — народные хрононимы, возникшие в результате взаимодействия исконно русской (земледельческой) и православной традиций. Объектом описания в предполагаемом словаре должны стать: 1) хрононимы, известные всем носителям русского языка и зафиксированные в толковых словарях (*Троица, Пасха, Крещение* и др.); 2) диалектные хрононимы, имеющие широкое распространение и/или отражающие во внутренней форме

важные для народного сознания мотивы: ср. влг., моск., прикам., ряз., сиб. *Спиридон-Солнцеворот* '25 декабря'¹ — с этого времени увеличивается световой день. При этом словарь не следует перегружать диалектной лексикой и региональными контекстами: его объем должен стать оптимальным для восприятия иностранцами. Хрононимы должны отбираться с учетом важности временного отрезка для русской традиционной культуры, на что укажет наличие у этого отрезка нескольких названий и их функционирование в фольклоре, развитая хрононимическая деривация (шир. распр. *Егорьев день* '6 мая' > арх., помор. *егорьевская сельдь*), системные связи в хрононимии (шир. распр. *Егорий Весенний* '6 мая' и *Егорий Осенний* '9 декабря'), внутренняя форма. Еще один критерий отбора — возможность провести параллели с иноязычными хрононимами, имеющими сходную мотивацию: ср. тул. *Евдокия-Барсучница* '14 марта' (барсук из норы вылезает, что символизирует приход весны) и *Groundhog Day* («День сурка») '2 февраля, традиционный праздник в США и Канаде' (сурок вылезает из норы, что свидетельствует о приближении весны).

Отдельным вопросом является подача акцентологических, фонетических, словообразовательных вариантов для народных хрононимов и их дериватов. Облегчит восприятие иноязычного материала применение так называемых хрононимических инвариантов, которыми могут стать наиболее распространенные акцентологические / фонетические варианты хрононимов. Среди словообразовательных хрононимических вариантов и дериватов хрононимов целесообразно отбирать наименования, зафиксированные в нескольких регионах России. При этом словообразовательные и структурные «инварианты» должны приводиться как самостоятельные заголовочные единицы словарных статей (шир. распр. *Илья* и *Ильин день*, *Евдокия* и *Евдокия-Плющиха*). Это подчеркнет лингвистическое своеобразие наименований и уменьшит объем словарных статей.

Важным параметром при составлении хрононимического словаря для иностранцев является удобство и простота поиска материала. В отличие от большинства русскоязычных хрононимических словарей структура данного словаря предполагает подачу хрононимов по разделам, соответствующим календарным месяцам

¹ В настоящем тексте календарные даты приводятся по новому стилю.

(январь, февраль и т. д.). Внутри раздела даты должны быть приведены в хронологическом порядке. Для каждой из дат предполагается подача в алфавитном порядке ее названий, выступающих заглавными единицами словарных статей. В конце словаря планируется алфавитный указатель хрононимов с номерами страниц, на которых будут приведены соответствующие словарные статьи. Поскольку большинство народных хрононимов неизвестно представителям инокультур, освоение традиционного календаря с опорой на хрононимы может вызвать затруднение с точки зрения соотношения даты с месяцем и менее известного названия даты с более известным. Идеографический тип словаря позволит иностранцам быстро найти интересующую дату месяца и получить о ней целостное представление.

Поскольку нет ни одного словаря хрононимии, который бы был ориентирован на иностранцев, необходимо создать словарь, понятный читателям с разным уровнем владения русским языком. Таковым может стать двуязычный словарь, в котором будет дан постраничный перевод русскоязычных словарных статей на английский язык. Английский в качестве языка-посредника нами выбран как один из наиболее употребляемых языков в межкультурной коммуникации. Двуязычность словаря предполагает проблему перевода русских хрононимов и оригинальных контекстов на английский язык. Если хрононимы, образованные от имен святых, целесообразно переводить методом транслитерации (*Евдокия* ‘14 марта’ > *Evdokíya*), то наименования с прозрачной внутренней формой стоит подавать двумя способами: транслитерацией для узнаваемости русского хрононима и калькированием для сохранения мотивации названия в английском языке (*Масленая неделя* > *Máslenaya nedélya, Oil Week*). По возможности следует калькировать не только внутреннюю форму, но и структуру русского хрононима (белгород., забайк., прикам., сев.-рус. *Встрéча* ‘понедельник на Масленой неделе’ > *Meeting* — отглагольное существительное). Описание обычаев, запретов и т. д. следует переводить буквально, возможно, с объяснением символики предметов и действий и указанием их магической функции. При переводе календарных паремий, являющихся культурно специфичными, необходимо давать их объяснение. Также следует сохранять их образность и рифму. При наличии параллелей в других культурах (выражений, обычаев, ритуалов) их стоит приводить в словарных статьях. К примеру, в некоторых регионах России есть

поверье относительно первого гостя в новом году: женщина — к несчастью, мужчина — к удаче. Ср. в Шотландии: первый гость в новом году предопределяет финансовое благополучие в доме.

Структура словарной статьи в предполагаемом словаре может выглядеть следующим образом:

1. Заглавный хроним (акцентологический и фонетический «инвариант») с ударением // Иноязычные хронимы с похожей внутренней формой (при наличии).

2. Территориальные пометы.

3. Контексты, в которых приведены типовые ситуации для календарной даты // Похожие ситуации в других культурах, связанные с календарной датой (при наличии).

4. Паремии // Сходные по смыслу иноязычные устойчивые выражения (при наличии).

5. Дериваты хронимов, имеющие широкое распространение, с толкованием и географическими пометами. Контексты с участием дериватов могут усложнить структуру статьи, а потому представляются избыточными.

6. Хронимы-антонимы (ср. *Егóрий Весéнный* ‘6 мая’ и *Егóрий Осéнный* ‘9 декабря’).

В качестве приложения к словарю можно рассматривать раздел с основными структурно-словообразовательными моделями хронимов и их дериватов.

Научно-популярный характер словаря должен привлечь к изучению русского традиционного календаря широкую аудиторию (от иностранных студентов и туристов до российских школьников).

Астафьева Н. А. Лингвокультурологический потенциал национальной модели суточного цикла в обучении русскому языку финских студентов : дис. ... канд. пед. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2017.

Варданын Е. М. Обычаи и традиции русского народа: пособие по межличностной и межнациональной письменной и устной коммуникации магистрантов-иностранцев на материале текстов о русской культуре. М. : МГМУ (МАМИ), 2012.

Жабоклицкая И. И. Российские праздники: история и современность : учеб. пособие по рус. яз. для иностр. учащихся. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 2017.

Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. СПб. : СПбГУ : Нестор-История, 2016.

Михеев А. В. Россия. Russia. Для туристов и не только : словарь. М. : АСТ-Пресс, 2018.

РБЛС — *Чернявская Т. Н., Милославская К. С., Ростова Е. Г., Фролова О. Е., Борисенко В. И., Вьюнов Ю. А., Чуднов В. П.* Россия. Большой лингвострановедческий словарь. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина : АСТ-Пресс, 2007.

Резванцева Т. Г. Русские национальные праздники : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014.

Langteach-online. Тематический словарь от А до Я [Электронный ресурс]. URL: http://www.langteach-online.ru/index/tematicheskij_slovar_po_rki/0-72 (дата обращения: 20.06.2022).

Public Holidays in Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/eng/other/holidays/> (дата обращения: 20.06.2022).

Russian for free [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russianforfree.com/text-pancake-week.php> (дата обращения: 20.06.2022).

С. А. Мызников

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

myznikovs@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2972-0656>

Следы валдайского диалекта карельского языка в говорах Новгородской и Тверской областей

В статье, основанной на материалах полевых сборов, выявляются реликты валдайского диалекта карельского языка в современных говорах некоторых районов Новгородской и Тверской областей. Хотя в настоящее время бытование карельского языка на этой территории прекратилось, следы валдайского диалекта сохранились как в диалектной лексике, так и в ономастике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: валдайский диалект карельского языка; языковая ассимиляция; языковые реликты; диалектная лексика; антропонимия; коллективные прозвища; микропонимия

Валдайские карелы — группировка тверских карел, предки которых переселились на российские земли после Столбовского мира [подробнее см.: Virtaranta, 1961].

© Мызников С. А., 2022

П. Пальмеос, исследовавшая валдайский диалект в 1950-е гг., констатировала, что «валдайско-карельский диалект исчезает; в настоящее время им владеют (могут говорить) по крайней мере 50 человек пожилого возраста. Люди среднего возраста находят карельский язык странным и знают иногда некоторые частушки, но не могут уже больше говорить на нем, потому что всюду дома говорят по-русски. Фактически старшее поколение является двуязычным, только некоторые старики говорят между собой по-карельски, поскольку русским языком они владеют хуже» [Palmeos, 1962, 4].

Исследовательница собирала материал более чем в десяти деревнях: Харитониha, Гвоздки, Костелево, Старина, Труфаново, Макушина, Маркова, Неблича, Яблонька, Окунево, Наволок. Однако перечень населенных пунктов, в которых проживали валдайские карелы, не ограничивается приведенным списком. В XIX в. карельское население проживало в Валдайском, Демянском, Боровицком уездах Новгородской губернии (в настоящее время это Маловишерский, Окуловский, Валдайский, Демянский районы Новгородской области и Бологовский район Тверской области).

Материалы для данной работы собирались в 1994–1995 гг. в ходе диалектологических экспедиций в Новгородскую область. Обследовано 20 населенных пунктов в Валдайском, Окуловском, Маловишерском районах Новгородской области.

В памяти людей старшего поколения сохранились сведения о том, что раньше население этого региона было карельским: «Кореляки раньше жили здесь, все знали язык. В Пестове и Ереминой горе кореляки жили. В Гагрине — начальная школа, между собой по-карельски, с другими — по-русски. В Полосах литва считалась, здесь — чистая корела» (Н. И. Васильев, Середя); «В Бору карелы были. С Бору бабушка была корелка» (А. Т. Иванова, Гагрино); «Корела называли Еремину Гору, Ерема построился первый на гору» (А. Д. Есина, Еремина Гора).

Владение карельским языком фактически ушло в прошлое. Типично высказывание информанта: «Мать да дедушка говорили по-карельски, отец иногда и ковырнет. Я понимала, да не могла выговорить» (А. Д. Есина, Еремина Гора).

Однако есть немало языковых свидетельств былой принадлежности местного населения к карелам. Так, коллективные прозвища жителей ряда деревень связаны с их этническим прошлым: Еремина

Гора, Пестово — *корелякі*, Полосы — *литва́*, Середя — *корéла*, Бор — *корéлы*.

У тверских и тихвинских карел как наименование русских, русского языка используется лексема *хóрма*, ср. карел. твер. *Най̆н pagizou hormĭin, paissa hormakši mie em maha*; карел. тихв. *Hormat aššutah* [KKS, 1, 311]; карел. твер. *On i hormat t'ietäh miän kiel'd'ä* [СКЯП, 56]; карел. твер. *hormakko, hormalaine* ‘русский’ [Там же]. Вероятно, это обозначение русских связано с бытующим у карел *horta* ‘иван-чай’ [Там же]. В тверских и тихвинских диалектах лексема *горма* [у́орма] служит пейоративным обозначением жителей некоторых деревень, что, вероятно, может свидетельствовать либо о более раннем обрусении по сравнению с другими населенными пунктами, либо об изначальном наличии русского элемента в карельских в прошлом деревнях.

Специфические фонетические особенности карельского языка нередко сохраняются в микропонимии. До сих пор фиксируются карельские по происхождению оронимы, состоящие из основы и форманта — географического термина: *Питькасельга, Лиговара, Тимовара, Мендовара* и др. Многие названия сохранились в виде полукалек, в которых карельский формант заменяется русским детерминантом *-гóра* или *-гóрка*: *Ня/рагóра, Тáммигóра, Мýндагóра, У/ккогóра, Шáвигóра, Я/вригóра; Кíвигóрка, Мáдагóрка*. В единичных случаях к карельскому микропониму с формантом *-vara*, утратившему семантику, присоединяется русский *-гóра*: *Лю/ллянварагóра, Тáммиварагóра*.

Следует отметить, что хотя число микропонимов карельско-валдайского происхождения весьма значительно, они, как правило, отсутствуют в официальном узусе.

Принятие православия наложило отпечаток на антропонимию валдайских карел: доминируют традиционные календарные имена русского антропонимикона. Отмечается, однако, ряд прозвищ и фамилий, которые можно возвести к карельским источникам: прозвище *Курго* при фамилии *Кургин*, ср. карел. валд. *kurgi* ‘журавль’; фамилии *Гуккин* < карел. валд. *hukka* ‘волк’, *Кижин* < карел. валд. *kiža* ‘сушеная рыба’ и др.

В русскую речь местных жителей нередко вплетаются карельские лексемы и словоформы: *кеньпойга знает* ‘кто его знает’ (ср. карел. валд., твер. *ken* ‘кто’, *poiga* ‘сын, парень’); «Лéйба — это хлеб»

(Валдайский р-н, Борцово); «Кореляков было много, по-корельски говорили: *лúсика* — ложка, *лéйна* — хлеб» (Окуловский р-н, Каёво) (ср. карел. твер. *leibä* ‘хлеб’) [ПЛГО]. Следует отметить, что такого рода лексические единицы весьма немногочисленны, малочастотны, нередко семантически диффузны.

В ряде случаев карельская валдайская лексика закрепились в русской речи и распространилась несколько шире ареала, населенного валдайскими карелами: *кехтать* ‘хотеть, желать’, *кукка* ‘пирог из гороховой муки’, *манчénка* ‘земляника’, *корба* ‘ельник’, *рёма* ‘заливное болото’, *рюжа* ‘верша’, *кути* ‘лодка-долбленка’, *каликка* ‘брюква’. Вариант *ка́литка* ‘брюква’ зафиксирован при полевых сборах в говорах Демянского (Полново, Городилово), Парфинского (Юрьevo), Поддорского (Селеево, Перегино), Старорусского (Чертицко, Корпово) районов Новгородской области [ПЛГО], отмечается также в Холмском, Боровичском, Валдайском, Крестецком, Мошенском, Новгородском, Солецком районах [НОС, 4, 10]. *Ка́литка* ‘брюква’ есть также в говорах Тверской области [ОСГКО]. Вариант *ка́литка* мог возникнуть на карельско-валдайской почве, где нами было зафиксировано изменение геминаты [kk] в сочетание [tk], например *pakku* — *паккула*, *luzikka* — *лузитка* [ПЛГО].

В ряде случаев лексемы прибалтийско-финского происхождения, зафиксированные на Валдае, не вполне соотносятся с карельско-валдайскими источниками фонетически или семантически: ср. *макса́* ‘рыбьи молоки’ при карел. валд., твер. *takša* ‘печень животного, человека’; *ка́рзина* ‘подполье’ при карел. валд., тихв. *karžina* ‘то же’; *ка́рзать* ‘обрубать сучья’ при карел. твер., тихв. *karžie* ‘то же’; *кокóрки* ‘выпечное изделие из тонкого сканца с защипнутыми краями с картофельным пюре, какой-л. кашей и т. п.’ при карел. валд. *kakkar* ‘то же’; *ка́бры* ‘руки’ при карел. валд. *kobra* ‘рука (ладонь)’.

Следует отметить, что лексика с такого рода особенностями фиксируется преимущественно в новгородских говорах, однако имеет также территорию распространения в севернорусских говорах. Исходя из этого можно констатировать, что эта часть лексики прибалтийско-финского происхождения не является наследием языка валдайских карел в пору его существования на данной территории, а вошла в русскую речь ассимилированных карел в ходе освоения ими русского диалектного лексикона.

НОС — Новгородский областной словарь : в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород : Изд-во НГПИ, 1992–1995.

ОСГКО — *Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1972.

ПЛГО — полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).

СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск : Карелия, 1994.

KKS — *Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki.* Helsinki : Suomalais Ugrialainen Seura, 1968–2005.

Palmeos P. Karjala Valdai murrak. Tallinn : Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1962.

Virtaranta P. Tverin karjalaisten ehtistö elämää. Porvoo ; Helsinki : Werner Söderström, 1961.

К. В. Осипова

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

osipova.ks.v@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

К этимологии сев.-рус. *луда* 'похлебка, каша из толокна'*

В статье рассматривается несколько версий происхождения диал. *луда* 'толокно, замешанное на молоке', записанного в вологодских, а также вятских, пермских и уральских говорах. В исследовании намечены три направления этимологического поиска.

Ключевые слова: этимология; этнолингвистика; диалектная лексика; Русский Север; пища; толокно; лексема *луда*

Говорам северо-востока Вологодской области, а также вятским, пермским и уральским диалектам известно сущ. *луда* 'толокно, замешанное на молоке или простокваше': «Луда ладилась из толокна

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

и простокваши, как тесто» (Соликам.) [СПГ, 1, 492; СРНГ, 17, 177; ОСВГ, 5, 212]; ‘толокно с сахаром’ (сев.-урал.); ‘ягоды с толокном и сахаром’ (Черд.) [СРНГ, 17, 177]¹. Достаточно приближенно изоглоссу этого слова можно провести от северо-запада Вологодской области через север Кировской области к северу Пермского края: в Вологодской области география слова *луда* ограничивается Великоустюгским районом, в Кировской области — северными Даровским и Нагорским районами, в Пермской — Соликамским районом. Об устойчивости традиции употребления этого блюда на обозначенных территориях говорит упоминание *луды* в текстах малых фольклорных жанров: вят. *Луду не лудить — и сухомес не месить; Луда зубы не ломает и брюхо натолкает; С луды будут глаза худы* [ОСВГ, 5, 212].

Слово *луда* ‘похлебка, каша из толокна’ до сих пор не имеет надежной этимологии. Опираясь на существующие версии, можно наметить три направления этимологического поиска.

1. О. Н. Трубачев возводил ряз. *луда* ‘саламата, заваря’ к коми-зыр. *l'ut* ‘илистая, холодная глинистая почва’: «...*луда* ‘саламата, заваря’ есть не что иное, как семантическое развитие этого очевидного заимствования. Связь значений ‘болото, грязь, тина’ и ‘каша’ подтверждается надежными примерами вроде лит. *tūrė* ‘каша’: *týrulai* ‘болотные пространства’» [Трубачев, 2004, 735–736]. Предложенная версия кажется сомнительной в силу удаленности рязанских говоров от территорий взаимодействия с коми языком.

2. Сев.-рус. *луда* ‘похлебка из толокна’ можно сопоставить с современным коми-зыр. *лудік* ‘крупные ржаные отруби, хлопья ржи’, *лудіка пызь* ‘мука с неперемолотыми оболочками зерна’ [КРС, 361], коми-язьв. *луда* ‘кушанье из скатанных комочков толокна’ [ЭСРДС, 359–360]. Аргументом в пользу версии коми заимствования служит тот факт, что из языка коми в севернорусские говоры пришли и другие названия киселеобразных блюд из муки с ягодами (ср. *ляз*, *ляхта* [Зверева, 2013, 102]). Эту версию не поддерживает А. Е. Аникин, предполагая обратное направление заимствования [ЭСРДС, 359–360].

3. В качестве третьей версии выдвинем предположение о том, что слово *луда* ‘похлебка из толокна’ — это древнее заимствование из финно-пермских языков, вероятно, близких марийскому.

¹ В Кирово-Чепецком районе Кировской области записан также вариант *луза* [ОСВГ, 5, 213].

Помимо *луда* ‘похлебка из толокна’, на тех же вятских, пермских, вологодских и костромских территориях слово *луда* и его словообразовательные варианты (например, вят. *лудище*) известны в значении ‘плотная, глинистая почва; иловатая, холодная, серая почва, синяя глина’ [Даль, 2, 271; КСГРС; ОСВГ, 5, 212–213]². Осмелимся предположить, что происхождение *луда* ‘глинистая почва’ и ‘похлебка из толокна’ связано с одной финно-пермской основой.

Для рус. *луда* ‘глинистая почва’ наиболее вероятным кажется сопоставление с горномарийским цветообозначением *луды* ‘серый, бурый’ [СГНМЯ, 83], которое в горномарийском наречии легло в основу сущ. *лудырок* ‘подзолистая почва’ [Там же]: глинистые, подзолистые почвы имеют серый цвет, иногда с голубым или синим оттенком. В вятских говорах записаны формы *лудик*, *лудяк* ‘твердая неплодородная глинистая иловатая почва’ [ОСВГ, 5, 212], которые можно соотнести непосредственно с марГ. *лудика*, *лудака* ‘сероватый’ [СГНМЯ, 83]. Цветообозначения с корнем *луд-* в марийском языке называют природный серый цвет различных оттенков, ср. марГ. *лудалгы* ‘сероватый’, *лудалгы-шмы* ‘серовато-черный’, *лудалгы-кловой* ‘серовато-голубой’, *луды* ‘серый, бурый’ [Там же], мар. с.-з. *луда.лгы* ‘сероватый’, *луда.лгы-ошо* ‘серовато-белый’ и др. [ССЗНМЯ, 118]. Среди денотатов, к которым относится определение *лудо*, — камни, пепел, зола, пыль: *лудалге кў* ‘сероватый камень’, *лудо ломыж* ‘серый пепел, зола’, *лудо пурак* ‘серая пыль’ [Марий мутэр, 407, 410].

В русские говоры слова гнезда *луд-* могли быть заимствованы с узкой денотативной семантикой — как наименования цвета глинистых почв. В контекстах не раз подчеркивается серовато-сизый цвет «лудистой» почвы, ср. костр. «Такой грунт есть, луда, она как камень,

² Кроме значения ‘глинистая почва’, в архангельских и вологодских говорах распространено *луда* ‘мель, каменный остров, высокий каменный берег’ [СРНГ, 17, 178], которое имеет прибалтийско-финскую этимологию, ср. фин. *luoto*, ливв. *luodo*, вепс. *lod* ‘маленький каменный островок’ [SKES, 313]. А. Е. Аникин допускает этимологическое родство *луда* ‘твердая почва’ и *луда* ‘мель’ [ЭСРДС, 360], однако в данной статье мы не будем затрагивать проблему происхождения *луда* ‘мель’. При сравнении ареалов бытования диал. *луда* в различных значениях можно обнаружить, что территории употребления *луда* ‘толокно’ и *луда* ‘плотная, глинистая почва’ во многом совпадают, охватывая Вологодскую, Пермскую области и Урал. В то же время *луда* ‘мель’ распространено преимущественно в северо-западных говорах Архангельской области и бывшей Олонецкой губернии. Ареальный фактор служит одним из аргументов того, что *луда* ‘блюдо из толокна’ стоит сопоставлять скорее с *луда* ‘глинистая почва’, но не с *луда* ‘мель’.

но марается, синя луда ли, красна луда»; «Луда синяя, твёрдый грунт, и якорь не берёт» [ЛКТЭ]. В сухом виде глина имеет серый цвет, тогда как при намокании становится синей (серые подзолистые почвы и синеватый речной грунт могут представлять из себя почвы одного типа).

Как кажется, с мар. *луда* ‘серый’ связано не только рус. *луда* ‘глинистая почва’, но и *луда* ‘толокно на молоке’. Изначально в русских говорах могло появиться только цветообозначение *луда* ‘серый, сероватый’ в денотативно узком значении (применительно к цвету почв) и *луда* ‘сероватая глинистая почва’, а значение ‘блюдо из толокна’ возникло уже на русской почве — на основе семантического переноса ‘серый (о почве)’ → ‘серый (о похлебке)’. Подобный семантический сдвиг мог быть поддержан как языковыми, так и внеязыковыми факторами. Толокно и сухая глина, подзолистая почва, а также влажная глина и толокненная похлебка имеют цветовое и органолептическое сходство — сероватый цвет, в сухом виде — сыпучесть, во влажном — вязкость, что и становится основой для языкового сопоставления. В русском литературном языке и диалектах неоднократно встречаются лексемы, сочетающие семантические регистры ‘ил, болотистая почва, жидкая грязь’ и ‘каша, жидкая похлебка, гуща в напиток’, ср. общенар. *каша, кисель* ‘жидкая грязь’, арх. *дежня* ‘творог с толокном’, ‘топкая грязь’ [СГРС, 3, 202], вят., влг. *тепня, тепенка* ‘толокно на квасу, ягоды на квасу, месиво’, ‘липкая, вязкая грязь’ [Даль, 4, 400] и др. Есть примеры метафорического сопоставления песчаной почвы и толокна в топонимии, ср. новг. *Толокно* ‘песчаное место у д. Горушка’: «Толокно — это песчаное место; ребятишки собирались на Толокно загорать» [НОС, 1210].

Цветовая мотивация в русском языке характерна для многих названий пищи, в том числе жидких похлебок и супов. Особо выделены признаки ‘белый’ — ‘серый’ — ‘черный’, которые различают жидкие блюда с молоком или другими молочными продуктами и без них, ср. костр. *белый кисель* ‘кисель на молоке’ — костр. *чёрный кисель* ‘кисель из варенья’ [ЛКТЭ]; арх. *белые щи* ‘щи без мяса, сваренные на пахте’ [СГРС, 1, 95] — ср.-урал. *чёрные щи* ‘щи, не приправленные сметаной’³; ворон. *серый квас* ‘окрошка без сметаны’ [СРНГ, 37, 226].

³ Факт сообщен Е. Л. Березович.

В то же время значение ‘блюдо из толокна’ могло возникнуть у сущ. *луда* уже в языке-источнике. Известно, что толокно было одним из основных зерновых ингредиентов финно-угорской кухни, из которого готовилась похлебка на воде, простокваше или пахте — аналог русского *дежня*. Случаи семантического сопоставления ‘похлебка из толокна’ — ‘густая смесь’ типичны и для марийского языка, ср. *lanánu* ‘похлебка из муки или толокна’, ‘тестообразное вещество, густая смесь (например, глины, цемента)’ [Марий мутэр, 302]. Встречаются в финно-угорских языках и примеры цветовой мотивации названий мучных каш. Так, междиалектным синонимом слова *луда* можно считать арх. *галагáтка* (*гологáтка*) ‘блюдо из ягод с мукой, запеченных в печи’ (Примор.) [СГРС, 3, 9; АОС, 9, 254], которое имеет достаточно узкую географию. Ограниченный ареал распространения слова, а также сложность его объяснения на русской почве позволяют предполагать, что это заимствование. Слово *галагáтка* (*гологáтка*) можно сравнить с фин. *hallakka* ‘бледный, сероватый’, *halli* ‘сероватый, серо-коричневый (о цвете волос, масти животного)’ [SSA, 1, 133]. Примечательно, что фин. *halli* называет светлый, приглушенный оттенок серо-коричневого цвета, подобный масти животного, цвету волос: в современном финском известно *hallakko* ‘буланый (о масти лошади)’, *hallava* ‘светло-серый, сероватый’, ‘блеклый, поблекший’, *halliparta* ‘седобородый’ [ФРС, 90]. Этот серо-коричневый оттенок идеально коррелирует с цветом распаренной мучной каши с ягодами. Таким образом, в семантико-мотивационном плане слово *галагáтка* можно поставить в один ряд с рассматриваемой формой *луда* ‘толокно, замешанное на молоке’, вероятно, также этимологически связанной с цветообозначением.

Есть основания полагать, что *луда* ‘похлебка, каша из толокна’ является древним заимствованием из финно-пермского языка, в котором существовали и цветообозначение, и наименование почв соответствующего цвета, а также, возможно, и название жидкого блюда, родственное современному *луда*. В этом случае не исключено древнее заимствование из того же финно-пермского источника и ряз. *лúда* ‘саламата’ (Касимов.) [Трубачев, 2004, 735–736], тем более что Касимовский район расположен на северо-востоке Рязанской области, в бассейне Оки, т. е. в зоне возможных древних контактов с финно-пермским населением. Если диалектизм *луда* представлен на географически удаленных друг от друга территориях (Кировская

и Рязанская области), которые при этом сохраняют слово *луда* в сходном значении (ряз. ‘саламата’ и вят. ‘похлебка из толокна’), то и в языке-источнике оно могло иметь внутреннюю форму «блюдо серого цвета» и значение ‘каша из зерна или муки’. Отражением этой древней финно-пермской формы может быть и упомянутое выше коми-язв. *луда* ‘кушанье из толокна’.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во МГУ, 1980–2018–. Вып. 1–.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

Зверева Ю. В. Наименования традиционных кушаний и выпечных изделий в говорах Пермского края и Русского Севера // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира / под ред. Т. В. Симашко. Архангельск : Соломбальская тип., 2013. С. 96–103.

КРС — *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь (Коми-роч кывчукöр). Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2000.

КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Марий мутэр — Маро-русский словарь и конспект грамматики марийского языка : пособие при изучении марийского языка / сост. В. М. Васильев. Краснококшайск : Марийск. обл. отд. нар. образ., 1924.

НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннектика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

СГНМЯ — *Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1981.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / отв. ред. А. К. Матвеев, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой. Пермь : Кн. мир, 2000–2002.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССЗНМЯ — *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола : Маркнигоиздат, 1971.

Трубачев О. Н. Из истории названий каш в славянских языках // Трубачев О. Н. Труды по этимологии : Слово. История. Культура. Т. 1. М. : Языки славянских культур, 2004.

ФРС — Финско-русский словарь / сост. И. Вахрос, А. Щербаков. М. : Русский язык, 1975.

ЭСРДС — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск : Наука, 2000.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Т. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981 (Lexica societatis Fenno-ugricae ; XII).

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Т. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 556).

И. А. Подюков

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
podjukov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

Отыменные профессионализмы в промышленной речи Прикамья*

В статье рассмотрены семантические особенности профессиональной лексики отыменного происхождения, отмеченной в устной речи шахтеров и металлургов Прикамья. Анализ отантропонимических названий промышленных артефактов показал активное использование в устной профессиональной речи процессов деонимизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональная речь; деонимизация; особенности жаргонных онимов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-412-590002 «Промышленные горнозаводские субкультуры Прикамья в языковом отражении».

В устной речи представителей так называемых пролетарских профессий (шахтеры, металлурги, нефтяники и пр.) метафорические названия промышленных объектов, технических механизмов (шахтные комбайны, погрузочные машины, насосы, компрессоры, приборы), орудий труда (лопата, лом, кирка) являются средством профессиональной самоидентификации, способствуют взаимодействию работников. Традиция представления машин, техники, сложных технических систем, инструментов в антропоморфном образе — как неких живых существ, субъектов и личностей — продолжает архаичное отношение к технике как к самостоятельной, независимой силе, является отголоском веры в сакральные способности орудий труда. В современных условиях подобная метафоризация имеет прежде всего психорегуляционный смысл, как один из вербальных способов психологической адаптации [Хорошилов, 2009, 24], и особенно активно используется в сопряженных с риском для жизни и здоровья людей производствах. Продуктивность антропоморфного кода в создании профессионализмов позволяет считать его ментальной операцией, одним из способов познания, структурирования и объяснения окружающего мира. Одновременно это один из способов языковой игры, с помощью которой в результате нетипичного использования языковой единицы говорящий, развлекая себя и собеседника, создает эмоциональную разрядку.

В живой профессиональной рабочей речи¹ отмечается большое количество номинаций, образованных в результате переосмысления и каламбурного обыгрывания имен собственных. Мифологизация технических устройств, орудий труда путем присвоения им человеческого имени характерна и для традиционной культуры. В крестьянской речи немало именованій технических средств и орудий труда восходит к личным именам. Так, название малого жернова для ручных крестьянских мельниц *ермак* [СРНГ, 9, 29], очевидно, восходит к гипокористике имени *Ермолай* и соотносится с глаголом *ермолить* ‘мять, тереть’. Применяемая шерстобитами боек-колотушка для валяния (катания) шерсти *катеринка* [СРНГ, 13, 12] названа по связи с глаголом *катать* (ср. *каталь* ‘кто катает валенки’, *катальня* ‘мастерская, где валяют валенки’), однако приспособление шуточно уподобляется

¹ В статье использованы наблюдения автора за особенностями профессиональной речи металлургов и шахтеров Прикамья.

женщине: боек, которым бьют по взбивающей шерсть струне, имеет отверстие. Названия предшественницы плуга, сохи, *соха андреевна*, реже *бабушка андреевна*, *соха гавриловна (ивановна)* [Феоктистова, 2011] представляют собой уважительное величание. Формула «имя-отчество» актуализирует древний смысл сохи как орудия, связанного с темой плодородия, вспашки, соотносимой с единением мужского и женского начал (хорошо известное по поговоркам, загадкам наделение сохи эротическим смыслом наглядно проявляется также в названии *мужичок* для левого ральника, стоящего под прямым углом, и *жёночка* — для правого, установленного горизонтально для отвала пласта). Любопытно, что родственные для имени *Андрей*, представленного в отчестве *андреевна*, формы типичны для других названий, соотносимых с темой хлеба и плодородия: *ондreich* ‘двухколесная телега с высокими бортами для перевозки сена, снопов’ (ср. также загадку о гумне: *Стоит Андрюха — побитое брюхо*). Отчество *андреевна* даже по этимологической линии связывает орудие с мужчиной (греч. ἄνδρoς ‘мужчина, человек’). Другая отсылка в номинации сохи — *ивановна (соха ивановна, иван, ивановка, иван андreich)* [Там же] — также опирается на маскулинную символику имени *Иван*. По наблюдениям Л. А. Феоктистовой, имя устойчиво используется в народных говорах как указание на гендер, на статус жениха, для оценки разгульного мужчины [Феоктистова, 2016, 94, 97].

Мифологизация с помощью отантропонимных метафор проявляется в названиях сложных технических устройств. Имена женщин (обычно жены, дочери, сестры, матери создателей) присваивают тоннелепроходческим комплексам (проходческим читам): *Елена, Светлана, Надежда, Клавдия, Катюша, Полина*. Считается, что эту традицию ввел основатель производства данной техники Р. Ловат. Традиция присваивать женское имя сложнейшим, мощным, разрушительным техническим сооружениям сродни сложившейся практике наделения именем женщины тропических ураганов, тайфунов [Гусева, 2017]. Шахтная породопогрузочная машина 2ПНБ2 с двумя нагребными лапами для погрузки горной массы устойчиво называется именем *Люся*. Аналогично в жаргоне железнодорожников *Люськой* называют тепловоз ТЭ2, первый двухмашинный агрегат (состоит из двух секций, в каждой свой индивидуальный электродвигатель). Приписывание механизмам женского пола, которое подчеркивает

собственную маскулинность рабочего, расценивается как один из способов профессиональной идентификации [Щепанская, 2010, 283]. Однако отмечены представления технического агрегата и в мужском образе. Таково название узкозахватного очистного комбайна 1ГШ68 *Гоша / Гриша*, созданное ложной расшифровкой аббревиатуры ГШ «горно-шахтный». «Мужские» характеристики комбайна заданы его размерами (узкий, длинный) и наличием выделяющихся вверх шнеков на противоположных концах корпуса.

Типично присвоение человеческого имени и предельно простым по устройству инструментам. Название шахтерской кирки *Корчагин* содержит шутовую отсылку к роману Николая Островского «Как закалялась сталь». Персонификация используется в названии большой кувалды *Володя* (ассоциативно это имя используется как солидное и властное, откуда, вероятно, частое применение его в качестве клички в криминальной среде). Имя *Марья (Маша, Машка, Марьиванна)* используется как в шахтерской среде, так и у строителей в качестве названия большой кувалды. У моряков, военных *Машка* — тяжелый таскаемый инструмент, швабра для чистки палубы, у шахтеров *Манюня* — большой, до 30 кг, отбойный молоток HILTI TE3000; сварщики словом *Машка* называют громоздкий газогенератор переносного типа. Приобретение экспрессивного смысла мотивируется каламбурным сближением имени с глаголом *махать* (кувалдой *машут*; ср. другое основание в речи железнодорожников: тепловоз М62 венгерского производства назван *Машка* по псевдорасшифровке начальной буквы). Приведенные примеры демонстрируют действие известной аналогии технического изделия с женщиной. Привнесение с помощью названия в работу кувалдой шуточно-эротического элемента психологически снижает негативный смысл физически изматывающего труда. В ряде случаев метафорические аналогии создаются только за счет языковой игры. Таковы образованные на фонетическом сближении названия *Гена* — о генераторе для сварки, *Шурик* — шуруповерт, *Молотильда* — молоток (*молот* + *Матильда*), *Моника* — монорельсовая дорога в шахте.

Профессионализмы в промышленной речи Прикамья, образованные от личных имен, показывают продуктивность данного способа пополнения профессионального словаря. Отыменные профессионализмы характеризуются разнообразной тематикой, высокой

экспрессивностью и прагматической нагруженностью, способностью вовлечь собеседника в особое игровое пространство и усилить эффект речевого воздействия. Многие из них соотносятся с народными техницизмами и жаргонными отонимическими названиями.

Гусева А. Подземная Санта-Барбара. Строители называют щиты в честь любимых // Вечерняя Москва. 06.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://vm.ru/moscow/276816-podzemnaya-santa-barbara-stroiteli-nazyvayut-shity-v-chest-lyubimyh> (дата обращения: 01.02.2022).

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Феоктистова Л. А. Время и человек в свете ономастической и отонимической номинации: науч.-техн. отчет. Екатеринбург, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21933/1/Feoktistova_Otchet_po_GK_P736.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

Феоктистова Л. А. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.

Хорошилов Б. М. Семантизация машины как «существа» во взаимодействии человека и сложной техники в профессиональной деятельности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «Психология». 2009. Т. 3. Вып. 1. С. 24–34.

Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010.

С. А. Попов

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

spo@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Ойконимы с «космическими» названиями в постсоветском топонимическом пространстве

Ойконимы, имеющие в своем составе «космические» названия, появились в 1920-е гг. на фоне мечты советского человека о покорении космоса и развития космической науки. Среди них преобладает название красной планеты *Марс*: данный космоним ассоциировался с цветом революции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: топонимия; ойконимия; социолингвистика; космонимы

Топонимия является зеркалом, в котором в виде наименований географических объектов отражаются основные этапы исторического, социально-экономического и культурного развития определенной территории.

При пристальном изучении списков населенных пунктов и справочников административно-территориального деления субъектов Российской Федерации и ряда стран, ранее являвшихся республиками Советского Союза, можно обнаружить определенное количество ойконимов, содержащих названия космических объектов (*Венера, Марс, Сатурн, Юпитер* и др.). После небольшого социолингвистического исследования нам удалось выяснить некоторые подробности происхождения таких названий.

В настоящее время на карте Российской Федерации и соседних государств имеется несколько десятков «космических» ойконимов. Большинство таких населенных пунктов было основано в первые годы советской власти. Указанные названия изначально были присвоены трудовым коммунам, товариществам по совместной обработке земли (ТОЗам), колхозам и совхозам, а затем и населенным пунктам.

Подобные ойконимы появились на фоне мечты советского человека о покорении космоса и развития космической науки в 1920-е гг. На процесс номинации также могли повлиять публикации трудов основоположника теоретической космонавтики К. Э. Циолковского,

выход в свет в 1923 г. первого издания фантастического романа (впоследствии глубоко переработанного и ставшего повестью) А. Н. Толстого «Аэлита» о путешествии землян на Марс.

Среди производящих для «космических» ойконимов явно преобладает название красной планеты *Марс*, поскольку данный космоним по идеологическим соображениям ассоциировался у населения с цветом революции: деревни *Марс* в Аургазинском и Кушнаренковском р-нах Республики Башкортостан, в Малмыжском р-не Кировской обл., Целинном р-не Курганской обл., Рузском р-не Московской обл., Шарангском р-не Нижегородской обл., Мценском р-не Орловской обл., хутора *Марс* в Подгоренском р-не Воронежской обл., Красносулинском р-не Ростовской обл., пос. *Марс* в Баятинском р-не Калужской обл. Среди исчезнувших населенных пунктов известны хут. *Марс* в Острогожском р-не Воронежской обл. (упразднен в 1965 г.), пос. *Марс* в Чекамагушевском р-не Башкирской АССР (упразднен в 1979 г.).

Меньше «марсианских» ойконимов сохранилось в топонимии бывших республик СССР, а ныне независимых государств: пос. *Марс* в Лоевском р-не Гомельской обл., д. *Марс* в Дзержинском р-не Минской обл. Республики Беларусь; с. *Марс* в Семеновском р-не Черниговской обл. Украины (по местной легенде, название селу дали в 1924 г., когда было «великое противостояние Марса», — тогда это событие приобрело значительную огласку).

На ойконимическом «небосклоне» также наблюдаются поселки *Венера* в Абдулинском городском округе Оренбургской обл., Инсарском р-не Мордовии (в конце 1920-х гг. переселенцами из с. Старые Верхисы были организованы колхозы «*Венера*», «*Марс*» и др., и эти наименования были глубоко символичны, поскольку названия ярких планет Солнечной системы в первые годы советской власти олицетворяли коренные изменения в жизни мордовского крестьянства после Октябрьской революции), микрорайон *Венера* в Правобережном округе г. Липецк (в 1922 г. на этом месте были образованы сельскохозяйственное товарищество и пос. *Венера*), пос. *Венера* в г. Похвистнево Самарской обл. В 1987 г. был упразднен пос. *Венера* в Мелеузовском р-не Башкирской АССР (название составляет микросистему с близлежащими населенными пунктами *Юпитер* и *Марс*).

В районе с. Бурашево Калининского р-на Тверской обл. находится пос. *Сатурн*; в 22,2 км на юго-восток от г. Великие Луки в Псковской обл. расположен дачный поселок *Сатурн*.

В настоящее время в г. Салават (Республика Башкортостан) имеется микрорайон *Юпитер* — упраздненный одноименный поселок Мелеузовского р-на, включенный в состав Салавата в 1994 г. (был основан в 1920-е гг. на территории Стерлитамакского кантона, с 1957 г. находился в составе г. Стерлитамак). В 1986 г. в Балтачевском р-не Башкирской АССР была упразднена д. *Юпитер*. В Дзержинском р-не Минской обл. Республики Беларусь расположен пос. *Юпитер* (блр. *Юпі́цер*), основанный как деревня в 1920-е гг. переселенцами из д. Кукшевичи (название было дано революционно настроенными красноармейцами, которые демобилизовались из армии и были единственными грамотными жителями деревни).

Еще больше «космических» топонимов встречается на уровне урбанонимии и эргонимии: СНТ «*Венера*» в Завьяловском р-не Удмуртской Республики, гаражные кооперативы «*Венера*» в гг. Калуга и Ханты-Мансийск, СНТ «*Марс*» в Партизанском муниципальном р-не Приморского края, в д. Мисцево Орехово-Зуевского городского округа Московской обл., гаражный кооператив «*Марс-1*» в г. Калуга, гаражно-строительные кооперативы «*Марс*» в гг. Коломна и Домодедово Московской обл., СТ «*Марс*» в г. Торжок Тверской обл., СОНТ «*Марс*» в г. Якутск, СНТ «*Сатурн*» в Талдомском городском округе Московской обл., гаражный кооператив «*Юпитер*» в г. Саранск и мн. др.

В каждом из «космических» населенных пунктов существуют свои топонимические легенды, расшифровывающие происхождение названия. Ср. предание о д. *Марс* в Рузском р-не Московской обл.:

Свое название деревня получила из-за большого количества ухабов, напоминающих марсианские кратеры, и глинистой каменной почвы с высоким содержанием железа, придающего ей необычный красноватый оттенок. Есть и несколько красивых легенд, связанных с историей деревни. Одна из них гласит, что коммуна с названием *Марс* была основана здесь в середине XIX в. богатым помещиком-астрономом, который считал Марс самой загадочной и интересной планетой. Сторонники этой версии вспоминают, что раньше здесь была своя «Солнечная система». В паре километров от Марса находились деревни *Меркурий*, *Юпитер* и *Венера*, в настоящий момент заброшенные. По другой легенде, когда-то

здесь находилось имение профессора-ботаника, который был увлечен разведением экзотических цветов, а позже в его доме организовали клуб и библиотеку» [Матвеева, 2018].

Но имеются и исторические факты, выбивающиеся из общеизвестных толкований происхождения «космических» названий населенных пунктов. Краевед В. М. Ильин вспоминал про историю возникновения пос. *Венера* в Самарской обл.:

...в 1924 году поток переселенцев обосновался вдоль речки Камышла. Свой поселок с согласия общины они назвали *Культура*. <...> Поселки объединились в одно коллективное хозяйство — это *Культура*, *Волчи Ямы*, *Журавлиха*, *Мартыновка*, и названо было именем Карла Маркса. <...> 1943 год. Несмотря на тяжелое время, поселок *Культура* растет и развивается. Образовывается трест «КИНЕЛЬНЕФТЬ» одновременно идут работы по строительству конторы промысла, магазина, почты, клуба, роддома, коммутаторной. Во время Великой Отечественной войны позывным коммутатора было слово «ВЕНЕРА» — богиня любви и красоты. Это слово и стало названием поселка вместо его прежнего названия *Культура* [С днем рождения, Венера].

Журналисты постоянно обыгрывают в своих материалах и репортажах космическую тематику ойконимов, привлекая читателей броскими заголовками: «И до Венеры нам — подать рукой», «Деревня Марс: улыбки топонимики», «Есть ли жизнь на Марсе», «Деревня Марс в Подмосковье: легенда про астронома и летние звездопады», «Марс — деревня, названная в честь планеты», «Марс, Юпитер и другие планеты Беларуси...», «Марсианские хроники».

Однако во многих публикациях СМИ видна боль за плачевные перспективы населенных пунктов с «космическими» названиями: в большинстве своем они доживают свой век вместе с последними жителями. Попытки возродить поселения не всегда увенчиваются успехом. Например, читаем про д. Марс в Рuzском р-не Московской обл.:

Чтобы вдохнуть новую жизнь в угасающий Марс, его жители несколько лет назад предложили создать «Космоград» — свезти сюда отслужившие свое спутники и ракеты и устроить парк для туристов с кафешками, где будут кормить едой из космических тюбиков. Но смелая идея так и не получила развития — не нашлось инвесторов [Деревня Марс].

Таким образом, ойконимы с «космическими» названиями, являясь языковым отражением истории отдельных муниципальных районов, регионов и целых стран, занимают особое место в постсоветском топонимическом пространстве. С их помощью мы можем погрузиться в первые послереволюционные годы, когда в обществе преобладала новая советская идеология, узнать о мечтах наших предков о покорении неизведанного космического пространства и о революции вселенского масштаба.

Деревня Марс: улыбки топонимики // Рузский краеведческий музей : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://ruzamuseum.ru/news/derevnya-mars-ulybki-toponimiki> (дата обращения: 05.07.2022).

Матвеева А. Деревня Марс в Подмосковье: легенда про астронома и летние звездопады // RIAMO.RU: Следи за жизнью Москвы и Подмосковья. 04.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://riamo.ru/article/278692/derevnya-mars-v-podmoskove-legenda-pro-astronoma-i-letnie-zvezdopady.xl> (дата обращения: 05.07.2022).

С днем рождения, Венера! // Городской округ Похвистнево Самарской области : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.pohgor.ru/newss/news_514.html (дата обращения: 05.07.2022).

Р. В. Разумов

Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
Ярославль, Россия
rvrazumov@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Эволюция меморативов в русской урбанонимии XIX–XXI вв.

В статье рассматриваются урбанонимы-меморативы — названия внутригородских объектов, увековечивающих память о человеке, группе людей, событии, празднике, месте, организации. Автор прослеживает эволюцию типов меморативов на протяжении XIX–XXI вв.

К л ю ч е в ы е с л о в а: городское урбанонимическое пространство; урбаноним; меморатив; Россия

© Разумов Р. В., 2022

Конец XVIII — начало XIX в. — переломный этап в истории урбанонимии России, с этого времени «власть превращает топонимию в площадку для выражения самых сокровенных чувств и надежд, причем не только общегосударственных, но и личных» [Никитин, 2007, 347]. Если первоначально онимическая система города состояла исключительно из дескриптивных названий, то в начале XIX в. начал формироваться меморативный принцип номинации объектов, ставший основным в советский и постсоветский периоды истории России.

Целью настоящей статьи является анализ эволюции меморативных названий, зафиксированных на картах, в исторических документах и текстах путеводителей XIX–XXI вв. В качестве материала для исследования мы используем собранные нами данные о развитии систем внутригородских названий различных регионов России. При указании онима мы будем использовать термин *улица* как наиболее частотный в русской урбанонимии.

Меморативный урбаноним (меморатив, урбаноним-посвящение) — название, «данное в память о человеке, событии, месте, реке организации» [Подольская, 1989, 119]. Собранный нами материал свидетельствует о существовании в российских городах шести типов мемориальных онимов:

- 1) персональных меморативов, увековечивающих память о каком-л. человеке;
- 2) коллективных меморативов в честь групп людей;
- 3) меморативов в честь географических объектов;
- 4) меморативов в честь исторических событий, их юбилеев;
- 5) меморативов в честь светских, военных и религиозных праздников;
- 6) меморативов в честь общественных и партийных организаций, воинских подразделений, промышленных предприятий, спортивных обществ, средств массовой информации.

Принято считать, что подобные онимы появились лишь в советский период, однако это не совсем так: первые меморативы были созданы в русских городах в начале XIX в. Так, на первых регулярных планах городов Ярославской области зафиксированы урбанонимы в честь российских императоров, с чьими именами были связаны важные для жителей события: в Ярославле появились названия ул. *Екатерининская*, ул. *Павловская* и *Большая Павловская*, в Любиме — ул. *Павловская*, в Рыбинске — ул. *Александровская*, *Елизаветинская*. До революции

были созданы и первые персональные меморативы в честь деятелей культуры и политиков. Первым подобным названием был урбаноним ул. *Пушкинская*, появившийся 22 августа 1881 г. в Санкт-Петербурге. Впрочем, по данным ульяновских исследователей, в Симбирске агороним пл. *Карамзинская* был создан значительно раньше — в 1845 г. [Симбирские улицы, 36]. Собранные нами данные показывают, что во многих городах России до революции появились урбанонимы в честь А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и П. А. Столыпина. В начале XX в. стали возможны меморативы, увековечивавшие память местных предпринимателей-меценатов: так, в Рыбинске появились годонимы пер. *Журавлевский* (1902), ул. *Карякинская* (1903), ул. *Фроловская* (1905).

Основной этап развития меморативной урбанонимии приходится на советский и постсоветский периоды истории страны.

Самой большой разновидностью меморативных урбанонимов являются персональные меморативы — названия, созданные с целью увековечения памяти какого-либо известного лица. Подобные названия были широко распространены на протяжении всего советского периода. Если в 1920–1940-е гг. они помогали формировать советскую идентичность, то в 1950–2000-е гг. способствовали воплощению в городской топонимии региональной и локальной идентичности.

Одной из главных новаций советского периода истории стала возможность создания прижизненных меморативов. По нашим данным, в российских городах подобный характер носило присвоение улицам имен В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, М. Горького, К. Е. Ворошилова и др. Практика создания прижизненных меморативов была запрещена лишь в 1957 г., однако и после этого времени отмечаются массовые случаи подобного увековечения. Так, в СССР появились названия в честь космонавтов Ю. А. Гагарина, В. В. Терешковой и др. Единичные случаи присвоения прижизненных меморативов встречаются и в постсоветскую эпоху: в 2008 г. в Грозном появился пр. *имени В. В. Путина*, в 2015 г. в Казани — ул. *Нурсултана Назарбаева*.

Изучение практики создания персональных меморативов в различные периоды XX в. позволяет выявить круг актуальных для определенного времени исторических лиц и событий.

Среди персональных посвящений 1920–1940-х гг. преобладали урбанонимы в честь революционеров и политических деятелей новой

власти (ул. *Володарского, Держинского, Калинина, Кирова, Ленина, Свердлова, Сталина, Урицкого*), зарубежных деятелей рабочего движения и идеологов марксизма (ул. *Карла Маркса, Энгельса*), героев Гражданской войны (ул. *Фрунзе, Чапаева*), а также в честь писателей (ул. *Гоголя, Горького / Максима Горького, Лермонтова, Маяковского, Некрасова, Островского, Пушкина, Толстого / Льва Толстого, Чехова*), ученых (ул. *Ломоносова, Мичурина*), летчиков (ул. *Чкалова*).

Основным мотивом создания меморативов в 1950–2000-е гг. стало увековечение в урбанонимии памяти героев Великой Отечественной войны. Первые подобные названия начали присваиваться уже во время войны: так, 14 сентября 1943 г. в Уфе был создан годоним ул. *Матросова* [Узиков, 2007, 166]. К числу наиболее частотных меморативов данного типа относятся урбанонимы ул. *Гастелло / Николая Гастелло, Жукова / Маршала Жукова, Космодемьянской / Зои Космодемьянской, Кошевого / Олега Кошевого, Матросова / Александра Матросова, Чайкиной / Лизы Чайкиной, Ватутина*. Большинство названий в честь героев Великой Отечественной войны увековечивало местных жителей, сражавших на фронтах и в тылу: так, в 1965 г. в Рыбинске появились годонимы ул. *Братьев Орловых, Захарова, Корнева, Тарасова*, в Ярославле — годонимы ул. *Бахвалова, Елены Колесовой, Кривова, Маланова, Наумова, Носкова, Щапова*.

В постсоветский период практика создания персональных меморативов продолжилась. После смерти любого более или менее известного человека сразу же появляются предложения об увековечении его памяти в городской топонимии, и они часто воплощаются решениями местных органов власти. Так, в Екатеринбурге на карте города появился урбаноним в честь первого президента России Бориса Ельцина, в Грозном — генерала Геннадия Трошева, в Москве — певца Иосифа Кобзона, в Уфе — врача Елизаветы Глинка (доктора Лизы) и др.

Главные общероссийские новации постсоветского периода связаны с увековечением в топонимии памяти героев дореволюционной истории России (ул. *Атамана Бабыча* — Краснодар, 1995; ул. *Князя Ромодановского* — Белгород, 2006), директоров местных предприятий (ул. *Раздобаркина* — Белгород, 1998; пл. *Дерунова* — Рыбинск, 2005), сотрудников правоохранительных органов, погибших при исполнении обязанностей (ул. *Лейтенанта Мишенина* — Белгород, 1996; ул. *Милиционера Власова* — Пермь, 1997), спортсменов и тренеров (ул. *Николая*

Старостина — Москва, 1996; ул. *Тренера Пушкиарева* — Киров, 2003), святых и религиозных деятелей (пр. *Алигаджи Акушинского* — Махачкала, 1996; ул. *Серафима Саровского* — Курск, 2005).

Помимо персональных посвящений, советская власть активно продвигала коллективные меморативы. В 1920–1940-е гг. на картах российских городов создавались названия, увековечивавшие строителей новой жизни (ул. *Коммунистов*, *Комсомольская*, *Крестьянская*, *Рабочая*). В 1950–1980-е гг. стали появляться коллективные посвящения героям Великой Отечественной войны (ул. *Панфиловцев*, *Молодогвардейцев*), а также онимы в честь представителей профессий (ул. *Моторостроителей*, *Приборостроителей*, *Строителей*, *Энергетиков*). Широкое распространение получили названия, посвященные молодежи СССР (ул. *Молодежная*, *Юности*), покорителям космоса (ул. *Космонавтов*), людям, активно участвующим в жизни страны (ул. *Новаторов*, *Энтузиастов*) и даже получившим новое жилье (ул. *Новоселов*). Важной особенностью постсоветских меморативов стало создание в российских городах названий в честь представителей этнических групп (ул. *Славянская*, *Татарская* и др.).

В советский период появилась практика создания топонимических меморативов, ранее отсутствовавшая. Одним из первых примеров стал урбаноним ул. *Циммервальда* / *Циммервальдская*, увековечивавший Международную мирную конференцию в швейцарской деревне Циммервальд. На картах представлены топонимические меморативы в честь различных городов (ул. *Ленинградская*, *Московская*, *Киевская*, *Минская*), регионов (ул. *Кавказская*, *Уральская*), республик СССР (ул. *Белорусская*, *Украинская*), стран бывшего соцлагеря и столиц этих стран (ул. *Болгарская*, *Братиславская*), горных массивов (ул. *Памирская*), водных объектов (ул. *Волжская*, *Днепровская*).

Меморативной новацией советского периода стало и увековечение в урбанонимии исторических событий и памятных дат. В 1920–1940-е гг. большинство подобных названий было посвящено революционным событиям 1905–1917 гг. (ул. *9 Января*, *Октябрьская*, *Революционная* и др.). Урбанонимия 1950–2000-х гг. в основном увековечивала события Великой Отечественной войны (ул. *9 Мая*, *Оборонная*, *Победы*); в ряде населенных пунктов урбанонимы указывают на дату освобождения этих городов от фашистских захватчиков (ул. *20 Января* — Можайск; ул. *25 Января* — Воронеж;

и др.). В советские годы на картах российских городов появлялись названия в честь пятилеток и семилеток (ул. *Пятилетки, 1 Семилетки*), событий Парижской коммуны (ул. *18 Марта*), съездов партийных и общественных организаций СССР (ул. *22 Партсъезда, 18 Съезда ВЛКСМ*), неполитических событий истории страны (ул. *Олимпийская, Фестивальная, Целинная*). В 1950–2000-е гг. в городской топонимии распространилась практика создания урбанонимов, увековечивающих не само историческое событие, а его очередной юбилей (ул. *Юбилейная, 70 лет Октября, 50 лет ВЛКСМ, 65-летия Победы, 50 лет Белгородской области* и др.; всего нами выявлено 76 различных вариантов подобных топонимов).

Советская эпоха принесла и традицию увековечения на картах российских городов различных п р а з д н и к о в: как светских (ул. *8 Марта, Первомайская*), так и военных (ул. *23 Февраля*). В постсоветскую эпоху стали возможны урбанонимы и в честь религиозных праздников (ул. *Пасхальная, Рождества Христова*).

Шестая номинативная новация советского периода истории страны — это увековечение в урбанонимии различных о р г а н и з а ц и й. Наиболее активно создавались меморативы в честь Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ). На картах российских городов также представлены названия, увековечивающие общественные и партийные организации (ул. *Кимовская, Профсоюзная*), средства массовой информации (ул. *«Правды»*), рода войск и воинские соединения (ул. *Красноармейская, Нормандия-Неман*), международные организации (ул. *Коминтерна*), спортивные общества (ул. *Динамо́вская, Спартаковская*).

В процессе исторического развития меморативные урбанонимы постоянно эволюционировали, неоднократно порождали новые онимические модели. Их дальнейшее изучение позволит описать ономастический вкус различных периодов истории нашей страны, описать наиболее частотные модели названий.

Никитин С. А. Формирование современной концепции топонима в России в XVIII — начале XX в. // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2 / сост. Б. Ф. Успенский. М. : Индрик, 2007. С. 335–358.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988.

Симбирские улицы : Топонимический лексикон / под общ. ред. А. П. Рассадина. Ульяновск : УГПИ им. И. Н. Ульянова, 2002.

Узиков Ю. Уфимских улиц имена. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2007.

Стана С. Ристић*
Ивана В. Лазић-Коњик**

Институт за српски језик САНУ

Београд, Србија

*ristic.stana@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1646-3192>

**ivana.konjik@isj.sanu.ac.rs

<https://orcid.org/0000-0003-0840-0140>

Анализа анкетне листе вредносних концепата према старосној доби испитаника

У раду су представљени резултати анкете којом су испитиване субјективне лаичке вредности носилаца српског језика и културе, који су затим анализирани с обзиром на параметар старосне доби испитаника.

Кључне речи: вредности; анкета; аксиолошки лексикон; српски језик

У нашем претходном истраживању предложили смо и образложили потребу израде аксиолошког лексикона српског језика, у којем би биле представљене националне вредности као скуп вредности на којима се заснива савремени идентитет српског језика и српске културе [Ристић, Лазић-Коњик, 2021]. Паралелно са заснивањем његове концепције, поставља се питање критеријалног избора одредница које би се обрале у таквом лексикону.

До сада смо на основу неколико процедура устаљених у лублинској аксиологији [Niebrzegowska-Bartmińska, 2013; Bartmiński, Grzeszczak, 2014] саставили три упоредне листе концепата (тзв. произвољну, синонимску и дубинску), чијим смо упоређивањем издвојили 10 вредности које се понављају у сва три списка, за које смо закључили да чине

део језгра српских вредности. То су: ДОБРОТА, ЛЕПОТА, ДРЖАВА, НЕ-ЗАВИСНОСТ, ДОМОВИНА / ОТАЏБИНА, СЛОБОДА, ДОМ / КУЋА, ЉУБАВ, ЧАСТ, ВЕРА [Ристић, Лазић-Коњик, 2021]. У овој фази нашег истраживања, валидност добијеног прелиминарног списка проверићемо и допунити на основу додатне две листе добијене анкетирањем две групе српских говорника. На тај начин приближићемо се списку заједничких савремених вредности разговорног језика и проверити валидност издвојених језгрених вредности, а потом ћемо га, у наредној фази нашег истраживања, допунити и називима вредности које ћемо добити на основу анализе текстова из релевантних језичких извора заснованих на вредностима [Bartmiński, Grzeszczak, 2014; Niebrzegowska-Bartmińska, 2020].

У прву групу испитаника укључили смо еминентне стручњаке за језичка и културолошка питања (на наш позив одазвало се њих 11), док су другу групу чинили «лаици», као представници јавног мњења и заједнице која даје вредности декларише и/или примењује. У групи «лаика», анкетирано је укупно 100 пунолетних произвољно изабраних испитаника различитог узраста, пола и образовања, из Београда, Новог Сада и са ширег простора Војводине и Србије (водило се рачуна да заступљеност жена и мушкараца буде уравнотежена). Обе групе испитаника имале су исти задатак — да наведу десет вредности које сматрају најважнијим за српску културу. У овом раду представићемо податке добијене анкетирањем друге групе испитаника, узимајући у обзир старосни критеријум према којем је стратификован узорак како би се тестирао утицај овог критеријума на број и хијерхију вредности у заједничкој аксиосфери, с обзиром на динамику њихове промене и међусобне корелације¹.

У лублинској методологији анкетирања уобичајено је да се анкетом обухвата студентска популација. У нашем истраживању очекивало се да је средња генерација популације од 31 до 60 година, која има доминантну улогу у активном прихватању и прокламовању савремених националних вредности, индикативнија за добијање актуелног и стабилног списка вредности. Старосна група младих (испитаници

¹ Општи подаци о анкети, који ће се за ову прилику навести у скраћеном облику, и резултати анализе података добијених анкетирањем обе групе испитаника, али без узимања у обзир утицаја старосне доби на избор вредности, представљени су у нашем раду [Ристић, Лазић-Коњик, 2021].

од 18 до 30 година) и старијих испитаника (преко 60 година), такође су важне, али се за ове групе претпоставља добијање других података о вредностима: да ће списак вредности добијен на основу анкета прве групе младих бити разноврснији у погледу избора вредности и да ће одражавати актуелну динамику промена у друштву и култури, а да ће избор и описивање вредности испитаника старосне групе преко 60 година у већој мери одражавати раније и донекле промењено стање у друштву и култури претходног периода. Из ове перспективе, чини се оправданим да заступљеност средње генерације у узорку буде преовлађујућа (у нашем узорку 76 испитаника; 13 испитаника узраста од 18 до 30 година и 11 испитаника преко 60 година).

Треба истаћи да анкета, чији су резултати представљени у [Ристић, Лазић-Коњик, 2021] и у овом раду, не представља потпуну студију о питањима везаним за заједничке вредности српске националне заједнице јер не одражава репрезентативни број говорника српског језика. С друге стране, будући да је спроведена избалансираност узорка, у складу са методолошким поставкама лублинске когнитивне етнолингвистике, анкета одражава актуелне аксиолошке преференције издвојених генерација српске популације.

У све три старосне групе испитаника добијено је укупно 290 различитих одговора — назива вредности, од којих су 122 вредности биле потврђене 2 или много више пута (од 2 до 66 пута), док је 168 вредности имало само једну потврду. На тај начин је наш почетни списак од 10 језгрених вредности проширен са 5 нових вредности чија је фреквенција у одговорима испитаника била $\geq 20\%$ (тј. 66 до 20 појављивања)². То су: породица (66), здравље (32), образовање (31), поштење (24), поштовање (23), док су 3 вредности са почетног списка поновљене: љубав (64), слобода (32) и дом (25).

Распоред вредности према старосним групама.

У првој групи од 18 до 30 година добијени су следећи одговори (према опадајућој фреквенцији): породица — 9 (69,2 %), љубав — 8 (61,5 %), здравље, искреност, поштовање — 5 (38,5 %), дом,

² У погледу постављања прага колико је истих одговора испитаника потребно у односу на укупан број испитаника да би се нека вредност могла једнозначно одредити као заједничка не постоји општа сагласност, већ се то узима по договору [Бартмињски, 2011, 67]. У нашем случају праг је $\geq 20\%$. Одговори који имају учесталост испод 20 % (тзв. ретки одговори) такође могу бити релевантни показатељи и занимљиви у сазнајном погледу за анализу.

упорност — 4 (30,7 %), васпитање, образовање, пријатељство — 3 (23,1 %), брига, емпатија, култура, марљивост, поштење, срећа, толеранција — 2 (15,4 %). Преостали одговори су са фреквенцијом — 1 (7,7 %).

У другој групи од 31 до 60 година одговори су распоређени на следећи начин (према опадајућој фреквенцији): љубав — 50 (65,8 %), породица — 49 (64,5 %), слобода — 32 (42,1 %), здравље — 27 (35,5 %), образовање — 23 (30,3 %), поштење — 22 (28,9 %), традиција — 18 (23,7 %), дом — 17 (22,4 %), поштовање, саосећање — 16 (21 %), пријатељство — 14 (18,4 %), солидарност — 13 (17,1 %), култура, мир, морал — 12 (15,8 %), хуманост, истина — 11 (14,5 %). Преостали одговори су са фреквенцијом мањом од 11 (< 14,5 %).

У трећој групи, старији од 60 година, одговори према опадајућој фреквенцији су: породица — 8 (72,7 %), љубав — 6 (54,5 %), образовање — 5 (45,4 %), дом, толеранција — 4 (36,4 %), вера, васпитање, деца, искреност, историја Срба, култура, поштовање, пријатељство, српска књижевност, српски језик, толеранција — 2 (18,2 %). Преостали одговори су са фреквенцијом — 1 (9,1 %).

Упоредивањем одговора из све три групе установљено је да све три генерације преферирају исте основне вредности а то су ПОРОДИЦА и ЉУБАВ које се смењују на првом и другом месту вредносне лествице (у одговорима младих и испитаника старијих од 60 година ПОРОДИЦА је на првом месту, а ЉУБАВ на другом, а у одговорима испитаника од 30 до 60 година ЉУБАВ је на првом, а ПОРОДИЦА на другом месту).

Табела показује да се осим заједничких вредности 5 нових и 3 поновљене вредности у односу на наш списак језгрених вредности, у списку узрасних група јављају и вредности које нису заједничке. Тако је у групи испитаника од 18 до 30 година забележено 5 нових вредности³: ИСКРЕНОСТ (38,5 %) на трећем месту по фреквенцији, УПОРНОСТ (30,7 %) на четвртном месту, ВАСПИТАЊЕ (23,1 %), ОБРАЗОВАЊЕ (23,1 %) и ПРИЈАТЕЉСТВО (23,1 %) на петом месту. Вредност ИСКРЕНОСТ забележена је и на листи испитаника преко 60 година, али на петом месту по фреквенцији (18,2 %).

³ Праг је такође ≥ 20 %; исп. напомену 2.

**Упоредни приказ добијених података према старосном добу
испитаника**

18–30	31–60	Старији од 60
породица — 9 (69,2 %)	љубав — 50 (65,8 %)	породица — 8 (72,7 %)
љубав — 8 (61,5 %)	породица — 49 (64,5 %)	љубав — 6 (54,5 %)
здравље — 5 (38,5 %)	слобода — 32 (42,1 %)	образовање — 5 (45,4 %)
искреност — 5 (38,5 %)	здравље — 27 (35,5 %)	дом — 4 (36,4 %)
поштовање — 5 (38,5 %)	образовање — 23 (30,3 %)	толеранција — 4 (36,4 %)
дом — 4 (30,7 %)	поштење — 22 (28,9 %)	вера — 2 (18,2 %)
упорност — 4 (30,7 %)	традиција — 18 (23,7 %)	васпитање — 2 (18,2 %)
васпитање — 3 (23,1 %)	дом — 17 (22,4 %)	деца — 2 (18,2 %)
образовање — 3 (23,1 %)	поштовање — 16 (21 %)	искреност — 2 (18,2 %)
пријатељство — 3 (23,1 %)	саосећање — 16 (21 %)	историја Срба — 2 (18,2 %)
брига — 2 (15,4 %)	пријатељство — 14 (18,4 %)	култура — 2 (18,2 %)
емпатија — 2 (15,4 %)	солидарност — 13 (17,1 %)	поштовање — 2 (18,2 %)
култура — 2 (15,4 %)	култура — 12 (15,8 %)	пријатељство — 2 (18,2 %)
марљивост — 2 (15,4 %)	мир — 12 (15,8 %)	српска књижевност — 2 (18,2 %)
поштење — 2 (15,4 %)	морал — 12 (15,8 %)	српски језик — 2 (18,2 %)
срећа — 2 (1,54 %)	хуманост — 11 (14,5 %)	толеранција — 2 (18,2 %)
толеранција — 2 (1,54 %)	истина — 11 (14,5 %)	

На узрасту испитаника од 31 до 60 година забележене су 3 нове вредности: ОБРАЗОВАЊЕ (30,3 %) на петом месту, ТРАДИЦИЈА (23,7 %)

на седмом месу и САОСЕЋАЊЕ (21 %) на деветом месту, а даље се ређају ПРИЈАТЕЉСТВО — 14 (18,4 %) на десетом месту, СОЛИДАРНОСТ — 13 (17,1 %) на једанаестом месту, КУЛТУРА — 12 (15,8 %), МИР — (15,8 %) и МОРАЛ (15,8 %) на дванаестом месту, а на тринаестом месту ХУМАНОСТ (14,5 %) и ИСТИНА (14,5 %).

На узрасту испитаника преко 60 година забележене су 2 нове вредности: ОБРАЗОВАЊЕ (45,4 %) и ТОЛЕРАНЦИЈА (36,4 %), док је и у овој групи, као и у првој групи испитаника, такође забележена вредност ИСКРЕНОСТ (18,2 %), али на петом месту по фреквенцији. Преглед вредности по старосним групама испунио је наше полазне претпоставке. Старосна група од 31 до 60 година избором нових вредности потврђује да у свом свакодневном животу и раду, као запослени најактивнији део популације, промовише универзалне вредности које у смислу универзалности представљају најрепрезентативнији део, језгро српке аксиосфере, а у смислу постојаности, традиционалности њене кључне вредности — српске језичке и културне константе.

Забележене нове вредности у групи испитаника од 18 до 30 година одражавају животне и радне прилике овог дела популације: наставак школовања и образовања, за што су важне вредности: ВАСПИТАЊЕ, ОБРАЗОВАЊЕ и УПОРНОСТ, које потврђује и ретко наведена вредност МАРЉИВОСТ, као и добри међуљудски односи — дружење, чија се вредност мери односом искрености: ИСКРЕНОСТ и ПРИЈАТЕЉСТВО; затим тражење посла, ситуација која је обележена бригом, негативном вредношћу — антивредношћу, а за све наведене ситуације као најважнија вредност истиче се срећа.

Новозабележене вредности групе испитаника преко 60 година су ОБРАЗОВАЊЕ и ТОЛЕРАНЦИЈА. У ретким одговорима задржане су традиционалне вредности: српска историја (18,2 %), култура (18,2 %), српска култура (18,2 %) и српски језик (18,2 %), које у сумарној анализи добијају важну статистичку значајност (72,8 %), а животно искуство их је научило да за позитиван однос према животу, чији се биланс обично своди у овим годинама, морају задржати веру у боље дане, а ту веру на личном, породичном и друштвеном плану подржавају деца, нови нараштаји.

Наше истраживачко искуство показало је то да је у фази састављања репрезентативног списка националних вредности узорковање испитаника у спровођењу анкета по критеријуму старосних група

веома целисходно, јер нас приближава нашем истраживачком идеалу за постизање објективности у представљању концепата вредности, који је веома тешко остварити, и открива нам нове параметре који се морају имати у виду како за критеријални избор националних вредности тако и за њихово хијерархијско устројство у концептосфери српског језика и културе.

Бартмињски Ј. Језик — слика — свет. Београд : SlovoSlavia, 2011.

Ристић С., Лазич-Конић И. Аксиолошки речник српског језика — предлог израде // Јужнословенски филолог. 2021. № 77 (2). С. 105–124.

Bartmiński J., Grzeszczak M. Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? // Etnolingwistyka. 2014. No. 26. S. 21–44.

Niebrzegowska-Bartmińska S. Projekt badawczy (ETNO)EUROJOS a program etnolingwistyki kognitywnej // Etnolingwistyka. 2013. No. 25. S. 267–280.

Niebrzegowska-Bartmińska S. Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce. Lublin : WUMCS, 2020.

Стана С. Ристић*

Ивана В. Лазич-Конић**

Институт сербског језика САНИ

Београд, Србија

*ristic.stana@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1646-3192>

**ivana.konjik@isj.sanu.ac.rs

<https://orcid.org/0000-0003-0840-0140>

Анализ ценностных концептов в аспекте возраста испытуемых (по материалам анкетирования)

В работе представлены результаты анкетирования, направленного на изучение субъективных ценностей носителей сербского языка и культуры. Выявленные ценности были проанализированы с учетом возрастной группы испытуемых.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ценности; анкета; аксиологическая лексика; сербский язык

Е. И. Роголёва*
Т. Г. Никитина**

Псковский государственный университет

Псков, Россия

*cambala2010@list.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9963-4203>

**cambala2007@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

Этимологическая парафраза в учебном фразеологическом словаре*

В целях оптимизации представления русской фразеологии детской аудитории авторами разработана и реализована в ряде проектов лексикографическая концепция этимологического парафразирования, которая представлена в данной статье на материале нового, подготовленного к печати словаря «Фразеологизмы в веселых рассказах».

К л ю ч е в ы е с л о в а: фразеология; лексикография; учебный словарь; этимологическое парафразирование

Концепция этимологического парафразирования, реализуемая нами в учебной фразеологии, основывается на принципах дискурсивного подхода, который позволяет строить словарный текст с учетом фактора адресата (в нашем случае — младшего школьника), не снижая научной достоверности этимологической версии, что, к сожалению, нередко можно наблюдать в детских фразеологических словарях [Волков, 2009; Розе, 2022]. Основой этимологической парафразы, адресованной ребенку младшего школьного возраста в словарях Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии [Роголёва, Никитина, 2020; 2021], становятся версии происхождения фразеологизмов, разработанные авторитетными учеными [Баранов, Добровольский, 2008] и представленные в известных фразеологических словарях [ИЭС; БФСРЯ]. Этимологизирующая часть статьи детского словаря строится как научно-популярный, сюжетный или игровой текст, что оптимизирует восприятие и осмысление ребенком механизма фразеологизации. Это

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-18-01062, реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.
© Роголёва Е. И., Никитина Т. Г., 2022

текстовое моделирование фразеомообразовательного процесса строится с использованием специальных интерпретационных приемов, разработанных для каждого из тропеических блоков, в которые мы объединили отобранные для нового проекта фразеологизмы. Проиллюстрируем некоторые приемы подготовленными к печати словарными материалами.

Так, для фразеологизмов компаративного блока используется интерпретационный прием «обоснование выбора эталона сравнения». Textoобразующим приемом здесь является персонификация эталонного образного стержня компаративного фразеологизма и использование его в качестве рассказчика. Например, в статье «Дрожать как осино́вый лист» таким рассказчиком становится лист осины. В разговоре с трусливым зайчонок он раскрывает причину своей почти постоянной вибрации и таким образом обосновывает выбор эталона фразеологического сравнения, а попутно реализует и воспитательную задачу — помогает зайчонку избавиться от своих страхов.

ДРОЖАТЬ КАК ОСИНО́ВЫЙ ЛИСТ

— Здравствуйте, разрешите представиться. Я — лист осины. Это дерево такое (*Фотоиллюстрация*: осина). Ну да, я дрожу не так, как все. С этой моей особенностью связано происхождение нашего фразеологизма, и к тому же я научил зайчишку-трусишку волка не бояться. Но обо всём по порядку.

Над маленьким зайчонок в лесу все смеялись. Даже слово «волк» он не мог слышать спокойно, начинал дрожать от страха. А звери кричали: «Смотрите, смотрите! Он опять дрожит как осино́вый лист!».

Обидно ведь, правда? Вот и решил малыш у меня, осинового листа, узнать, почему я-то дрожу.

— Лист, а лист, почему ты дрожишь? Как и я, волка боишься?

— Нет, я никого и ничего не боюсь. Даже листопада. Видишь, я на ветке один из моих братьев-листочков остался — все уже облетели. Но ничего страшного, весной мы снова вырастем.

— Так чего ты тогда дрожишь, если никого не боишься?

— А ты посмотри, зайчонок, какой у меня длинный черешок (*Фотоиллюстрация крупным планом*: осино́вый лист с черешком). Такого больше ни у кого нет. Он тонкий, закрученный и плоский возле листа, а поэтому особенно легко изгибается. Тут хочешь-не хочешь, а начнёшь дрожать. Народ заметил эту мою особенность и стал называть осину шептун-деревом, трясушкой и говорить, что осина и без ветра шумит.

— Теперь понятно, почему, когда я дрожу, меня с тобой сравнивают. Но мне от этого не легче. Всё равно я буду волка бояться, и все надо мной будут смеяться.

— Любой страх можно победить. Хочешь, я научу тебя?

— А у меня получится?

И у зайчишки получилось! На лесном празднике-карнавале он в костюме волка вышел к микрофону и громко запел:

*Я волка ужасно боялся, до слёз! И вот я решил этот сложный вопрос:
Как только на празднике волком я стал — дрожать как осиновый
лист перестал!*

(Рисунок: Заяц в костюме волка на сцене с микрофоном).

С тех пор больше никто не говорил, что зайчишка дрожит как осиновый лист. А бывший трусишка рассказал всем, что происхождение фразеологизма *дрожать как осиновый лист* связано со строением осинового листа: длинный черешок заставляет лист дрожать от малейшего ветерка. С этим листом и сравнивают человека, который дрожит от страха или сильно волнуется.

Таким образом, этимологизирующая конфигурация словарной статьи складывается из двух компонентов: этимологическая парафраза (с использованием определенного интерпретационного приема) и этимологическое резюме: оно представлено в последнем абзаце, а в опубликованных словарях выделяется цветом или рамкой.

Фразеологизмы парадоксального тропеического блока, построенные на игровых моделях плеоназма, этимологизируются с использованием интерпретационного приема «минус один». Речь идет о фразеологизмах типа *вокруг да около, вкривь и вкось, днём с огнём не найти*, когда употребление в составе фразеологизма двух синонимов или тематически близких компонентов формирует не значение оборота, а его экспрессию. Эту семантическую «избыточность» и должен почувствовать школьник-читатель, выполняя задание, которое ему предлагает учитель Пятёркин, персонаж-рассказчик этого же нового словаря: убрать один из компонентов фразеологизма в контекстах его употребления. Фразеологизм при этом разрушается, но общий смысл фразы не меняется, снижается только ее экспрессия, например: *Письмо надо переписать красиво, а то всё кое-как, вкривь и вкось написано. Ты всё ходишь вокруг да около, лучше сразу скажи, чего ты хочешь.*

Взаимодействие гиперболы и сравнения лежит в основе механизма образования фразеологизмов увеличительно-усилительного блока. Они этимологизируются в сопоставлении реальной и нереально преувеличенной меры признака, что и наблюдает читатель в речи девушек-покупательниц галантерейных товаров у коробейников на средневековой ярмарке. Здесь школьник оказывается в ходе виртуального «следственного эксперимента», который проводят персонажи словаря Кот Барсик и Пёс Пудинг — детективы, которые занимаются расследованием историй происхождения фразеологизмов. Запрос на расследование поступил от Медведя: он не может разобраться в записке от Машеньки, которую обнаружил дома: «Дорогой Медведюшка, не обижайся, я наговорила тебе с три короба, обманула, а ты и поверил. Прощай». Где Машенька? И при чём тут три короба? Ведь Медведь нёс всего один короб!

Пёс Пудинг: Прекрасно! Какое запутанное дело! У нас есть отличная возможность сделать фразеологическое открытие! Вы, уважаемый Медведь, пока почитайте сказку «Маша и медведь», а мы с Барсиком приступим к расследованию истории происхождения фразеологизма *с три короба*. Вы готовы, коллега?

Кот Барсик: Более того! Я уже разобрался, что такое короб. Это большая плетёная корзина с крышкой. Вот короб, который нёс медведь (*Рисунок короба, из которого выглядывает Машенька*). Вот короб грибника (*Рисунок короба с грибами*). А вот короб мелкого торговца — коробейника (*Рисунок короба с лентами, тканями, бусами, заколками*). В таких коробах лет 200–300 назад торговцы разносили свой товар.

Пёс Пудинг: Блестяще, коллега! Мне кажется, что разгадка где-то здесь.

Кот Барсик: Хорошо, шеф! Итак, коробейник идёт на базар. Начинает предлагать свой товар. Расхваливает его. Стоп! Он привирает! Говорит, что у него ленты всех цветов радуги, а я точно видел, что только белые и голубые.

Пёс Пудинг: Отлично, Барсик! Мы почти у цели!

Кот Барсик: Вот и другой коробейник. Иголками торгует. Говорит, сами шьют. Не верю! А торговец бусами и заколками прямо на ходу придумывает: кто из девушек купит его товар, обязательно выйдет замуж за миллионера! А девушки только посмеиваются: «Он с три короба наврёт, да недорого возьмёт!».

Этимологическое резюме формулирует Пёс Пудинг: Вот именно, коллега! Фразеологизм *с три короба* пришел из сферы торговли. Оказывается, и в те давние времена в рекламных целях продавцы преувеличивали достоинства своих товаров, могли наговорить покупателям «с три короба», то есть так много, что поместилось бы в трёх больших коробах. Так и развивается фразеологизм — «очень много (наговорить, наврать, наобещать)».

Таким образом, данная концепция этимологизации фразеологизмов обеспечивает реализацию принципов доступности и научной достоверности, за счет текстового формата этимологической парафразы позволяет представить историю происхождения фразеологизмов с экспликацией их этнокультурной специфики и функционально-семантических свойств, проявляющихся в ситуациях употребления.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008.

БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Волков С. В. Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей. СПб. : Сова, 2009.

ИЭС — *Бирих А. К.* Русская фразеология : историко-этимологический словарь / под. ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005.

Роголёва Е. И., Никитина Т. Г. Сами с усами : веселый фразеологический словарь. М. : Издательский дом Мещерякова, 2020.

Роголёва Е. И., Никитина Т. Г. Ума палата : детский фразеологический словарь. М. : Издательский дом Мещерякова, 2021.

Розе Т. В. Большой фразеологический словарь для детей. М. : ОЛМА Медиа Групп : Просвещение, 2022.

Т. П. Романова

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева
Самара, Россия
romanovatp@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6951-1111>

Ценностные маркеры самарской идентичности в онимическом пространстве города

В статье рассматриваются ценностные маркеры идентичности города Самара, распределяемые по трем приоритетным линиям: «город-курорт», «запасная столица» и «авиационно-космическая столица». Каждая из этих линий представлена ключевыми визуально-вербальными комплексами, сочетающими в себе оригинальные природные объекты, архитектурные сооружения и памятники.

К л ю ч е в ы е с л о в а: региональная идентичность; маркеры идентичности; онимическое пространство; урбанонимы

Ценностные маркеры территориальной идентичности — это элементы символического капитала, на базе которых происходит формирование имиджа города. К их числу можно отнести визуально-вербальные комплексы наиболее значимых объектов городского пространства, за которыми стоит городской сюжет, раскрывающий своеобразие локации.

Собственные имена уникальных пространственных ориентиров — урбанонимы — формируют дополненную реальность, так как являются вербально-символическими знаками, ассоциированными с основными тематическими линиями имиджа территории. «Связанные с сюжетами городской жизни, со сложившимся бэкграундом в виде социальных мифов, городского фольклора и художественных произведений, урбанонимы работают на разные аспекты восприятия места и выполняют работу ключевых знаков, которые помогают разворачиванию пространственного дискурса» [Голомидова, 2019, 13].

Ключевые визуально-вербальные комплексы обеспечивают материализацию символического капитала в пространстве города. Оригинальные природные объекты и архитектурные сооружения, сегменты городского ландшафта, произведения скульптурного и живописного искусства, стрит-арт и другие ценностные геомаркеры формируют

в сознании туриста неповторимые впечатления от места, создают запоминающийся образ локации. «Пространственные городские объекты определяют многофакторное восприятие города и служат отправными точками для представлений о локациях, из которых складывается, которыми составлено и/или наполнено городское пространство <...> Отсюда проистекает и особая роль собственных имен, маркирующих пространственные объекты» [Голомидова, 2019, 13].

Основными ценностными маркерами города можно считать объекты, которые производят самое сильное впечатление, выделяются исключительностью своих параметров. Самара стоит на крупнейшей реке Европы — Волге. Самарская набережная реки Волги протяженностью 4 168,9 м — самая длинная в России. Площадь Куйбышева (8 га) — самая большая площадь в Европе. Музей «Бункер Сталина» — самый глубокий бункер времен Второй мировой войны. Здание Самарского железнодорожного вокзала — самое высокое среди вокзалов Европы (101 м со шпилем). Монумент ракета-носитель «Союз» — единственная в Европе вертикально-установленная ракета высотой 55 м.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить вербально-визуальные комплексы главных ценностных маркеров Самары, на основании которых происходит формирование приоритетных линий имиджа города.

Для обозначения линий имиджа воспользуемся формулировками, которые в разное время выдвигались как темы брендинга Самары: «город-курорт», «запасная столица» и «авиационно-космическая столица».

Линия **«город-курорт»** подразумевает не только природную, но и культурно-историческую составляющую, которая также входит в представление о релаксации. Эта линия реализуется прежде всего в многочисленных видовых сюжетах, включающих Волгу, Жигули, Жигулевские ворота, четыре очереди набережной реки Волга с пляжной зоной, каждая из которых имеет свое название: наб. *Святителя Алексия*, *Старая наб.*, *Орловская* и *Софийская наб.*

Одной из визитных карточек Самары является вид с Волги на архитектурно-ландшафтный комплекс, включающий стелу «*Ладья*» и расположенный над ней жилой комплекс «*Ладья*», состоящий из трех высотных зданий. Стела представляет собой стилизованную парусную

ладью, олицетворяющую историю края, и одновременно является смотровой площадкой с видом на волжские просторы и Жигулевские горы. «Ладья» несет на своем парусе герб Самары и таким образом становится символом города, водных путешествий и отдыха на воде. Образ ладьи лежит также в основе логотипа марки автомобиля «LADA» и многих других знаков фирменной символики региона.

Здание Жигулевского пивоваренного завода (ныне АО «Жигулевское пиво») также репрезентирует тему волжского отдыха. Расположенное на берегу Волги, оно представляет собой оригинальный визуальный ориентир, фигурирующий на многих видовых открытках. Именно волжская вода делает «Жигулевское пиво» особенным. Построенное в 1881 г. здание представляет собой памятник промышленной архитектуры и связывает волжскую тему с историко-культурным наследием Самары. На здании расположен меморативный барельеф с портретом Альфреда фон Вакано — основателя завода, создателя знаменитой марки пива, коллекционера исторических артефактов и художественных произведений, а также благоустроителя Самары.

Ансамбль *Театральной площади* (ныне пл. *Чапаева*) можно отнести к числу центральных видовых площадок на высоком берегу Волги. Это знаковое место, где пересекаются линии «город-курорт» и «запасная столица». Расположенные здесь здания представляют разные стили исторической архитектуры Самары. Здание *Самарского академического театра драмы им. М. Горького* построено в 1888 г. в «русском стиле» по проекту архитектора М. Н. Чичагова. Это одна из главных достопримечательностей города. На противоположной стороне площади в начале XX в. в стиле модерн архитектором Д. А. Вернером построены особняк фон Вакано и здание *Общественного собрания* (ныне *Военно-исторический музей Приволжско-Уральского военного округа*). Стиль конструктивизма демонстрирует здание *Самарского государственного института культуры* (в прошлом обком КПСС), в котором находится один из самых оригинальных самарских музеев — «*Бункер Сталина*».

В 1932 г. в центре площади появился памятник В. И. Чапаева — многофигурная композиция работы скульптора М. Манизера, в результате чего площадь получила имя героя Гражданской войны. На постаменте монумента расположены слова В. И. Ленина: «Бейтесь

до последней капли крови, товарищи! Держитесь за каждую пядь земли! Победа недалека, — Победа будет за нами!».

В начале Великой Отечественной войны в Куйбышев были эвакуированы члены правительства и дипломатических миссий иностранных государств. Линию «**запасной столицы**» транслируют многие ценностные маркеры Самары, начиная с «*Бункера Сталина*» и *площади им. В. В. Куйбышева*, на которой 7 ноября 1941 г. состоялся исторический военный парад, оказавший влияние на ход войны.

На площади расположено здание *Дворца культуры им. Куйбышева* (ныне *Самарского академического театра оперы и балета*), построенное в стилистике советского ампира. В 1941–1943 гг. здесь давала спектакли труппа Большого театра СССР и впервые была исполнена Седьмая («Ленинградская») симфония Д. Д. Шостаковича, работу над которой композитор закончил в Куйбышеве. В сквере рядом с театром в 2019 г. установлена скульптурная композиция Д. Шостаковичу работы З. Церетели.

Линия «авиационно-космической столицы» связана с эвакуацией в город авиационных заводов, которые во время войны выпускали штурмовики Ил-2. Один из боевых самолетов, изготовленных на куйбышевском заводе, установлен в монументальной композиции при въезде в город. С этим же периодом связано появление куйбышевской футбольной команды «*Крылья Советов*».

В честь трудового подвига авиастроителей в годы Великой Отечественной войны в 1971 г. был воздвигнут 53-метровый *монумент Славы* — стальная фигура рабочего держит над головой крылья. Монумент расположен на высоком берегу Волги на *площади Славы*, откуда открывается вид на Волгу, Самарскую Луку и Жигулевские ворота.

В 2001 г. в Самаре открыт монумент *ракета-носитель «Союз»* и музейно-выставочный центр «*Самара Космическая*». Ракеты типа Р-7, выпускавшиеся на куйбышевском заводе с 1958 г., выводили на орбиту первый искусственный спутник Земли и пилотируемые космические корабли. С 2010 г. площади рядом с ракетой присвоено имя легендарного генерального конструктора «ЦСКБ-Прогресс» Д. Н. Козлова, а в 2019 г. там же открыт памятник ему.

У корпуса Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва установлен макет первого советского космического корабля многоцелевого использования

«Буран», а также бюст С. П. Королёва. Кроме того, в городе есть несколько настенных панно и муралов на космическую тему, станция метро «Гагаринская» имеет «космический» дизайн. Здание Самарского железнодорожного вокзала своими формами напоминает космический корабль, особенно в ночное время, с голубоватой подсветкой. Построенное к Чемпионату мира по футболу – 2018 здание стадиона «Самара-Арена» похоже на летающую тарелку.

На основании проведенного обзора визуально-вербальных комплексов Самары мы пришли к выводу, что каждая из намеченных тематических линий («город-курорт», «запасная столица», «космическая столица») представлена в достаточно большом количестве ценностных маркеров, в совокупности формирующих неповторимый образ города. Главным геомаркером Самары является образ Волги, однако ни одна из перечисленных линий не может стать единственной темой брендинга локации.

В настоящее время в «Стратегии комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 г.» сформулирован интегральный образ: «Самара — волжский город контрастов» [Стратегия, 2013, 61], совмещающий в себе высокий уровень индустриального и культурного развития с доступностью отдыха в природной среде.

Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 11–30.

Стратегия комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 года (утверждена решением Думы г. о. Самара от 26 сентября 2013 г., № 358) [Электронный ресурс]. URL: <http://2025samara.ru/wp-content/uploads/2021/06/> (дата обращения: 25.03.2022).

М. Э. Рут

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
moerut@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>

Легко ли назвать улицу

В статье на материале данных деловой игры в ходе проведения учебного семинара по ономазиологии рассматриваются проблемы выбора уместного варианта названия улицы в метаязыковом сознании горожан.

Ключевые слова: урбанонимия; номинация; отобъектная номинация; номинативный вариант

Проблема выбора названий для новых улиц быстро расширяющих свои границы городов стоит на повестке администрации каждого мегаполиса. Неслучайно существуют специальные городские комиссии, регулирующие этот выбор. Работает такая комиссия и в Екатеринбурге, и автор этих строк является ее членом на протяжении более чем десяти лет, поэтому достаточно хорошо представляет себе те трудности, которые возникают при создании имени новой улицы или при возникновении вопроса об изменении уже существующего названия. Впрочем, согласно Положению о порядке присвоения наименований топонимическим объектам и изменения наименований топонимических объектов муниципального образования «город Екатеринбург» [Положение] комиссия не столько создает, сколько оценивает названия, предложенные либо органами государственной власти и местного самоуправления, либо юридическими лицами, либо гражданами в количестве не менее ста человек. Трудностей в работе комиссии это не отменяет — наоборот, усиливает, поскольку нередко приходится отвергать предложенные названия в силу их неприемлемости по тем или иным причинам.

Руководства по созданию новых урбанонимов не существует. Положение ограничивается некоторыми рекомендациями либо достаточно общего плана («присвоение наименований топонимическим объектам производится с учетом: исторических и культурных традиций

муниципального образования “город Екатеринбург”; функционального назначения, местоположения, основных топонимических ориентиров и наименований других топонимических объектов муниципального образования “город Екатеринбург”»), либо формального характера (речь идет о недопустимости повторяющихся или близких по звучанию названий или о соответствии названий правилам русского словообразования). Честно признаться, составление более конкретного руководства представляется достаточно сложной задачей: слишком много ситуативно диктуемых вводных, которые каждый раз по-особому обуславливают процесс наименования.

В процессе проведения учебных занятий по ономазиологии и ономастике в Уральском федеральном университете не раз осуществлялись попытки моделирования процесса номинации топонимических городских объектов в рамках деловой игры. Перед студентами ставились номинативные задачи типа «дать название той или иной улице города». При этом, с одной стороны, было ясно, что это чисто игровая проблема: заданий из официальных организаций не поступало; с другой стороны, было предложено рассматривать выполнение задания как возможность отработать если не стратегию, то тактику наименования. Насколько это удалось, хочется рассказать в данной публикации.

Одним из первых опытов подобной деловой игры стала разработка вариантов названия одной из улиц города Первоуральск, уроженцами которого оказалось двое участников семинара и его руководитель. В результате реконструкции одна из улиц города оказалась «раздвоенной»: для одного из ее участков был создан своеобразный дублер, который оказался в конечном счете основным, поэтому дома на прежней основной магистрали получили номера типа 1а, 2а и т. п. Таким образом, возникла реальная проблема — дать возникшим двум улицам разные названия. Решено было найти вариант названия именно для новой улицы. Были предложены следующие варианты: ул. *Московское Шоссе*, поскольку улица является продолжением Московского шоссе (старого Московского тракта), ул. *Подгорная* (идет под гору, спускаясь к городскому пруду), ул. *Околопрудная* (на значительном отрезке идет вдоль городского пруда), ул. *Тенистая* (деревья высажены не только вдоль проезжей части, но и вдоль пруда). На этом фантазия участников семинара закончилась, каковой факт мотивировался аргументом: «Мы же больше ничего о ней не знаем!». Впрочем, старожилы города

тоже ничего другого предложить не смогли. После этого номинаторы стали спрашивать у старожилов, какие есть знаменитые первоуральцы, именами которых можно было бы назвать улицу.

Представляется, что в данном случае отразилась в миниатюре ситуация, которая всегда возникает при номинации улиц: стремление к созданию отобъектной номинации, отражающей свойства объекта, натывается на досадный минимум этих свойств. Ориентация на особенности ландшафта редко выделяет именно данный объект (и в городе есть уже ул. *Подгорная*, *Запрудная* и *Тенистая*). Номинация по смежным объектам не рассматривалась вообще, поскольку на наводящие вопросы по этому поводу последовал ответ: «Да ничего особенного там нет». Был вопрос о реке, на которой создан пруд, но, услышав, что река называется *Шайтанка*, участник семинара со смехом отказался назвать улицу *Шайтанской*.

Характерно, что, ощущая номинативную неудачу, номинаторы обращаются к названиям-посвящениям, о которых вначале не думали вообще.

Через год деловая игра такого рода была проведена также с другой группой, и для номинации была предложен пр. Ленина — главная улица Екатеринбурга. Вопрос о переименовании улицы поднимался уже не раз, хотя сейчас он и не стоит на повестке дня. В таких случаях естественным решением обычно является возвращение улице исторического названия — в данном случае это название *Главный* пр. Получается, что проблема, обсуждаемая в ходе деловой игры, имеет вполне реальное решение. Однако выбор улицы был обусловлен предложениями самих участников, поскольку именно эта улица была им всем, безусловно, хорошо знакома. Кроме того, нашлись противники исторического названия, считающие его «слишком простым» и «культурно невыразительным» для главного проспекта мегаполиса.

Как и в предыдущий раз, прежде всего прозвучали отобъектные номинации. В качестве номинативных признаков предлагались следующие: расположенность на проспекте административных зданий (пр. *Административный*, *Деловой*) и нахождение на нем других значимых объектов — пр. *Театральный*, *Почтовый*, *Университетский*, *Бульварный*. Действительно, на проспекте есть и административные здания, в том числе здание городской администрации, и несколько театров, и здания Уральского федерального университета (причем

в главное из них проспект упирается), и главпочтамт, и довольно долгий по протяженности бульвар. Однако при обсуждении все эти названия были отвергнуты, поскольку административные здания есть и на других улицах (в том числе здание администрации Свердловской области, резиденция губернатора области, резиденция полномочного представителя Президента РФ и др.), равно как и здания университетов и театров, а также бульвары, в том числе широко известный в городе Верх-Исетский бульвар. Что касается главпочтамта, то отсылка к нему не была сочтена убедительной: «*Почтовыми* уместно переулки называть».

Попытки отразить свойства объекта через косвенные номинации нашли отражение в названиях пр. *Студенческий* (поскольку, кроме университетских зданий, есть еще здания колледжей и здание консерватории), пр. *Студенческих Стройотрядов* (в связи с обычаем участников стройотрядов студентов Уральского политехнического института в советское время проходить по проспекту по пути на вокзал в день отправки по местам работы), пр. *Художественный* (в связи с наличием театров), пр. *Музыкальный* (в честь Театра оперы и балета и Театра музыкальной комедии), пр. *Праздничный* (поскольку именно по этому проспекту движутся колонны демонстрантов и проходят основные мероприятия любого праздника), пр. *Прогулочный*, пр. *Молодежный* (поскольку это место встречи и флианирования молодежи). Однако и эти названия были отвергнуты — либо по причине неисключительной принадлежности признака объекту (стройотряды шли до вокзала по трем улицам города; в городе не так уж развита привычка прогуливаться по главной улице: «Это вам не Невский»), либо в связи с вторичностью названия (в городе есть ул. *Студенческая* и *Молодежная*), либо в связи с несоответствием названия именно главной улице — так, были отвергнуты названия пр. *Художественный* и *Музыкальный* (поскольку «у нас город рабочий, а не артистический») и пр. *Праздничный*: «Не каждый же день», «И на нашей улице может быть праздник».

Приведем еще два названия, оказавшиеся совершенно неожиданными для большинства участников игры, — сначала было предложено название пр. *Тупиковый*, а в ответ на недоуменные вопросы тот же номинатор предложил: «Ну, *Пробковый* — тут же часто пробки». Попытка забавна, но интересна поиском именно отобъектного названия, когда перебираются все присущие данному объекту признаки.

В целом же приходится признать, что попытка учесть свойства улицы как объекта оказалась нереализованной, несмотря на значимость и во многом уникальность данного проспекта.

Отоbjectные номинации активно предлагались, но столь же активно отвергались при последующем обсуждении. Постепенно ведущей линией номинации стала историко-культурная: были предложены названия пр. *Исторический* (название перекликается с названием объекта *Исторический сквер*, который пр. Ленина пересекает), *Горнозаводский* (и *Горнозаводской*), *Екатерининский*, *Петровский*. Предлагались также названия пр. *Татищева* и *де Генина* (признанные основатели города, которым как раз на пр. Ленина стоит памятник) и *Демидовский*, однако названия-посвящения этим личностям уже есть в городе. Прозвучали также предложения назвать проспект в честь архитекторов, во многом определивших лицо и улицы, и города, — Малахова (однако в городе есть бул. *Архитектора Малахова*) или Бобыкина. Наконец, среди названий-посвящений отмечены пр. *Бажовский* (но есть ул. *Бажова*) и пр. *Коляды* (кстати, именно на пр. Ленина сейчас расположен «Коляда-театр»). Последнее название было дано в шутку, поскольку в Екатеринбурге не положено называть улицы и другие городские объекты именами живых людей.

В конце концов ни одно название так и не было выбрано — всегда находились контраргументы. Предложение проголосовать (так решается вопрос на городской комиссии) было отвергнуто как излишне формальное. Многим наилучшим казалось название пр. *Екатерининский*, однако приходится считаться с существованием торгового центра и жилого комплекса с таким же названием.

Подводя итоги этой деловой игры, отметим следующие моменты. Во-первых, инстинктивно номинатор улиц стремится к отражению в названии квалификативных или релятивных признаков самого объекта — очевидно, здесь еще действует когнитивная установка процесса номинации. Во-вторых, номинаторам удалось очертить круг тех исторических реалий, которые «работают» в номинативном пространстве города. К сожалению, это проявилось лишь в том, что такие названия уже зафиксированы (о чем, кстати, обычно номинаторы не подозревали, и это тоже показательно — как раз эти ключевые для города названия, как правило, существуют где-нибудь на окраинах). Наконец, обращает на себя внимание отсутствие предложений дать

названия-посвящения, связанные с личностями XX–XXI в., — исторический пафос, диктуемый статусом главной улицы города, оказывается ведущим.

Положение о порядке присвоения наименований топонимическим объектам и изменения наименований топонимических объектов муниципального образования «город Екатеринбург» : прил. № 1 к Постановлению Администрации города Екатеринбурга № 2558 от 27.12.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://екатеринбург.рф/file/54d6ef810f228790f437161612a73c8a> (дата обращения: 20.03.2022).

В. И. Супрун

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
suprun@vspu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

***Рдяный, русый и рыжий:* этимологическое родство колоронимов**

В статье рассматриваются колоронимы в славянских языках. Показано, что многие из них возникли в результате метафоризации. Кроме того, в процесс образования колоронимов включались механизмы семантической аттракции и различные деривационные средства, а происходившие в славянских языках фонетические преобразования нередко способствовали разрыву связи колоронима с этимоном.

К л ю ч е в ы е с л о в а: колороним; метафора; этимология; славянские языки; праславянский язык

Колоронимы занимают важное место в лексико-семантической системе любого языка: поскольку человек воспринимает окружающий мир в цвете, для обозначения его отдельных состояний и их оттенков уже на древних этапах лингвогенеза создавались особые лексемы и словосочетания. В процесс образования колоронимов включались механизмы метафоризации, семантической аттракции, использовались

различные деривационные средства, фонетические преобразования, уводящие лексемы от первичного корня и прерывающие связи с исходным этимоном.

Кажется, одним из первых слов с исходной колористической семантикой у славян было обозначение черного цвета. Индоевропейский корень **kīrsnū* сохранился в др.-прус. *kirsnan*, др.-инд. *kr̥ṣnás* ‘черный’. В других ветвях индоевропейских языков колороним стал использоваться в названиях пятнистых животных, что проявляется в достаточно регулярном метафорическом переносе в идиомах: лит. *kėršė* ‘корова с пестрой окраской шкуры’, *kėršis* ‘вол пестрой масти’, *karšis* ‘лещ’, *kiršl̥ys* ‘хариус’, шв., норв. *harr* ‘хариус’ < прагерм. **harzu-*. Видимо, для носителей языка было важно наличие черных пятен в окраске хариуса. Вот как описывает эту рыбу известный ихтиолог Л. П. Сабанеев: «По своему цвету хариус — одна из самых пестрых и красивых наших рыб. Спина его обыкновенно серо-зеленая, усеянная более или менее многочисленными и яркими черными пятнышками» [Сабанеев, 1, 238]. В русский язык название хариуса пришло из финно-угорских языков (фин., эст. *harjus*, карел. *harjuš*, вепс. *hard’uz*, *harjus*), которые заимствовали его у германцев [Фасмер, 4, 346]. Интересным народно-этимологическим преобразованием этого ихтионима стало название *серьёз-рыба* в говорах Костромской губернии бассейна волжского притока — р. Унжа [Сабанеев, 1, 237].

В славянских языках в этимоне **kīrsnū* закономерно произошли следующие фонетические процессы: первая палатализация *k > č*; в результате действия правила «руки» X. Педерсена переход *s > x* после *r*; упрощение группы согласных *xn > n*; прояснение сильного *ь* в *e*; третья лабиализация в древнерусском языке *e > [’o]*: рус. *чёрный*, укр. *чорний*, блр. *чорны*, ц.-слав. *чрънь*, болг. *черен*, чеш. *černý*, словц. *čierny*, польск. *czarny*, в.-луж. *čornu*. Незакономерный рефлекс первой палатализации *k > c* представлен в серб. *црн*, хорв., макед. *срт*, н.-луж. *сарну*, полаб. *cárne* [Фасмер, 4, 365; Skok, 1, 277–278].

Восприятие белого и синего цветов древними славянами было связано, вероятно, с их бросающейся в глаза яркостью, блеском. Праслав. **bělŭ* изначально обозначало ‘блестящий’, оно является родственным др.-инд. *bhālam* ‘блеск’, *bhāti* ‘светит, сияет’, греч. *φάλος* ‘светлый, белый’, др.-исл. *bál* ‘огонь’ и др.: произошел метафорический перенос на обозначение цвета [Фасмер, 1, 149; ЭСРЯ, 363].

Колороним *синий* образован от глагольной основы **soī-/sī-* ‘сиять’, представленной в гот. *skeinan* ‘светить, блестеть’, др.-инд. *chāyá* ‘блеск; тень’, греч. σκία ‘тень’, σκοιός ‘тенистый’, σκηνή ‘шатер, скиния’, алб. *hē* ‘тень’, н.-перс. *sāya* ‘тень, защита’, ц.-слав. *сѣнь* [Фасмер, 3, 624]. В ходе семантического развития слова приобретали амбивалентную семантику ‘блеск’ vs ‘тень’: подобное нередко наблюдается в языках, ср. рус. *вонь* — чеш. *vině* ‘благоухание’, рус. *чёрствый* — словц. *čerstvý* ‘свежий’.

Колороним, восходящий к праслав. **sīnī*, сохранился у восточных и отчасти южных славян: рус. *синий*, укр. *синій*, блр. *сіні*, болг., макед. *син*, серб. *сињи*, словн. *sinji*. У чехов, словаков и лужичан он ушел на периферию лексикона и используется в основном в поэтической речи: *siný*. Взамен в эти языки пришло слово с неясной этимологией: чеш., словц. *modrý*, ст.-польск. *modry*, в.-луж. *módry*, н.-луж. *módrý*; в словенском языке лексема *moder* используется параллельно с *sinji*. Ученые констатируют, что колороним имеет общеславянское происхождение [Holub, Luer, 1967, 319], подробно анализируются различные этимологические гипотезы в [ЭССЯ, 19, 161–164], причем для каждой отмечается ее сомнительность. Как обнаружил Л. Кралик, в словацком языке слово употребляется только с XVII в. и может быть связано либо с и.-е. **mad-* ‘мокрый, стекать, капать’, либо с германским названием марены красильной **madrōn-* [Králík, 2015, 365]. Нужно, однако, учитывать, что корень марены содержит красную краску — крапп. В течение многих столетий он использовался для окраски ковров, тканей, в живописи [ЖР, 358], но семантический перенос ‘красный цвет’ → ‘синий цвет’ затруднителен. В польском языке слово *siny* заменила чистая метафора *niebieski* ‘цвета неба’. Сербы, хорваты и отчасти словенцы для обозначения синего цвета используют колороним *плав / plav*, восходящий к праслав. **polvŭ*. Судя по семантике родственных слов в других языках (др.-инд. *palitás* ‘старец, седой’, *palitám* ‘седые волосы’, греч. πολίός ‘серый’, πελός ‘бесцветный, бледный’, лат. *pallidus* ‘бледный’, др.-ирл. *liath* < **pleitos* ‘серый’, др.-в.-нем. *falo* ‘блеклый, бледный, светловолосый’ [Фасмер, 3, 313; Skok, 2, 679–680]), первоначально этим словом обозначался голубой цвет, а затем колороним был перенесен на синий.

Следует отметить, что большинство языков не различает голубой и синий цвета, что отразилось на восприятии народами цветов радуги. Исаак Ньютон, будучи религиозным человеком, в 1704 г. внес

в традиционную шестицветную палитру цвет *indigo*, чтобы соблности сакральное число 7 [Ньютон, 1954, 130]. Этот колороним тогда еще не вошел в активный словарный запас англичан, он лишь в XVII в. обрел такую форму, заменив заимствованное в 1550-е гг. из испанского языка слово *indico* ‘порошок синего цвета из Индии’ [Online Etymology Dictionary].

Номинации следующих двух цветов возникли у славян по метафорической модели «похожий по цвету на какой-либо предмет». Колоронимы *зелёный* и *жёлтый* восходят к индоевропейскому корню **gel-/*gol-*, который имел значение ‘трава, зелень; расти’, ср.: лат. *helus, holus* ‘зелень, овощи, капуста’, осет. *zældæ* ‘низкая трава’, фриг. ζέλκια ‘овощи’, лит. *želiù, žėliau, žėlti* ‘зарастать’, *žoleė* ‘трава, зелень’, лтш. *zāle*, др.-прус. *sālin* ‘трава’ [Фасмер, 2, 43, 92]. Следовательно, колороним *зелёный* имел первичное значение ‘похожий по цвету на траву, зелень, овощи’. В дальнейшем от этого же корня были образованы слова *золото, зола, жёлчь* с разной степенью преобразования задненебного. Развитие семантики ‘зеленый’ → ‘желтый’ (или наоборот) происходило, возможно, на основе близости цветовой гаммы, наличия переходных оттенков между цветами, а также может быть связано с разным периодом окончательного закрепления значения за словами. Эта модель в дальнейшем стала практически основной формой образования новых колоронимов: рус. *коричневый, розовый, фиолетовый, оранжевый, персиковый, абрикосовый* и мн. др.

Наиболее ярким цветом для праславян, как, вероятно, и для других индоевропейцев, был красный. Для его обозначения в праславянском языке существовал корень **rūd-/*rūd-/*roud-*, образовавший впоследствии в разных идиомах семантически близкие колоронимы [Супрун, 2020]. Эти лексемы позволяют четко продемонстрировать многие историко-фонетические законы славянских языков.

Корень **rūd-* содержал в праславянском языке *ъ*, далее произошло падение редуцированного в слабой позиции после присоединения нередуцированного гласного. В результате возникли такие лексемы, как рус. *рдеть* ‘выделяться, отливать рдяным цветом’, *рдяный* ‘красный, алый’, слвн. *rdeč* ‘красный, алый, румяный’, *rdeti* ‘краснеть’ и др. При присоединении суффикса **-j* происходит переход переднеязычного взрывного в шипящий (исторически в аффрикату с последующей дезаффрикацией): рус. *ржа, ржавчина*, блр., укр. *іржа* (с протетическим *i*)

‘красно-бурый налет на поверхности железа’. В сербском и хорватском языках аффриката сохранилась: *pĥa*, *hrĥa* (с протетическим *h*), в болгарском отмечен сложный звук (*ръжда*), в македонском — особый рефлекс **dj*: *’pĥa*. В польском и словацком языках отмечена свистящая аффриката: *rdza*, *hrdza* (с протетическим *h*). Чеш. *rez* образовано от корня с редуцированным в сильной позиции, но значение рыжего цвета волос передано прилагательным *zrzavý* с падением редуцированного и протетическим согласным *z*. Болг. *роен* и *руен* ‘желтовато-красный’ отражают специфические фонетические процессы в историческом корне.

Корень **rūd-* имеет в качестве продолжения гласный *ы*: рус. *рыжий* (**rūd-* + *j-*), блр. *рыжы* ‘красновато-желтый’.

Корень **roud-* дал большое число производных: рус. *рудой*, укр. *рудий* ‘красно-желтый, рыжий’, болг. *руд* ‘темно-желтый’, слвн. *rujen* ‘красноватый’. К этому же корню восходят русские слова *русый* (< **rouds-*) ‘светло-коричневый’ и *румяный* (< **roudmen-*) ‘алый, густо-розовый; с золотисто-коричным оттенком’, слвн. *rumen* ‘желтый’.

Большое количество дериватов всех вариантов корня представлено в славянских диалектах. К ним можно отнести следующие лексемы: рус., блр., укр., болг., макед., серб. *руда*, слвц., в.-луж., хорв., слвн. *ruda* ‘природное минеральное сырье темно-серого, ярко-желтого, темно-фиолетового или ржаво-красного цвета’, рус., укр. *рудник*, в.-луж., слвн. *rudnik*, рус. диал. *руда* ‘кровь’, *рудомёт* ‘лекарь, лечащий кровопусканием’ (откуда фамилия *Рудомётов*) и мн. др.

ЖР — Жизнь растений : в 6 т. / под ред. А. Л. Тахтаджяна. Т. 5. Ч. 2 : Цветковые растения. М. : Просвещение, 1981.

Ньютон И. Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света / пер. с англ., с примеч. С. И. Вавилова. 2-е изд. М. : Гос. изд-во технико-теор. лит.-ры, 1954.

Сабанев Л. П. Рыбы России: жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб : в 2 т. М. : Терра, 1993.

Супрун В. И. Слова с корнем **rūd-/rūd-/roud-* в славянской колоронимии // *Język i pamięć : księga jubileuszowa Panu Prof. W. Chlebdzie z okazji 70. Urodzin / pod red. W. Mokijenki i J. Tarsy. Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2020. S. 607–617.*

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

ЭСРЯ — Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М. : Прозерпина, 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 1974–2019.

Holub J., Lyer St. Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím. Praha : Státní ped. naklad., 1967.

Králik L'. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava : Veda, 2015.

Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 07.04.2022).

Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 1–2. Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1972.

О. Д. Сурикова

Уральский федеральный университет
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Екатеринбург, Россия
surok62@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

Мир войны и мир горницы в «Причитаниях северного края» Е. В. Барсова*

В статье на материале рекрутских и свадебных причитаний из сборника Е. В. Барсова анализируется состав и наполнение концептуальных сфер «материальный и обстоятельный контекст рекрута и невесты». Указывается, что в основании их противопоставления лежит гендерная и прагматическая специфика фольклорной проекции мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лингвофольклористика; концептуальная сфера; причитания; «Причитанья Северного края»; лиминальные обряды; свадьба; язык войны

Сборник «Причитания Северного края», изданный Е. В. Барсовым в 1872–1885 гг., состоит из трех томов, разделенных в соответствии с функциональной спецификой текстов: похоронно-поминальные, рекрутские и свадебные причитания. В статье я обращаюсь к двум

* Статья написана в рамках работы над проектом ««Причитанья Северного края» Е. В. Барсова: материалы к словарю», поддержанным грантом РФФИ (№ 20-012-00205 А).
© Сурикова О. Д., 2022

глобальным концептуальным сферам, ключевым для плачей завоенных (рекрутских) и свадебных, — это сферы «материальный и обстоятельный контекст рекрута и невесты». Для краткости я обозначаю их условно-символическими номинациями, тесно ассоциированными с рекрутом и невестой: *мир войны* и *мир горницы*. Эти сферы настолько объемны и разнообразны по составу, что действительно представляют собой отдельные миры, наполненные уникальными вещами, персонажами, обстоятельствами и связями (см. табл., где отражены основные тематические группы в составе сфер и приведены некоторые примеры их лексического наполнения).

**Концептуальные сферы «материальный
и обстоятельный контекст рекрута и невесты»
в «Причитаниях Северного края»**

Тематические группы		Рекрутские причитания	Свадебные причитания
Общие для рекрутских и свадебных причитаний	Локусы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Страна и административный центр: <i>Россея, злодийный город Петровский</i>; ▪ Присутственные места: <i>принёмная палата; управа, полиция, палата губернатора</i>; ▪ Казарма: <i>казарма, ворота</i>. 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Деревня и ее ближайшие окрестности: <i>улица, лавочки торговые, церковь, реченька, полюшко, сад</i>; ▪ Двор дома, где проживает семья невесты, с дворовыми постройками: <i>двор, ворота, сарай, хлев, конюшенка, баенка</i>; ▪ Дом невесты (<i>дом-крестьянска жирушка, терем, хоромы</i>) с функциональными зонами (<i>крыльцо, сени, мост, изба, фатера, дверной уголок, задний уголок, большой угол, горенка, светлица, спальенка</i>), внешней и внутренней архитектурой (<i>окно,</i>

Тематические группы		Рекрутские причитания	Свадебные причитания
			<i>дверь, порог, печь, пол, стена, занавес(ь) 'занавеска, отделяющая женскую часть избы', грядочка 'жердь, перекладина' и др.).</i>
	Персонажи	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Представители государственного аппарата: <i>окружной, городничий, губернатор, судьи, писари, вершала, жандары;</i> ▪ Армейские чины: <i>камандеры, енералы, ротные, часовые, караульщики, солдаты, матросы;</i> ▪ Члены императорской фамилии: <i>царь-бог, государь, энператор, царица, царские детушки;</i> ▪ Враги: <i>злодий, супостат, враги, неприятель земли русской, некресть, турка, татарин, швед.</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Члены семьи невесты: <i>мать, батюшко, брат;</i> ▪ Подруги: <i>беседница, подруженька, задушевничка, советничка;</i> ▪ Роли в свадебном обряде: <i>жених, сваты, боярин и боярыня, князь и княгиня, дружка, возничка, перезовничек, позыватель, позадовицичек.</i>
	Общие обстоятельства	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Призыв: <i>набор государев, жеребей, приём государев, присяга;</i> ▪ Война: <i>война, бой, сраженье, кроволитье, поход.</i> 	Сватовство, венчание и другие этапы свадебного обряда: <i>венец, выдаванье, девичничек, женитьба, поезд княженецкой, рукобительце, скуп.</i>

Тематические группы	Рекрутские причитания	Свадебные причитания	
	Мебель и убранство	Мебель в здании рекрутского присутствия (<i>забривальный стул</i>) и казарме (<i>койка</i>).	Мебель и убранство в крестьянском доме: <i>лавка, стол со скатертями, стул, кровать с постелюшкой, зголовьем, периной, одеяльшком, иконы и образа</i> .
	Одежда и обувь	<i>Мундер, шинель, кивер, фуражечка, ремень, ранец, опоясье, пуговики</i> .	<i>Портище 'женское нарядное платье', душегреечка, тулуп, шубонька, сарафан, парчовничек, рубашечка, сорочка, поясок, рукавички, чулочки, портянки, кушак, косыночка, платок, шапка, шляпка, башмачки, сапожки, лаптишка, чёботы, подол, рукавички, запесье 'манжет', борочек 'ворот рубашки', поволока 'матерчатый верх шубы', каблучок, подвязочки 'подвязки, шнурки'</i> .
	Инструменты	Инструменты медицинского освидетельствования рекрута: <i>мера, линеечка</i> .	Инструменты для рукоделия: <i>став / станушечка 'ткацкий стан', веретёночко, прялочка, пялки, иголочка тамбурная</i> .
Уникальные для какого-л. функционального типа причитаний	Посуда		<i>Блюдо, поднос, тарелочки, чашечки, стакан, чара, рюмочки, ложечки, вилки, ножички, самовары</i> .

Продолжение таблицы

Тематические группы		Рекрутские причитания	Свадебные причитания
	Еда и напитки		<i>Вино, воточка, пиво, квасишко, кисель, молочко, чай-кофий; мед, сахар, жаркое, мясо, сёмженка, хлеб-соль, пирожок с начиночкой, калиточка 'разновидность выпечки' с наливочкой, овсяник, налитушка 'открытый пирог с начинкой', блины, пряничек, яблочко.</i>
	Ткани и материалы		<i>Шелк, бархат, парча, штоф, сафьян, гарнитур (< гродетур 'плотная шелковая ткань'), левантер (< левантин 'шелковая ткань'), камка, китаечка, ситец, сукно, бумага 'хлопок', тесьма, однозубина 'грубый холст'.</i>
	Украшения и ювелирные изделия		<i>Жемчуг, золото, серебро, камешек самоцветный, колечко, перстень, серёжки, монищечко; ленты, подвесточка, косоплёточка 'расшитая лента, которая вплетается в косу', булавоочки.</i>
	Косметика и инструменты для ухода за собой		<i>Белила, румяна, мылья, умываюница, гребешок, зеркало.</i>
	Деньги		<i>Казна, деньги медные, злато-серебро, медь, рубль, алтын, полтина, гривна медная, грош.</i>

Тематические группы		Рекрутские причитания	Свадебные причитания
	Оружие	<i>Оружье, копье, штык, сабля, ружье, пистолет, пушка, пуля.</i>	
	Строевая служба	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Армейские организационные подразделения: <i>рота, полк.</i> ▪ Элементы муштры и строевые движения: <i>шириночка</i> <i>‘шеренга’,</i> <i>строй, караул,</i> <i>поворотушки.</i> 	

Сопоставительный подход к этому материалу — естественный шаг для читателя и исследователя «Причитаний»: их яркая идеографическая и понятийная специфика заметна невооруженным взглядом. При этом существует два объективных основания для сравнения и противопоставления мира войны и мира горницы. Первое основание лежит в области жанровой прагматики и связано с базовой интенцией ламентаций. Жанр причитаний сопровождается лиминальные, или переходные, обряды, и главным «нервом» плачей является противопоставление прелиминальных и постлиминальных обстоятельств, в которых оказываются персонажи причитания. Прелиминальные обстоятельства идеализируются и описываются в плачах с привлечением мощного арсенала фольклорной мелиоративности (для свадебных плачей это девичество, для рекрутских — мирная жизнь в полной семье, до ухода рекрута в армию), постлиминальные обстоятельства наделяются всеми признаками «чужого» мира и имеют сильнейшие негативные коннотации, это «идеал наоборот» (в свадебных причитаниях это замужество, в рекрутских — все, что происходит с крестьянским мужчиной и его семьей после того, как в его родную деревню приходит указ

об очередном рекрутском наборе). Таким образом, противопоставление мира войны и мира горницы задано уже базовой оппозицией жанра: горница для невесты — пространство «свое», прелиминальное, идеальное, а «война» для рекрута — пространство «чужое», постлиминальное и негативно коннотированное.

Эта оппозиция эксплицируется в плачах на всех уровнях: и на синтагматическом (многочисленные и пространные описания девичества и рекрутчины — первого в розовых, второго в черных тонах), включая образность и лексическую сочетаемость (сотни мелиоративных эпитетов, характеризующих объекты и явления мира горницы, и масса пейоративных определений в рекрутских плачах), и на уровне парадигматики — состава и объема лексико-семантических групп. Например, в рекрутских плачах особенно частотны глаголы деструкции и причинения физического вреда, поддерживающие идею виктимности рекрута, а в свадебных причитаниях фиксируется большая группа названий отдыха и забав, работающих на «сибаритский» образ невесты. Возникают ситуации, когда одна и та же группа слов, элементы которой обозначают один и тот же набор идеограмм, выглядит диаметрально противоположно в контексте невесты и в контексте рекрута. Так, в плачах с помощью ряда одних и тех же соматизмов (различия невелики) конструируется физический облик этих двух персонажей (так называемая «карта тела»), только в случае с рекрутом указания на его телесность нужны, чтобы подчеркнуть страдательную роль этого героя (каждая часть его тела болит и подвергается физическому насилию), а в случае с невестой — чтобы обозначить, как именно девушка украшает и наряжает себя (перстни — на пальцы, монисто — на шею, сапожки — на ноги, ленту — в косу и т. д.). Другой пример, лежащий в области лексической прагматики, — употребление заимствований (нередко подвергающихся фонетическим и структурным искажениям): в рекрутских плачах они нужны, чтобы подчеркнуть «иномирность» военной службы (ср. армейские и военные термины, функционирующие как варваризмы: *вершала, жандары, энператор, кумандер, мондер, шенель* и т. д.), а в свадебных — чтобы обозначить дороговизну «заморских» материальных ценностей, которыми насыщен мир невесты (ср. иноязычные названия тканей: старые — *шелк, парча, сафьян, ситец, тесьма*, и новые — *штоф, гарнитур, левантин*).

Второе основание для сопоставления мира войны и мира горницы связано с гендерной спецификой фольклорной проекции мира. Сравнение «контекстов» рекрута и невесты, представленных в «Причитаниях», — это в некотором смысле анализ того, как в плачах воплощается сугубо мужской и сугубо женский мир (интересно, что мир горницы вполне отвечает стереотипным представлениям о женственности, занятиях и интересах незамужней девушки, а вот рекруту, главной чертой которого является виктимность, в победоносной маскулинности отказывается). Насыщенность, текстовая «плотность» специфических для женского и мужского мира деталей неодинакова: свадебные плачи «укомплектованы» уникальными женскими маркерами гораздо плотнее, чем рекрутские — знаками государственной службы. Это особенно заметно, учитывая примерно равный объем томов: по подсчетам С. М. Толстой [2020], общее количество строк в завоенных плачах — 8 643, в свадебных — 8 818.

Главная причина такой неравномерности — «фактор исполнителя» фольклорного произведения: жанровая проекция фрагмента мира во многом формируется в соответствии с кругозором и оптикой плакальщицы. Хорошо известно, что плачи при всей их формульности имеют жесткую гендерную и ситуативную привязку — исполняются только женщинами определенного возраста и социального статуса и «сочиняются», или импровизируются, «по случаю», а значит, вклад языковой личности в образ (проекцию) мира, представленный в таких текстах, нельзя недооценивать. Соответственно, «гендерный вопрос» в причитаниях — это не только жанровый профиль концепта, но еще и проблема гендерной и социальной проекции, продукт мировидения и опыта севернорусской крестьянки середины — второй половины XIX в. Поэтому вполне объяснима количественная асимметрия «мужских» и «женских» маркеров в «Причитаниях»: свадебный контекст знаком исполнительнице по личному опыту (она сама когда-то была девушкой и невестой и принимала участие во всех этапах свадебного обряда) — отсюда его избыточная подробность; военная же специфика известна крестьянке только по рассказам мужчин (ср. в том числе недавнюю — 1854–1855 гг. — Беломорскую кампанию в ходе Крымской войны) и из фольклорной эпической традиции. Таким образом, анализ насыщенности тех или других тематических зон в «Причитаниях» позволяет делать выводы о знаниях и системе ценностей исполнительниц этих текстов.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Т. 2: Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. СПб. : Наука, 1997.

Толстая С. М. Метрика «Причитаний Северного края» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 5–19.

О. А. Теуш

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
olga.teush@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7273-6629>

Региональная топонимия в «Отчете об экскурсиях в окрестностях Лальска» М. Прянишникова в этимолого-ономазиологическом аспекте

В статье рассматриваются топонимы лальского региона Кировской области, употребленные М. С. Прянишниковым в отчете 1915 г., посвященном исследованию территорий, прилегающих к г. Лальску. Исконные топонимы интерпретируются ономазиологически. Заимствованные географические имена собственные этимологизируются: определяются источники заимствования, комментируется внутренняя форма онимов.

Ключевые слова: топоним; гидроним; антропоним; г. Лальск; русский язык; марийский язык; прибалтийско-финские языки

Михаил Сергеевич Прянишников (1884–1924) был уроженцем г. Лальск¹, геологом, входившим в состав «Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете». В 1915 г. он производил разведочные геологические работы в окрестностях Лальска с целью выяснения типов пород и возможностей использования этих пород в промышленной переработке. Отчет содержит описание

¹ В настоящее время — поселок городского типа в Лузском районе Кировской области, входящий в перечень исторических городов России.

территорий, прилегающих к Лальску, с точки зрения особенностей ландшафта и состава почв. В повествовании М. С. Прянишникова активно задействуется местная топонимия. Многие приведенные автором названия имеют неясную внутреннюю форму и заслуживают этимологической интерпретации.

Кроме «магистральной» р. Луза², основными водотоками окрестностей Лальска являются рр. Лала, Шилега и Залесная [Прянишников, 1915, 3].

Название *Шилега* (совр. *Шелюг*) может быть интерпретировано на основе мар. *шелык* ‘щель, трещина’ [МРС, 699]: река имеет незначительную ширину (15–18 м) при длине в 91 км. Саамская этимология, предложенная в [Матвеев, 2007, 158–160] для похожих севернорусских гидронимов *Шилега* и *Шиленьга*, вряд ли приемлема для вят. *Шилега* / *Шелюг* по причинам как лингвогеографического, так и семантического характера. Лальская *Шилега* протекает по болотистой местности и вряд ли является «рыбной» (привлекаемые А. К. Матвеевым для этимологизации основы *Шил-* саам. патс. *š̄l̄^a*, нотоз. *š̄ēl̄^a*, кильд. *š̄j̄l̄^(a)*, тер. *š̄j̄l̄^(a)* имеют значение ‘добыча, улов, ловля’ [Там же, 159–160]). По этой же причине сомнительно сопоставление с мар. *шыл* ‘мясо’ (*Шилега* «Мясная (т. е. кормящая = рыбная) река») [Там же].

Содержащее звуковой повтор название р. *Лала* — неглубокой, текущей по всхолмленной равнине, изобилующей перекатами и созданными людьми запрудами, — может интерпретироваться как звукоизобразительное, ср. рус. диал. *лала* ‘болтун’, имеющее славянские и индоевропейские параллели [Фасмер, 2, 453–454].

Место слияния рр. Луза и Лала именуется *Воцкое* [Прянишников, 1915, 3]. Это обширный пологий склон, идущий от ур. Слудки [Там же] и переходящий в низину, поэтому название *Воцкое* может быть сопоставлено с мар. *вочык* ‘кривой, косой’ [СГНМЯ, 24]. Топоним *Слудки* является результатом онимизации в форме pl. t. географического термина *слудка* ‘возвышенный обрывистый берег реки; утес, скала над рекой’ (вят.) [СРНГ, 38, 307]. В этой холмистой местности находятся также *Шиловы Горы* [Прянишников, 1915, 8], название которых восходит к антропониму *Шило* / *Шилов* (номинация по профессии портного

² Самый крупный приток р. Юг протяженностью более 550 км, протекающий по трем субрегионам Европейского Севера России (Вологодская и Кировская области, Республика Коми).

или по поведению человека). Этот комплекс возвышенностей характеризуется оползнями, прорезаемыми оврагами, один из которых называется *Медвежий Лог* [Там же]. Поскольку медведи обитают в лесах, а не в каменистых оврагах, атрибут *медвежий* надо считать не прямой номинацией, а пейоративом.

В р. Лала впадают речки *Залесная* и *Глушица* [Прянишников, 1915, 5]. Гидронимы мотивированы признаками, отражающими характер окружающей местности: город Лальск окружен массивами хвойных и смешанных лесов. Название р. *Залесная* имеет ориентационный характер и дано по положению относительно населенного пункта. Река *Глушица* протекает по глухому лесу, рядом с которым расположена д. *Гиблица* (от *гіблыі* ‘о местности: грозящий гибелью, опасный, труднодоступный’ [ТСРЯ, 149]).

На водоразделе рр. Залесная и Лала находится д. *Целяково* [Прянишников, 1915, 5]. Название, по всей вероятности, производно от антропонима **Целяк / *Целяков*, в свою очередь, образованного от диал. **целяк* — деривата глагола *целіть* ‘исцелять, врачевать, лечить’ [Даль, 4, 577].

На возвышенной местности между рр. Луза и Залесная находится д. *Лунданка* [Прянишников, 1915, 6], расположенная на берегу притока р. Луза — речки *Лунданка*. Эта речка неширокая и имеет очень извилистое русло, поэтому характеризуется медленным течением. Гидроним может иметь финно-угорское происхождение, ср. карел. *luntustoa* ‘неуклюже двигаться, передвигаться, вращаться’ [SSA, 2, 104]. Возможна также связь гидронима с ф.-уг. **lunta* ‘птица’ [см.: Матвеев, 2007, 98].

В р. Луза, кроме указанных выше, впадает речка *Шейнога* [Прянишников, 1915, 10], название которой имеет прибалтийско-финское происхождение, ср. карел. *šeinä*, люд. *šein*, фин. *seinä* ‘стена’ [SKES, 4, 990]. Автор отчета сообщает, что высокий склон берега реки покрыт песком и валунами — видимо, это и послужило основой номинации, ср. рус. *стенá*, родственное гот. *stains* ‘камень’, др.-исл. *steinn* ‘то же’ [Фасмер, 3, 754].

В целом комплекс топонимов, отмечаемых М. С. Прянишниковым в окрестностях Лальска, этимологически и ономазиологически интерпретируется на основе разнообразных источников как русского, так и финно-угорского (преимущественно марийского) типа.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Терра, 1994.
Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.

МРС — Марийско-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.

Прянишников М. Отчет об экскурсиях в окрестностях Лальска. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1915.

СГНМЯ — *Савваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1981.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Т. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981 (Lexica societatis Fenno-ugricae ; XII).

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Т. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 556).

С. М. Толстая

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

smtolstaya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4531-0024>

Фольклорный текст как лингвистический источник*

В статье на примере сборника севернорусских причитаний Е. В. Барсова показано, что фольклорный текст наряду с памятниками письменности может быть полноценным источником для изучения истории русского языка. Отмечаются

* Работа выполнена в рамках проекта «“Причитанья Северного края Е. В. Барсова”: материалы к словарю», поддержанного РФФИ (грант № 20-012-00205А).

отраженные в причитаниях особенности фонетики, грамматики и лексики, характеризующие олонечские говоры русского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фольклор; причитания; олонечский диалект; фонетика; грамматика; лексика

Фольклорный текст может быть предметом изучения не только самой фольклористики (история и география текста, состав мотивов, поэтическая структура), но и других гуманитарных дисциплин: этнографии (обрядовый контекст и функции текста, его соотношение с другими кодами культуры, отражение в тексте мифологических представлений, исторической, социальной и бытовой сторон жизни общества), стиховедения (ритмическая организация фольклорного текста, рифма, звукопись и т. д.), наконец, лингвистики. В последнем случае фольклорный текст может изучаться двояко: 1) в перспективе самой фольклористики, когда язык рассматривается как форма выражения фольклорного содержания и одно из средств художественной выразительности; 2) в перспективе языкознания, когда язык фольклорного текста включается в общий языковой контекст как один из идиомов в ряду других идиомов, таких как литературный язык и язык диалектов. Первое из этих направлений в нашей гуманитарной науке имеет значительные достижения, главным образом благодаря курской и воронежской школе лингвофольклористики и фольклорной лексикографии (Е. Б. Артеменко, А. Т. Хроленко, М. А. Бобунова, С. П. Праведников и др.) и их предшественников (А. П. Евгеньева, И. А. Оссовецкий и др.). Второе направление, т. е. изучение того, как отражаются в фольклорном тексте языковые явления разного времени и как они соотносятся с литературным и живым народным языком, также имеет некоторую традицию, хотя и не достигло пока той систематичности в теоретическом и практическом плане, которая характеризует курскую школу лингвофольклористики.

Способность фольклорного текста служить источником для исследователей истории языка и диалектологов не раз ставилась под сомнение на том основании, что язык фольклора представляет собой особый, отличный от живой речи идиом, обладающий часто чертами наддиалектного койне и потому не отражающий черт диалекта. Это сомнение справедливо лишь отчасти. Во-первых, фольклорный текст может не отражать прямо (или отражать не полностью) особенности

диалекта той местности, где он записан, однако в масштабе всей языковой и культурной традиции он в любом случае является адекватным текстом на русском (или ином) языке, и потому его языковые черты не могут трактоваться как не принадлежащие этому языку. Во-вторых, наддиалектные черты фольклорного текста по-разному проявляют себя на разных языковых уровнях, и потому эти разные уровни могут представлять разную ценность для лингвистов: наиболее информативен фольклорный текст в отношении лексики, которая самым непосредственным образом связана с содержанием, наименее информативен в отношении фонетики, которая может нивелироваться в исполнении, а также акцентологии, которая часто подчиняется ритмической структуре текста. Наконец, по мнению таких авторитетных исследователей, как П. Г. Богатырев [1962] и Р. О. Якобсон [1962], во многих случаях следы отступлений от норм живого языка могут быть выявлены и объяснены влиянием более престижных норм (литературных или диалектных).

С другой стороны, многие историки языка (С. К. Пожарицкая, М. Н. Шевелёва, Д. В. Сичинава и др.) находят параллели древнерусским явлениям в языке современных диалектов и в фольклорных текстах, которые благодаря своей устойчивой форме нередко сохраняют следы глубокой архаики. Показательный в этом отношении пример — новгородская былина о Садко. В записи А. Ф. Гильфердинга [Онежские былины, 1983] имя этого героя имеет необычную для русского языка форму *Садке*: им.-зв. п. *Садке*, род.-вин. п. *Садка*, дат. п. *Садку*, твор. п. *Садком*; примеров местного падежа, к сожалению, в этой записи нет. Такая форма им. п. ед. ч. сущ. м. р. типична для древненовгородского диалекта и широко представлена в берестяных грамотах, особенно раннего периода [Зализняк, 2004, 99–100].

По всей вероятности, то же новгородское происхождение имеет имя севернорусского (олонецкого) святочного персонажа *святке*, который упомянут в словаре Т. А. Новичковой [1995, 510–515] и которому посвятил свою работу А. Б. Мороз [2019]. В отличие от имени *Садке*, которое, естественно, не имеет форм мн. ч., мифологическое имя *святке* засвидетельствовано и в мн. ч.: арх. «Святки не тащат в воду» [СРНГ, 36, 343].

Большое число архаических диалектных черт содержат севернорусские причитания, в частности олонекские причитания, записанные Е. В. Барсовым полтора века тому назад [П; Р; С]. В принципе весь этот обширный текст (более 25 тыс. стихотворных строк) заслуживает

специального изучения как полноценный источник по истории и диалектологии русского языка, подобно рукописному Олонецкому сборнику заговоров XVII в. [Алексеева, Гиппиус, 2019; Алексеева, 2020].

Полный обзор языковых особенностей олонецких причитаний из сборника Барсова, конечно, невозможен в рамках краткой публикации, поэтому остановимся лишь на наиболее заметных особенностях.

Из области ф о н е т и к и:

- непоследовательность рефлексации ятя: *дети* и *дити*, *риченька*, *жалаючи* и *жалиючи*, *диется*, *стритити* ‘встретить’, *издить* ‘ездить’, *в витре*, *в лисе* ‘в лесу’, *злудийка* и т. п.;

- непоследовательность перехода *e > o* после мягких под ударением: *почётной* и *почестной*;

- колебания в эффе́кте цоканья / чока́нья (деепричастия: *гуляючи*, *глядаючи*, *зовуци*, *летяци*, *ходяци* и *глядачи*, *живучи*, *идучи*; *птича* ‘птица’, *стуцялася* ‘стучалась’);

- переход *мл*, *вл > бл*: *блад*, *бладой* ‘молодой’, *бладенец* ‘младенец’, *бладыко* ‘владыка’, ср. *Што я думала*, *бладёшенька*, *сотворила молодёшенька* [П, 271].

Из области м о р ф о н о л о г и и:

- колебания твердых и мягких в исходе основ: *зимный*, *поздный*, *ранний*, *утренний*, *осенний*, *булатный*, *сахарный*, *дородный*, *холодный*, *разливня* ‘разливная’, *скорья* ‘скорая’, *во снях*, *одны*, *ихной*, *оны*, *этыи*, *разгоряется* ‘разгорается’, *безматерный* и *безматерный* и т. п.;

- вариативность глагольной основы: *буд-* и *быд-* (*сбыдут* — 3 л. мн. ч. [Р, 105]).

Из области м о р ф о л о г и и:

- склонение существительных и прилагательных: *от крепку сну* (род. п. ед. ч.) *оны тут пробуждаются* [П, 135]; *Я ответу* (род. п. ед. ч.) *им не отдаваю* [П, 187]; *во избы*; *во двори*; *на работы* (местн. п., ед. ч.); *по русой косы кладу цветы алыи*; *православный крестьяна* (им. п. мн. ч.) *отступилися*; *мужевья* (им. п. мн. ч.); *из-за морь* (род. п. мн. ч.) *птички слетаются*; *ясных своих очь* (род. п. мн. ч.) *да не крестили*; *со кормильцем светом-батюшкам* (твор. п. ед. ч.); *со родителю со матушкой* (твор. п. ед. ч.); *с горючмы слезмы* (твор. п. мн. ч.) [П, 158, 205]; *горючима слезамы обливаемся* (твор. п. мн. ч.); *за бурлацкима удалыма головушкам* (твор. п. мн. ч.); *за мхамы за дыбучима* (твор. п. мн. ч.); *за тёмныма лесамы за дыбучима* (твор. п. мн. ч.); *мне со тыма со братьям богоданныма* (твор. п.

мн. ч.); *стоят жёны со мужевьями ликуются* (твор. п. мн. ч.) [П, 189]; *во горях* (местн. п. мн. ч.) *головушка состарится* [Р, 122]; *на чистых на полюшках* (местн. п. мн. ч.); *дочерь обидная* (им. п. ед. ч.) и т. п.;

▪ краткие и полные формы прилагательных часто взаимозаменяемы в зависимости от ритмики стиха: *востры ножнички булатнии* [П, 25], *этой злой вдовиной обидушки* [П, 32]; *за часты звезды да подвосточные* [П, 25]: *его жёлты завивны кудёрышки* [П, 27];

▪ прил. им. п. ед. ч. м. р. *-ой* и *-ий, -ый*: *бедной и бедный, белой и белый, несчастной и несчастный* и т. п.;

▪ склонение местоимений: род. п. ед. ч. *у мня, у тя, у тобя, у ей, без тия*; дат. п. ед. ч. *мни, ти, тие, ко тоби*; вин. п. ед. ч. *ю, тя, тия*; твор. п. ед. ч. *с им*; им. п. мн. ч. *оны*; твор. п. мн. ч. *с има*; притяж. *ейны, ейна, ейно*; указ. *этой, эти, этим, этима, тых*;

▪ спряжение глагола: *Я ответу им не отдаваю* [П, 187]; *Разобидуюсь на милых своих детушек* [П, 152]; *Туды ветрышки ведь е да не провеывают* [П, 160];

▪ стяженные флексии 3 л. ед. ч.: *Не залагат ли он ступистой лошадушки, не поезжат лди во темны леса дремучи* [П, 38]; *Покидат меня, победную головушку, оставлят меня, горюшу горегорькую* [П, 25]; *Дождидат меня, обидную, он во гости во бажёные* [П, 58]; *покачиват, потряхиват, помахиват* — 3 л. ед. ч. [Р, 47];

▪ 3 л. наст. вр. — с *-т* и без *-т*: *кто же пойде; пекё солнышко* [П, 47];

▪ императив: *Не сироть столько сиротных малых детушек, не слези меня, победной головушки* [П, 26].

Из области словообразования:

▪ обилие уменьшительных форм: *живленьице, желаньице, обидушка, озёрышко, златокрыленькой, тошнёхонько, светлёшенько*;

▪ суффиксальное оформление: *поздый 'поздний'*;

▪ наречия, составные номинации: *родитель-матушка, честно-именно, род-племя, глядеть-смотреть, шитый-браный, кругом-около* [см.: Толстая, 2021].

Из области синтаксиса:

▪ нестандартные предложные конструкции: *мимо* + вин. п. (*Как я шла <...> мимо эту Божью церковь посвященную* [П, 124]), *перед* + вин. п. (*перед Господа глаза крестили* [Р, 147]);

▪ порядок слов: свободный порядок в зависимости от актуального членения (AS и SA, SV и VS, VO и OV), при котором, однако,

синтаксически связанные слова могут отделяться друг от друга другими словами, не подчиненными членам разорванного словосочетания, — нарушение принципа проективности [Зализняк, 2004, 189]: *По новым ли шла сеням да красной девушкой* [П, 26]; *Как пойдут мои сиротньки к вам детушки* [П, 28]; *Как во светлую собрались оны свѣтлицу — во столовую во нову оны горенку* [П, 52]; *На луга ли мне пойти ль да сенокосные? На поля ли мне пойти да хлебородные?* [П, 53];

▪ «избыточная» связка *е / есть / есте*: *Я вдова теперь е да молодешенька* [П, 41]; *Ведь я девушка е да не дешёвая и моя волошка е да не грошовая* [С, 281]; *Уже где да есть родитель-то наш батюшко?* [П, 28]; *И куды птиченька ведь е да солетается!* [С, 395]; *Теперь все прошло ведь е да миновалось* [П, 182]; *И е налажены полы-мосты дубовьи и е разостланы сукна да одинцовьи!* [С, 368]; *И строги-грозны богоданны есть родители!* [С, 360]; *Не тако есте желаньице как у сердечных у родителей* [П, 58]; аналогичные нестандартные конструкции известны древнейшим письменным памятникам северо-западной зоны русского языка [Толстая, в печати];

▪ частицы: *да, ведь, -ка, -ко, -тко, -ткось, столько, как, все*;

▪ повторение предлогов: *ко быстрой ко риченьке; по поздому по вечеру; под раннюю зарю да во под утренну* [П, 175]; *ко этому столу да ко дубовому* [П, 284]; *ко твоей ко бладей головушке* [П, 353] [см.: Евгеньева, 1963; Ворт, 2006];

▪ вин. п. = им. п. у сущ. ж. р. (при инфинитиве): *управлять да вся крестьянска эта жирушка* [П, 156]; *приклонить своя бурлацкая головушка* [Р, 79]; *буйна голова носить надо низёшенько* [Р, 150]; *воспокинуть вся крестьянска наша жирушка* [П, 129]; *путь-дороженька идти да не торнёшенька* [С, 381].

Л е к с и к а причитаний содержит большое число слов, не зафиксированных в других русских диалектах и не привлекавших внимания лексикологов; в [СРНГ] многие слова подтверждаются только данными сборника Барсова. Но эта тема требует специального рассмотрения [см.: Сурикова, 2019; 2020].

Алексеева А. С., Гунциус А. А. Наблюдения над текстом олонекского сборника заговоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 141–157.

Богатырев П. Г. О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 75–86.

Ворт Д. Повторение предлогов в древнерусском // Ворт Д. Очерки по русской филологии. М. : Индрик, 2006. С. 216–232.

Евгеньева А. П. Повторение предлогов // Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 20–97.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Мороз А. Б. *Святке* — биография несуществующего демона // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 219–222.

Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб. : Петербургский писатель, 1995.

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск : Сев.-зап. кн. изд-во, 1983.

П — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб. : Наука, 1997. Т. 1 : Похоронные причитанья.

Р — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб. : Наука, 1997. Т. 2 : Рекрутские и солдатские причитанья.

С — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб. : Наука, 1997. Т. 2 : Свадебные причитанья.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Сурикова О. Д. «Причитанья Северного края» Е. В. Барсова как источник изучения лексики Русского Севера // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2019. С. 330–353.

Сурикова О. Д. Ономастикон «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 104–155.

Толстая С. М. Материалы к словарю «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова. Составные номинации // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 260–309.

Толстая С. М. Превратности глагола *быть* в языке олонекских причитаний. В печати.

Якобсон Р. О. О соотношении между песенной и разговорной народной речью // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 87–90.

С. А. Толстик

Томский государственный университет
Томск, Россия
stolstik@mail.ru

Русский национальный образ внешности: к истории и этимологии диал. *гойный*

В статье рассматривается рус. диал. *гойный*, имеющее в рязанских говорах XIX–XX вв. значение ‘красивый’. В других русских говорах и большинстве славянских языков слово имеет семантику ухоженности, изобилия, здоровья, щедрости. Автором показано, что, хотя прилагательное **gojъ(jь)* является праславянским, значения, связанные с характеристикой внешности, являются для него поздними и региональными.

Ключевые слова: русский язык; диалектология; этимология; лексема *гойный*

Занимаясь историко-этимологическим исследованием диалектной лексики, характеризующей внешность человека, мы обнаружили прилагательное *гойный*, характеризующее высокую степень положительной эстетической оценки. По происхождению это отпричастное образование от глагола *гойть* (каузатива к **ziti*), имеющего исходное значение ‘кормить, ухаживать’ [ЭССЯ, 6, 195–197].

В лингвистической литературе анализ адъектива *гойный* и родственной лексики представлен прежде всего в связи с историческими комментариями к рефлексам **goj-*. Так, С. М. Толстая [2016] рассматривает семантическую структуру славянских гнезд, в которых представлены значения, относящиеся к питанию, пище, кормлению, и производные от них значения воспитания, взращивания, в том числе лексику с корнем **goj-*. А. Г. Гатаулина [2019], обращаясь к праслав. **gojiti* в связи с тем, что этот глагол является каузативом к **ziti*, также анализирует семантическую структуру праславянского гнезда **goj-*. Возникновение значений, связанных с внешностью человека, в этих работах не рассматривается.

Л. Г. Яцкевич, анализируя концепт «красота» в славянских языках, обращается к интересующему нас гнезду **goj-*, но не рассматривает

подробно историю адъектива *гойный*. По мнению автора, семантическая эволюция в рамках гнезда «идет в двух направлениях: 1) ‘кормить’ → ‘упитанный’ → ‘здоровый, радостный’ → ‘красивый’; 2) ‘приводить в порядок’ → ‘делать чистым, нарядным, украшать’ → ‘быть красивым’» [Яцкевич, 2003, 11].

Русское прилагательное *гойный*, отмеченное в рязанских говорах, характеризует высокую степень положительной эстетической оценки ‘видный, красивый, величавый’, которая представлена синкретично (крепкое телосложение, высокий рост, хорошая осанка, внешняя привлекательность): *гойный молодец* [СРНГ, 6, 281]. В тех же рязанских говорах (а также в пермских) *гойный* имеет значение ‘приведенный в порядок, благоустроенный’: *гойная изба*. Остальные значения этого слова представлены в севернорусских говорах и говорах вторичного происхождения. Они обозначают порядок, благоустроенность, чистоту:

- ‘чистый’ (влг., урал., перм., сиб.), например: *гойная пшеница*, *гойный покос* ‘расчищенный, освобожденный от леса’ (влг.): «Сосны выгоены на покос, гойный покос и стал»;

- ‘плодородный, тщательно обработанный’ (о земле) (тюмен., курган.): «Хорошу пашню завсегда гойной звали» [СРНГ, 6, 281; СГРС, 1, 65; Опыт, 33].

Префиксально образованное прилагательное *огойный* также имеет семантику чистоты, порядка, но не характеризует внешность человека: *огойный* ‘чистый, опрятный, хорошо прибранный’ (юж., зап.) [СРНГ, 22, 333].

Однокоренные слова со значением красивой внешности в русских народных говорах не отмечаются — диалектные образования с этим корнем характеризуют чистоту, порядок, изобилие: *гой* ‘наведение чистоты, уборка’ (влг.): «И на усадьбе гой устраивай, обихаживаем» [СГРС, 1, 65], ‘уход, присмотр’ (том.): «Такого гою эта лошадь дождалась только под старость» [СРНГ, 6, 280]. Наречие *гойно* имеет значения ‘чисто’ (влг.), ‘приятно’: «Слеза ее капнула ему на лицо, он проснулся и вскрикнул: “О, как ты меня чем-то гойно обожгла”» (липец., тамб., Афанасьев), ‘изобильно’ (без указ. м.): «Были гости дорогие и далекие. Стройно, гойно, тучно, гучно к ней приезжали» [СРНГ, 6, 281].

Производящий для анализируемого прилагательного глагол *гойть* широко представлен в разных группах говоров прежде всего в его исконном значении ухода за кем-л., кормления: ‘хорошо кормить, холить’

(юж.-сиб., сиб., перм., урал., влг., орл., вост.), ‘угощать’ (перм., влг., сиб., урал., том.); хорошего отношения: ‘любить, ласкать, ухаживать за кем-либо’ (тобол., том., вят., сев.-двин.). Другие, вторичные, значения *гойть* отражают следующую семантику:

▪ ‘чистить, очищать’: ‘снимать чешую с рыбы, вынимать внутренности’ (тобол.), ‘очищать зерно от мякины и сора’ (вят., нижегор., перм., свердл., курган., тобол., том., заурал., влг., перм., сиб., челяб.) и нек. др.;

▪ ‘лечить, заживлять’: ‘заживлять раны, излечивать’ (юж., зап., ю.-в.);

▪ ‘приводить в порядок’: ‘устраивать, готовить, чинить’ (влг., перм., самар., сиб., тобол., краснояр., тамб., енис., забайк.); ‘приводить что-либо в порядок’ (юж.-сиб., сиб., перм., вят., влг., нижегор., челяб., курган., барнаул., кемер., том., енис., заурал., влад., сев.-двин.); ‘стлать, расстилать; обрабатывать лен’ (тобол., перм.) и нек. др. [СРНГ, 6, 279–280; СГРС, 1, 65].

Как можно видеть, в этом большом массиве примеров производящий глагол не характеризует внешность человека. С целью выявить истоки значения ‘красивый, видный’ обратимся к данным истории русского языка, а также к инославянскому материалу.

В древнерусском языке (в старорусский период) в семантике соответствующего прилагательного и его дериватов интересующее нас значение отсутствовало, было представлено только ‘abundans, изобильный’ [Срезневский, 1, 541]. В более позднее время в русском литературном языке прилагательное *гойный* не зафиксировано. Итак, эстетическая оценка внешности представлена в русском языке на данном материале только в рязанских диалектах XIX–XX вв.

Обращение к материалу других славянских языков показало, что семантика внешности в рассматриваемом прилагательном представлена только в белорусском, польском и ряде южнославянских языков. В польских и белорусских диалектах, как и в рязанских говорах, отмечено значение положительной оценки внешности: польск. диал. *hojny* ‘красивый’ [Karłowicz, 2, 186], блр. диал. *гойны* ‘красивый, пригожий’: «Яна некалі была гойная дзяучина. Вот дзеўка гойна» [СБГ, 1, 461]. Таким образом, ареал значения «красоты» — польско-белорусско-рязанские говоры.

В южнославянских же языках наблюдается не положительная эстетическая оценка внешности, а параметрическая характеристика

телосложения человека или животного (указание на полноту): макед. *гоен* ‘толстый, откормленный’, с.-х. *gōjan* ‘откормленный, упитанный’, болг. *гойный* ‘откормленный, толстый, дебелий’; в польских диалектах также встречается *hojny* ‘хорошо откормленный; растолстевший (о человеке или животном)’ [Геров, 1, 231; Boryś, 2005, 195–195; ЕСУМ, 1, 547; Karłowicz, 2, 186]. Это прямое развитие от исходной семантики: ‘полный’ ← ‘такой, о котором хорошо заботились, которого хорошо кормили’.

Другие значения прилагательного в славянских языках связаны с разнообразными положительными явлениями, которые в целом можно обозначить как обилие, богатство, здоровье, ухоженность, покой: ‘обильный, многочисленный’ (чеш. *hojný*, словц. *hojny*), ‘частый’ (чеш. *hojný*), ‘хорошо обработанный’ (с.-х. *gōjan*, *gājani*), ‘плодородный, урожайный’ (польск. *hojny*), ‘целебный, лечебный’ (укр. *гойний*, ст.-польск., польск. диал. *hojny*, в.-луж. *hójny*), ‘быстро заживающий’ (ст.-польск. *gojny*, польск. *hojny*, укр. *гойний*), ‘спокойный, мирный’ (с.-х. *gōjan*, *gājani*) [ЭССЯ, 6, 197–198; Boryś, 2005, 195–195; ЕСУМ, 1, 547; СУМ, 2, 106; Аникин, 11, 106–107; Kralik, 2015, 202; SJP; СБГ, 1, 461; SP XVI, 7, 521; ИСБ, 7, 30–31].

В качестве характеристики человека слово выступает в славянских языках в значениях ‘щедрый’ (ст.-польск. *gojny*, польск. *hojny*, польск. диал. *chojny*, укр. *гойний*, блр. диал. *гойны*, ст.-блр. *гойный*), ‘зажиточный, богатый’ (чеш., словц. *hojný*, польск., ст.-польск. *hojny*, рус. ц.-слав. *гоиньш*); ‘храбрый, отважный’ (блр. диал. *гойны*) — вплоть до значения общей положительной оценки ‘хороший’ (укр. диал. *гойний*) [ЭССЯ, 6, 197–198; Boryś, 2005, 195–195; SJP; ЕСУМ, 1, 547; Аникин, 11, 106–107; Kralik, 2015, 202; СУМ, 2, 106; СБГ, 1, 461; Онишкевич, 1, 179; ИСБ, 7, 30].

Несколько выбивается из системы положительных значений семантика гордости в белорусских диалектах, которая, как правило, в народной речи имеет негативную коннотацию: блр. *гойны* ‘пышный, щедрый от чванства’ [Носович, 1870, 116], блр. диал. *гойны* ‘форсистый, гордый’: «О, цеперэка вон гойны стау, бо за брыгадзира обрали» [Кучук, Малюк, 2000, 27]. Это значение вполне возможно с учетом семантического развития ‘богатый, щедрый’ → ‘гордящийся богатством’.

В ранних славянских письменных памятниках значение красоты у рассматриваемого прилагательного не зафиксировано.

В западнославянских языках оно отмечается с XVI в.: ст.-польск. *hojny* ‘щедрый, щедро наделяющий, обильно одаривающий’, ‘богатый’, ‘плодородный, урожайный’, чеш., слвц. *hojný* ‘богатый’, ‘многочисленный’ [Boryś, 2005, 195–195; ЭБ, 3, 14–15; Kralík, 2015, 202; Аникин, 11, 106–107]. В польском языке данное слово является богемизмом [Boryś, 2005, 195–195; Аникин, 11, 106–107], в украинском и белорусском — полонизмом [ЕСУМ, 1, 547; Аникин, 11, 106–107; ИСБ, 7, 3].

Несмотря на то что анализируемое прилагательное является общеславянским, значение положительной оценки внешности — достаточно позднее и региональное. Значение ‘красивый, видный’ отмечается в польско-белорусско-рязанском ареале не ранее XVII–XVIII вв., отсутствуя при этом в древнерусском, старобелорусском, староукраинском и старопольском языках и других древних славянских языках.

Развитие значения ‘красивый’ в русских рязанских, белорусских и польских говорах могло идти следующим образом: ‘такой, которого бережно выращивают, хорошо откормленный’ → ‘упитанный, полный’ → ‘красивый, видный’. По всей вероятности, указанное развитие семантики шло параллельно: с одной стороны, в польско-белорусском ареале, с другой стороны — в рязанских говорах.

Значение эстетической оценки, таким образом, явно вторично и сформировалось достаточно поздно на базе изначально синкретично представленных значений хорошего ухода, выкармливания и, как следствие, крепкого телосложения, физической силы — ср., например, рус. *дебелый* ‘полный, красивый’, др.-рус. *крѣплькъ тѣломъ, вьсячьскы оукрашень*, имеющее положительную оценку [Макеева, 2004, 430].

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Наука, 2007–. Вып. 1–.
Гатауллина А. Г. *Жить-поживать да добра наживать* (судьба глаголов с корневым *жи(ть)* и их производных в русском языке). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2019.

Геров Н. Речник на българския език : в 5 т. Пловдив : Съгласие“, 1895–1900.
ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 7 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.

ИСБ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы / гал. рэд. А. М. Булыка. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–. Т. 1–.

Кучук І. М., Малюк А. К. Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён. Мазыр : МазДПІ ім. Н. К. Крупскай, 2000.

Макеєва І. І. *Бше же лицьмъ краснь* (эстетическая оценка в древнерусском словесном портрете) // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2004. С. 428–445.

Носович І. І. Словарь белорусского наречия. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности АН, 1870.

Онишкевич М. І. Словник бойківських говірок : у 2 ч. Київ : Наукова думка, 1984.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб. : Тип. Имп. АН, 1852.

СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / рэд. Ю. В. Мацкевіч : у 5 т. Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986.

СГРС — Словарь говоров русского Севера / гл. ред. А. К. Матвеев, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

Срезневский І. І. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. АН, 1893–1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

СУМ — Словник української мови : у 11 вип. / гол. ред. І. К. Білодід. Київ : Наукова думка, 1970–1980.

Толстая С. М. Питание и воспитание в зеркале славянской лексики // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 22–36.

ЭБ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск : Навука і тэхніка : Беларуская навука, 1978–. Т. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Яцкевич Л. Г. Процессы семообразования в структуре исторических корневых гнезд (концепт «красота») // Русское слово в тексте и словаре / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда : Русь, 2003. С. 4–23.

Bożyś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2005.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków : Nakładem Akademji Umiejętności, 1900–1911.

Kralík L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava : Veda, 2015.

SJP — Słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. URL: <https://sjp.pl/hojny> (дата обращения: 20.04.2022).

SP XVI — Słownik polszczyzny XVI wieku / red. J. Kuźniar, H. Leputa. T. 1–34. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich : Polska Akademia Nauk, 1956–2010.

Л. А. Феоктистова

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

l.a.feoktistova@urfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6640-4815>

О проекте этимолого-мотивационного словаря деантропонимов в севернорусских говорах*

В публикации обсуждаются общие принципы составления словаря производных от личных имен и библейских антропонимов в севернорусской апеллятивной лексике и фразеологии. В качестве иллюстрации приводится фрагмент словарной статьи «Абрам».

К л ю ч е в ы е с л о в а: севернорусские говоры; деантропоним; деривационное гнездо; оно-апеллятивный комплекс; этимология

В самом первом номере журнала «Вопросы ономастики», вышедшем в 2004 г., были опубликованы подготовленные И. В. Родионовой материалы к словарю вторичных отантропонимических номинаций, включающие в себя дериваты библейских антропонимов, зафиксированных в лексике и фразеологии русских народных говоров [Родионова, 2004]. Автор этих строк готовил данные материалы к печати, а впоследствии был привлечен и к работе над самим словарем. Сбор материала для словаря осуществлялся в том числе силами сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета. Однако этот масштабный по своему замыслу словарный проект по разным причинам, к сожалению, пока не осуществился. Собранные материалы (некоторая их часть) стали источником научных публикаций [Родионова, 2005; 2007; Феоктистова, 2016; 2019; и др.], но очевидно, что это не снимает задачу их систематизации, для решения которой словарная форма представляется самой удобной. В рамках настоящей публикации нам бы хотелось предложить свое видение подобного словаря и представить некоторые словарные материалы в качестве иллюстрации.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Автор искренне благодарен Е. Л. Березович и О. В. Мищенко за ценные замечания, высказанные в ходе обсуждения проекта словаря и пробной словарной статьи.

© Феоктистова Л. А., 2022

Общая цель проекта видится в том, чтобы показать на страницах словаря «вторую жизнь» антропонима (прежде всего личного имени) в рамках одной культурно-языковой традиции — одновременно как единицы языка и как культурного символа. Другая цель словаря — реконструкция языковых и/или культурных коннотаций отдельных антропонимов, а также языкового «портрета» референта того или иного имени (при наличии достаточного для этого материала).

Очевидно, при заявленном подходе (системно-языковом и этнолингвистическом) объектом описания должны стать не производные от личного имени лексемы, а само личное имя. В качестве критериев отбора материала следует, по-видимому, рассматривать следующие, связанные между собой: 1) системно-языковой, 2) социолингвистический, 3) лингвогеографический.

Системно-языковой критерий предполагает вхождение личного имени, ставшего производящей основой для вторичной номинации в апеллятивной лексике и фразеологии, в некую исходную антропосистему. Это несколько условный критерий, если учитывать, с одной стороны, открытость антропосистемы и, как следствие, вариативность состава входящих в нее имен, а с другой — зависимость от источников материала (таких словарей антропонимов, которые могут с разной степени полноты эту систему охватывать). В процессе сбора материала, таким образом, будут совмещаться два подхода: «дедуктивный» (от взятой за исходную антропосистемы как потенциального источника апеллятивной номинации — к отдельным ее фактам) и «индуктивный», который позволяет на основе этимолого-мотивационного анализа от-антропонимических дериватов представить исходную антропосистему в том виде, в каком она функционирует в отдельно взятой культурно-языковой традиции.

Особого внимания заслуживает вопрос о включении в словник библейских антропонимов. Строго говоря, при этимолого-мотивационном анализе деантропонимов личные имена и имена библейских персонажей следует рассматривать как две омонимичные друг другу производящие основы. Однако нередко образ библейского персонажа так или иначе «просвечивает» сквозь семантику личного имени, наделяя его устойчивыми коннотациями, а мотивы, идущие от «невоплощенного» личного имени и от библейского прецедента, могут накладываться друг на друга. Для того чтобы понять, как проявляют

себя в процессах апелятивизации личные имена в сравнении с библейскими антропонимами, какова степень задействованности тех и других в этих процессах (как отдельного класса онимов, так и отдельных его представителей), следует привлечь больший объем материала, не ограничиваясь только сопоставлением личных имен библейского и небиблейского происхождения, т. е. включать в словарь такие библейские антропонимы, которые не вошли в русский именослов.

Системно-языковой критерий вместе с тем накладывает и определенные ограничения при отборе материала, которые относятся к области социолингвистики и лингвогеографии, — соответственно, их можно выделить в качестве дополнительных критериев отбора.

Словарные материалы И. В. Родионовой наряду с данными русских народных говоров содержат факты, относящиеся к «другим языковым традициям — литературной (церковно-книжной) и арготической» [Родионова, 2004, 121]. Эти языковые единицы были включены выборочно — «в том случае, если возникало предположение об их тесной корреляции с соответствующими диалектизмами, их релевантности народной культуре» [Там же], что, вероятно, можно рассматривать как попытку найти некий компромисс между узким подходом к отбору материала, когда его источником служит только какая-то одна функциональная разновидность языка, и широким, таких ограничений не имеющим.

Если же источником материала служат только данные народных говоров, встает вопрос об их охвате (при широком подходе это, очевидно, должна быть территория всей страны). Выбор зоны в данном случае будет зависеть от ряда факторов — объективных (сохранность культурно-языковой традиции и степень ее изученности) и субъективных (область научных интересов составителей словаря, доступность различных источников материала).

В предлагаемом проекте словаря основным источником материала служат севернорусские говоры — прежде всего ввиду их архаичности и представленности в целом ряде диалектных словарей и их картотек. Это значит, что к анализу привлекаются языковые факты, отмеченные на территории Архангельской, Вологодской, Костромской, Новгородской, Ярославской областей, Республики Карелия, а также бывшей Олонецкой губернии. Инотерриториальные данные привлекаются

к анализу только при наличии апеллятивных дериватов от тех имен, которые зафиксированы в качестве производящих основ в севернорусских говорах.

Структура словарной статьи. Основной способ подачи и, соответственно, принцип классификации деантропонимов в самом общем виде можно было бы обозначить как алфавитно-гнездовой: дериваты одного имени объединяются в словообразовательное гнездо с вершиной — личным именем, сами имена при этом располагаются в алфавитном порядке [см.: Родионова, 2004, 122]. Данный способ подачи представляется логичным, учитывая то, что целью словаря является описание культурно-языковой семантики имени и воссоздание языкового образа его референта. Что касается алфавитного порядка подачи самих имен в качестве заглавных слов словарных статей, то мы предлагаем ввести дополнительную рубрикацию, разделив мужские имена и женские, чтобы попытаться выявить гендерную специфику отантропонимической номинации.

Вместе с тем, как показывает практика составления словарных статей, объединение деантропонимов в рамках одного деривационного гнезда сопряжено с целым рядом трудностей:

- 1) вариативность производящей основы;
- 2) проблемность выделения какой-л. одной формы личного имени в качестве заглавного слова;
- 3) вхождение производящих имен — гипокористик сразу в несколько деривационных гнезд с разными именами-вершинами;
- 4) паронимическая аттракция апеллятива к личному имени и наоборот;
- 5) различный онимо-апеллятивный статус входящих в состав макрогнезда единиц.

В свое время нами для объединения различных по своей языковой природе и функциям отантропонимических производных был предложен термин *онимо-апеллятивный комплекс* [Феоктистова, 2016, 92]. В структурном отношении онимо-апеллятивный комплекс должен быть, вероятно, организован по принципу морфо-семантического поля: набор полных и кратких форм личного имени образует его ядро; примеры употребления имени в составе фразеологизмов, а также бесспорные случаи апеллятивной отантропонимической номинации составляют приядерную часть; на периферии находятся различные

случаи паронимической аттракции к личному имени [см. подробнее о них: Феоктистова, 2019, 64–65].

Однако в рамках словарной статьи способ подачи входящего в ономо-апеллятивный комплекс материала необязательно должен воспроизводить описанную полевою структуру — это зависит от ставящихся составителями словаря задач. И. В. Родионова предлагает располагать материал с учетом морфологического строения деантропонимов:

- 1) одиночные лексемы разной частеречной принадлежности;
- 2) дериваты-композиции;
- 3) раздельнооформленные устойчивые сочетания (внутри выделенных групп деантропонимов языковые единицы располагаются по алфавитному принципу) [см.: Родионова, 2004, 122].

Данная схема описания словообразовательного гнезда библейского антропонима репрезентирует, с одной стороны, разные модели апеллятивизации библейских антропонимов, а с другой — разные способы языковой экспликации содержания библейских образов [подробнее см.: Родионова, 2000, 26–28].

Вместе с тем у этой схемы есть, на наш взгляд, и некоторые недостатки:

- поиск в рамках словарной статьи отдельных языковых фактов возможен только внутри какой-л. группы деантропонимов (а не всей статьи);
- читатель словаря должен не просто осмыслить представленный в рамках словарной статьи языковой материал, но и схему его описания;
- схема в полной мере «работает», очевидно, только тогда, когда разнооформленные дериваты личного имени реализуют какой-то один мотив исходного образа (а не различные).

Ставя перед собой задачи объективной репрезентации языкового материала и рассчитывая на широкого читателя, мы предлагаем располагать деантропонимы внутри словарной статьи только по алфавитному списку, а после него дать развернутый семантико-мотивационный (этимологический) комментарий относительно включения или невключения какого-л. языкового факта в словообразовательное гнездо имени и по возможности описать языковую семантику имени. В соответствии с этим можно выделить две зоны словарной статьи, следующие одна за другой: а) лексико-фразеологическая, б) семантико-мотивационная.

Возвращаясь к критериям отбора материала, следует отметить, что заявленный узкорегionalный подход будет представлен в первой из этих зон (лексико-фразеологической), но во второй зоне (семантико-мотивационной) он может быть дополнен широким подходом (включая малые фольклорные жанры и родственные языки). Совмещение обоих подходов позволяет решать не только частные задачи семантико-мотивационной реконструкции и этимологии, но и в масштабе всего словаря выявить специфику отантропонимической номинации в (северно) русских говорах.

Словарь в целом, таким образом, должен иметь комплексный характер. Это диалектный этимологический словарь отантропонимической лексики. Приведем в качестве иллюстрации фрагмент одной пробной статьи.

АБРАМ

— русский вариант библейского имени *Авраам* (из др.-евр. *'ab-raham* 'отец множества (народов)') [Суперанская, 2005, 20].

Севернорусские говоры

АБРА́М. 1. Седой благообразный старец с бородой. Влг.: В-Уст. «Дед у них такой абрам стал, борода до сих мест, весь белой»; «Дедушко такой заметный, абрам такой, седой весь, с бородой, как боженька» [СГРС, 1, 11].

2. О человеке с бородой. Олон. [СРНГ, 1, 191].

3. Бранно. Арх.: Плес. «Ой ты, абрам! — уставленья дают, ругают» [АОС, 1, 62].

АБРА́МОВА ШЕ́Я. Приспособление для погрузки бревен на сани. Низ. Печора. «Брёвна берут на абрамову шею: вершину закидывают попереk воза, а потом за вершину разворачивают вдоль воза и забрасывают на колодку» [СРГНП, 2, 443].

Другие территории

АБРА́М. ♦ НА АБРА́МА ПОХО́Ж. Коричневый, рыжий. Перм. «Пиво-то, на абрама похоже, вовсе не черное — черемное» [ФСПГ, 290].

АБРА́МОВА ГУ́БА. Гриб (какой?). Яросл. [ЯОС, 1, 19].

ОБРА́МОВА ГУ́БА. Несъедобный гриб (какой?). Яросл. [ЯОС, 7, 19].

ОБРАМУ́ХА. Несъедобный гриб (какой?). Яросл. «Обрамухи-то и губами зовут — абрамовы губы» [ЯОС, 7, 19].

ОБРАМУ́ШКА. Съедобный гриб (какой?). Яросл. [ЯОС, 7, 19].

В говорах Русского Севера, скорее всего, нашла отражение иконографическая традиция изображения ветхозаветного патриарха Авраама как старца с седыми волосами и длинной бородой. Олон. *абрам* ‘о человеке с бородой’ также может отсылать к этому образу, но может иметь и небиблейский источник, воспроизводя народные представления о внешности еврея [см.: Родионова, 2000, 116–117]. В данном случае важно отметить, что имя *абрам*, являясь распространенным еврейским именем, нередко заменяет собой этноним: см., например, поговорку *Иван сидел в окопе, Абрам в коопе* (сообщено Е. Л. Березович)¹. Оценочные коннотации этнонима реализуются в бранном выражении: «Ой ты, абрам! — уставленье дают, ругают» (арх.).

На других территориях негативно (по преимуществу) оцениваемый образ еврея сохраняет возможность зрительного восприятия отдельных составляющих (части тела и детали внешнего облика), «опредмечиваясь» во вторичных номинациях не совсем темного пива², съедобных и несъедобных грибов, орудий труда.

От дериватов библейского имени следует отделять арх. *абра́мок*, *абра́мочек* ‘детеныш белухи; шура детеныша белухи’ (Мезен.) [СГРС, 1, 11]. С. А. Мызников указывает на его возможную связь с саам. шв. *arbes* ‘без отца или без матери’ при фин. *orpo* ‘сирота’ [SKES, 438; см. подробнее: РДЭС, 32].

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.

РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

Родионова И. В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.

¹ Ср. также варьирование типичного имени и этнонима в составе одного фразеологизма: польск. *żyd mi depce po oczach* «еврей мне наступил на глаза» и кашуб. *Ábram komu zazera do oči* «Абрам кому-л. заглядывает в глаза» [Березович, 2014, 189].

² Ср. англ. *Judas colour* «цвет Иуды» ‘рыжий, красно-желтый цвет’ [OED, *Judas*], где нашли отражение стереотипные представления о внешности евреев.

Родионова И. В. Дериваты библейских антропонимов в народной языковой традиции (словарные материалы) // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 121–144.

Родионова И. В. К изучению процессов аттракции с участием отантропонимических дериватов (на материале русских народных говоров) // Этимология. 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 2007. С. 197–209.

Родионова И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М. : Айрис-пресс, 2005.

Феоктистова Л. А. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.

Феоктистова Л. А. Еще раз о паронимической аттракции к личному имени (на примере имени *Елена* в русских народных говорах) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 53–70.

ФСНП — *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2002.

ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ/ЯГПУ, 1981–1991.

OED — Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 20.07.2022)

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958–1981. (Lexica societatis Fenuo-ugricae ; XII).

Ф. Г. Хисамитдинова

Институт истории, языка
и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Россия

hisamitdinova@list.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5997-9928>

Личные имена мифологических персонажей в тюркской мифонимии

В статье описываются тюркские мифонимы, являющиеся собственными именами тех или иных мифологических персонажей. Мифонимам дается характеристика с точки зрения происхождения и структуры. Выделены собственно тюркские и заимствованные имена. В структурном плане личные имена тюркской мифонимии автором объединены в три группы.

Ключевые слова: тюркская мифология; мифоним; собственное имя; номенклатурный термин

Мифологическая лексика любого языка включает в свой состав названия тех или иных персонажей, предметов, отрезков времени, локусов, стихий, явлений природы, животных, растений и др., ср. башк. *айыу* ‘медведь, тотемное животное’, *Ер-әсә* ‘Мать-земля’, *етем* ‘сирота; мифологизированный персонаж; обделенный судьбой человек’, *артыш* ‘можжевельник, обережное растение’, *аккош* ‘лебедь, тотемная птица’ и др. Кроме указанных, в составе мифологической лексики выделяются особые наименования, которые представляют собой собственные имена того или иного мифологического или мифологизированного персонажа или другого объекта мифологии. Так, например, в славянской мифологии богиню любви называют *Лада*, богиню судьбы — *Мокошь / Макошь*. В тюркской мифологии богиню-покровительницу женщин и детей называют *Умай / Умай-ана* ‘мать Умай’, покровителя отдельных тюркских племен и народов — *Коркут / Коркуд-ата* ‘отец Коркуд’, лесной дух тюрков Урало-Поволжья именуется *Шурале* и т. д. [МНМ, 2, 5, 47, 654; Хисамитдинова, 2010, 282]. Аналогичные названия мифологических персонажей представлены и в других языках. В частности, в иранских языках богиню воды

и плодородия называют *Ардвисура Анахита* [МС, 51], богиня плодородия и земледелия в греческой мифологии называлась *Деметрой*.

Таким образом, практически во всех языках представлены как нарицательные, так и собственные наименования мифологических и мифологизированных персонажей. Несмотря на это, особенности личных имен в мифологии, проблемы их функционирования, взаимоотношения с апеллятивами, причины появления имен собственных в мифонимии изучены довольно слабо. В работах Е. Л. Березович [2007, 600], Л. Н. Виноградской [2000, 31–34], Е. Е. Левкиевской [1999, 243–257], А. М. и О. Н. Складченко [2018] и др. нашли отражение отдельные аспекты указанной проблемы. Что же касается особенностей собственных имен в тюркской мифологии, соотношения в ее составе имен собственных и имен нарицательных, то она практически не рассматривалась.

Между тем в корпусе мифонимов тюркских языков присутствует довольно большое количество собственных имен, называющих самых разных персонажей. Ср. *Бай Байанай* ‘личное имя якутского божества, духа-хозяина леса, животных и птиц, покровителя охотников’, *Самрау* ‘божество неба и птиц в башкирском эпосе «Урал-батыр»’, *Зенги-баба* ‘имя покровителя домашних животных у казахов и ряда других тюрков’, *Бөкэй / Букэй / Бокай* ‘дух-устрашитель детей у татар и башкир’ и др. [Пекарский, 1, 341; Хисамитдинова, 2010, 258; Кондыбай, 2005, 127–128; Эхмэтьянов, 2015, 204; Селезнев и др., 2009, 77–87].

С точки зрения происхождения личные имена тюркских мифологических персонажей можно разделить на два типа. Первый тип — тюркские или объясняемые на материале современных тюркских языков мифонимы. Ср.: *Албасты / Алвасту / Албасту* ‘имя злого духа, демона в башкирской, казахской, турецкой и других мифологиях’, *Гыубикэ* ‘имя духа-хозяйки воды у башкир’, *Бай Байанай* ‘имя духа-хозяина животных и птиц, покровителя охотников в якутской мифологии’ и др. Судя по материалу, большинство мифонимов, относящихся к данной группе, в основном имеет общетюркское происхождение. В качестве примера можно рассмотреть мифонимы *Бай Байанай* и *Албасты*.

Первая лексема имеет локальный характер, так как функционирует только у якутов. *Бай Байанай* встречается людям обычно в облике белого старца, который оберегает природу, диких животных и птиц.

Интересно отметить, что в якутской мифологии присутствуют и женские божества — покровители животных и птиц, называемые *Байанаи*. Они предстают в облике стройных светловолосых девушек с бледной сияющей кожей и огненными глазами. *Байанаи* очень красивы и связываются с огнем [Пекарский, 1, 341].

Происхождение мифонимов *Бай Байанай* и *Байанаи*, по-видимому, связано с общетюркской основой *baj* (*бай*), имеющей значения ‘божество’, ‘судьба, доля’, ‘богатство, богач’, ‘мужчина, хозяин’. Основа *baj* (*бай*) зафиксирована в большинстве современных тюркских языков, в башкирском языке — в значениях ‘доля, плата, судьба’, ‘божество судьбы’, ср.: *алдың байыңды* ‘получил свою долю’, *бай хакал* ‘символ богатства, изобилия’, *бай һөйәк таратыу* ‘куски мяса, розданные во время обрядового праздника с целью наделения каждого долей, судьбой’, *бай кайын* ‘священное, одинокое дерево, мировое дерево’ и др. [Хисамитдинова, 2010, 47]. Основа *бай* зафиксирована не только в современных тюркских, но и в древних языках. Об этом свидетельствуют материалы [ДТС, 1969, 79; Радлов, 4/2, 1421, 1428; ЭСТЯ, 2, 27–29; и др.]. В частности, в словаре В. В. Радлова зафиксирован мифоним *Пајана* (в телеутском, тубаларском и лебединском языках) [Радлов, 4/2, 1421]. Судя по материалу, значение лексемы *Пајана* и як. *Байанай* совпадает: это ‘добрый дух’, ‘одно из высших божеств’. Кроме этого, в уйгурском языке зафиксирован мифоним *Пајат* ‘бог’, который, по-видимому, также имеет основу *baj* (*бай*) / *paj* (*пай*) [Радлов, 4/2, 1189, 1141, 1421, 1428]. В словаре В. В. Радлова фигурируют киргизские лексемы *бай* ‘колдовать’ и *байлык* ‘матка’ [Радлов, 4/2, 1421, 1428].

Что касается мифонима *Албасты*, являющегося личным именем духа ночного кошмара, домового, то он имеет широкое распространение в тюркской мифологии и мифологиях ряда нетюркских этносов сопредельных территорий. По представлениям тюрков, *Албасты* — это демонический персонаж в образе женщины с длинными распущенными светлыми волосами и длинными грудями, которые она закидывает за спину; она вредит роженицам, новорожденным, может насыпать болезни, красть печень и легкие; сожительствует с охотниками, одинокими людьми; любит лошадей. *Албасты* может принимать облик животных, некоторых неодушевленных предметов.

Собственное имя духа-демона *Албасты* зафиксировано в различных фонетических вариантах в словарях большинства тюркских

языков, ср.: башк. *албасты*, тат., каз., каракалп., крым.-тат. *албасты*, азерб. *албасду*, ног., кум. *албаслы*, узб., уйг., тур. *албасты*, кирг. *албарсты*, туркм. *албассы*, чув. *алпаста*, карач., балк. *алмасты* и др. [Эхмэтьянов, 2015, 90–91]. Несколько иной фонетический облик имеет название демона в сибирских тюркских языках, ср.: алт., тув. *абыс*, *алмыс*, *албыс*, *алмамыс*, шор. *албыс* ‘дух-демон’, ‘снежный человек’. Демон Албасты и его имя знакомы многим контактирующим с тюрками этносам: ср. в вятских говорах русского языка *Албасты*, *Лобастый*, *Лопастый* ‘леший, лесовик’, *Албаста*, *Лобаста*, *Лопасты* ‘русалка’ — в русских пермских говорах. В значениях ‘злой домовый’, ‘ночной кошмар’ лексема *албасты* отмечена в марийском и удмуртском языках. В форме *алмас* лексема встречается в монгольских языках. В близкой к тюркским языкам форме *Албасты* мифоним присутствует в мифологии таджиков, рутульцев, ягнобцев и др. [МНМ, 1, 581].

Существует несколько точек зрения касательно происхождения мифонима *Албасты*. В. В. Радлов [1, 434–438], М. Фасмер [1, 69] и ряд других исследователей возводят лексему *албасты* к тюркскому этимону. Так, чувашский ученый Н. И. Ашмарин возводит *Албасты* к тюрк. *alp* / *alyp* ‘великан’ и *басты* ‘придавил’ [Ашмарин, 1–2, 169–172]. Некоторые исследователи, соглашаясь с тюркским происхождением *басты* ‘придавил’, пытаются объяснить первый компонент — *alp* / *alyp* — на материале иранских языков [МНМ, 1, 581]. Видимо, учитывая присутствие персонажа *Албасты* в мифологических системах большинства тюрков, версия о тюркском происхождении персонажа и его названия является предпочтительной.

Второй тип мифонимов – имен собственных — за и м с т в о в а н н ы е н а и м е н о в а н и я. Сюда относятся имена помощников божеств и пророков: *Хызыр-Ильяс*, *Кызыр* ‘покровитель путников у турков, казахов, башкир, татар и других мусульманских тюрков’, *Айша-Фатима*, *Айша-Батман* ‘покровительница рожениц, новорожденных и домашнего очага’, *Занге-Ата*, *Зенни-Баба*, *Зэнки-Бабай* ‘покровитель скота у казахов, киргизов, башкир и др.’. Эта группа персонажей связана с мусульманской мифологией, а имена в большинстве своем имеют арабское или иранское (персидское) происхождение. В качестве примера можно привести мифоним *Зенги* / *Занги* / *Зэңге* / *Зэңки* / *Зенчи* и др., который восходит к перс. ‘черный’, ‘негр’, ‘чернокожий раб’ и др.

С точки зрения структуры личные имена тюркских мифологических персонажей можно разделить на три группы. К первой группе относятся имена, состоящие только из номенклатурных терминов: *тенгри* ‘бог, божество’, *ата* ‘старец, отец, дед’, *баба* ‘отец, предок, дед, старец’, *ана* / *инэ* ‘мать’, *эје* / *је* / *еје* ‘дух-хозяин’, *батыр* ‘богатырь, герой’ и др. Среди личных имен персонажей тюркской мифологии наиболее частотен номенклатурный термин *тенгри*. Древнетюркский мифоним *Тенгри* нашел отражение в словаре Махмуда Кашгари, памятниках древнетюркской письменности и др. [ДТС, 167]. В различных фонетических вариантах он представлен во многих современных тюркских языках, ср. башкирскую пословицу *Күрше хақы — Тәңре хақы* «Право соседа — как право Тенгри».

Вторую группу личных имен представляют мифонимы, включающие в свой состав, кроме номенклатурного термина, еще названия тех объектов, покровителями которых они являются, ср. башк. *Юл эйәһе* ‘дух-хозяин дороги’ (< *юл* ‘дорога’ и *эйә* ‘хозяин, дух’), каз. *Шопан ата* ‘дух-покровитель пастухов, овец’ (< *шопан* ‘пастух, чабан’ и *ата* ‘предок, старец’), хакас. *Агас-ээзи* ‘дух-хозяин дерева’ (< *агас* ‘лес, дерево’ и *ээ*, *е*: / *е*: / *исе* ‘хозяин, дух-хозяин’) и др.

Третью группу личных имен тюркской мифологии составляют мифонимы древних божеств, духов-демонов и др., номенклатурные термины в составе которых уже вышли из употребления или перешли в разряд пассивных. Поэтому мифонимы данной группы могут употребляться как с номенклатурным термином, так и без него. Ср.: *Самрау* / *Самрау-батша* ‘божество неба и птиц у башкир’, *Умай* / *Умай-ана* ‘божество женщин и новорожденных у древних и ряда современных тюрков’, *Алас* / *Алаз-батыр*, *Алаз-хан* ‘божество огня у сибирских тюрков’ и др.

Подводя итоги, можно констатировать, что личные имена в мифологии тюрков занимают довольно значимое место. Они представлены во всех группах тюркской мифонимии. С точки зрения происхождения большинство мифонимов, являющихся личными именами, имеют древнее общетюркское происхождение. Среди них отмечены наименования локальные, встречающиеся только у одного этноса, и известные ряду этносов. С точки зрения структуры мифонимы – собственные имена чаще всего включают номенклатурные термины и названия объектов, божествами которых они являются. Появление

подобных мифонимов связано с явлением табуирования имен божеств в тюркской мифологии.

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань ; Чебоксары : Руссика, 1994.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М. : Индрик, 2000.

ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тешишев, А. М. Щербак. Л. : Наука, 1969.

Кондыбай С. Казахская мифология. Алматы : Нурлы Алем, 2005.

Левкиевская Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и образа // Славянские этюды : сб. к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Е. Е. Левкиевская. М. : Индрик, 1999. С. 243–257.

МНМ — Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1997.

МС — Мифологический словарь / сост. Е. М. Мелетинский. М. : Советская энциклопедия, 1991.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка : в 3 т. СПб. : 1959.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий : в 4 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1899–1911.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М. : Изд. дом Марджани, 2009. С. 77–87.

Склярченко А. М., Склярченко О. М. Типологическая ономастика : в 5 т. Одесса : Астропринт, 2018.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010.

ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков / сост. Э. В. Севортян, Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М. : Наука, 1974–. Т. 1–.

Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленәң этимологик сүзлеге: Ике томда. Т. 1 : А–Л. Казан : Мәгариф-Вақыт, 2015. (На тат. яз.)

А. В. Черных

Институт гуманитарных исследований УрО РАН

Пермь, Россия

atschernych@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7670-3912>

Святочное ряжение в народной терминологии русских Урала*

В статье рассматриваются основные группы терминов ряжения в русских языковых традициях Урала. Лексика ряжения отражает сложность и полифункциональность соответствующего феномена. Приводятся примеры широкого и локального распространения терминов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: народный календарь; ряжение; персонажи; диалектная лексика; обрядовые термины

Полевые экспедиционные исследования в русских селах и деревнях Урала, проводившиеся на протяжении последних десятилетий этнографами, фольклористами и лингвистами, позволили собрать значительный материал по региональным календарным традициям, в том числе диалектную терминологию, соотносенную с календарными праздниками и обрядами. Одной из таких групп являются номинации, обозначающие ряженных святочного периода.

Картотека терминологии ряжения русских Пермского края в настоящее время включает более ста номинаций ряженных и многочисленные примеры их употребления. Лексический материал служит важным источником для выявления природы ряжения, маркирует варианты региональных и локальных комплексов обрядности.

Различные названия ряженных отразили сложность и полифункциональность самого феномена ряжения: каждое из них выражает определенный набор признаков, воспринимаемых как наиболее существенные. Выделим самые частотные из региональных номинаций ряжения.

В южных районах Пермского края фиксируются термины, соотносенные с временем ряжения, приходящимся на святочный период. Таких

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

номинаций немного, и они имеют локальное бытование: *святошны* мн.: «Святошны — кто в Святки наряжается» (Суюрка, Куединский р-н); «Святошны бегали, наряжались. Парни не наряжались неженатые. Только женатые мужики ходили наряжались А девки тоже ходили» (Искильда, Куединский р-н); *святошники* мн.: «В Святки сватошники в масках, наряжались всяко, в медведя наряжались, маску одевали» (Горшково, Частинский р-н); *святки* мн.: «Бегали наряжались, у нас святками называли» (Дойная, Куединский р-н).

Как отмечают исследователи, достаточно часто в терминах фиксируются общий принцип и конкретные приемы обрядового перевоплощения, связанные с переодеванием и «маскировкой». Эта группа терминов ряжения на Урале представляется самой значительной и многочисленной. Она включает как широко распространенные номинации (*ряженные, сряжены, сряжунчики, наряжунчики, рожунчики, маскарóny, маскирóванные, замаскирóванные* и др.), так и термины, имеющие более узкое бытование.

В этом контексте следует обратить внимание на записанные в Сылвенско-Иренском поречье, в смежных районах Пермского края и Свердловской области, номинации: *горбунцы* мн.: «В Святки горбунцы-то снаряженные пляшут, путешествуют, у их ведь маска на лице» (Грибаны, Уинский р-н); *горбункí* мн.: «Святки были, горбунки ходили, ходили по домам, кто как одевался» (Медянка, Ординский р-н); *горбунцы́* мн.: «Шутили. Если голбец близко от порога — половиком застилали дыру-ту, и горбунцы падали» (Черемиска, Ординский р-н); *горбунчики* мн.: «Горбунчиками бегали. Нам выносили, у кого что есть. Кто деньги, кто там какие-то сладости. Бакалею, постряпушки» (Ленск, Кунгурский р-н); *горбуны́* мн.: «Нищей сряжались. И гитара была, с гитарой ходили. Называли горбунами. Девушки наряжались» (Моргуново, Суксунский р-н); *горбушки* мн.: «Горбушки — снаряженные в Святки-те, мужики — юбки, девки штаны наденут. Маски делали, шубы выворачивали» (Сыра, Суксунский р-н).

Бытование данных номинаций в изучаемом районе, несомненно, связано с местной традицией ряженья и широко распространенным переодеванием в горбатых: «Горбунцы ходили в Святки. Дарья Бориха горбатой женщиной сряжалась, подушку за спину» (Черемиска, Ординский р-н). В то же время такой прием ряженья в качестве основного почти не фиксируется в других традициях русских Пермского края.

В связи с «горбатыми» можно рассмотреть и наименование ряженных *старушки*, отмеченное в чердынских говорах Пермского края: «Наряжались, называли их старушками. Как попало волокутся...» (Пантина); «Старушками называли. У нас один маленький мальчик оделся девочкой» (Лёкмартово); «Ходили. Назывались старушками. С гармошкой ходили раньше» (Редикор).

Значительную группу терминов участников ряженья составляют номинации, соотнесенные с мифологическими персонажами, в том числе и святочного периода. Наиболее распространенной в русских традициях Урала следует считать название ряженных *шуликан* в множестве его фонетических и словообразовательных вариантов: *шуликины*, *шуликуны*, *шульганы*, *шульканы*, *шелікуны*, *шулюкины*, *шулильканы*, *шуриконы*, *чиликуны*, *силикуны*, *ошуликаны* и др. Номинация *шуликан* в различных вариантах представлена в большей части районов Урала, а также фиксируется в севернорусских регионах и в Сибири. Исследователями предлагались различные гипотезы происхождения термина, что отражено в целом ряде работ [Зеленин, 1930; Толстой, 1985; Черепанова, 1996, 153; Березович, Виноградова, 2010].

Термином, характерным для Пермского Прикамья, следует считать номинацию *шулики*, отмеченную в целом ряде районов Пермского края: «[— Как называли ряженных?] — Шуликами» (Кын, Лысьвенский р-н); «Шуликими, было такое, да. Маскированные, но. Оне ведь просятся, кто пустит, кто нет» (Захарово, Лысьвенский р-н); «Шуликами называли. А ты знаешь разве это? Шуликами, аха, так и звали шуликами» (Трушники, Чернушинский р-н); «Ряженные ходили, шулики, сряжунчики» (Телес, Уинский р-н); «Наряжались и ходили просили, чё кто даст. Шуликами называли» (Пермь-Серга, Кунгурский р-н) [СРГЮП, 3, 410].

С названием персонажа соотнесен глагол *шуликать* в значении 'ходить ряжеными': «Ходили шуликали, больше молодёжь, конечно» (Кueda, Кuedинский р-н); «В Крещение раньше на реке была купель. Молебен служат: “Являйся, Христе Боже, и мир-славу тебе”. Где крест — все умываются. Крест не до воды, чаша-купель у основания креста. Крест метра четыре, затапливается водой. Умываются в кресте, это освящённая вода. Кто ходил, шуликал, все в этой воде мылись» (Посад, Кишерский р-н) [СРГЮП, 3, 411].

Поиск аналогов этого слова в словарях русских говоров других регионов не дал результатов. Скорее всего, термины *шулик*, *шулика*,

шулики следует рассматривать как словообразовательный вариант более распространенной номинации *шуликун*. Об этом свидетельствуют примеры использования термина в качестве наименования персонажа в единственном числе (при варианте *шуликуны* — во множественном): «А шуликины, ну мало-ли, ты снарядился или, что, ты уже шулика, называется» (Усть-Игум, Александровский р-н). Существуют глагольные формы, связанные с *шуликанами*, например *нашуликáться* ‘напиться пьяным (о святочных ряженных)’: «Шуликанами бегают, насредяться да бегают. До того нашуликаются, что смотреть стыдно» (Русский Сарс, Октябрьский р-н) [СРГЮП, 2, 170].

Названия ряженных *шиши́*, *шишóчки* фиксируются только в Юрлинском районе Пермского края, в котором записаны и тексты об одноименных святочных мифологических персонажах [Бахматов и др., 2003, 248–250, 255–256]: «Парни шишами наряжаются, бегают, девок пугают. Сажей намажутся — шиши и шиши» (Лобанова); «В шишочки наряжались, сажей намажутся, и не узнашь, кто такие. В избу заскочат, заплашут, на себе шуба вывернута, старье» (Осинка).

С мифологическими персонажами связана и номинация *каляны*: «Ой, каляны идут!» (Кривцы, Косинский р-н). Это наименование святочных ряженных бытовало в районах контактов русского и коми-пермяцкого населения и является заимствованием: в коми-пермяцкой мифологии *калянами* называют духов бани, чертей, а также святочных ряженных.

Ареальные исследования терминологии ряжения позволяют решать важные вопросы бытования календарной обрядности в регионе. Территории бытования того или иного термина показывают их связь с миграционными потоками и формированием русских традиций в регионе. Показательным в этом отношении представляется распространение термина *святóшники*, *святóшины*, характерного для поволжских регионов [Ивлева, 1994, 58]. В Прикамье он фиксируется в островной традиции группы деревень Куединского района Пермского края, основанных выходцами из районов Среднего Поволжья — Казанской и Нижегородской губерний, а также (локально и единично) в других южных районах Пермского края.

Компактный ареал бытования — в верховьях Колвы — имеет номинация *полудники*. Несомненна также связь этого термина с комплексом мифологических представлений: в Прикамье *полудницами*

и *полудниками* обозначали целый ряд мифологических персонажей — как духов полудня, так и водяных духов [Черных, 2008, 67]. Связь с водной стихией сближает *полудников* с *шуликанами*, местом обитания которых также считаются водоемы [Зеленин, 1930]. Ср.: *полу́ники* мн.: «Снарядишься стариком, шубу выворачивали. Сажей да чё да мазали лицо-то. Полудники были у нас. Вон-де полудники опять идут. В дома зайдут, потом пляшут, им подают маленько» (Петрецово, Чердынский р-н); «Обязательно сряжались, много рядились. Полудниками. Одевались нарядно. Брала старинную одежду, девушки парнями, парни девками, стариком. Одевались и в Ньюзиме. Приходят, с музыкой часто ходят. Поплясали, выпить надо, погостили и ушли. Ничего не говорили, особенно полудники. То на сковородках ходили брякали им хозяева» (Большая Гадья, Чердынский р-н); *полу́дницы* мн.: «Оденут чё-нибудь на себя, лицо закроют и пляшут, да в избу заходят прямо. Кто угощат, кто нет. Полудники, полудницы» (Черепаново, Чердынский р-н).

Существуют термины, характерные только для географически и этнокультурно изолированных локальных традиций, а также традиций заводских поселений Урала. Например, номинации ряженных *мухтáрики*, *мухтáри*, *мухтáры*, записанные в заводском поселке Курашим Пермского района, не зафиксированы в других русских говорах: «Ряженные на святочных гуляньях. Наряжены ходили. Мухтарики называли. Потому что одевались по-разному дак. Стучимся. “Кто вы?” — спрашивают. — “Ой, да мы сами, мухтарики пришли”. — “Ой, мухтарики, мухтарики. Ой, мухтарики пришли. Проходите, проходите”. Прямо такой гурьбой ведь. Мухтарики — которые придут, тоже ряженные, только шуба вот вывернута»; «Ходят, мухтарами соберутся. Шуликуны у нас звали. А ходят одинаково, дурят»; «В Святки много мухтарей ходило, пугали девок наших». Схожая диалектная лексема в значении ‘лукавый человек’ известна в русских говорах Забайкалья [СРГЗ, 216].

Таким образом, анализ выявляет значительную вариативность наименований ряженных на территории Урала, часть которых достаточно регулярно фиксируется в регионе, другая присуща только конкретным локальным традициям. Уральский материал составляют как термины, широко распространенные в русской традиции в целом, так и характерные только для изучаемого региона. Термины ряжения отражают разные стороны обрядового феномена: соотносятся с календарным

периодом, мифологическими представлениями, конкретными приемами и способами ряжения.

Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. : материалы и исследования. Кудымкар : Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2003.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Из словаря «Славянских древностей»: *Шуликуны* // Славяноведение. 2010. № 6. С. 49–51.

Зеленин Д. К. Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских // *Lud Slovjanski*. 1930. Т. 1. Z. 2. Dz. V. S. 220–238.

Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб. : Рос. ин-т истории искусств, 1994.

СРГЗ — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М. : Наука, 1980.

СРГЮП — *Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

Толстой Н. И. Заметки по славянской демонологии — 3. Откуда название *шуликун*? // Восточные славяне. Языки, культура, культура. К 85-летию академика В. И. Борковского / ред. В. П. Вомперский, В. Л. Воронцова и др. М. : Наука, 1985. С. 278–286.

Черепанова, 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. О. А. Черепанова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Пермь : Пушка, 2008. Ч. 2 : Зима.

Т. В. Шалаева

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

koukuk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9836-0105>

К этимологии русской диалектной лексики *посáк* ‘вор, мошенник’

В статье рассматривается происхождение русского диалектного слова *посáк* ‘вор, мошенник’. Обосновывается его родство с глаголами с корнем *сак-/сач-/соч-* ‘выпрашивать, выманивать что-либо’.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лексикология; русская диалектная этимология; лексема *посáк*

Вынесенная в название статьи лексема имеет в русских говорах следующие значения, морфонологические варианты и дериваты: *посáк* ‘вор, мошенник’ (пск., твер.) [СРНГ, 30, 137], ‘оборванец, пьяница’ (новг.) [НОС, 792]¹, *посáч* ‘босяк, оборванец’ (олон. ?), мн. ‘жулики, мошенники’ (калин.), ‘ловкач’ (Латв. ССР), олон. (?) *посáчить* ‘попросхайничать, собирать милостыню’, олон. (?) *посáчество* ‘бродяжничество, попрошайничество’ [СРНГ, 30, 138].

В материалах «Лексического атласа русских народных говоров» представлены формы пск., новг. *посáк* ‘воробей’, волгогр. *посáч* ‘то же’, *посачíха* ‘самка воробья’ и *посачóнок* ‘птенец воробья’ [КЛАРНГ], которые, очевидно, представляют собой результат развития значения ‘вор, мошенник’ — аналогично таким названиям воробья, как астрах. *жу́лик*, ворон. *развору́й* [ЛАРНГ, 264–267], челяб. *ворíшко* [КЛАРНГ]. Подобные номинации мотивированы воровскими повадками воробьев: они обклеивают злаковые и ягодные растения [Шалаева, 2021, 152].

В новгородской берестяной грамоте первой половины XIV в. (грамота № 1082) слово *посакъ* отмечено в контексте: *оуѣ ортимне оу посака три берековесеке* <У Ортеми-посака (или: Посака) три

¹ В «Новгородском областном словаре» приводится форма *паса́к*, в которой, очевидно, отражается акающее произношение, поскольку она записана в Демянском районе Новгородской области, расположенном на юго-востоке региона, т. е. на территории акающих среднерусских говоров.

берковца [вероятно, соли]> [Гиппиус и др., 2017, 15]. А. А. Зализняк² сопоставляет форму *посакъ* с русскими диалектными данными (*посак* ‘вор, мошенник’ и др. — см. выше) и толкует ее как возможное прозвище *Посак*, т. е. ‘бродяга’ [Там же, 16]. Кроме того, высказывается версия об образовании этой лексемы вследствие «усечения слова *посадский* и добавлением суффикса *-ак-ъ*» [Там же]. В качестве обоснования семантической связи приводится следующий русский диалектный материал: *посадский* ‘жулик’ (яросл.), ‘босяк, человек без определенных занятий’ (петрогр., арх.), ‘пропавший человек, выпивоха’ (ленингр.) [СРНГ, 30, 136], пск. *посадничать* ‘бродяжничать, заниматься воровством’ [Там же, 135]. Такие значения у дериватов *посад* объясняются «его дурными коннотациями: ‘место, где живут не по-крестьянски, бездельничают, пьянствуют, жульничают, воруют’» [Гиппиус и др., 2017, 15].

Как словообразовательные параллели (случаи усечения основы и присоединения суффикса *-ак*) даются следующие пары: *лошак* от *лошадь*, *Ермак* от *Ермолай*, *мастак* от *мастер*, *маклак* от *маклер*, *видак* от *видеомагнитофон*, *следак* от *следователь* [Гиппиус и др., 2017, 16]. Но если *посак* и *посадский* действительно являются синонимами и в этом отношении их допустимо сближать, то со структурной точки зрения данная версия никак не может считаться убедительной. Во-первых, кажется некорректным проводить прямые словообразовательные аналогии между нарицательными словами и антропонимами. Во-вторых, приведенные слова *лошак* и *следак* представляют собой словообразовательные варианты к *лошадь* и *следователь* соответственно, т. е. дериваты тех же корней с другими суффиксами, но не результат усечения последних. Формы *мастак* и *маклак* скорее нужно считать следствием выделения в *мастер* и *маклер* суффикса *-ер*, который известен русской морфемике как средство образования названий лиц по роду деятельности (ср. *ухажер*, *шахтер*) [Ефремова, 2005, 350], затем — восприятия элементов *маст-* и *макл-* как самостоятельных корней и присоединения к ним суффикса *-ак*. Об усечении можно было бы говорить только применительно к *видак*, но скорее это слово возникло вследствие народноэтимологического сближения корней *видео-* и *вид-* в *видеть* на основе их общей связи со сферой зрения. Таким образом,

² Излагаемая далее версия принадлежит А. А. Зализняку (по сообщению М. Н. Толстой). Выражаю ей благодарность за указание на цитируемую статью.

происхождение всех приводимых А. А. Зализняком апеллятивов вполне объяснимо в рамках известных правил образования русских слов, в то время как производность *посáк* от *посáдский* выглядит на их фоне изолированно, поскольку для ее признания пришлось бы предположить перерасположение между префиксом *по-* и корнем *сад-* и интерпретацию элемента *-адский* как единой морфемы. Установить причины для таких изменений структуры слова кажется затруднительным, если вообще возможным.

Представляется, что языковой материал дает весомые основания для другой этимологии слова *посáк* ‘вор, мошенник’. По-видимому, в нем можно выделить префикс *по-* и корень *сак-* с закономерными вариантами *сач-* и *соч-*, поскольку в русских говорах отмечены следующие формы: арх. *сáчкать* ‘выпрашивать, выманивать что-л.’ [СРНГ, 36, 158], арх., Даль *высачкать* ‘выпросить, выманить что-л.’ [СРНГ, 6, 17], Даль *сочить* ‘просить, канючить, выманивать что-л. обманом’ [СРНГ, 40, 93], морд. (рус.) ‘просить милостыню, нищенствовать’ [Сл. Мордовии, 2, 1211], арх., Даль *высочкать* ‘выпросить, выклянчить что-н. у кого-н.’ [СРНГ, 6, 27]. Значения этих лексем очень близки к семантике указанных выше *посáч* ‘босьяк, оборванец’, *посáк* ‘оборотанец, пьяница’, *посáчить* ‘попрошайничать, собирать милостыню’, *посáчество* ‘бродяжничество, попрошайничество’. Следовательно, нет ни структурных, ни семантических препятствий для признания их родства.

Семантика ‘выпрашивать, канючить’ и далее ‘попрошайничать’ могла развиваться из значения ‘говорить’, которое представлено у дериватов того же корня: *сáкать* ‘обсуждать какой-л. спорный вопрос, спорить’ (влад.), ‘разговаривать, судачить’ (костр.), ‘совещаться, советовать’ (влад., казан.) [СРНГ, 36, 48], ‘говорить, попусту болтать’ (арх.) [СРГК, 5, 623], ‘заниматься пересудами, сплетнями’ (морд. рус.) [Сл. Мордовии, 2, 1109], *сакать* ‘совещаться, советовать’ (пенз.) [СРНГ, 36, 48], ‘разговаривать, болтать, проводя время праздно’ (вят.) [ОСВГ, 10, 12], *посáкать* ‘поболтать, поговорить, посудачить’ (пенз., симб., нижегор.) [СРНГ, 30, 137], ‘поговорить о пустяках, поболтать’ (морд. рус.) [Сл. Мордовии, 2, 921], Абхаз. АССР *сочить* ‘говорить колкости кому-либо, укорять, упрекать’ [СРНГ, 40, 93], дон. *сочило* ‘говорун, весельчак’ [БТСДК, 502].

Семантический переход ‘говорить’ → ‘выпрашивать; попрошайничать’ объясняется важной ролью речевого воздействия на человека,

от которого хотят что-л. получить. Сходное развитие семантики наблюдается в производных других корней:

▪ Даль *гундóбра* ‘болтун, болтунья’, твер. *гундóрить* ‘говорить, болтать, беседовать’, нижегор. *гундéрить* ‘многословно говорить, болтать, говорить пустяки’, ‘беседовать’ и свердл. *гундóрить* ‘клянчить, ноя, надоедая’ [СРНГ, 7, 232];

▪ прост. *каля́кать* ‘разговаривать, болтать’, диал. *каля́кать* ‘рассказывать’ (ряз., оренб.), ‘советоваться о чем-л.’ (самар.), ‘врать, привирать’ (тамб.), ‘спорить, ругаться, враждовать’ (брян.) и ‘говорить, разговаривать, долго и униженно прося о чем-л.’ (орл.), ‘попрошайничать, клянчить’ (курск., калуж.), новг., яросл., орл. *каля́чить* ‘выпрашивать, клянчить, попрошайничать’ [СРНГ, 13, 12–13];

▪ *колоты́ра* ‘пустомеля’ (перм.), ‘лгун, лгунья’ (пск., твер.) и ‘человек, который назойливо клянчит, вымогает что-л.; попрошайка’ (смол.); *колоты́рить* ‘болтать, разговаривать’ (влг., пск.), ‘говорить, болтать пустяки; пустословить’ (олон., ряз., ворон.), ‘лгать’ (пск., твер., пенз.) и ‘попрошайничать, назойливо запрашивать, вымогать’ (смол.) [СРНГ, 14, 186–187];

▪ *лязгать, лязга́ть* ‘надоедать пустыми разговорами, болтать’ (пск., твер., калин., смол., калуж.), ‘врать’ (калуж.) и ‘надоедливо клянчить, запрашивать что-л.; докучать просьбами, канючить’ (пск., твер.) [СРНГ, 17, 271]; пск., твер. *лезготáть* ‘болтать, молоть языком’ и ‘надоедливо клянчить, запрашивать что-л.’ [СРНГ, 16, 338];

▪ перм. *тыры́читься* ‘болтать, говорить вздор’ и ‘попрошайничать, клянчить’ [СРНГ, 45, 339–340].

Появление значения ‘жулик, мошенник, вор’ из ‘попрошайка, оборванец’ кажется вполне закономерным, так как оба они связаны с представлениями о человеке, живущем за чужой счет, не имеющем законного заработка. С другой стороны, семантика *посáк* ‘вор, мошенник’, *посáч* ‘жулик, мошенник’, ‘ловкач’ могла сформироваться в контекстах, где названия речевого действия выражают не просто запрашивание, вымаливание, но намерение получить что-л. хитростью, прибегнув к манипуляции: см. выше *сáчка́ть* ‘запрашивать, выманивать что-л.’, *в́сáчка́ть* ‘выпросить, выманить что-л.’, *соч́ить* ‘просить, канючить, выманивать что-л. обманом’. От этих глаголов с большой долей вероятности могли быть образованы наименования ловкого, хитрого человека и далее вора.

Таким образом, форма *посáк*, по-видимому, образована от глагола *сáкать* с первичным значением ‘говорить’, которое затем преобразовалось в ‘просить, выпрашивать’ (отсюда ‘попрошайка’) и далее в ‘выманывать хитростью’ (отсюда ‘жулик, мошенник’, ‘ловкач’). Словообразовательными параллелями могут служить следующие отглагольные образования: влад. *погрáй* ‘взбалмошный и не в меру подвижный человек’ [СРНГ, 27, 311] от *грáять* ‘кричать’ (яросл., влг.), ‘громко смеяться, хохотать’ (арх., олон., влг., новг., вост.), ‘шутить, смеяться’ (перм., влг., арх., новг.), ‘шалить, баловаться’ (сев.-рус.) [СРНГ, 7, 119]; пск., твер. *попрóс* ‘человек, надоедающий просьбами, попрошайка’ [СРНГ, 30, 7] от *просíть*; смол. *постóй* ‘постоялец, квартирант’ [Там же, 231] от *стоáть*.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / под ред. Е. А. Гришиной. М. : Астрель, 2003.

Гитлицус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.

Ефремова, 2005 — Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2005.

КЛАРНГ — картотека «Лексического атласа русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 2 : Животный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021.

НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. С. А. Мызников, С. А. Левичкин. СПб. : Наука, 2010.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров : в 12 вып. / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Изд-во ВГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996–2018.

Сл. Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии : в 2 ч. / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина. СПб. : Наука, 2013.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Шалаева Т. В. Мотивационный аспект на картах «Лексического атласа русских народных говоров» // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23 : Памяти Людмилы Эдуардовны Калыныч / отв. ред. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 149–157.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

Абхаз. АССР	русские говоры на территории Абхазской АССР	волгогр.	волгоградские говоры русского языка
авест.	авестийский язык	волж.	русские говоры Поволжья
амур.	русские говоры бассейна р. Амур	волын.	волынские говоры украинского языка
арум.	арумынский язык	ворон.	воронежские говоры русского языка
арх.	архангельские говоры русского языка	вост.	восточные говоры русского языка
астрах.	астраханские говоры русского языка	вс.	верхнесысольский диалект коми-зырянского языка
барнаул.	барнаульские говоры русского языка	вым.	вымский диалект коми-зырянского языка
белгород.	белгородские говоры русского языка	вят.	вятские говоры русского языка
белозер.	белозерские говоры русского языка	галиц.	галицкие говоры украинского языка
бойк.	бойковские говоры украинского языка	гомел.	гомельские говоры белорусского языка
брест.	брестские говоры белорусского языка	гориц.	горицкие (гореньские) говоры словенского языка
брян.	брянские говоры русского языка	горн., МарГ	горномарийское наречие марийского языка
буков.	буковинские говоры украинского языка	горьк.	горьковские говоры русского языка
валд.	валдайский диалект карельского языка	гот.	готский язык
вв.	верхневьчегодский диалект коми-зырянского языка	гродн.	гродненские говоры белорусского языка
вепс.	вепсский язык	гуцул.	гуцульские говоры украинского языка
вк.	верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка	дебар.	дебарские говоры македонского языка
в.-крайн.	верхнеукраинские говоры словенского языка	дон.	русские говоры бассейна р. Дон
влад.	владимирские говоры русского языка	донбас.	русские говоры Донбасса
влг.	вологодские говоры русского языка	др.-иран.	древнеиранский язык
в.-лозьв.	верхнелозьвинский диалект мансийского языка	др.-ирл.	древнеирландский язык
вод.	водский язык	др.-исл.	древнеисландский язык
		др.-прус.	древнепруссский язык
		енис.	русские говоры бассейна р. Енисей

жешов.	жешовские говоры польского языка	кемер.	кемеровские говоры русского языка
житом.	житомирские говоры украинского языка	кильд.	кильдинский диалект саамского языка
забайк.	русские говоры Забайкалья	киров.	кировские говоры русского языка
зап.	западные говоры русского языка	колт.	диалекты Колтта саамского языка
зап.-болг.	западные говоры болгарского языка	коми-зыр.	коми-зырянский язык
зап.-полес.	западнополесские говоры	коми-перм.	коми-пермяцкий язык
зап.-слвц.	западнотловацкие говоры	коми-перм. сев.	северное наречие коми-пермяцкого языка
зап.-урал.	западноуральские говоры русского языка	коми-язв.	коми-язвинский язык
заурал.	русские говоры Зауралья	конд.	кондинский диалект мансийского языка
иж.	ижемский диалект коми-зырянского языка	косов.	косовские говоры сербского языка
ижор.	ижорский язык	костр.	костромские говоры русского языка
и.-е.	индоевропейский праязык	краснояр.	красноярские говоры русского языка
ингерм.	ингерманландские говоры финского языка	крым.-тат.	крымскотатарский язык
иркут.	иркутские говоры русского языка	кубан.	кубанские говоры русского языка
иссык.-кульск.	русские говоры бассейна оз. Иссык-Куль	кум.	кумыкский язык
истр.	истрийские говоры хорватского языка	курган.	курганские говоры русского языка
ительм.	ительменский язык	курс.	курские говоры русского языка
казан.	казанские говоры русского языка	Латв. ССР	русские говоры на территории Латвийской ССР
калин.	калининские говоры русского языка	левич.	левицанский говор косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка
калуж.	калужские говоры русского языка	лемк.	лемковские говоры украинского языка
камч.	русские говоры Камчатки	ленингр.	ленинградские говоры русского языка
карач.	карачаевский язык	ливв.	ливвиковское наречие карельского языка
карел.	карельский язык; русские говоры на территории Карелии	ливск.	ливский язык
карп.-укр.	карпатские говоры украинского языка		
касп.	русские говоры Каспия		
кашуб.	кашубский язык		

липец.	липецкие говоры русского языка	нотоз.	нотозерский диалект саамского языка
лл.	лузско-летский диалект коми-зырянского языка	н.-перс. н.-печор., Низ. Печора	новоперсидский язык русские говоры Низовой Печоры
львов.	львовские говоры украинского языка	общетюрк. олон.	общетюркский олонецкие говоры русского языка
люд.	людиковский диалект карельского языка	олон.	олонецкие говоры русского языка
манс.	мансийский язык	оньк.	оньковский диалект коми-пермяцкого языка
манс. вл.	верхнелозьвинский диалект мансийского языка	оренб.	оренбургские говоры русского языка
манс. лит.	мансийский литературный язык	орл.	орловские говоры русского языка
мар. с.-з.	северо-западные говоры марийского языка	ошиб.	ошибский говор кудымкарско-иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка
марГ., горн.	горномарийское наречие марийского языка		кудымкарско-иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка
мокш.	мокшанский язык		диалект Патсьйоки саамского языка
морав.	моравские говоры чешского языка	патс.	диалект Патсьйоки саамского языка
морд. (рус.)	русские говоры на территории Мордовии	пел.	пелымский диалект мансийского языка
моск.	московские говоры русского языка	пенз.	пензенские говоры русского языка
мурм.	мурманские говоры русского языка	перм.	пермские говоры русского языка
нв.	нижневьчегодский диалект коми-зырянского языка	петрогр.	русские говоры Петрограда
н.-греч.	новогреческий язык	печ.	печорский диалект коми-зырянского языка
нердв.	нердвинский диалект коми-пермяцкого языка	печор.	печорские говоры русского языка
нижегор.	нижегородские говоры русского языка	пловд.	пловдивские говоры болгарского языка
н.-конд.	нижнекондинский диалект мансийского языка	подляс.	подляские говоры белорусского языка
н.-крайн.	нижнекраинские говоры словенского языка	позднелат.	позднелатинский язык
н.-лозьв.	нижнелозьвинский диалект мансийского языка	полаб.	полабский язык
н.-нем.	нижне немецкий язык	полес.	говоры Полесья
новг.	новгородские говоры русского языка	польск. помор.	поморские говоры польского языка
ног.	ногайский язык	помор.	русские говоры бассейна Белого моря

прагерм.	прагерманский язык	с.-луж.	среднелужицкий диалект
праиран.	праиранский язык		лужицкого языка
праслав.	праславянский язык	слуц.	случские говоры
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки	смол.	белорусского языка смоленские говоры
прикам.	русские говоры Прикамья		русского языка
примор.	приморские говоры словенского языка	сосев.	сосвинский диалект мансийского языка
пск.	псковские говоры русского языка	ср.-урал.	русские говоры Среднего Урала
пукс.	пуксибский говор косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка	ср.-лозьев.	среднелозьевинский диалект мансийского языка
		сс.	среднесыольский диалект коми-зырянского языка
ровен.	ровенские говоры украинского языка	ст.-блр.	старобелорусский язык
		ст.-польск.	старопольский язык
ряз.	рязанские говоры русского языка	ст.-рус.	старорусский язык
		тавд.	тавдинский диалект мансийского языка
саам.	саамский язык		
самар.	самарские говоры русского языка	тамб.	тамбовские говоры русского языка
свердл.	свердловские говоры русского языка	твер.	тверские говоры русского языка; тверской диалект карельского языка
сев.	северный диалект мансийского языка	тер.	терский диалект саамского языка
сев.-двин.	русские говоры Северного Подвинья	тихв.	тихвинский диалект карельского языка
сев.-марм.	северные мармарошские говоры украинского языка	тобол.	русские говоры бассейна р. Тобол
сев.-рус.	севернорусские говоры	том.	томские говоры русского языка
сев.-урал.	русские говоры Северного Урала	тул.	тульские говоры русского языка
СЗ	северо-западная (вымершая) подгруппа финской языковой ветви	тюмен.	тюменские говоры русского языка
сиб.	русские говоры Сибири	уд.	удорский диалект коми-зырянского языка
силез.	силезские говоры польского языка	уйг.	уйгурский язык
симб.	симбирские говоры русского языка	урал.	русские говоры бассейна р. Урал
скр.	присыктывкарский диалект коми-зырянского языка	фриг.	фригийский язык
		ф.-уг.	финно-угорские языки
словин.	словинский язык	хакас.	хакасский язык

хаск.	хасковские говоры болгарского языка	юж.	южные говоры русского языка
челяб.	челябинские говоры русского языка	юж.-болг.	южные говоры болгарского языка
череп.	череповецкие говоры русского языка	юж.-сиб.	русские говоры Южной Сибири
чук.	чукотский язык	юж.-урал.	русские говоры Южного Урала
шор.	шорский язык	юж.-чеш.	южные говоры чешского языка
эвенк.	эвенкийский язык	яросл.	ярославские говоры русского языка
эрз.	эрзянский язык		
ю.-в.	юго-восточные говоры русского языка		

В названиях административно-территориальных единиц

Арх.	Архангельская область	Медв.	Медвежьегорский район Республики Карелия
Афан.	Афанасьевский район Кировской области	Мезен.	Мезенский район Архангельской области
Белоз.	Белозерский район Вологодской области	Нердв.	Нердвинский район Пермского края
Влг.	Вологодская область	Никол.	Никольский район Вологодской области
В-Уст.	Великоустюгский район Вологодской области	Олон.	Олонецкая губерния
Выт.	Вытегорский район Вологодской области	Перм.	Пермская область
Вят.	Вятская губерния	Плес.	Плесецкий район Архангельской области
Гайн.	Гайнский район Пермского края	Примор.	Приморский район Архангельской области
Ил.	Ильинский район Пермского края	РКар.	Республика Карелия
Кар.	Карагайский район Пермского края	Соликам.	Соликамский район Пермского края
Касимов.	Касимовский район Кировской области	Фалён.	Фалёнский район Кировской области
Кирил.	Кирилловский район Вологодской области	Черд.	Чердынский район Пермского края
Коми-Перм.	Коми-Пермяцкий автономный округ	Юрл.	Юрлинский район Пермского края
		Яросл.	Ярославская область

Прочие

без указ. м.	без указания места фиксации	субстр.	субстратный фольклорный
общенар. пок.	общенародный покос	шир. распр.	имеющий широкое распространение

Научное издание

ЭТНОЛИНГВИСТИКА. ОНОМАСТИКА. ЭТИМОЛОГИЯ

Материалы

V Международной научной конференции
Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.

Редактор	<i>О. Д. Сурикова</i>
Корректор	<i>О. Д. Сурикова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Р. Дауровой</i>

*Электронное сетевое издание размещено в архиве УрФУ
<https://elar.urfu.ru>*

Подписано в печать 05.09.2022

Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага офсетная. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 15,0. Объем данных 2,4 Мб.

Издательство Уральского университета
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>